

Общедоступная Богословская Библиотека.

ВЫПУСКЪ XXIII.

БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

ТОМЪ X.

КИННАМОНЪ-КІОНЪ.

Съ 13-ю рисунками и двумя картами.

Составленъ подъ редакціей

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской
Духовной Академіи.

ИЗДАНИЕ

преемниковъ † профессора

А. П. Лопухина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДУХОВНОМУ ЖУРНАЛУ „СТРАННИКЪ“ ЗА

1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. печ. и писчеб. дѣла въ Россіи „Слово“: ул. Жуковскаго, 21.
1909 г.

СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ

X-го тома „Богословской Энциклопедіи“.

- 1) **Андреевъ**, Иванъ Дмитріевичъ, магистръ богословія, экстра-ординарный профессоръ церковной исторіи Спб. Университета (Спб., Петербургская сторона, Песочная улица, д. № 29, кв. 18).
- Богоявленскій**, Іовианъ Яковлевичъ, священникъ, кандидатъ богословія, настоятель кладбищенской церкви въ г. Кронштадтѣ С.-Петербургской губерніи.
- Бронзовъ**, Александръ Александровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ Спб. Духовной Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 182, кв. 3).
- Воскресенскій**, Григорій Александровичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Московской Дух. Академіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ (Сергіевскій Посадъ Московской губ., св. домъ).
- 5) **Глаголевъ**, Александръ Александровичъ, священникъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Киевской Дух. Академіи и настоятель Николо-Добринской церкви (Кіевъ, Подоля, уголъ Боричева тока и Покровскаго проулка, д. № 20—4).
- Глубоковскій**, Николай Никаноровичъ, д-ръ богословія, ординар. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 180, кв. 5). Имъ проредактированы въ этомъ томѣ рѣшительно все статьи, которыя въ нужныхъ случаяхъ исправлены и дополнены, при чемъ ему принадлежатъ и вставки (въ текстѣ и примѣчаніяхъ), помѣщенные въ угольныхъ скобкахъ [ ], хотя бы онѣ не были отмѣчены его именемъ или инициалами, какъ это иногда встрѣчается.
- Груздевъ**, Борисъ Ивановичъ, кандидатъ богословія, справщикъ Спб. Синодальной типографіи (Спб., Кабинетская ул., д. № 15).
- Евдокимъ** (Мещерскій), магистръ богословія, епископъ кашырскій, викарій тульской епархіи, бывший ректоръ Московской Дух. Академіи (г. Тула).
- Егоровъ**, Николай Андреевичъ, канд. богословія, исаомщикъ Александро-Невской церкви при Императорской Россійской миссіи въ Копенгагенѣ, въ Даніи (Dänemark, Copenhagen, Amaliengade 34^{II}).
- 10) **Елеонскій**, Николай Александровичъ, протоіерей, магистръ богословія, заслуженный проф. богословія Московскаго Университета (Москва, зданіе Университета, по Моховой улицѣ).
- Жузе**, Пантелеймонъ Крестовичъ, магистръ богословія, лекторъ въ Казанской Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).
- Заринъ**, Сергій Михайловичъ, магистръ богословія, смотритель Александро-Невскаго Дух. Училища и доцентъ Духовной Академіи въ г. С.-Петербургѣ (Спб., Обводный каналъ, д. № 176).
- Здравомысловъ**, Константинъ Яковлевичъ, кандидатъ богословія, начальникъ Архива при Св. Синодѣ (Спб., Васкова ул., д. № 6).
- Ивановскій**, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, Новая Горшечная ул., св. домъ).
- 15) **Катановъ**, Николай Феодоровичъ, магистръ турецко-татарской словесности, э.-орд. проф. Казанскаго Университета (Казань, Переулочъ къ 3-й гимназіи, домъ Гурьякова).

- Нисель-Ниселевскій**, Діонисій, священникъ, настоятель православной церкви въ Садыгора (Буковина въ Австріи.—Oesterreich, Bukovina, Sadagora: Pfarrer Dionisij de Kisiel-Kisielewskij).
- Нолокольцевъ**, Веніаминъ Васильевичъ, магистръ богословія, помощникъ инспектора Казанской Духовной Академіи.
- Коржавинъ**, Александръ Ивановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Псковской мужской гимназіи (г. Псковъ, Успенская ул., д. Дергачевой).
- Крашенинниковъ**, Георгій Львовичъ, священникъ, студентъ Оренбургской Дух. Семинаріи, настоятель Казанско-Вогородицкой церкви въ г. Уральскѣ и областной миссіонеръ Киргизской мисіи Уральской области.
- 20) **Ласкѣвъ**, Павелъ Михайловичъ, кандидатъ богословія, старшій ревизоръ Смоленской Контрольной палаты (г. Смоленскъ).
- Лебедевъ**, Алексѣй Петровичъ, д-ръ церковной исторіи, заслуж. ординар. проф. Московскаго Университета (скончался 14 іюля 1908 года).
- Лопаревъ**, Хрисанъ Меодіевичъ, магистрантъ Спб. Университета, помощникъ завѣдующаго рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной бібліотеки (Спб., Садовая ул., д. № 20).
- Мацѣвичъ**, Лей Стенановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Одесской Дух. Семинаріи въ отставкѣ (Одесса, Слободка Романовка, Психіатрическая больница, павильонъ Атабековой).
- Митропольскій**, Алексѣй Арсеніевичъ, протоіерей Входа-Іерусалимской Знаменской церкви въ Спб., кандидатъ богословія (Спб., Лиговская ул., д. № 39).
- 25) **Мухинъ**, Николай Θεодосіевичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Захарьевская ул., д. № 29).
- Петровскій**, Александръ Васильевичъ, магистръ богословія, священникъ Успенской Спасо-Сѣнновской церкви (Спб., Садовая ул., д. № 40, кв. 6).
- Петровъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Ильинская ул., д. № 5).
- Писаревъ**, Леонидъ Ивановичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Казанск. Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).
- Пономаревъ**, Павелъ Петровичъ, д-ръ богословія, э.-орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, зданіе Академіи, кв. помощника инспектора).
- 30) **Поповъ**, Александръ Васильевичъ, кандидатъ Спб. Историко-филологическаго Института, преподаватель прогимназіи въ г. Новомосковскѣ Екатеринбургской губ.
- Поповъ**, Николай Васильевичъ, кандидатъ богословія, священникъ русскихъ православныхъ церквей въ г.г. По и Біарицѣ на югѣ Франціи, въ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ, France, Basses Pyrénées. Pau (rue Jean Réveille, 18) или Biarritz (Avenue du Palais, 8), église Russe.
- Преображенскій**, Антоній Викторовичъ, кандидатъ богословія, бібліотекаръ Придворной Пѣвческой Капеллы (Спб., Мойка, д. № 20).
- Прѣхоровъ**, Григорій Васильевичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Спб. Дух. Академіи (Спб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).
- Родосскій**, Алексѣй Степановичъ, кандидатъ богословія, бібліотекаръ Спб. Дух. Академіи (скончался 8 іюня 1908 года).
- 35) **Рункевичъ**, Стенанъ Григорьевичъ, д-ръ церковной исторіи, оберъ-секретарь Св. Синода, членъ Учебнаго Комитета при послѣднемъ и приватъ-доцентъ Спб. Университета (Спб., Кабинетская ул., д. № 17).
- Смирновъ**, Сергій Ивановичъ, магистръ богословія, э.-орд. проф. Московской Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ Московской губ.).
- Соболевскій**, Алексѣй Ивановичъ, д-ръ русскаго языка и словесности, ординар. академикъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ (Спб., Пушкинская ул., д. № 15, кв. 5).

- Судаковъ**, Анатолий Семеновичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Слб. Дух. Семинаріи (Слб., зданіе Семинаріи, Обводный каналъ, д. № 19).
- Соколовъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Слб. Дух. Академіи, редакторъ „Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ (Слб., Невскій пр., д. № 139, кв. 3).
- 40) **Сумцовъ**, Николай Теодоровичъ, д-ръ исторіи русской литературы, орд. проф. Харьковскаго Университета (Харьковъ, Малогончаровская ул., д. № 38).
- Титовъ**, Теодоръ Ивановичъ, протоіерей, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи, настоятель Андреевской церкви въ Кіевѣ, редакторъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и членъ Консисторіи (Кіевъ, Андреевскій спускъ, д. № 21, кв. 1).
- Тодорскій**, Павелъ Петровичъ, кандидатъ богословія, помощникъ бібліотекаря Слб. Дух. Академіи (Слб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).
- Троицкій**, Сергій Викторовичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Александро-Невскаго Дух. Училища въ Слб., членъ редакціи „Церковныхъ Вѣдомостей“ (Слб., Обводный каналъ, д. № 17б).
- Тураевъ**, Борисъ Александровичъ, д-ръ всеобщей исторіи, орд. проф. Слб. Университета (Слб., Васильевскій Островъ, 2-я линія, д. № 3, кв. 8).
- 45) **Хахановъ**, Александръ Соломоновичъ, магистрантъ Московскаго Университета, проф. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ.
- 46) **Яворскій**, Василій Степановичъ, магистръ богословія, преподаватель Тульской Дух. Семинаріи (Тула, Жукотская ул., домъ прот. А. Е. Глаголева).

Съ запросами касательно подробностей содержанія статей X-го тома „Богословской Энциклопедіи“ (печатавшейся подъ наблюденіемъ помощника бібліотекаря Слб. Дух. Академіи П. П. Тодорскаго) читатели приглашаются обращаться непосредственно къ самимъ авторамъ по вышеуказаннымъ адресамъ.

Содержаніе X-го тома „Богословской Энциклопедіи“.

1.	Списокъ сотрудниковъ	III—V стр.
	Статьи: Киннамовъ—Кіонъ	1—694 стлб.
	Оглавленіе X-го тома	695—697 стр.
	Перечень иллюстрацій X-го тома	697 „
	Дополненія и поправки къ I-му тому	698 „
	„ „ „ II „	698 „
	„ „ „ V „	678—701 „
	„ „ „ VI „	702 „
	„ „ „ VII „	702 „
	„ „ „ VIII „	702—703 „
	„ „ „ IX „	703—705 „
	„ „ „ X „	705—707 „

К.

(Продолженіе.)

Киннамонъ см. „Корица“.

Кинноръ; евр. **קִנּוֹר** — Kinnor, у LXX и въ Новомъ Завѣтѣ **κινύρα** (ср. 1 Кор. 14, 7. Апок. 5, 8. 14, 2. 15, 2), иногда у LXX — **κινύρα**, какъ и у Иосифа Флавія (Древн. 7, 12: **κινύρα, δέξα χορδαῖς ἐξημίμενη τύπεται πλῆκτρον**), дважды, въ Пс. 136, 2 — **ὄργανον**, слав.-русск. — „гусли“, „цитра“, рѣдко — „цѣвница“. Это — струнный национальный музыкальный инструментъ у древнихъ евреевъ; кинноръ и невелъ (псалтирь) — струнные музыкальные инструменты — составляли главный аппаратъ священной древнееврейской музыки. Кинноръ, — можетъ быть, древнѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ (изобрѣтеніе его приписывается еще сыну Ламеха Лувалу; Быт. 4, 21), инструментъ, на которомъ въ своей молодости игралъ Давидъ (1 Цар. 16, 23. 18, 10. 19, 9). По I. Флавію (Ios. cit.), кинноръ влп „кварра имѣла десять струвъ, по которымъ ударяли палочкою“; но, вѣроятно, число струвъ киннора было различно, такъ какъ на маккавейскихъ монетахъ изображенъ кинноръ восьмиструнный; на монетахъ Баръ-Кохбы — трехструнный, а на монетахъ Симона Наси (князи) — 6-ти струнный; равнымъ образомъ смычекъ могъ не употребляться при игрѣ на киннорѣ, такъ какъ о Давидѣ изъ Библии (Ios. cit. изъ 1 Цар.) извѣстно, что онъ игралъ на киннорѣ рукою или пальцами. По устройству, кинноръ имѣлъ, можетъ быть, сходство съ трехугольною египетскою и греческою лирой **φάρυγγις**; отъ вевла же, по преданію, кинноръ различался мѣстонахожденіемъ резонансирующаго ящика (у киннора послѣдній находился внизу, въ видѣ бара-

бана, у вевла — псалтири —верху). Игра на киннорѣ (и невлѣ) служила выраженіемъ жизнерадостнаго настроенія, а не печали, при которой кинноръ замолкалъ, замѣнялся сѣтованіемъ, вѣшался на вербахъ (Иса. 24, 8. Плач. 5, 14. Іез. 26, 13. Іов. 30, 31. Пс. 136, 2. 1Макк. 3, 45). Оба инструмента употреблялись и при свѣтскомъ пѣніи, напр., на иршествахъ (Иса. 5, 12), но гораздо чаще они служили богослужебнымъ цѣлямъ — при торжественныхъ процессіяхъ (1Цар. 10, 5. 2Цар. 6, 5. 2Пар. 20, 28.) и въ храмовомъ богослуженіи (Неем. 12, 27. 1Пар. 25, 6), при чемъ къ нимъ иногда присоединяется кимвалъ; а игрою на нихъ всегда аккомпанируется пѣсьи хвалы и благодаренія (1Пар. 15, 16. 2Пар. 5, 12. Пс. 32, 2. 56, 9. 70, 21. 80, 2. 150, 3). Однако есть и значительныя различія въ употребленіи киннора и вевла — псалтири.

Кинноръ имѣеть гораздо болѣе широкое употребленіе, чѣмъ невелъ, почему первый не рѣдко встрѣчается отдѣльно, чего нельзя сказать о невлѣ. Кинноръ употреблялся въ житейскомъ быту людьми разныхъ положеній до блудницы включительно (Быт. 31, 27. Іов. 21, 12. 1Цар. 16, 16. Иса. 23, 16); напротивъ, употребленіе вевла въ застольной музыкѣ у прор. Амоса (6, 5) представляется оскверненіемъ свящ. инструмента. Повидному, между кинноромъ и невлемъ существовало такое же отношеніе и различіе, какъ между греческими лирой (**φάρυγγις**) и кваррой (**κινύρα**): 1-й инструментъ былъ болѣе древнимъ народнымъ инструментомъ и употреблялся какъ для мірскихъ, такъ и для богослужебныхъ цѣлей, послѣдній же

имѣлъ только или по преимуществу священное и, по крайней мѣрѣ, торжественно важное употребленіе. Кинноръ, какъ и невлъ—псалтирь, должевъ быть удобоносимъ: играли на обоихъ инструментахъ и на ходу (1 Цар. 10, 5. 2 Цар. 6, 5. 1 Пар. 16, 28. Ис. 23, 16).

О Киннорѣ и др. музыкальныхъ инструментахъ древнихъ евреевъ можно читать въ статьѣ *Kamphausen a yriem, Handwörterbuch des biblischen Alterthums II* (Auff. 2: 1894), S. 1042—1059; ср. *W. Nowack, Lehrbuch der Hebraischen Archäologie I* (Lpzg 1894), S. 272 ff. [См. еще въ библейскихъ «С оваряхъ» и «Энциклопедіяхъ» *W. Smith'a, H. Gutsch, J. Hastings'a, T. K. Cheyne, F. Vigouroux*].

Свящ. А. Глаголевъ.

Киновія или „общекитіе“ (*κοινός*—общій и *βίος*—жизнь) есть одна изъ формъ монашеской жизни. Первичнымъ и элементарнымъ бытомъ иноческаго міра было анахоретство или одиночный образъ жизни. За нимъ слѣдовало келліотство. Въ противоположность анахоретамъ, подвизавшимся въ совершенномъ одиночествѣ и уединеніи, келліоты жили по-двое, а иногда по-трое въ одно келліи—небольшомъ обособленномъ помѣщеніи, — подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни старца. Келліотство, какъ вторая— послѣ анахоретства— стадія въ развитіи иноческой системы, было какъ бы семейною жилищію въ монашескомъ мірѣ. Третью стадію въ этомъ развитіи составляла жизнь скитская. Скитомъ или лаврою называлась совокупность вѣсколькихъ келліи на определенной территоріи, находившихся подъ наблюдениемъ и управленіемъ общаго аввы—руководителя. Значить, скитъ или лавра представляла своего рода товарищество въ жизни иноческой. Отъ жизни скитской— прямой переходъ къ жизни монастырской или общинному быту въ иноческомъ мірѣ. Монастырь— это своего рода община, отдѣльная корпорація въ ряду другихъ подобнаыхъ же корпорацій иноческаго міра. Монастырская жизнь въ древнее время отличалась только въ одну форму—общекитіе или киновію. Въ византійскую же эпоху.— наряду съ киновіей, — въ монастыряхъ образовалась новая форма жизни, такъ наз., „идіоритъ“ или своекитіе (См. о немъ въ статьѣ „Авои“: „Энци.“ II, 216—217). Начало общекитію положилъ преподобный

Пахомій Великій († 348 г.), который устроилъ мужскую и женскую киновію въ Гавенниси (въ верхнемъ Египтѣ) и далъ имъ общежительный уставъ, сообщенный ему, — по сказанію житія, — Ангеломъ. Уставъ препод. Пахомія отличался краткостію, не обнималъ всего строя монастырской жизни, содержалъ частныя, случайныя и отрывочныя предписанія, которыя слѣдуетъ назвать скорѣе нравственными наставленіями, чѣмъ уставными постановленіями, — записанными обычаями, чѣмъ определенными законами, — духовными опытами аввы, чѣмъ возведенною въ теорію дисциплиною. Иной характеръ имѣютъ „Правила“ и „Подвижническіе уставы“ св. Василія великаго († 379 г.), второго законоположника киновіи, утвердившаго и распространившаго этотъ родъ монашеской жизни въ обителяхъ Малой Азіи. Общежительный уставъ св. Василія организуетъ цѣлый строй аскетической жизни, утверждаетъ его на принципахъ и основной идеѣ этой жизни, указываетъ разумныя основанія для различныхъ частности вѣншаго и внутренняго строя подвижничества, находитъ оправданіе для отдѣльныхъ своихъ положеній въ Свящ. Писаніи. Уставы свв. Пахомія и Василія великихъ легли въ основу киновіальнаго строя всего православнаго восточнаго монашества. На этой основѣ возникли, прежде всего, типички знаменитѣйшихъ представителей византійско-восточнаго иночества — іерусалимскій св. Саввы Освященнаго († 532 г.), константинопольскій св. Теодора Студита († 826 г.) и афонскій св. Авоисія († 1001 г.), а затѣмъ—появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ „квиторскихъ уставовъ“ (*τοπική κτιτορικῆ*). Послѣдніе уставы получили свое начало въ средневѣковой Византіи, гдѣ ктиторы монастырей имѣли обыкновеніе давать устроеннымъ ими обителямъ свои уставы, въ которыхъ и регламентировали внутреннюю ихъ жизнь согласно своимъ желаніямъ и потребностямъ новой общины. Отличаясь разнообразіемъ содержанія, киторскіе уставы въ своихъ принципахъ прямикали къ уставамъ іерусалимскому, студійскому и афонскому, а черезъ посредство ихъ восходили къ своей первоосновѣ—типичкамъ Пахомія в. и особенно Василія великаго. Изъ киторскихъ общежительныхъ уставовъ византійской эпо-

ли для примѣра можно отмѣтить слѣдующіе: константинопольскаго патріарха Алексія Студита, написанный между 1034—1043 годами для монастыря Усуеніи Богоматери, Михаила Аталіата (1077 г.) для обители Всемилоствиваго Спаса въ г. Редесто, Григорія Бакуріана для Вачковскаго монастыря Богородицы Петрицонитиссы (1084 г.), св. Христула (1091 г.) для патмосскаго монастыря Апостола Іоанна Богослова, императрицы Ирины для константинопольскаго монастыря Богородицы Благодатной (1114 г.), императора Іоанна Комнина для Пантократорскаго монастыря въ Константинополѣ (1136 г.), императора Мануила Комнина для монастыря τῶν Ἐλεῦσιῶν въ Константинополѣ (1162 г.), іеромонаха Нила для монастыря Богородицы Махера на Кипрѣ (1210 г.) и другіе. Общежительные уставы свв. Пахомія и Василія великихъ имѣли вліяніе на устройство киновій и на Западѣ, равно какъ въ славянскихъ странахъ и въ Россіи. Въ частности, у насъ общежительный или истинно-монашескій уставъ былъ введенъ препод. Теодосіемъ печерскимъ, именно — въ видѣ „тапика“ Студійскаго, который былъ извѣстенъ препод. Теодосію въ записяхъ краткой, сдѣланной въ Студійскомъ монастырѣ, и подробной, сохранившейся въ уставѣ патріарха Алексія Студита. Типъ киновій, — насколько онъ опредѣлился въ отмѣченныхъ уставахъ, — можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ киновіи стоитъ настоятель или игуменъ (πρόεδρος, προϊστάμενος, ἡγούμενος, καθ'ἡγούμενος), въ сагѣ обыкновенно іеромонаха или архимандрита (а на Синаѣ — архієпископа съ IX в.). Игумену принадлежитъ дисциплинарно-пасторская и административная власть. Игуменъ есть пастырь и учитель, а лучше сказать — отецъ и духовный предстоитель всѣхъ монаховъ. О всѣхъ ихъ онъ долженъ заботиться, какъ о своихъ дѣтяхъ, какъ о членахъ собственной семьи, ко всѣмъ долженъ относиться съ равною любовью и почительностію. Прежде всего и главнымъ образомъ онъ заботится о нравственномъ совершенствѣ монаховъ. Онъ главный руководитель всѣхъ вообще и каждого порознь въ дѣлѣ спасенія, онъ — управитель ихъ душъ (οἰκονόμος τῶν ψυχῶν). Со всей заботой и прилжаніемъ онъ долженъ убѣждать монаховъ, увѣщавать, учить,

призрѣвать, больныхъ врачевать, слабыхъ поддерживать, малодушныхъ укрѣплять, согрѣшившихъ возвращать на путь истинны. Съ другой стороны, онъ долженъ быть для всѣхъ примѣромъ въ нравственномъ отношеніи, образцомъ строгости и справедливости, осторожности, воздержанія, точности, умерщвленія страстей. Онъ долженъ быть примѣрнымъ исполнителемъ обѣтовъ иночества и никакъ не измѣнять достоинству своего положенія и значенію монастыря. Въ видахъ лучшаго выполненія долга пастырства и учительства, игуменъ самымъ ревностнымъ образомъ долженъ слѣдить за поведѣніемъ монаховъ. Онъ руководитъ всѣми ихъ дѣйствіями. Безъ его дозволенія и благословенія никто не долженъ былъ ничего дѣлать. Каждый монахъ всегда и всецѣло находится подъ его надзоромъ и властію. Око игумена бодрствовало надъ нимъ отъ момента вступленія въ монастырь до смерти. Самое постриженіе въ монахи совершалось лишь послѣ достаточнаго испытанія пришельца и всецѣло по желанію и съ согласія игумена. А послѣ постриженія игуменъ имѣлъ право входить въ келлію монаха въ какое угодно время. Онъ постоянно наблюдалъ, не занимаютъ ли монахи дѣломъ безъ его воли и желанія, не предаются ли бездѣлю или пустословію. Особенно строго игуменъ долженъ слѣдить за исполненіемъ монахами обѣта нестяжательности. Всякія лишнія вещи, найденныя въ келліи монаха, безпрекословно должно отнимать, предавать огню или раздавать бѣднымъ, а виновнаго монаха подвергать наказанію. Игуменъ долженъ заботиться и о матеріальномъ обезпеченіи монаховъ. Въ его распоряженіи находились монастырскія имущества, онъ слѣдилъ за ихъ цѣлостію и употреблялъ на монастырскія нужды. Въ его завѣдываніи были и монастырскія зданія, въ томъ числѣ храмъ. Онъ заботился объ ихъ благоустройствѣ, предпринималъ, — въ случаѣ нужды, — ремонтъ и поправки. Вообще, на попеченіи игумена состоялъ весь монастырь со всею своею разнообразною жизнію и дѣятельностію. Все совершается здѣсь по его волѣ и желанію; отъ него все исходитъ и къ нему все возвращается. Онъ является центромъ всего общежитія. Но власть игумена не была произвольна или безконтрольна и не имѣла абсолютнаго зна-

ченія. Въ своей дѣятельности онъ долженъ былъ руководиться уставомъ монастыря и строго исполнять его предписанія. Въ случаѣ какихъ-либо нарушеній этого устава, братія монастыря имѣли право чрезъ посредство старѣйшихъ своихъ членовъ и наиболѣе видныхъ должностныхъ монастырскихъ лицъ (эконома, еkkлiсiарха) сдѣлать игумену напоминаніе о заблужденіи и даже узычаніе исправиться. Если игумень исправлялся, настоятельская власть оставалась за нимъ, въ противномъ же случаѣ онъ лишался власти и замѣнялся другимъ лицомъ. А затѣмъ игумень подлежалъ духовной юрисдикціи мѣстной епархіальной власти, отъ которой получалъ утвержденіе въ должности и которой отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности.

Игумень былъ главнымъ начальникомъ киноіа, но не единолично несъ бремя монастырскаго управленія. У него были цѣлый штатъ помощниковъ, которые завѣдывали различными отраслями монастырской жизни. Должностныя монастырскія лица своимъ избраніемъ были обязаны всецѣло игумену. Послѣдній поставлялъ ихъ въ ту или другую должность единственно силою собственной власти и воли, при чемъ совершался особый литургическій чинъ поставленія. Должностныя монастырскія лица обязаны были дѣйствовать подъ руководствомъ игумена, съ его вѣдома и согласія, и во всемъ отдавать ему отчетъ. Игумену же принадлежало и право смѣщать ихъ. Изъ монастырскихъ лицъ одни завѣдывали монастырской собственностію и хозяйствомъ (экономъ и его помощникъ, епiтpопъ, наблюдавшій за недвижимыми имуществами киноіа, дохіарь или казначей, келарь, виночерій, трапезничій, хартофилаксъ, завѣдывавшій архивомъ и канцеляріею киноіа, и другіе), иные наблюдали за монастырскимъ храмомъ, его принадлежностями и за совершеніемъ богослуженія (екклiсiархъ, скевофилаксъ, протоканонархъ и канонархъ, domestikъ, параномаръ, кандилапъ и др.), третьи вѣдали нравственный надзоръ за монахами и водвореніе въ киноіа дисциплины (еписiтiмонархъ, еписиpитъ, таксiархъ, афиниастъ—будильщикъ и остiаріа—привратники). Изъ указанныхъ монастырскихъ лицъ главное значеніе имѣли эконома, еkkлiсiархъ и дохіарь. Въ позднѣйшее

время въ киноіахъ Востока возникъ игуменскій совѣтъ (ἡγουμενοσύμβολιον), въ составъ коего входять нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ и почетные геронты (старцы) монастыря.

Всѣ монахи киноіа по отношенію къ своему игумену—духовныя дѣти, ученики. Они безпрекословно подчиняются его власти. Слово игумена для всѣхъ есть изъявленіе Господней воли: что бы онъ ни сказалъ, что бы ни повелѣлъ дѣлать,—всегда и во всемъ ему должно оказывать безусловное повиновеніе и послушаніе. Между собою всѣ иноки—братья и друзья. Они всѣ равны и не различаются ни по роду, ни по заслугамъ. Другъ къ другу они питаютъ чувство любви, между собою хранятъ миръ и единомысліе, наслаждаются духовной радостію, сильные несутъ тяготы немощныхъ. У монаховъ въ киноіа все—общее. Они живутъ въ общемъ помѣщеніи. Никто изъ монаховъ не долженъ имѣть частной собственности, какого бы рода она ни была, но каждое личное пріобрѣтеніе должно идти въ общую кассу. У всѣхъ монаховъ должна быть одна и таже, положенная уставомъ, пища въ общей трапезѣ, которую они вкушали вмѣстѣ и въ опредѣленные часы, одна и таже одежда изъ монастырской казны и въ одинаковомъ количествѣ, одинъ и тотъ же порядокъ жизни. Всѣ монахи должны заниматься исключительно молитвою, чтеніемъ божественныхъ писаній и трудомъ, часы которыхъ правильно и точно распределены. Молитву они совершаютъ въ храмѣ, гдѣ ежедневно проходили всѣ положенныя уставомъ церковныя службы, и въ келіяхъ. Трудъ ихъ состоитъ въ ремеслахъ и хозяйственныхъ работахъ. Молитвы они не должны прекращать и во время физическихъ трудовъ, такъ какъ она есть самый благоууханный и пріятный для Господа омыамъ. Монахи киноіа никогда не должны выходить изъ монастыря, но всегда быть въ обители и строго исполнять предписанія устава. Лишь въ крайнемъ случаѣ (напр., для посѣщенія умирающаго родныхъ и родственниковъ) и съ разрѣшенія игумена монахи могли на короткое время оставлять обитель. Монахъ, если выходилъ изъ монастыря, долженъ былъ соблюдать приличествующую ему скромность, не говорить лишняго, не поднимать глазъ,—особенно при

встрѣчи съ женщинами,—но идти съ молитвою на устахъ и съ опущенными глазами. Что касается пощщенія монастырей мірянами, то оно не возбуждается—въ мужскихъ киновіяхъ мужчинамъ, а въ женскихъ—женщинамъ, но обязательно—съ разрѣшенія игумена или игуменіи, на небольшое время и для дѣйствительной надобности. Безусловно воспрещается женщинамъ посѣщать мужскіе монастыри и мужчинамъ—женскіе. Въ монастыри безпрятственно могли поступать достигшія совершеннолѣтія и свободныя лица. Поступающій въ монастырь долженъ порвать всѣ связи съ міромъ. Въ силу этого, онъ прежде погубленія долженъ былъ сдѣлать завѣщаніе относительно своего имущества, въ противномъ же случаѣ оно поступало въ собственность монастыря. Впрочемъ, пятою новеллою византійскаго императора Льва VI Мудраго (886—911 г.) узаконилось, что монахъ не лишается права личной собственности и завѣщанія въ томъ случаѣ, если приобрѣталъ имущество послѣ постриженія. Онъ имѣлъ право быть полнымъ хозяиномъ этого имущества въ томъ случаѣ, если пожертвовалъ что-нибудь монастырю, когда вступалъ въ него, и долженъ былъ дать монастырю третью часть изъ приобретеннаго, если при постриженіи ничего не внесъ въ его казну. Люди, находившіеся въ брачномъ сожитіи, могли принимать монашество не иначе, какъ одна сторона съ согласія другой. Но признавалось лучшимъ устранять брачное сожитіе такимъ образомъ, чтобы обѣ стороны шли въ монастырь. Постриженію предшествовало трехгодичное испытаніе; для людей благоговѣйныхъ и живущихъ подобно монахамъ искусь сокращался до шестимѣсячнаго срока. Поступленіе производилось въ опредѣленномъ монастырѣ и въ присутствіи игумена, имѣющаго принять постригаемаго и устроить въ братствѣ своего монастыря. Постриженіе должно совершаться даромъ. Никто не въ правѣ требовать отъ стремящагося къ монашеству какого-либо приношенія. Но добровольныя приношенія принимались. Однако жертвователи не должны имѣть никакого преимущества предъ тѣми братьями, которые не сдѣлали киновіи никакого взноса, но должны быть равны со всѣми. Съ другой стороны, они не имѣли права возвращать себѣ то, что разъ было

пожертвовано киновіи. Постриженники чужихъ монастырей обыкновенно не принимались въ другія киновіи. По совершеніи постриженія принявшій его дѣлался членомъ киновіи, обзывается никогда не удалиться изъ своего монастыря въ другой и строго исполнять три главные обѣта монашества: послушаніе, нестяжательность и дѣвство. Онъ долженъ жить для Бога, посвящать время молитвѣ, чтенію божественныхъ Писаній, размышленію о Богѣ, труду и благотворительности. Монашескіе обѣты должны имѣть для него вѣчное значеніе. Киновіи обыкновенно имѣли опредѣленный штатъ братства, въ зависимости отъ матеріальныхъ своихъ средствъ. Наконецъ, братія киновіи—или въ полномъ составѣ, или въ лицѣ старѣйшихъ иноковъ—принимають участіе въ избраніи игумена. Утвержденіе новопозбраннаго игумена зависѣло отъ той высшей церковной власти, духовной юрисдикція которой принадлежитъ тотъ или иной монастырь. Въ такой организаціи киновіи существовала на Востокѣ въ пору наибольшаго здѣсь развитія монашества. при чемъ въ различныхъ пунктахъ иночества были тѣ или иные второстепенныя разности сравнительно съ отмѣченными типомъ, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій въ судьбѣ киновіи, напр., на Афонѣ и Синаѣ, на горахъ Метеорскихъ, въ Сярін и пр. Но основныя черты киновіальнаго быта всегда и вездѣ сохранялись и хранятся неизмѣнно, вплоть до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, киновіа по своему устройству несетъ, такъ сказать, монархическій характеръ и основывается на принципѣ подчиненія и общиннаго житія. Она,—по сравненію св. Симеона Новаго Богослова (XI в.),—есть своего рода организмъ, главою котораго служить игуменъ, а членами—иноки. Какъ въ человеческомъ организмѣ всѣ члены выполняютъ свои функціи подъ управленіемъ головы, такъ и въ киновіи каждый инокъ дѣйствуетъ по распоряженію игумена. Каждый органъ человеческого тѣла способенъ только къ одному назначенію, а голова комбинируетъ разнообразную дѣятельность членовъ и даетъ ей единство и стройность,—такъ и въ киновіи подъ властію одного игумена, совмѣщающаго въ себѣ разнообразныя духовныя совершенства и подзоряющаго среди всѣхъ братій послушаніе и повинненіе, создается благоустроен-

ная община, стремящаяся къ одному назначенію—въ возможной полнотѣ и совершенствѣ осуществить иноческіе идеалы.

Въ исторической судьбѣ кивовіи на православномъ Востоцѣ особое значеніе принадлежало киновіархамъ. *Киновіархъ* (*κοινοβιάρχης*) имѣлъ различное отношеніе къ киновіи или къ иноческому общежитію. Такъ, въ Египтѣ, въ монастыряхъ Тавеннисіотскихъ, киновіархъ, по уставу препод. Пахомія, занималъ положеніе „главнаго аввы“ всѣхъ девяти, а потомъ тринадцати монастырей, устроенныхъ препод. Пахоміемъ и препод. Теодоромъ Освященнымъ. Инокіи всѣхъ этихъ монастырей составляли одно братство, связанное единствомъ духа, управленія и хозяйства. Каждый изъ тринадцати Тавеннисіотскихъ монастырей имѣлъ своего отдѣльнаго авву или настоятеля, но во главѣ всѣхъ монастырей и ихъ настоятелей былъ первый авва, который всѣми ими заведывалъ и управлялъ. Это и былъ „киновіархъ“. Первымъ киновіархомъ Тавеннисіотскихъ монастырей былъ препод. Пахомій великій, какъ основатель первыхъ девяти иноческихъ общежитій, ихъ устроитель и руководитель, общій для всѣхъ иноковъ отецъ и начальникъ, законоположникъ египетскаго монашества. Незадолго до своей кончины препод. Пахомій призвалъ настоятелей всѣхъ монастырей и спросилъ ихъ, кого они желаютъ имѣть своимъ аввою или киновіархомъ. Аввы отвѣтили, что это зависитъ отъ воли препод. Пахомія, который и избралъ киновіархомъ Петронія, а послѣдній избралъ своимъ приемникомъ Оресію, послѣ котораго главнымъ аввою киновіархомъ былъ препод. Теодоръ Освященный. Препод. Пахомій, какъ общій для всѣхъ авва и киновіархъ, имѣлъ привычку сперва въ монастырѣ Тавеннисіотскомъ, а потомъ въ обители Пабо, откуда и управлялъ всѣми монастырями. Киновіархъ или главный авва имѣлъ своею обязанностію неустанно наблюдать за жизнью въ киновіяхъ, слѣдить за исполненіемъ общежительнаго устава, руководить братствомъ въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія и вообще представлять въ своемъ лицѣ высшую монастырскую власть. Съ этою цѣлію главный авва лично посѣщалъ монастыри, входилъ въ сношенія съ отдѣльными настоятелями и иноками, преподавалъ имъ свои наставленія, разрѣшалъ недоумѣнія и т. п. О всѣхъ болѣе или

менѣе выдающихся фактахъ въ жизни монастырей ихъ настоятели сѣдѣли сами извѣстять главнаго авву. Послѣдній, въ случаѣ необходимости, обращался и съ письменными посланіями къ аввамъ и инокамъ отдѣльных монастырей. Киновіархъ дважды въ годъ—на Пасху и къ 13-му августу—устраивалъ въ своемъ монастырѣ общія собранія, на которыя являлись всѣ аввы отдѣльных монастырей и почти всѣ братія. Первое собраніе созывалось для совместнаго празднованія свѣтлаго Христова Воскресенія, а второе имѣло цѣлію ревизію общаго монастырскаго хозяйства и разрѣшеніе различныхъ недоумѣній и разногласій, дабы во всѣхъ монастыряхъ царствовали миръ и любовь. Главный авва или киновіархъ самъ избиралъ настоятелей отдѣльных монастырей, которые и являлись его замѣстниками, его окомъ и слухомъ. Аввы монастырей по всемъ отдавали отчетъ своему киновіарху, какъ начальнику всѣхъ общежителей и главному ихъ руководителю.

И св. Василій Великій былъ киновіархомъ для основанныхъ имъ въ Понтѣ общежительныхъ монастырей, для которыхъ онъ начерталъ свой уставъ, въ которомъ онъ водворилъ иноческую жизнь на началахъ киновіи, былъ главнымъ руководителемъ и общимъ духовнымъ отцомъ.

Далѣе, палестинское монашество имѣло своего киновіарха въ лицѣ св. Теодосія († 529 г.), который былъ первымъ устройтелемъ пустынной киновіи въ Палестинѣ и придалъ ей самостоятельное и вполне независимое отъ лавры положеніе. Основавши свои киновіи въ шести верстахъ отъ Іерусалима, въ нынѣшней мѣстности Дер-Доси, св. Теодосій постепенно умножилъ составъ своего братства (до 700 человекъ), увеличилъ размѣры монастырскихъ помѣщеній, устроилъ внутри монастыря четыре церкви (для грековъ, грузинъ, армянъ и для братьевъ, одержимыхъ злыми демонами) и общался весьма прочною внутреннею организациою своей иноческой общинѣ. Въ основу своего устава св. Теодосій положилъ уставы св. Василія великаго и препод. Пахомія великаго. Великая и многолюдная киновія св. Теодосія превзошла по своему внутреннему благоустройству другія киновіи Палестины и стала во главѣ ихъ. Ея основатель и руководитель получилъ наименованіе „Кино-

віарха“ въ собственномъ смыслѣ. За свои заслуги для монашества св. Феодосій Киновіархъ, по распоряженію іерусалимскаго патріарха Саллюстія (486—494 г.), былъ назначенъ старѣйшиною и архимандритомъ великаго общежительнаго иноческаго сословія, обитающаго близъ Іерусалима, главнымъ аввою многочисленныхъ монастырей іудейской пустыни и святаго города. Такимъ образомъ, киновіархъ—архимандритъ распространялъ въ Палестинѣ свою власть на все мѣстное монашество и былъ духовнымъ руководителемъ всѣхъ киновій, являясь главнымъ помощникомъ іерусалимскому патріарху въ управленіи палестинскою монашескою общиною. Архимандритъ-киновіархъ имѣлъ право избирать настоятелей отдѣльныхъ монастырей и вѣдалъ общее наблюденіе за релігіозно-нравственной жизнью въ палестинскихъ обителяхъ. Вообще права и обязанности архимандритовъ-киновіарховъ, а равно и ихъ избраніе были въ Палестинѣ аналогичны съ положеніемъ главнаго аввы въ Египтѣ. Св. Феодосій былъ „киновіархомъ“ въ собственномъ смыслѣ и по преимуществу, какъ основатель первой и главной киновіи въ Палестинѣ, по образцу которой здѣсь стали устроиться и другія иноческія общины. Но были въ Святой Землѣ киновіархи и въ смыслѣ несобственномъ, оказавшіе тѣ или инія заслуги для мѣстнаго общежительнаго монашества. Такъ, настоятель монашеской общины въ Вилеємѣ авва Марціанъ (V в.) былъ киновіархомъ для своей обители. Палестинскіе аввы-архимандриты, продолжавшіе дѣло св. Феодосія Киновіарха, напримѣръ Геласій, Софроній, также являлись киновіархами для мѣстныхъ иноческихъ обществъ.

Въ такомъ общемъ смыслѣ терминъ *κοινοβιάρχης* встрѣчается въ различныхъ древнихъ памятникахъ аскетичной письменности и примѣнительно къ различнымъ основателямъ, руководителямъ и настоятелямъ монашескихъ обществъ. Такъ, въ „Изреченіяхъ святыхъ отцовъ“ (*Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων πατέρων*) авва Исаакъ говорить: „вѣдь я не киновіархъ, чтобы приказывать“... Въ „Лугѣ Духовномъ“ (*Λεπτοβάριον*) упоминается „авва Мина киновіархъ“ (гл. 146—147).

Для афонскаго монашества киновіархомъ былъ препод. Аванасій († 1001 г.), осно-

ватель образцоваго иноческаго общежитія въ лаврѣ,—хотя въ его житіи этотъ терминъ не встрѣчается.

Въ афонскихъ документахъ новѣйшаго времени киновіархомъ называется вообще игуменъ каждаго общежительнаго монастыря. Такъ въ сигилліи константинопольскаго патріарха Каллиника V объ учрежденіи въ 1803 г. киновіи въ рускомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ сказано: „игуменомъ и начальникомъ общежитія (*κοινοβιάρχης*) назначить преподобнѣйшаго въ іеромонахахъ господина Савву изъ священнаго скита Ксенофонта, какъ мужа благочестиваго, неуныннаго ревнителя, благоразумнаго, достойнаго взять на себя хорошее распоряженіе, благоустройство и общежительное управленіе св. монастыря,—способнаго хранить и наученіе монаховъ и состояніе общежитія, дабы онъ наблюдалъ за ними, изчальствовалъ надъ монашествующими и заботился объ общемъ благозаконіи, порядкѣ и боголюбивомъ поведеніи желающихъ монашествовать общежительно“ (*Акты русскаго на св. Афонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона*, Кіевъ 1873, стр. 240—241; ср. стр. 250). Патріархъ Константій, своимъ сигилліемъ отъ 1833 г. подтвердившій киновію въ Русикѣ и избраніе настоятелемъ іеромонаха Герасима, также называлъ его „киновіархомъ“—*ἡγούμενος καὶ κοινοβιάρχης* (тамъ же, 280—281; ср. 274, 276). Наконецъ, патріархъ Іоакимъ II въ сигилліи отъ 1875 г. утвердилъ архимандрита Макарія „игуменомъ и киновіархомъ“ патріаршаго и ставропигіальнаго монастыря св. Пантелеймона на Афонѣ (*Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster*, Lpzg 1894, S. 267).

Въ заключеніе прибавимъ, что при вѣкторныхъ русскихъ лаврахъ (Александроневской въ Петербургѣ, Св.-Троицкой Сергіевой въ Сергіевомъ Посадѣ близъ Москвы) существуютъ небольшіе монастыри или мѣтохи, называемыя киновіями. Положеніе такихъ киновій при большихъ лаврахъ имѣеть особый историческій смыслъ. Дѣло въ томъ, что лавры въ древнее время (напр., въ Палестинѣ) имѣли у подвижниковъ предпочтеніе сравнительно съ другими формами иноческой жизни, такъ какъ совмѣщали въ себѣ выгоды одиночества и общинаго житія, и признавались вѣроятно цѣле-

сообразными и образцовыми фронтистиріями для подвиговъ; киновіи же (до св. Θεοδοσία Киновіарха въ Палестинѣ) не считались самостоятельной формой монашеской жизни, наравнѣ съ лаврами, а имѣли обязанностью готовить иноковъ къ болѣе совершенной лаврской жизни и находились въ подчиненіи у настоятелей лавры. И на Афонѣ киновія возникла послѣ довольно продолжительной борьбы съ другими формами иноческой жизни, которыя признавались болѣе цѣлесообразными и спасительными („Энци.“ II, 195—197). На Руси монашество возникло и развилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ иночества греческаго. Въ киновіяхъ, которыя и теперь существуютъ при инокоулахъ русскихъ лаврахъ, и сохранились, вѣроятно, слѣды указанного переходнаго момента въ исторіи восточнаго монашества, — тѣмъ болѣе, что на Руси, до появленія монастырей собственныхъ и настоящихъ, возникли монастыри несобственные, монастырки или монашескія слободки при приходскихъ церквахъ (академикъ *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви I, 2, изд. второе, Москва 1904, стр. 559), иначе — первоначальныя и не вполне совершенныя киновіи.

Литература. — *Св. Василий великій*, „Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, „Подвижническіе уставы“: см. Творенія въ русскомъ переводѣ при Московской Дух. Акад. ч. V [3-е изд. Сергіевъ Посадъ 1892, гдѣ еще „Предначертаніе подвижничества“, „Слово подвижническое и увѣщаніе объ отреченіи отъ міра“, три „Слова о подвижничествѣ“]; *Annales du musée Guimet*, t. XVII: *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne au IV siècle. Histoire de saint Pakhôme et des ses communautés. Documents coptes et arabe inédits, publiés et traduits par E. Amélineau*. Paris 1889; *Monuments publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire*, t. IV: *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte Chrétienne aux IV—VII siècles. Texte copte publié et traduit par E. Amélineau*. Paris 1895; † проф. *И. С. Казанскій*, Исторія православнаго монашества на Востоку, ч. I, Москва 1854, ч. II. М. 1856; *егоже*, „Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ, М. 1872; архимандритъ (епископъ) *Далладій* (Добронравовъ), Св. Пахомій Великій и первое иноческое общество, по новооткрытымъ коптскимъ документамъ, Казань 1899; архимандритъ *Ананій*, Жизнь св. Василия Великаго и его

на тырская дѣятельность, Спб. 1873; іеромонахъ (нынѣ епископъ) *Θεοδοσίη* (Олтаржевскій), Палестинское монашество съ IV до VI вѣка, Спб. 1896 [есть и второе издание г. Кіевъ, 1899]; *Θεόδωρος ὁ Στουδίτης*, Ἰστορικὸς χαρακτῆρας τῆς μονῆς τῶν Στουδίου καὶ Διαβήκη (Migne gr. ser. t. XCIX); проф. *А. Н. Дмитриевскій*, Описание литургическихъ рукописей, хранящихся въ библиотекахъ православнаго Востока, т. I: Топикъ, Кіевъ 1895; академикъ *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. первый, вторая половина тома (Москва 1904); проф. *И. И. Соколовъ*, Состояніе монашества въ византийской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка, Казань 1894. См. также литературу къ статьѣ „Афонъ“ въ „Энци.“ II, 236 Въ дополненіе прибавимъ: *ἱερομόναχος Γεράσιμος Σμυρνάκης*, Τὸ Ἄγιον Ὄρος, Ἀθήναι 1903; Ὁ Ἄθως καὶ ἡ Χαλκιδική, Ἀθήναι 1902; *ἱεροδίακονος Κωνσταντῆ Βλάχος*, Ἡ κερσόναος τοῦ Ἁγίου Ὄρους Ἄθω καὶ αἱ ἐν αὐτῇ μοναὶ καὶ οἱ μοναχοί, Ἐν Βόλῳ 1903; въ концѣ этой книги (с. 343) помѣщенъ довольно полный указатель литературы объ Афонѣ — русской, сербской, болгарской, греческой и западно-европейской. Къ вопросу относятся также: іеромонахъ (архим.) *Θεόδωρος* (Поздѣвскій), Аскетическія воззрѣнія препод. Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера массалійскаго, Казань 1902; *Montalembert*, Les moines d'Occident, Paris 1860; *J. Bessé*, Les moines d'Orient, antérieurs au concil de Chalcedoine, Paris 1900; *Marin*, Les moines de Constantinople, Paris 1897; *Nissen*, Die Diataxis der Michael Attaleiates, Jenna 1894; *Nissen*, Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts, Hamburg 1907. *И. И. Троицкій*, Обзоръае источникъ въ начальной исторіи египетскаго монашества (Сергіевъ Посадъ 1907); *Δ. Πετραλάκης*, Οἱ μοναχοὶ βεσποῖ ἐν τῇ ἁρθοδόξῃ ἀνατολικῇ Ἑλλάδι. Τόμος Α'. Ἐν Λειψία καὶ Ἀθήναι: 1907 (трудъ серьезный, съ обширнымъ указателемъ литературы вопроса, даже русскою; все изслѣдованіе рассчитано на три тома); проф. *А. А. Спасскій*, Пахомій и Θεόδωρ, первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ: критическіе наброски („Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г. № 1 и 2); *И. И. С(ахаровъ)*, Киновія и идиоритмъ на Афонѣ въ „Сообщеніяхъ Импер. Прав. Палестинскаго Общества“ 1908 г. (XIX) 1. 58—102.

И. И. Соколовъ.

Киноникъ (κινωμικός отъ κινωμία), или причастенъ — стихъ, исполняемый пѣвцами во время приобщенія священнослужителей. По своему содержанію онъ имѣеть отношеніе или къ службѣ дня, или воспоинаемаго святого, или праздника, а потому и называется „причастенъ дне“, „причастенъ свята-

го“ (Типиконъ, гл. 2,4), „причастіе праздничка“ (Типик., послѣдованіе 8-го сентября). Въ качествѣ составной литургической части, предназначенной занять вниманіе вѣрующаго во время приобщенія священнослужителей, причастны извѣстны съ глубокой древности. Такъ, въ литургіи VIII вѣ. Апостольскихъ Постановленій причастнымъ стихомъ является **33** Пс.: „Благословлю Господа“; въ литургіи, изложенной Кирилломъ Іерусалимскимъ, — **23** Пс.: „Вкусите и видите, яко благъ Господь“ (5-ое огласительное слово); онъ же полагается и въ греческой литургіи Ап. Іакова. Въ послѣдующіе вѣка съ распределеніемъ по днямъ года памяти святыхъ и праздниковъ былъ выработанъ и установленъ цѣлый кругъ причастныхъ стиховъ. Съ ними мы встрѣчаемся прежде всего въ Типиконѣ константинопольской церкви IX—X вв. Наиболее обычнымъ причастнымъ стихомъ является въ немъ „Радуйтесь праведніи о Господѣ“. Онъ полагается по преимуществу въ дни памяти мучениковъ (проф. А. А. *Дмитріевскій*, Описание литургическихъ рукописей I, стр. 2—4; 6—7; 9—12; 14—15; 47.56.65.66.69.78.80 и др.), а также святыхъ (ibid., стр. 100), Апостоловъ (ibid., стр. 84) и безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22). Въ первые дни исполняется, кромѣ него, и другой причастный стихъ — „Хвалите Господа“ (ibid., стр. 71.79.107). Этотъ послѣдній назначенъ равнымъ образомъ для недѣли мясопустной, сыропустной и недѣли Ваіи (ibid., стр. 111.113.127). Причастнымъ стихомъ богородичныхъ праздниковъ, ихъ предпразднствъ и поспразднствъ служатъ „Чашу спасенія прииму“ (ibid., стр. 37.48.57.60.86.98.106.124.141), Рождества Христова — „Изъясненіе посла Богъ людямъ своимъ“ (ibid., стр. 37), Богоявленія — „Явися благодать Божія“ (стр. 42), Пасхи — „Тѣло Христово приимите“ (ibid., стр. 136), Вознесенія — „Взыде Богъ въ восклицановеніи“ и „Чашу спасенія приему“ (ibid., стр. 145), Пятидесятницы — „Духъ твой благіи“ (ibid., стр. 148), преждеосвященной литургіи — „Вкусите и видате“ (ibid., стр. 113), великаго четверга — „Вечери Твоя“ (ibid., стр. 131), субботы — „Хвалите Господа“ и „Возета яко сѣя Господь и воскресе, спасая насъ“ (ibid., стр. 135). Наконецъ, въ дни памяти нѣкоторыхъ святителей поется „Въ память вѣчаю“ (ibid., стр. 108). Не-

речисленные причастные стихи повторяются и въ двухъ другихъ памятникахъ, — синодальномъ Канонарѣ X—XI в. и Типиконѣ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукописи XII в. № 788 библиотеки афонскаго Университета (А. А. *Дмитріевскій*, ibid., стр. 174—6; 180.182.191.193.195.197.205—207. 212. 210. 216. 260.278. 281.284.286.288.291.297.305—306.324; 263.265.268—269.407; 320; 358; 559; 586; 595). Одновременно съ этими прежними причастными стихами смѣняются новыми, болѣе соответствующими воспоминаемымъ событіямъ. Такъ, вмѣсто причастнаго стиха на дни памяти Апостоловъ Типикона константинопольской церкви „Радуйтесь праведніи“ (ibid., стр. 84) въ Уставѣ Евергетидскаго монастыря полагается иной — „Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ“ (ibid., стр. 282.285.288.291.293.299.313.317). Тотъ же причастный стихъ назначается въ первомъ памятникѣ и въ дни памяти безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22), во второмъ же — другой — „Творяи ангелы своя духи“ (ibid., стр. 262.308). Въ указанныхъ случаяхъ Евергетидскій Типиконъ воспроизводитъ современный порядокъ. То же самое явленіе замѣчается и относительно великопостныхъ причастныхъ стиховъ. Именно, для литургіи первой, второй, четвертой и пятой недѣль въ немъ назначается „Хвалите Господа“ (ibid., стр. 522.525.535.539), третьей — „Хвалите“ и „Знаменася“ (ibid., стр. 529) и шестой — „Хвалите“ и „Благословенъ гряди во имя Господне“ (ibid., стр. 542). Въ субботу первой и второй недѣль — „Радуйтесь“ и „мертвыхъ“ (ibid., стр. 524.527), пятой — „Чашу спасенія“ (ibid., стр. 538) и шестой — „Изъ утробы младенецъ“ (ibid., стр. 540; ср. Типиконъ констант. церкви IX—X вв. ibid., стр. 115—116.118.124.127).

Какъ въ греческой, такъ и въ древнерусской церкви киноникъ составлялъ единственное пѣнопѣніе, исполняемое во время приобщенія священнослужителей. Сообразно съ этимъ Высочайшимъ указомъ отъ 10-го мая 1799 г. и 31-го мая 1850 г. было постановлено не замѣнять причастные стихи концертами.

[См. Rev. William Edward Scudamore въ A Dictionary of Christian Antiquities ed. by W. Smith and S. Cheetham II (London 1880), p. 905.]

Свящ. А. Петровскій.

Кипарисовъ, Василій Теодоровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ моск. Дух. Академіи по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества. Сынъ священника саратовской епархіи, родился 29 марта 1849 г. Начальное и среднее образованіе получилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ родной епархіи, а высшее въ моск. Дух. Академіи, куда поступилъ въ 1870 г., зачисленный въ составъ студентовъ XXIX курса (1870—1874 г.). Для спеціальнаго изученія избралъ науки церковно-практическаго отдѣленія. Кандидатское сочиненіе писалъ на тему: „Понятіе о терпимости, индифферентизмѣ и фанатизмѣ на основаніи церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ“. Сочиненіе было признано Совѣтомъ Академіи однимъ изъ лучшихъ на курсѣ и удостоено Іосифовской преміи въ 250 руб. („Журн. Сов.“ 1874 г., стр. 105—106). По окончаніи курса, 11 июня 1874 г., назначенъ на должность преподавателя греческаго языка въ латовскую Дух. Семинарію. Въ началѣ 1875—1876 уч. г. Совѣтомъ Академіи приглашенъ къ занятію кафедры гомилетики и исторіи проповѣдничества и наставрсакаго богословія. Лекцій по наставрскому богословію не читалъ до 1883 г. Въ лекціяхъ по гомилетикѣ до 1883 г. ограничивался изложеніемъ исторіи проповѣдничества церковью восточной, римско-католической и протестантской. Степени магистра богословія удостоенъ въ 1883 г. за сочиненіе: „О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства, съ I по IX в.“, вып. I, Москва 1883. Сочиненіе затрговало одинокъ изъ живыхъ и весьма важныхъ въ церковно-практическомъ отношеніи религиозныхъ вопросовъ (въ отношеніи, напр., раскола, сектантства, иновѣрія). Во время почти всеобщихъ требованій свободы совѣсти въ дѣлахъ вѣры было особенно благопотребно дать точный, опредѣленный, твердо обоснованный, научный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Путемъ изученія обширной церковно-исторической литературы первыхъ девяти вѣковъ авторъ пришелъ къ рѣшительному убѣжденію въ необходимости свободы совѣсти по отношенію къ религіи, ради благоуспѣшности самой послѣдней.—Недостатокъ матеріальнаго обезпеченія вынуждалъ В. Ѳ., кромѣ должностъ доцента, занимать разно-

временно должностъ помощника секретаря совѣта и правленія (1882—1884 г.), помощника инспектора Акад. (1884—1887 г.). Въ 1889 г. избранъ Совѣтомъ Академіи въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1897 г. удостоенъ степени доктора богословія за сочиненіе: „О церковной дисциплинѣ“, Сергіевъ Посадъ 1897 г. Сочиненіе это находится въ тѣсной связи съ магистерскою диссертацией. Если первая главнымъ образомъ трактовала о вѣрѣ и рѣшала вопросъ въ смыслѣ свободы совѣсти, то вторая естественно должна была рѣшать его въ смыслѣ возможности ея измѣненія, путемъ выдѣленія изъ каноновъ церкви всѣхъ условныхъ элементовъ, т. е. мѣстныхъ и временныхъ (стр. 214—215). Признаніе свободы совѣсти естественно должно было влечь за собою и другое признаніе свободы въ дисциплинѣ и обрядѣ. Авторъ работалъ надъ своею диссертацией болѣе 12 лѣтъ, изучилъ за это время поразительную массу церковно-историческаго матеріала, имѣлъ дѣло съ весьма серьезными противниками, какъ Іоаннъ еп. смоленскій и др. Поэтому онъ могъ по праву сказать о своей теоріи: „и это—снѣжемъ утверждать—не будетъ противощерковною теоріей“ (стр. 221). Оба рецензента справедливо дали (см. „Журналы Совѣта моск. Дух. Акад.“ за 1897 г., стр. 304) весьма лестные отзывы о докторской диссертации В. Ѳ. [см. еще спеціальную эту дѣль проф. *И. С. Бердникови*]. Къ вопросу о церковной дисциплинѣ, Казань 1902, изъ „Православнаго Собесѣдника“ за 1902 г.]. 1 янв. 1897 г. В. Ѳ. Совѣтомъ Академіи былъ избранъ въ ординарные профессора. Усиленные занятія наукою подорвали здоровье В. Ѳ. и 12 июня 1898 г. онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы, согласно прошенію, по разстроеному здоровью. Скончался 28 янв. 1899 г., на 50-мъ году отъ рожденія.

Кромѣ перечисленныхъ ученыхъ трудовъ у В. Ѳ. есть нѣсколько еще другихъ. Обстоятельства ихъ происхожденія опредѣляются, съ одной стороны, тяготѣніемъ В. Ѳ. еще съ студенческой скамьи къ вопросамъ каноническаго права, съ другой, преподаваніемъ гомилетики. Къ первой категоріи относятся слѣдующія статьи: Католицизмъ и протестантство въ отношеніи къ свободѣ совѣсти („Правосл. Обозр.“ 1881 г. № 10;

1882 г. № 1—2). О вѣротерпимости (ibid. 1883 г. № 5—6). Дисциплина древней церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти. („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1886 г., XXXVII) и, наконецъ, выходившія подъ различными заглавіями статьи, составившія вмѣстѣ съ предшествующими изслѣдованіями докторскую диссертацию („Бог. Вѣстн.“ 1896—1897 г.). Ко второй категоріи относятся статьи: Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1885 г., XXXV). Приносятъ ли пользу церковная проповѣдь? („Приб. къ Церк. Вѣдомостямъ“ 1888 г., № 41, 43, 46—47). Слово обличенія въ церковной проповѣди (ibid.—1889 г., № 28—29). Чѣмъ долженъ руководиться пастырь въ словѣ обличенія? (ibid.—№ 30, 32—33). Митрополитъ Московскій Макарій (Вулаговъ), какъ проповѣдникъ („Бог. Вѣстн.“ 1893 г., I—III). За послѣднее произведеніе автору Совѣтомъ Академіи была присуждена половинная Макарьевская премія въ 250 руб.

В. Θ. не оставилъ послѣ себя какой-либо опредѣленной гомилетической теоріи. Лекціи его по гомилетикѣ не напечатаны; онѣ хранятся у его родныхъ. Онъ писалъ по гомилетикѣ немного и отрывочно. Лучшія силы свои отдалъ другой наукѣ, которую занимался съ самой школьной скамьи. Говорятъ даже, что онъ не разъ пытался промѣнять кафедру гомилетики на кафедру церковнаго права въ Университетѣ или въ Академіи. Но ему не суждено было добиться этого. Нѣкоторые изъ его гомилетическихъ взглядовъ заслуживаютъ вниманія и уваженія. В. Θ. весьма сочувствовала отведенію болѣе виднаго мѣста кафедрѣ гомилетики въ ряду другихъ академическихъ кафедръ. Сдѣлавшись самостоятельной, она получила характеръ спеціально церковной науки, перестала тонуть въ отбѣлахъ общей риторики, получила возможность расширить программу и увеличить количество учебныхъ проповѣдей. Не смотря на это довольно видное положеніе науки въ ряду другихъ наукъ, В. Θ. желала, чтобы гомилетика была поставлена еще шире. „Еслибы идеаломъ образованія юношества дѣйствительно было приуготовленіе „проповѣдниковъ слова Божія“, то это будетъ самое большее, чего

можно пожелать духовному образованію“. Проповѣдь онъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ обязанностей пастыря. Проповѣдь, какъ искусство ораторское, послѣднею цѣлію котораго было умѣнье потрясать души, отрицалъ. Проповѣдь должна изяснять прежде всего Свящ. Писаніе затѣмъ св. отцовъ, не разбиваясь на витшій блескъ различныхъ западныхъ и русскихъ проповѣдниковъ. Заслуживаетъ вниманія его разсужденіе о причинахъ упадка проповѣди въ настоящее время. Дѣло проповѣдничества существуетъ среди такихъ неблагоприятныхъ условій, что нельзя обвинять пастырей за ихъ молчаніе, за отсутствіе у насъ живого, правдиваго, свободнаго слова. Цѣнны разсужденія его о современности проповѣди, о московскомъ и кievскомъ направленіи у насъ въ проповѣди. Въ теченіе всей своей жизни В. Θ. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. О немъ говорили: „ему мало 24 час. въ суткахъ.“ Всѣ ученія изслѣдованія и небольшія статьи носятъ на себѣ слѣды кропотливаго, усидчиваго, напряженнаго труда, широкаго знакомства съ литературою предмета, о чемъ бы онъ ни вѣлъ свою рѣчь. „Въ лицѣ В. Θ. сошелъ въ могилу истинный ученый, достойный представитель богословской науки“ (проф. *И. Н. Корсунскій*). „Широта ученаго кругозора, отвѣченность предмета изученія, тонкость умозрительнаго разъясненія, искусство умозрительнаго сочлененія и связи, точность выраженія, — выдающіяся коренныя черты В. Θ.“ (проф. *Н. А. Заозерскій*). Къ исполненію своихъ обязанностей онъ относился весьма строго. На лекціи приходилъ даже во время своей болѣзни, напятая свои послѣднія силы и едва справляясь со своимъ разбитымъ параличомъ языкомъ. Не рѣдко физическая слабость вынуждала его прерывать лекцію — и студенты безмолвно вслѣдъ за нимъ оставляли аудиторію, не дѣлая даже ни съ кѣмъ тяжелымъ чувствомъ и безъ того понятнымъ каждому (студентъ Чистосердовъ).

Епископъ *Евдокимъ*.

Нипариссіотъ Іоаннъ, извѣстный съ эпитетомъ „мудреца“ (*ὁ σοφός*), былъ послѣ Никифора Григоры самымъ выдающимся противникомъ св. Григорія Паламы въ извѣстныхъ спорахъ паламитовъ и варламитовъ

(см. „Энци.“ III, 149—157). Обстоятельства жизни Іоанна Кипариссіота совершенно неизвестны. Можно лишь полагать, что расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на послѣднюю треть XIV вѣка и что онъ скончался послѣ Никифора Григоры, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ. Большая часть догматико-полемиическихъ сочиненій І. Кипариссіота хранится еще въ рукописяхъ. Парижскій кодексъ № 1246 (огъ XV в.) содержитъ слѣдующія сочиненія Кипариссіота, написанныя противъ Григорія Паламы и его сторонниковъ: 1) Четыре книги паламитскихъ заблужденій, 2) Восемь книгъ противъ Григорія Паламы и его послѣдователей вѣры, 3) Восемь книгъ о несозданномъ свѣтѣ противъ Паламы, 4) Три книги объ отступничествѣ паламитовъ. Изъ перечисленныхъ сочиненій Кипариссіота изданы только первая и четвертая книги „Паламитскихъ заблужденій“. Изъ нихъ видно, что Кипариссіотъ имѣлъ обширныя познанія въ богословіи, обладалъ остротою умомъ и былъ вообще сильнымъ противникомъ Паламы и его послѣдователей. Въ четвертой книгѣ „Паламитскихъ заблужденій“ писатель указываетъ и на свое сочиненіе „О ересьяхъ“, которое находится въ томъ же парижскомъ кодексѣ № 1246. Затѣмъ, къ его твореніямъ надо также присоединить пять книгъ противъ Нила Кавасилы, а Фабрицію сообщаетъ, что Кипариссіотъ написалъ еще одно сочиненіе противъ Паламы, по времени предшествующее всѣмъ другимъ полемиическимъ его трактатамъ и по объему равное всѣмъ имъ вмѣстѣ. Наконецъ, въ полномъ видѣ, хотя и въ латинскомъ переводѣ, издано его сочиненіе *Ἐκθεσις τριτοῦ ὁδοῦ τῆς ῥήσεως θεολογικῶν*, въ которомъ содержится систематическое изложеніе того, что разными богословами высказывалось о Богѣ. Сочиненіе состоитъ изъ десяти отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на десять главъ. Первая декада говоритъ о богословіи таинственномъ, вторая — о богословіи доказательномъ, третья — о божественныхъ дѣйствіяхъ, четвертая — о происхожденіи божественнаго имени и т. д. Словоиъ, сочиненіе представляетъ какъ бы систематическое руководство по догматикѣ, съ схоластическимъ подраздѣленіемъ матеріала. Его вѣншее сходство труда византійскаго богослова съ аналогичными памят-

никами западной схоластики дало поводъ переводчику его на латинскій языкъ Турриану видѣть здѣсь вліяніе латинскаго богословія на византійское. Но такое мнѣніе вовсе не подтверждается содержаніемъ сочиненія Кипариссіота, которое представляетъ сводъ воззрѣній исключительно византійскихъ богослововъ, безъ всякаго упоминанія отцовъ и учителей западной церкви. Самый главный авторитетъ для І. Кипариссіота представляетъ Діонисій Псевдоареопажитъ, а затѣмъ онъ цитируетъ свв. Аоанасія в., Василія в., Григорія Богослова, Григорія великаго, Іоанна Златоуста, Кирилла алек. и Іоанна Дамаскина. Самымъ раннимъ по времени писателемъ здѣсь называется Іустинъ Мученикъ, при чемъ указываются подложныя его сочиненія, а болѣе поздними Никифоръ, патриархъ константинопольскій, который ошибочно названъ Феодоромъ Начертаннымъ, и Еввмій Зигавианъ. Что же касается формы разсматриваемаго сочиненія, то она не имѣетъ рѣшающаго значенія и не можетъ быть признака безусловнымъ заимствованіемъ изъ западной схоластической литературы, такъ какъ выборка и систематизация отдѣльныхъ мѣстъ изъ Свщ. Писанія и твореній отцовъ церкви, примѣнительно къ определенной задачѣ, были и въ Византіи довольно обычнымъ литературнымъ явленіемъ. А то обстоятельство, что Кипариссіотъ ограничился одними восточными богословами и не привлекъ къ освѣщенію, яко бы, схоластическихъ вопросовъ и западныхъ богослововъ, ясно показываетъ, что между двумя половинами христіанскаго міра и въ отношеніи богословскихъ воззрѣній существовали различіе и раздѣленіе, которыя, по крайней мѣрѣ, для византійскихъ богослововъ не представлялись легко устранимыми личнымъ воззрѣніемъ и желаніемъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи *Ἐκθεσις* Іоанна Кипариссіота нельзя ставить тезиса о вліяніи западнаго схоластическаго богословія на византійское. *Ἐκθεσις* представляетъ *византійскую* богословскую энциклопедію.

Литература. Первую и четвертую книги „Паламитскихъ заблужденій“ Кипариссіота первоначально издали *Fr. Combefis*, *Auctarium novissimum* II (1672), 68—103, а потомъ перепечаталъ *Migne*, *Patr. gr.* CLII, 664—737. *Ἐκθεσις* издалъ въ латинскомъ переводѣ *Fr. Turrianus* (Римъ 1581),

перепечатать *Migne* gr. CLII, 741—992 (упоминаніе сочиненія „О ересяхъ“ см. col. 721. 785). О Кипарисіотъ также говорятъ: *Fabricius*, Bibl. gr. XI, 507—512, *J. Longen* въ „Revue internationale de théologie“ III (1895), 300—303, *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur (München 1897), § 35. См. также *Nicephorus Gregoras*, Byzantina historia II (Bonnae 1830), *Annotations*, p. 1287. 1289. 1300. 1305. [*A. Vacant et E. Mangenot*, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2458.]

И. И. Соколовъ.

Киперъ (*Lawsonia alba*, евр. соргер) — растение въ формѣ куста, достигающее въ высоту пяти и болѣе аршинъ (4-хъ метровъ). Растеніе это имѣетъ продолговатые листья, мелкіе, состоящіе изъ четырехъ лепестковъ бѣлые и желтоватые цвѣтки, собранные въ кисти, съ ароматнымъ, напоминающимъ резеду, запахомъ. Древесина кверса очень тверда, кора шероховата, покрыта (у одного изъ видовъ растенія—*Lawsonia spinosa* L.) острыми шипами. Киперъ произрастаетъ между прочимъ, въ Египтѣ, Остѣ-Индіи, Аравіи; въ Палестинѣ онъ встрѣчается нѣмѣ въ окрестностяхъ Іерихона и въ долинѣ Энгедди (въ пустынѣ Іудиной). Египтянки носятъ на груди букетъ изъ благоуханныхъ цвѣтовъ кипера. Въ Остѣ-Индіи разводятъ это растеніе, какъ предметъ торговли. Порошокъ (изъ листьевъ и цвѣтовъ) кипера даетъ оранжевую краску; восточныя женщины окраиваютъ имъ волосы, концы пальцевъ, ногти, нѣкоторыя части лица. Въ Палестинѣ, во времена библейскія, киперъ разводился въ садахъ, какъ ароматное растеніе. О киперѣ, произрастающемъ въ садахъ, о кистяхъ его цвѣтовъ говорится въ кн. Пѣсн. (1, 13 4, 13, 14).

См. *Richtm*, HW 21, S. 283; *Guthe*, KBW., S. 112 [а также въ другихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ.]

Прот. Н. Елеонскій.

Киприлла или *Кирилла*, св. мученица киревская (въ Ливіи), III—IV столѣтія. Она пострадала вмѣстѣ съ Анною (или Агнью, Агнесю) во времена имп. Диоклитіана. *Память 5 іюля.*

AA. SS. Voll. 5 іюля II, 224; Митрологіи Василіевы; Макар. Ч.-Минея; прологъ (4 іюля, подъ Феодоромъ киренскимъ).—*Сергій.*

Хр. Л.—св.

Кипріановичъ Григорій Яковлевичъ — магистръ богословія, писатель. Сынъ древле-православнаго священника виленской губ., присоединившаго къ православію своей униатскій (крайскій) приходъ — онъ обучался первоначально въ виленскомъ Дух. Училищѣ и литовской Дух. Семинаріи; въ 1867 г., какъ первый студентъ, съ благословенія митрополита Іасифа Сѣмашки, посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ с.-петербургскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ на историческомъ отдѣленіи въ 1871 г., въ періодъ ректорства о. І. Л. Янышева, кандидатомъ богословія съ правомъ на степень магистра безъ новаго уснаго испытанія. 23 авг. 1871 г. Кипріановичъ былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ самарскую Духовную Семинарію, а спустя ровно годъ переведенъ на ту же должность въ литовскую Дух. Семинарію, гдѣ состоитъ старшимъ преподавателемъ. Одновременно съ должностью старшаго преподавателя Семинаріи Григорій Яковлевичъ занималъ должность смотрителя и преподавателя педагогика въ виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства (1876—1902 гг.), а также — руководителя образцовой при немъ школы для дѣвочекъ (1897 г.). Съ 1896 г. Кипріановичъ состоитъ штатнымъ преподавателемъ педагогики и дидактики въ виленской женской гимназійи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Важнѣйшіе литературные труды Г. Я. Кипріановича: въ журналѣ „Заря“ (1871 г.) рядъ статей подъ заглавіемъ: Очерки политической и домашней жизни грековъ въ средніе вѣка; въ „Православномъ Обзорѣніи“ (1875 г., № 7 за іюль, стр. 378—407; № 8 за августъ, стр. 533—572): Жизнь и ученіе богомысловъ по Паволѣи Евелмія Зигабена и др. источникамъ, — кандидатская диссертация; въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ (1876 г.) и отдѣльно рядъ историческихъ очерковъ: Русская цивилизація въ Литвѣ до Гедимина; въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1878 г.) и отдѣльно: Судьбы религиозно-церковной жизни въ западной Руси и Литвѣ, — рѣчь на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтняго юбилея литовской Дух. Семинаріи; въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“; Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его сподвижники въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною

церковно, — рѣчь, произнесенная на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтія воссоединенія униі (1889 г.); Старшій соборный протоіерей І. Сѣмашко, отецъ митрополита Іосифа (1892 г.); Сорокалѣтіе польскаго возстанія 1863 года и его итоги (1903 г. № 20, 21); Римскій католицизмъ въ западной Россіи, — историческій очеркъ (1904 г. № 23); въ „Христіанскомъ Читеніи“ (1900 г. мартъ): Къ исторіи воссоединенія униатовъ, — рѣчь, сказанная въ актовомъ залѣ соб. Дух. Академіи предъ защитою магистерской диссертациі, подъ заглавіемъ: Жизнь митроп. Іосифа Сѣмашки. Огдѣльно изданныя книги: Очеркъ жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго, Вильна 1894 г., стр. 146 (рекомендовано для приобрѣтенія въ бібліотеки Учеб. Комит. и Училищ. Сов. при Св. Синодѣ и Учен. Комит. при Мин. Нар. Просв.); Историческій очеркъ православія, католичества и униі въ Бѣлорусіи и Литвѣ съ древн. до настоящаго времени, Вильна 1899 г., изд. 2-е, стр. 304 (см. о немъ у проф. И. Любарскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., стр. 701—703, а равно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., „Церковн. Вѣдомостяхъ“ 1899 г., „Литовск. Епарх. Вѣд.“ и др.). Самымъ обширнымъ трудомъ Киприановича является: „Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго; и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію въ 1839 г.“; о первомъ изданіи, доставившемъ автору степень магистра богословія и удостоенномъ отъ Св. Синода преміи митр. Макарія (въ 1000 р.), см. у проф. С. Ѳ. Платонова („Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1893 г., ноябрь, стр. 191), а о второмъ — у проф. П. Н. Жуковича („Заниски Академіи Наукъ“, 1899 г.), признаващаго сочиненіе заслуживающимъ преміи графа Уварова. Кромѣ того, Г. Я. Киприановичъ помѣщалъ въ разное время, начиная еще со школьной скамьи (съ 1866 г.), небольшія статьи историч. содержанія, рецензіи и историческіе документы съ объясненіями ихъ въ „Литовск. Епарх. Вѣд.“, „Виленск. Вѣсти.“, „Памятной книжкѣ виленск. губ.“ въ „Путеводителѣ по г. Вильнѣ“ и др.

[По указу Св. Синода 31 дек. 1907 г. Г. Я. Киприановичъ назначенъ членомъ издательскаго комитета при Виленскомъ Свято

Духовномъ братствѣ и при издаваемомъ послѣднимъ журналѣ „Вѣстникъ Виленскаго братства“, гдѣ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ, какъ и въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, но еще печатаетъ статьи („Изъ сѣверо-западнаго края“, „изъ Вильны“, рецензіи) въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. — Какъ видимъ Г. Я. Киприановичъ — писатель не только неутомимый, но и разносторонній, часто касающійся „свѣтскихъ“ темъ и вопросовъ, а потому въ дополнителномъ томѣ Словаря Брокгауза и Ефрона отъ неправильно названъ просто „духовнымъ писателемъ“].

Свящ. Н. В. П—въ.

Киприанъ, св.-мученикъ коринѣскій, III столѣтія. Онъ вмѣстѣ съ Анектомъ и Крискентомъ былъ обращенъ ко Христу юношею Кодратомъ, съ которымъ всѣ они и были обезглавлены въ Коринѣ въ царствованіе имп. Декія (249—251 г.). *Память всѣхъ ихъ 10 марта.*

(Макар. Ч.-Минея, Прологъ).

Хр. Л.—ль.

Киприанъ, св.-мученикъ никоидійскій, IV столѣтія. Уроженецъ Антиохіи фиванійской, онъ былъ философомъ и волхвомъ и отличался богатствомъ. Снисходя на просьбы нѣкого Аглайда, почувствовавшаго влеченіе къ Іустинѣ, Киприанъ пріобрѣлъ къ помощи бѣсовъ, чтобы „присунуть“ дѣвицу къ Аглайду, во безуспѣшно. Увидѣвъ тщетность своихъ знаній въ волхвованіи, онъ увѣровалъ во Христа, крестился и сжегъ свои волхвовательныя книги. Позже онъ былъ посланъ въ епископа. Мучень по распоряженію дамасскаго комита и наконецъ обезглавленъ въ Никомидіи на р. Галлѣ, притока Сангарія, 26 или 28 сентября 304 года. Мощи его почиваютъ въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ. *Память его 2 октября.*

Время жизни мучениковъ одни относятъ ко временамъ имп. Декія (249—252 г.), другіе ко временамъ Клавдія I (268—270 г.). AA. SS. Vol. 26 сентября VII, 217; *Migne* gr. CXV, col. 847; *Th. Zahn*, *Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage*, 1892 (нач. словами: Τὸς ἐπισκοπίας; страшнѣе, начинающееся словами: Πολλὴ καὶ μετὰ, въ изданіи: De sancto Cypriano et de pri-

maera Carthageniensi ecclesia, ed. В. I a t r i g n o n, Paris 1 62; Мисологія Василіевъ; Макар. Ч.-Минея („Пророческимъ словесемъ, бывающимъся“; тутъ же и „Покаяніе Кипріяна“); Прологъ.—Серій. [The Catholic Encyclopedia IV, p. 583.]

Хр. Донатевъ.

Киприанъ или Кирий (Квирий), св.-мученикъ сицилійскій, IV столѣтія. Уроженецъ южно-итальянскаго города Васты (близъ Сициліи), сынъ италійскаго князя, Киприанъ вмѣстѣ со своими братьями Алфіемъ и Филадельфомъ былъ крещенъ во Христову вѣру св. Онисимомъ. Во времена имп. Диоквія (307—323 г.) всѣ они были вызваны въ Римъ, гдѣ св. Онисимъ съ Еразмомъ и 14 другими были обезглавлены, а три брата были препровождены къ начальнику Диомиду въ Сицилію, гдѣ, въ Мессополѣ леонтинскомъ (въ Леонтинахъ) и приняли мученическія вѣнцы. Киприанъ (Квирий) соженъ на сковородѣ. Обрѣтеніе мощей мучениковъ имѣло мѣсто въ 1517 г. *Память всѣхъ ихъ 10 мая.*

АА. SS. Boll. май II, 502, 772; Мисологія Василіевъ; житіе Евваліи (2 марта); Макар. Ч.-Минея („биху отъ Васанскія страны“); Прологъ.—Серій.

Хр. Л—съ.

Киприанъ, св.-мученикъ никомидійскій, невзвѣстнаго времени. Видя, что Стратонъ, Филаппъ, Евстихіанъ и Киприанъ совращаютъ народъ ко Христу и заставляютъ презирать дѣдовскіе обычаи (напр., однажды театръ былъ совершенно пустой), начальникъ области привлекъ ихъ на судъ, подвергъ разнымъ пыткамъ, отдавалъ ихъ на съѣденіе звѣрей и, наконецъ, велѣлъ бросить ихъ въ огонь. *Память всѣхъ ихъ 17 августа.*

Въ Макар. Ч.-Минея одно заглавіе; Прологъ.

Хр. Л—съ.

Киприанъ. Фасцій Цецилій, епископъ карвагенскій, святой отецъ и учитель церкви, извѣстный литературный дѣятель и богословъ III вѣка. Родился въ концѣ II-го или самомъ началѣ III столѣтія, вѣроятно, въ Карвагенѣ, въ богатой и знатной языческой семьѣ. Главнымъ источникомъ для его жизнеописанія является сочиненіе его діакона Пон-

тія: „О жизни и страданіяхъ св. Кипріяна“ (Migne, gr. t. III, col. 1483), — сочиненіе несомнѣнно подлинное (Иерон., Каталогъ, гл. 68). Источникомъ служатъ также многочисленные произведенія самого Кипріяна, особенно же его письма. Получивши блестящее литературное и ораторское образованіе, Киприанъ сдѣлался преподавателемъ риторики въ карвагенской школѣ и имѣлъ, кромѣ того, широкую адвокатскую практику. Но даровитый адвокат, познакомившись съ жизнью христіанъ и изъ вѣрованіями, подъ влияніемъ пресвитера Цециліана, скоро вступилъ на новый путь жизни. Онъ сдѣлался христіаниномъ (письмо 1 къ Донату) и, принявши крещеніе (вѣроятно, въ 246 году), обратился къ аскетическому образу жизни (письмо къ Дон., гл. 3—4). По свидѣтельству Иеронима (письмо 33 къ Паммахію; Каталогъ, гл. 53), особенное воздѣйствіе на образованіе нравственно-религіознаго уклада его жизни имѣлъ Тертуллианъ со своими возвышенно-аскетическими твореніями. Черезъ годъ послѣ крещенія Киприанъ былъ сдѣланъ пресвитеромъ, а въ 249 г. (или въ концѣ 248 г.) онъ, по желанію народа и клира, былъ избранъ на епископскую кафедру Карвагена, этой столицы сѣверной Африки. Вмѣстѣ съ этимъ началась его административная и широкая литературно-богословская дѣятельность. Съ самаго момента вступленія на епископію ему пришлось перенести много волнений и невзгодъ вслѣдствіе начавшихся тогда гоненій на христіанъ со стороны императоровъ Декія, Галла и Валеріана. Самъ Киприанъ почти 2 года (съ января 250 по 23 марта 251 года: см. „О жизни и страданіяхъ“ Понтія; письмо 40-е Кипріяна) провелъ въ добровольномъ изгнаніи въ одномъ уединенномъ мѣстечкѣ, откуда своими посланіями и поддерживалъ духъ и энергію своей паствы. Гоненія въ то время выдвинули на очередь вопросъ о падшихъ (lapsi), т. е. о такихъ христіанахъ, которые въ той или другой степени (sacrificati, thurificati, libellatici), по малодушію, отрекались отъ христіанства, а въ моменты катихизиса снова выражали желаніе соединиться съ церковію. Киприанъ въ данномъ случаѣ былъ сторонникомъ самыхъ строгихъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ, по его мнѣнію, должно зависѣть исключительно отъ воли епископа, какъ главы церкви. Между

тѣмъ въ практикѣ жизни въ это время установился обычай, по которому для желающих снова соединиться съ церковію было достаточно заручиться только ходатайствомъ за падшихъ со стороны „исповѣдниковъ“ и полученіемъ отъ нихъ особой „отпустительной грамоты“ (*libellus pacis*), при чемъ эти грамоты раздавались исповѣдниками часто легкомысленно безъ всякаго соображенія со степенью нравственной готовности „падшихъ“ соединиться съ церковію. Противникомъ этого обычая, крайне вредно отзывающагося на нравственномъ настроеніи общества и унижавшаго достоинство и власть церкви „вязать и рѣзать“, Кипріянь и выступилъ, главнымъ образомъ, въ своихъ трехъ знаменитыхъ посланіяхъ: къ *а) клиру (12-е)*, *б) мученикамъ и исповѣдникамъ (10-е)* и *в) ко всему народу (11-е)*. Пришлось Кипріяну выдержать упорную борьбу и съ расколомъ, возбужденнымъ въ карфагенской церкви Фелициссимомъ и Новатомъ, которые съ своими умѣренными взглядами по вопросу о падшихъ связали чисто іерархическую распрю, являющую въ своемъ основаніи главнымъ образомъ личныя отношенія къ Кипріяну. Принималъ Кипріянь нѣкоторое косвенное участіе въ борьбѣ и съ другимъ раскольническимъ движеніемъ, которое было возбуждено въ Римѣ пресвитеромъ Новаціаномъ и являлось собственно отзвукомъ карфагенскаго раскола, если не во взглядахъ по вопросу о „падшихъ“ (—Новаціанъ былъ защитникомъ ригористическихъ отношеній къ падшимъ—), то, по крайней мѣрѣ, по оппозиціи къ личности самого Кипріяна, съ одной стороны, и къ личности (друга Кипріяна) Корнелія, римскаго епископа, съ другой стороны. Въ борьбѣ съ карфагенскими и римскими раскольниками Кипріянь и написалъ свои лучшія произведенія: *а) „О единствѣ каеволической церкви“* (иначе: „О единствѣ церкви“ или: „О чистосердечіи архіерейскомъ“) и *б) „О падшихъ“* (оба въ 251 году), въ которыхъ и рѣшается весьма важный вопросъ о церкви и ея сущности и, въ связи съ этимъ, высказывается ригористическій взглядъ по вопросу о принятіи падшихъ въ общеніе съ церковію. Отзвукомъ борьбы Кипріяна съ раскольниками были въ это время два карфагенскихъ собора (251—252 г.), которые были составлены по его собственной инициативѣ и

проходили подъ его предѣлательствомъ. На нихъ рѣшался и вопросъ о „падшихъ“. Заключительную стадію административной и литературной дѣятельности Кипріяна составляли его споры съ римскимъ епископомъ Стефаномъ по вопросу о способѣ принятія еретиковъ въ общеніе съ церковію. Карфагенскій епископъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ перекрещиванія еретиковъ, вступающихъ въ церковь, въ противоположность взгляду Стефана, который отстаивалъ простое только возложеніе руки епископской на присоединяющагося еретика, какъ на условіе его общенія съ церковію. Плодомъ этихъ очень жаркихъ споровъ со стороны Кипріяна и было появленіе цѣлага ряда произведеній (особенно письма 55, 62, 57, 58, 59, 60, 61 — по кіевск. рускому изд.) и, между прочимъ, собраніе въ Карфагенѣ цѣлага ряда соборовъ (255 г. два раза, 256 г. — въ маѣ и сентябрѣ). Въ гоненіе императора Валеріана, послѣ цѣлага года, проведеннаго въ городѣ Керубитъ въ изгнаничествѣ, Кипріянь, наконецъ, палъ жертвою языческаго насилія: въ 258 г., 31 августа, въ Карфагенѣ онъ былъ обезглавленъ. Моши св. мученика, сначала похвщавшіяся въ Карфагенѣ, въ VII в. были подарены Гаруаль-Рашидомъ Карлу великому и перевесены во Францію, гдѣ и теперь находятся въ городѣ Компаньенѣ въ монастырѣ св. Корнелія. *Память св. Кипріяна* въ католической церкви совершается 14 сентября, а въ православной 31 августа.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, Кипріянь по различнымъ поводамъ написалъ еще слѣдующія произведенія, въ формѣ отдѣльныхъ трактатовъ. Прекрасный анализъ и исторію обращенія Кипріяна въ христіанство представляетъ его первый по времени написанія (вскорѣ послѣ обращенія въ христіанство) трудъ: «О благодати Божіей» (иначе „Къ Довату“), съ которымъ имѣетъ ближайшую связь произведеніе: „Почему идолы не суть боги“? (иначе: „О тщетѣ идоловъ“—въ 15 главахъ), которое написано подъ сильнѣмъ вліяніемъ сочиненій Минуція Фелвкса („Октавій“) и Тертуліана („Апологетикъ“) и посвящено критикѣ языческаго полтеизма. Въ сочиненіи: „Къ Квириу“ (иначе: „Книги свидѣтельствъ противъ іудеевъ“, въ трехъ книгахъ, 248 года) онъ представлялъ критику іудейства,

обоснованную главным образом на свидетельствах из Свящ. Писания; это произведение впоследствии несколько раз подвергалось переработке (Коммодіаномъ, Лактанціемъ и Фирмикомъ Матерномъ) и легло въ основаніе трактата: „Противъ игроковъ“ (Adversus aleatores), которое неправильно приписывается самому Кипріяну. Въ борьбѣ съ обычаями, въ силу котораго современныя ему дѣятели подѣломъ духовныхъ естерь (subintroductae) проживали въ домахъ клириковъ, было написано сочиненіе: „Къ дѣятелицамъ“ (въ 24 главахъ, 249 г.). Въ сочиненіи: „О смертности“ (26 гл., 252 г.), написанномъ во время моровой язвы, Кипріянь даетъ уроки терпѣнія и покаянія, а въ сочиненіи: „Къ Деметріану“ (26 гл., 253 г.), написанномъ точно также по поводу моровой язвы, опровергаетъ указаніе язычниковъ на это бѣдствіе, какъ на результатъ гнѣва боговъ. Сочиненіе „О молитвѣ Господней“ (36 гл., въ 252 г.), написанное подѣломъ вліяніемъ Тертуліана („О молитвѣ“), посвящено анализу молитвы Господней и обрисовкѣ молитвеннаго образа Христа. Гоненія на христіанъ вызвали написаніе сочиненія: „Къ Фортунату объ увѣщаніи къ мученичеству“ (13 гл., въ 253 г.), въ которомъ онъ призываетъ христіанъ къ твердости духа при перенесеніи гоненій. Въ сочиненіяхъ: „О благодѣ терпѣнія“ (24 гл. — подѣломъ вліяніемъ сочиненія Тертуліана: „О терпѣніи“) и „О ревности и зависти“, написанныхъ во время споровъ о крещеніи еретиковъ, призываетъ пастырей къ укрѣпленію мира церковнаго. Наконецъ, въ сочиненіи: „О трудѣ и милостыняхъ“ (26 гл.) призываетъ христіанъ къ дѣятельной любви къ ближнимъ.

Кромѣ трактатовъ, съ именемъ Кипріяна связывается цѣлый рядъ писемъ, числомъ 81, изъ которыхъ 65 принадлежатъ ему самому, а 16 были написаны ему различными другими авторами. Всѣ они появились въ періодъ времени отъ 248 по 258 годъ, въ бытность его епископомъ, и составляютъ результатъ его административныхъ сношеній, съ современниками, — главнымъ образомъ, — по вопросамъ о „падшихъ“ и о прекращеніи еретиковъ. Особенно замѣчательно письмо 63 (по кiev. изд.), посвященное изясненію ученія о таинствѣ причащенія.

Много писемъ — церковно-каноническаго и пасторологическаго характера.

Сочиненія: „О зрѣящихъ“, „О благодѣ цѣломудрія“, „О похвалѣ мученичеству“, „Къ Новаціану“, „Увѣщанія къ терпѣнію“ — приписываются Кипріяну подѣломъ сомнѣніемъ. Трактаты, связываемые иногда съ именемъ Кипріяна, — „Противъ игроковъ“, „Разговоръ Язона и Паписка“, „О простосердечіи клириковъ“ и нѣкоторые другіе, Кипріяну ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ. Нѣкоторые сочиненія Кипріяна, извѣстныя ранѣе, до сихъ поръ еще не открыты.

Кипріянь былъ по преимуществу практической дѣятель. Все его вниманіе было обращено главнымъ образомъ на упорядоченіе нравственно-религіозной жизни христіанскаго общества. Практический складъ его характера надолго оставилъ соответствующій отпечатокъ и на его богословскую дѣятельность. Центральнымъ пунктомъ его богословія былъ вопросъ о церкви, — вопросъ по преимуществу практической. Полагая цѣлью всей своей административной дѣятельности нравственно-религіозное объединеніе вѣрующаго въ союзѣ мира и любви, Кипріянь и въ самомъ рѣшеніи вопроса о церкви особенно отдѣлялъ идею церковнаго единства. При этомъ въ противоположность своимъ предшественникамъ (Клименту римскому и Игнатію Богоносцу) — онъ обращалъ преимущественное вниманіе на выясненіе внѣшнихъ условій церковнаго единства. Тогда какъ Климентъ р. полагалъ въ основѣ церковнаго единенія по преимуществу вѣру и любовь, эти внутренне-психологическія основы христіанской жизни вообще и церковнаго союза въ частности, а Игнатій Богоносецъ такою основой считалъ вообще „пастырство“ со всѣми его внутренними и внѣшними признаками, — Кипріянь, наоборотъ, епископскую власть считалъ главнымъ организующимъ началомъ христіанской жизни. Собственно епископская власть, по нему, придаетъ особенную прочность и устойчивость церковному организму. Она существенно необходима для единства церкви. Эту послѣднюю мысль Кипріянь выдвигаетъ настолько рельефно, что самое понятіе о церкви у него какъ бы совпадаетъ съ понятіемъ о епископской власти. Отсюда былъ у него естественный переходъ къ мысли, что и

единение съ церковію для насомыхъ можетъ мыслиться только при безусловномъ единеніи съ епископомъ церкви. Раскольники и еретики потому не съ церковію и внѣ церкви, что они не подчиняются епископу и не ходятъ въ общеніи съ нимъ. Чисто вѣншній—по преимуществу юридическій,—взглядъ на церковь и условія ея единства отразился и на возрѣніяхъ Кипріяна по вопросу о дѣйственности таинства крещенія,—этому вопросу, выдвинутому спорами о перекрещиваніи еретиковъ. Дѣйственность таинства крещенія у него обуславливается по преимуществу вѣншнимъ юридическимъ факторомъ епископской власти, въ себѣ сосредоточивающей источникъ благодатныхъ даровъ. Изъ теоріи Кипріяна естественно вытекало, что еретики вѣншны церквю потому, что они внѣ епископской власти и внѣ единенія съ нею. Рѣшеніе вопроса во всякомъ случаѣ одностороннее. Вотъ почему взглядъ Кипріяна впоследствии былъ значительно исправленъ въ томъ смыслѣ, что еретики въ раскольниковъ перекрещивать слѣдуетъ только тогда, если самая система ихъ вѣроученія разрушаетъ въ то же время нравственно-религіозныя основы дѣйственности таинства крещенія,—православный смыслъ самой формулы крещенія во имя Отца, Сына и Св. Духа (1 всел. соб. пр. 8; 2 всел. соб. пр. 7; 6 всел. соб. пр. 95; Вас. в. пр. 1). Такимъ обр. ученіе Кипріяна о церкви и таинствѣ крещенія заключаетъ въ себѣ нѣсколько своеобразную, вѣншне-юридическую окраску и составляетъ совершенно новую ступень въ историческомъ процессѣ раскрытія данного ученія.

Источники и пособия. Творенія Кипріяна въ первый разъ были изданы Еразмомъ (Basil. 1520). Затѣмъ много разъ ихъ переиздавали: Морелій (Paris. 1562), Памелій (Antwerpen 1563), Ригаліи (Paris. 1648). Феллѳъ и Пирсонъ (Oxford 1682), Балюзій и Маранъ (Paris 1726). Изданіе Балюзія со всеми его ошибками и недостатками воспроизвелъ и Минъ въ своемъ *Patr. curs. compl.* (s. lat. t. IV, Paris 1844). Новѣйшее и безусловно лучшее, критически проверенное, изданіе слѣдуетъ Гартелю (Wien 1868—1871 въ *Corpus script. eccles. lat.*, vol. III, pars 1—3). Въ Россіи творенія Кипріяна издавались только въ переводѣ на русский языкъ—въ отрывкахъ и по частямъ въ разныхъ позременныхъ изданіяхъ (главнымъ образомъ въ «Христ. Чтеніи» за 1825—1847 гг.) и въ полномъ составѣ при

Кіевской Дух. Академіи (въ качествѣ приложенія къ журналу: «Труд. Кіевской Дух. Академіи» и отдѣльно въ двухъ томахъ). Лучшія и болѣе полныя изслѣдованія о Кипріянѣ на западѣ представили: *E. Freppel*, *St. Cyprien et l'église d'Afrique au III siècle*, 1863—1864 (2-е изд. 1865, 3-е изд. 1890). *J. Peters*, *Der Cyprian von Karthago. Bischof Kirchenvater und Blutzeuge Christi, in seinem Leben und Wirken dargestellt*, Regensburg 1877. *B. Fechtrop*, *Der h. Cyprian; sein Leben und seine Lehre dargestellt*, Münster 1878. *J. Peters*, *Die Lehre d. h. Cyprian v. Einheit der Kirche, gegenüber den beiden Schismen in Karthago und Rom, Luxemburg 1870*. *J. H. Reinkens*, *Die Lehre d. h. Cyprian v. der Einheit d. Kirche, Würzburg 1873*. *O. Ritschl*, *Cyprian v. Karthago und die Verfassung der Kirche*, Göttingen 1885. Другія изслѣдованія и статьи о Кипріянѣ см. у *Bardenheuer'a*, *Patrol.* 1894, S. 202—203, и у *Chevalier*, *Répert. des sources hist.* 530—531; 2538. *J. A. Faulkner*, *Cyprian, the Churchman*, Cincinnati 1906. *Charles Thomas Crutwell*, *A Literary History of Early Christianity II* (London 1893), p. 593—612. † *Prof. F. J. A. Hort*, *Six Lectures on the Ante-Nicene Fathers* (London 1895), p. 93—115; *Tertullian and Cyprian*. *J. Turmel*, *S. Cyprien et la papauté pendant la contraversion baptismale* въ «*Revue catholique des Eglises*» 1905, déc., p. 577—599. [См. также *Herzog-Hauck*, *R. E.* IV³, S. 367—375 (и ср. V, 799); *Wetzer und Welte*, *Kirchenlexikon III*², Sp. 1273—1277, II, 1699. *F. Lichtenberger*, *Encyclopédie III*, p. 547—549. *W. Smith* und *H. Wace*, *A Dictionary of Christian Biography etc.* I, p. 737—755. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique III*, Paris 1908, col. 2459—2470. *The Catholic Encyclopedia IV*³, p. 583—589.] Русская литература точно также довольно богата изслѣдованіями и статьями о Кипріянѣ. Таковы: *Жизнь св. Кипріяна Карагенскаго* (введеніе къ изд. его твореній и въ «Труд. Кіевск. Дух. Академіи», 1860 г. 1); † проф. *К. Н. Скорцовъ*, *Св. Кипріянь во время моровой язвы* («Тр. К. Д. А.» 1866 г., № 8); *Жизнь св. Кипріяна Карагенскаго* («Хр. Чт.» 1825 г., XV^{II}, стр. 237); *Страданія св. муч. Кипріяна Караг.* («Воскр. Чт.» IV, 248); архим. *Порфирій*, *Св. Кипріянь еп. Караг.* (†) Приб. къ твор. св. отц. 1856 г., IV⁰); *Христіанскій Востокъ и Западъ въ III в.*: Оригенъ и Кипріянь («Хр. Чт.» 1865 г., 1. 3, 227); *Ученіе св. Кипріяна о церкви* («Воскр. Чт.» XI); *Кипріянь*, какъ побрнскъ единства церкви («Хр. Чт.» 1858 г., 1, 28); о *А. В. Молчановъ* (нынѣ епископъ Алексій), *Св. Киприанъ Карагенскій и его ученіе о церкви*, Казань 1883 (это—самый полный и обстоятельный анализъ жизни и богословской дѣятельности св. Кипріяна на рус. яз.); о *А. Баламоскій*, *Взглядъ св. Ки-*

пріана на церковь и епископскую власть въ его отношеніи къ вопросу о власти римскаго папы («Прав. Обзоръ» 1886 г., III, 596—614.). † *Ф. Фарраръ*, Св. Кипріанъ каре. (глава изъ соч.: «Жизнь и труды св. отцовъ и уч. церкви» въ переводѣ ꙗ проф. *А. П. Лопухина*, спб. 1891, стр. 144—192; 2-е изд. 1902 г., стр. 177—236. См. также у преосв. *Филарета* черниговскаго (въ его «Истор. ученіи объ отцахъ церкви» I, изд. 1859 г., стр. 118—132).

Л. Исарева.

Кипріанъ — константинопольскій патріархъ—дважды занималъ вселенскій престолъ (1708 г.—май 1709 г. и 7 ноября 1713 г.—28 февраля 1714 г.). Биографическія о немъ свѣдѣнія не сообщаются греческими историками. Известно лишь то, что до патріаршества онъ былъ митрополитомъ Кесаріи каппадокійской, а на патріаршемъ престолѣ заявилъ себя строгимъ и ревностнымъ исполнителемъ обязанностей. Отличаясь простотою въ личной жизни и невзыскательностью во внѣшнихъ условіяхъ быта, онъ и отъ подчиненнаго духовенства требовалъ простоты и скромности и сурово осуждалъ склонность къ внѣшнимъ удобствамъ. Равнымъ образомъ, мірянамъ патріархъ запрещалъ носить богатые и нарядныя одежды, женщинамъ не позволялъ пользоваться драгоценными украшеніями и т. п. Аскетическая настроенность патріарха и суровыя требованія отъ всехъ жить просто и скромно создали ему многочисленныхъ враговъ среди клириковъ и народа, — которые и обратились съ жалобою на него къ правительству и обвинили энергичнаго первопатріарха въ неспособности къ управленію. Безъ всякаго разслѣдованія вины Кипріанъ былъ низложенъ и удаленъ въ ссылку на гору Афонъ, гдѣ и жилъ въ Ватопедскомъ монастырѣ вплоть до вторичнаго вступленія на вселенскій престолъ.

Изъ дѣяній перваго патріаршества Кипріана известно, прежде всего, учрежденіе завѣщанія архонта Сервана Кантакузина (въ мартѣ 1708 г.), жившаго въ Унровлахіи. Этотъ Кантакузинъ не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ и, опасаясь за судьбу своего богатаго наслѣдства, просилъ патріарха признавъ за составленнымъ имъ завѣщаніемъ законную силу. Патріархъ совместно съ синодомъ и издалъ соответствующую грамоту на имя унровлахійскаго

митрополита. Ему же приписывается грамота, изданная на имя священниковъ, іеромонаховъ и діаконовъ, запрещающая имъ носить парадныя одежды и украшенія, подъ страхомъ лишенія сана. Затѣмъ, извѣстившись о томъ, что халдійскій митрополитъ вторгнулся въ предѣлы епархіи транезунтской (въ мѣстности Кьюрдунія и Керасунтъ), патріархъ особой грамотой предписалъ ему впредь не допускать нарушенія чужихъ правъ. Въ февралѣ 1708 г. Кипріанъ утвердилъ права ставропигіальнаго монастыря Христа Спасителя Литовіанци въ Энирѣ, въ апрѣлѣ присоединилъ къ монастырю Дусика, въ качествѣ метоха, находившіяся въ епархіи фанаріо-неохорійской монастырекы св. Георгія, въ октябрѣ того же года объявилъ ставропигіальнымъ монастырь Іоанна Злотоуста на Милосѣ. Къ 1708 г. относится и опредѣленіе патріарха о томъ, чтобы митрополиты Арты рукополагали клириковъ въ подчиненныхъ ему епископіяхъ Вондицы, Аэта, Ахелоя, Рагонъ и Фотики, гдѣ въ то время кафедръ не были замѣнены. Наконецъ, отъ перваго патріаршества Кипріана сохранились двѣ грамоты касательно сбора пожертвованій на нужды Святого Гроба. Одна была отправлена митрополиту Хіоса, а другая — митрополитамъ Кизика, Никоидіи, Никеи, Прусы, Тривліи и Мудавія и архіепископу Приконниса и обѣ извѣщали указанныхъ іерарховъ, что для сбора пожертвованій въ пользу Святогробской казны назначено четыре поименованныя въ грамотахъ епитропа, — которымъ и слѣдуетъ оказать содѣйствіе въ ихъ трудахъ.

Хотя патріархъ своею суровостію и навѣсилъ себѣ много враговъ, по вѣнѣ которыхъ потомъ былъ низложенъ, но лучшіе члены церкви константинопольской хорошо понимали, что для нея Кипріанъ, отличившійся твердостію характера и яснымъ пониманіемъ церковныхъ потребностей, являлся вполне желательнымъ первоіерархомъ. Поэтому, когда патріарха Кирилла IV (1711—1713 г.) удалили съ престола, взоры всѣхъ обратились на Кипріана, который и былъ вызванъ съ Афона и вторично занялъ вселенскую кафедру. Но вторичное его патріаршество продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Турецкое правительство, въ своемъ посягательствѣ на права православной церкви

и народа, дошло до того, что наложило опредѣленный денежный налогъ и на самого Киприана, хотя по берату, получившему начало отъ завоевателя Византии Магомета II, патриархи освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. Разуздается, Киприанъ протестовалъ противъ дѣйствій правительства и за это опять былъ изгнанъ на Афонъ, гдѣ и скончался въ Ватопедскомъ монастырѣ въ 1714 г. Во второе патриаршество Киприанъ, между прочимъ, издавъ грамоту о снятіи съ александрійскаго патриарха Самуила отлученія, которому тотъ подвергся отъ вселенскаго патриарха Кирилла IV по несправедливому обвиненію со стороны Космы, епископа кланозупольскаго, претендовавшаго занять александрійскій престолъ. А Космъ патриархъ распорядился ежегодно выдавать тысячу гросіевъ изъ константинопольской патриаршей казны,—пока онъ не займетъ какую-либо каюдру. Наконецъ, извѣстно, что Киприанъ въ 1714 г. пожертвовалъ въ храмъ св. Георгія при патриархѣ 30 гросіевъ на поминъ своей души.

Литература. Κορυνηνός Ὑψηλάτης. Τὰ μετὰ τὴν ἀλωση...; Μαθῆς, Κατάλογος ἱστορικός... Μ. Γεδεών; 1) Πατριαρχικοί πίνακες, 2) Κανονικαὶ διατάξεις, Γ—Π, 3) Χρονικὰ τοῦ πατριαρχικοῦ οἴκου καὶ ναοῦ... Καλλιníkος Δελιγάνης, Πατριαρχικὰ Ἐγγράφα. Т. II—III (см. литературу о патриархахъ Каллиникѣ II и Каллиникѣ V въ „Энци.“ VIII, стлб. 45, 58).

И. И. Соколовъ.

Киприанъ стороженскій, основатель вынѣт ураздненнаго Николаевского Сторожен(в)скаго монастыря, который находился въ новгородской Обонежской пятинѣ при Ладожскомъ озерѣ. Киприанъ жилъ въ XVI—XVII в.; свѣдѣній о его жизни сохранилось немного. Преданіе гласитъ, что онъ сначала былъ разбойникомъ; потомъ, подъ вліяніемъ преп. Адриана Ондрусовскаго (память 26 августа), обратился на путь покаянія и на мѣстѣ разбойничьяго притона, на Стороженскомъ мысу основалъ иноческую обитель, въ которой постригся самъ и подвизался до смерти. По преставленіи, Киприанъ погребенъ здѣсь; доселѣ въ с. Сторожномъ, ново-ладожскаго уѣзда, видна могила Киприана, къ которой стекаются богомольцы.

Киприанъ не находится въ числѣ канонизованныхъ святыхъ въ „Вѣрномъ мѣсяце-

словѣ всѣхъ рус. св.“, Москва 1903. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ числѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Истор. канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцъ востока. II², стр. 341—342, на 2 ноября. *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агиогр. стлб. 289—290. † *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., ноябрь (вып. 3-й) 2-го, стр. 8—9 (изд. 1894 г.). *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 2-я, стр. 535—536 (изд. 1888 г.). Болѣе подробно у іеромон. (архим.) *Никодима*, Русскіе св. и подвижники благочестія С.-Петербургской епархіи, XIV—XVII вв. Спб. 1901, стр. 32—37.

Ан. С—въ.

Киприанъ суздальскій отшельникъ, подвизавшій въ юродствѣ. Онъ происходилъ изъ простолудиновъ, жилъ среди дѣса на небольшомъ островѣ р. Уводи, а въ воскресные и праздничные дни ходилъ молиться въ храмъ софійнаго села Воскресенскаго (въ ковровскомъ уѣздѣ, владимир. губ.), гдѣ онъ по кончинѣ (22 іюня 1622 г.) и погребенъ. Въ 1751 г. надъ его гробомъ пристроенъ къ храму придѣлъ въ честь Покрова Божіей Матери, и тогда же положено отправлять торжественно службу 2 октября св. мученику Киприану, въ память о блажен. Киприанѣ. Къ могилѣ Киприана богомольцы приходятъ для служенія панихидъ, особенно 2 октября, когда въ селѣ Воскресенскомъ бываетъ ярмарка.

Киприанъ не канонизованъ: въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ (Москва 1903) его нѣтъ. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ спискѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Исторія канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока. II², стр. 306. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., на 2-е октября (вып. 2, стр. 21 по изд. 1893 г.) и на 22 іюля (вып. 11, стр. 243—250 по изд. 1901 г.). *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агиогр., стлб. 290. *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 3, 189—191 (изд. 1882 г.).

Ан. С—въ.

Киприанъ устюжскій, основатель Михайло-архангельскаго монастыря близъ города Устюга, вологодской губерніи. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ устюжской волости, рано удалаяся отъ міра, принявъ постриженіе въ обители Пресв. Троицы въ

г. Гледенъ, съ именемъ Кипріяна. Послѣ основанія города Устюга, куда перешли жители Гледена, Кипріянь также перешель на новое мѣсто и сначала поставилъ малую келію вблизи города. Потомъ, въ 1212 г., уступая просьбамъ гражданъ, онъ началъ строить храмъ и обитель. Устюжане усердно помогали ему въ святомъ дѣлѣ трудомъ и приношеніями, а яныкѣ и навсегда оставалась въ обители. Съ любовію принималъ всѣхъ Кипріянь, подавая примѣръ трудовой подвижнической жизни, нестяжательности и смиренія: свои богатыя земельныя угодья онъ отдалъ обители; по общему признанію, будучи „начальникомъ св. обители и пастыремъ Христова стада“, онъ считалъ себя недостойнымъ священнаго сана и навсегда остался простымъ монахомъ. Не ослабѣвая въ трудахъ и подвигахъ, безвыходно пребывая въ обители, Кипріянь скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 29 сентября 1276 г. Гробница его находится въ монастырскомъ храмѣ Преполовенія; близъ гробницы лежатъ камень, служившій подвижнику мѣсто изголовья. Правед. Кипріянь принадлежитъ къ числу „почитаемыхъ усопшихъ“ (см. *Е. Е. Голубинскій*, Истор. канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока, II², стр. 303, на 29 сентября). Въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ онъ не помѣщенъ.

Филаретъ, Русскіе св., кн. 3, 169—171, на 29 сентября (изд. 1882 г.). *И. П. Барсуковъ*, Источ. русс. агиогр. стлб. 290. *Димитрій*, Мѣсяцесл. св., вып. 1-й (сент. 29-го, стр. 200—201 (изд. 1893 г.). Свяш. *Г. Вѣрхожскій*, Историческія сказанія о Вологодс. св. 53—57. Словарь истор. о св., стр. 146—147 (изд. 1886 г.)

Ан. С—ва.

Кипріянь, святой—[16-го сентября преставленіе, 27-го мая обрѣтеніе мощей, о чемъ см. у профессора *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія коноизаціи святыхъ въ русской церкви, 2-е изд., Москва 1903, стр. 191 сл. 559—560]—митрополитъ всея Россіи, былъ болгаринъ (см. у проф. *Е. Е. Голубинскаго* и *А. И. Яцимирскаго*, а также у архим. Амфилохія въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда“), хотя въ Никоновской Лѣтописи и Степенной книгѣ называется „сербиномъ“ и, по словамъ его племянника Григорія Цамблака (извѣстнаго литовскаго

митрополита), происходилъ изъ города Тернова. Безъ сомнѣнія, по влеченію къ монашеской жизни онъ рано поселился на Аѳонѣ и затѣмъ былъ чиновникомъ въ клирѣ константинопольскомъ. Его первое появленіе въ Россію относится къ конву 1373 или началу 1374 г., когда онъ упоминается (Ник. Лѣт. IV, 40) въ качествѣ патриаршаго посла для разслѣдованія отношеній митрополита Алексія къ западно-русскимъ церквамъ по поводу жалобъ Ольгерда на забвеніе его владѣній митрополитомъ Московскимъ и на суровость послѣдняго (Acta II, 118). Въ теченіе этого пребыванія онъ сумѣлъ повяты интересы литовскихъ князей, склонилъ ихъ на свою сторону и написалъ отъ лица ихъ просительную грамоту къ патриарху о поставленіи его въ санъ митрополита русскаго со многими обвиненіями на митрополита Алексія, котораго увѣрилъ въ своемъ полномъ расположеніи. Вернувшись обратно, Кипріянь повелѣ дѣло такъ, что былъ избранъ (Acta II, 13—14 и ср. 120) и „поставленъ Филоосемъ, паріархомъ царградскимъ“, въ санъ митрополита кievскаго и литовскаго, съ правомъ на всю Россію по смерти митрополита Алексія. Это былъ актъ неканоническій (Acta II, 17), и самъ Кипріянь послѣ вынужденъ былъ затуманить его туманною фразой: „не вѣмъ, како судьбамъ, нми же вѣсть Богъ, и азъ смиренный возведенъ быхъ на великій престоль митрополитъ русскій“ (Степ. кн. I, 40).

Получивъ такимъ образомъ въ декабрѣ 1375 г. (или, — по тогдашнему счету съ сентября, — въ началѣ 1376 г.) пока только часть послѣдней, Кипріянь пожелалъ немедленно же завладѣть всею и съ этою мыслию 9 юня „выѣхалъ въ Кіевъ“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 95). Отсюда онъ хотѣлъ проникнуть въ Москву, но тутъ ему „прилучилось мало вѣчто противное“ (Ст. кн. I, 422); вел. кн. Дмитрій Іоановичъ (Донской) не принявъ Кипріяна, а его хлопоты въ Новгородѣ и Псковѣ остались безуспѣшны. Тогда Кипріянь рѣшился выждать въ Кіевѣ благоприятныхъ обстоятельствъ. Смерть св. Алексія († 12 февраля 1378 г.), повидимому, открывала ему свободную дорогу къ достиженію митрополіи московской; однако великій князь избралъ своего кандидата въ лицѣ духовника и любимца своего, спасскаго архимандрита Митяя, по прозванію Митяя.

Несомнѣнно, что извѣстія Николовской дѣ-тописи (— и, вѣроятно, не безъ вліянія Кипріяна—) объ этомъ лицѣ сильно преувеличены въ дурную для него сторону. Тѣмъ не менѣе, если не поведеніе, то странное и незаконное положеніе Михаила въ качествѣ неслыханнаго доселѣ намѣстника митрополита, со всѣми правами и привилегіями послѣдняго, вызвало въ Москвѣ немало затрудненій и замѣшательствъ. Кипріянь счелъ этотъ моментъ удобнымъ для осуществленія своихъ плановъ и въ маѣ 1378 г. двинулся въ Москву въ увѣренности, что найдетъ себѣ энергичную поддержку въ средѣ недовольныхъ Митяемъ и что великій князь должень будетъ примириться съ совершившимся фактомъ, который теперь получалъ и каноническое оправданіе. Его надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что у него были хорошія связи, напр., съ такими людьми, какъ Сергій радонежскій и Феодоръ симоновскій, которыми онъ и писалъ съ дороги 3-го іюня изъ Любутска (нынѣ село Любудское въ калужскомъ уѣздѣ), приглашая ихъ повидаться съ нимъ, „гдѣ они сами поадають“. Но всѣ эти расчеты не оправдались: великій князь изгналъ прешельца изъ Москвы съ величайшимъ срамомъ, почему Кипріянь готовъ былъ подозревать замыслы о его „убіеніи или потопленіи“. Въ необычайномъ раздраженіи по этому случаю онъ написалъ 23-го іюня новое посланіе тѣмъ же лицамъ, съ изображеніемъ своихъ злоключеній, и положилъ клятву на всѣхъ виновныхъ и причастныхъ къ нимъ, поскольку „аще братъ мой (Алексій) представится, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя естъ митрополія“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 94). Въ этомъ убѣжденіи онъ начертываетъ такую программу дальнѣйшихъ дѣйствій: „а ко Царюгороду ѣду оборонитися Богомъ и святамъ патріархомъ и великимъ соборомъ“ съ цѣлію извлечь нѣкую пользу и изъ самага позора своего: „ниѣ ихъ бещестіе большу честь приложило по всей земли и въ Царюгородѣ“ (idid., 102). Съ одной стороны, ему ничего иного не оставалось, а съ другой—необходимо было предотвратить или отразить вліяніе противниковъ, которые и сами помышляли о поѣздкѣ въ Константинополь. Кипріянь зналъ еще, что на Москвѣ у него имѣются добрые защитники, въ лицѣ,

напр., тѣхъ же Сергія и Феодора, потому что на второе его письмо они отвѣтили „со смилосердіемъ и повиновеніемъ и любовію“ къ нему (idid., 103), не взирая на всѣ скорбныя обстоятельства. Посему уже отъ 18-го октября 1378 г. онъ увѣдомлялъ Царюгороду, что „безъ измѣны ѣдетъ ко Царюгороду“. Пробывъ туда, Кипріянь потомъ былъ ободренъ неожиданнымъ и благоприятнымъ для него оборотомъ дѣла. Прежде всего, подвергся ослѣпъ и былъ свергнутъ съ престола покровитель Митяя патріархъ Макарій, который—по смерти св. Алексія—нарочитаво писалъ Димитрію Іоанновичу, чтобы Кипріяна ни въ какомъ случаѣ не принимали (Acta II, 120—121); непризванному пока претенденту на митрополию русскую пришлось даже судить неприятнаго ему патріарха, и это показываетъ, что его прерогативы въ извѣстной мѣрѣ уважались. Затѣмъ и торжественная поѣздка самого Митяя кончилась совершенно плачевно, ибо онъ „волею Божію“ померъ почти въ виду Константинополя. Правда, его слутники избрали новаго кандидата, Пимена, архимандрита переяславскаго горичкаго монастыря, вписали его имя на чистый блавыкъ за великокняжескою печатью и представили патріарху Нилу для утвержденія въ санѣ митрополита русскаго, но тотъ сначала рѣшительно отказалъ въ этомъ. Однако свита успѣла „закупить“ вліятельныхъ лицъ, затративъ громадныя суммы, и въ іюнѣ 1380 г. Кипріянь соборно былъ лишенъ даже Кіева, съ сохраненіемъ за нимъ (и то по снисхожденію) малой Россіи и Литвы, а митрополитомъ русскимъ назначенъ Пимень (Acta II, 12). Кипріяну ожидать больше было нечего, и въ концѣ 1380 г., не простившись ни съ кѣмъ, онъ направился въ Кіевъ; здѣсь ему и суждено было скоро получить желанное въ награду за свои страданія и усердную ревность. Великій князь отвергъ Пимена, чрезъ игумена Феодора симоновскаго пригласилъ къ себѣ Кипріяна, а Пимена потомъ въ концѣ 1381 г. схватили въ Коломнѣ и заточили въ Чухлому, черезъ годъ переведши въ Тверь (П. С. Р. Л. I, 233; VIII, 32. 42. Ник. Лѣт. IV, 77—78). Кипріянь не замедлил, и въ праздникъ Вознесенія Господня, 23-го мая 1381 г., былъ встрѣченъ и привіянъ Москвою съ особою торжественностію. Впрочемъ, и на этотъ

разъ Кипріянь не долго продержался въ столицѣ и ничего особеннаго не сдѣлалъ, такъ какъ упоминается лишь о поѣздкѣ его въ Новгородъ. Уже подь 7-мъ октября 1382 г. мы читаемъ: „тояжь осени не восхотѣ великій князь Дмитрій Ивановичъ московскій Кипріяна митрополита всея Русіи и нмаше къ нему нелюбіе“ (Ник. Лѣт. IV, 139). Въ близкихъ къ изгнанному памятникахъ сообщается только, что это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Кипріянь, вернувшись въ Москву изъ Новгорода предъ самымъ нашествіемъ хана Тохтамыша (8-го августа) и „ввѣдъ розство и распрю во градѣ, отойде во Тверь и тамо избысть“ (Ник. Лѣт. IV, 137). Но другой источникъ мено передаетъ, что „разгнѣвался на него (Кипріяна) князь великій Дмитрій того ради, яко не сидѣлъ въ осадѣ на Москвѣ, но съѣхалъ въ Тверь, боишеса татарскаго нахождсиа“ (П. С. Р. Л. V, 238). Очевидно, великій князь подозрѣвалъ митрополита въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ силу русскихъ, почему и искалъ спасенія въ бѣгствѣ, умоливъ гражданъ выпустить изъ города (Ник. Лѣт. IV, 133) и покинувъ его въ ту минуту, когда именно святителю нужно было показать примѣръ бодрости и вдохновлять всѣхъ. Еще болѣе раздражило Дмитрія Ивановича то, что Кипріянь уѣхалъ подь кровь ненавистнаго ему, родственника Ольгердова, Михаила Александровича тверскаго, который посылалъ дары Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Великій князь рѣшился теперь воспользоваться тѣмъ, что раньше предлагалъ ему патріархъ Нилъ въ своихъ многократныхъ и усердныхъ моленіяхъ за Пимена (Acta II, 120): Кипріянь (осенью 1382 г.) былъ удаленъ въ Кіевъ, а Пименъ вызванъ изъ заточенія и встрѣченъ съ честію (Acta II, 122. П. С. Р. Л. I, 233; V, 238; VIII, 48. Ник. Лѣт. IV, 139—140). На прежнемъ мѣстѣ Кипріянь нашелъ преданнаго кровителя въ кievскомъ князѣ, сынѣ Ольгерда, Владиміръ, который настолько благоволилъ къ избраннику своего отца, что послѣ не пропустилъ въ Москву поставленнаго въ митрополиты Діонисія суздальскаго и задержалъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ 15-го октября 1385 г. Однако Кипріянь не могъ забыть Москвы и, можетъ быть, уже въ 1383 г. онъ снова предпринялъ „путь трудный“ въ Константинополь съ надеждою „борзо быть у васъ (т. е. при великокняжескомъ московскомъ столѣ) изъ Царягорода“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 104—106). Но константинопольское пребываніе затянулось и хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, когда въ маѣ 1387 г. по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ императоръ командировалъ Кипріяна въ юго-западную Россію, при чемъ съ него взято было обязательство священнодѣйствовать только въ этихъ предѣлахъ и непремѣнно вернуться на судъ предъ соборомъ (Acta II, 98. П. С. Р. Л. V, 239; VIII, 50. Ник. Лѣт. IV, 151), что онъ и исполнилъ. Что случилось потомъ, — неизвѣстно; но въ концѣ 1387 г. или въ самомъ началѣ 1388 г. было соборно опредѣлено, чтобы „митрополитомъ кievскимъ и всея Русіи и былъ и назывался кврѣ Кипріянь, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣми областями ея“ (Acta II, 116—119. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VIII, 52. Ник. Лѣт. IV, 156—158. 162. 170. 192. Акты ист. I, № 252). Это рѣшеніе патр. Нила подтвердилъ въ февралѣ 1389 г. и его преемникъ Антоній. Тою порой сопли со сцены и недруги и враги Кипріяна; 19-го мая 1389 г. умеръ Дмитрій Ивановичъ, а 11-го сентября скончался въ Халкидонѣ Пименъ (Ник. Лѣт. IV, 192). Всѣ препятствія были устранены, — и (какъ кажется) 1-го октября 1389 г. Кипріянь выѣхалъ изъ Константинополя (ibid., 171), въ февралѣ 1390 г. былъ въ Кіевѣ и на четвертой („средокрестной“) недѣлѣ великаго поста торжественно вступилъ въ Москву (ibid., 192—193. П. С. Р. Л. I, 233; V, 244; VIII, 60). Теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ усердныхъ стараній, онъ получилъ больше, чѣмъ желалъ иѣкогда, ибо фактически соединилъ подь своею властію раздѣленныя части митрополіи русской и до самой своей смерти управлялъ ими въ качествѣ митрополита всероссійскаго, усердно охраняя авторитетъ патріарха (Acta II, 177.180.181.188.197.282.359).

Съ этого времени начинается періодъ спокойной дѣятельности Кипріяна. Къ сожалѣнію, именно о данномъ времени и сохранилось мало извѣстій. Больше таковыхъ осталось касательно спархіалнаго управленія. Мы знаемъ, что еще въ концѣ іюня 1390 г. онъ ѣздилъ въ Тверь къ князю Михаилу

Александровичу и тамъ „оставилъ отъ епископства Евонія Висленя“, назначеннаго сюда въ 1374 г. св. Алексіемъ, „по клеветамъ тяжкимъ зѣло и неудобовосимымъ“, хотя въ началѣ и самъ находилъ подсудимаго не совсѣмъ виновнымъ (Ник. Лѣт. IV, 195—196. 197. 198); повидимому, все совершилось по волѣ тверского князя, но дѣлу только придана была соборная санкція; Евоній былъ отправленъ въ Чудовъ монастырь и замѣненъ архидіакономъ (протодіакономъ) митрополитчимъ Арсеніемъ. Но особенно много хлопотъ доставлялъ Кипріяну Новгородъ, который рѣшилъ (въ 1385 г., великимъ постомъ) не обращаться къ нему для аппелляціоннаго суда (бывающаго чрезъ три года на четвертый и длиншагося одинъ мѣсяцъ, почему онъ назывался „мѣсячнымъ“), довольствуясь судомъ мѣстнаго архіепископа, какъ бы независимаго отъ митрополитчей власти, и пренебрежительно отнесся къ грамотѣ патр. Антонія, выхлопотанной митрополитомъ предъ своимъ отъправленіемъ въ Россію (Ник. Лѣт. IV, 195. 201. П. С. Р. Л. V, 244; VIII, 61). Этого отказа былъ весьма чувствителенъ и въ матеріальномъ отношеніи, отнимая значительный доходъ (м. б., до 200 тыс. руб. ассигнаціями на наши деньги, по Е. Е. Голубяевскому). Кипріянь самъ поѣхалъ къ непокорнымъ: они приняли его (11-го февраля 1392 г.) торжественно и внимательно слушали его поученія, но относительно главнаго предмета отвѣтны категорическимъ отказомъ. Наложивъ на всѣхъ отлученіе и запретивъ духовенству службы, митрополитъ воротился ни съ чѣмъ и побудилъ патріарха (въ сентябрѣ 1393 г.) адресовать новгородцамъ обширную грамоту, которую тотъ подтвердилъ снова, когда къ нему явился потомъ ходатай изъ Новгорода (Ник. Лѣт. IV, 200—202. П. С. Р. Л. III, 96; IV, 99; V, 245. Acta II, 181—187. 177—180). Лишь великому князю Василию Дмитріевичу „многую ратью“ удалось смирить упрямцевъ, и они изъявили полное послушаніе князю и митрополиту (Ник. Лѣт. IV, 252—254. П. С. Р. Л. IV, 100; III, 96; V, 246. Ст. кн. I, 521. Собр. госуд. грам. II, № 13). Между тѣмъ изъ Константинополя пришелъ посолъ съ упомянутыми грамотами патріарха, и митрополитъ опять (въ великомъ посту 1395 г.) вріхалъ въ Новгородъ, гдѣ и послѣ значительнаго сопротивленія сначала не добился своего (П. С. Р. Л. III, 97. Ник. Лѣт. IV, 257. Ст. кн. I, 522). Для достиженія своихъ цѣлей онъ постарался оградить права новгородскаго святителя надъ псковичами (Акт. истор. I, №№ 9. 10), которыхъ, въ лицѣ мірянъ и духовенства, поучалъ касательно ихъ обязанностей (ibid. I, №№ 8. 11). Новгородцы были тронуты такою заботливостію объ ихъ привилегіяхъ, а Кипріянь „благословилъ съ любовію сына своего Ивана владыку новгородскаго архіепископа и весь великій Новгородъ“ и преподалъ наставленія насчетъ богослуженія и церковнаго управленія (ibid. I, № 11). Хотя искорѣ и самъ Іоаннь удостоился въ Москвѣ внимательнаго приема отъ митрополита, но миръ не былъ прочнымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1401 г. Іоаннь—виѣстѣ съ лучшимъ епископомъ Саввой (см. стлб. 49)—на соборѣ московскомъ долженъ былъ „отписаться отъ своей епископш“ „за нѣкія вещи святительскія“ и пробылъ „въ поиманіи“ у Кипріяна три года и четыре мѣсяца (Ник. Лѣт. IV, 300—301. 311. П. С. Р. Л. III, 48. 102. 134), вѣроятно, тоже изъ-за „мѣсячнаго суда“.

Наряду съ этимъ Кипріянь старался держать свое имя не менѣе славно и грозно и въ другихъ подвѣдомыхъ ему областяхъ, а въ частности и въ югозападной Россіи, гдѣ онъ правилъ чрезъ своихъ кievскихъ намѣстниковъ. Въ январѣ 1396 г. умеръ подозрительною смертію кievскій князь Скиригайло Ольгердовичъ, и великій князь литовскій Витовтъ получалъ власть надъ Кіевомъ. Могли быть неожиданныя затрудненія, и митрополитъ немедленно отправился въ Смоленскъ виѣстѣ съ Василиемъ Дмитріевичемъ. Витовтъ оказалъ должное почтеніе своему тестю и Кипріяну, который смѣнилъ ставленника Пименова Михаила и назначилъ (2-го апрѣля) епископомъ смоленскимъ Касіана (ср. у Карамз. V, прим. 116). Затѣмъ Кипріянь поселился въ Кіевѣ, гдѣ и провелъ полтора года (П. С. Р. Л. V, 246. 249; VI, 128; VIII, 61. Ник. Лѣт. IV, 267—268). Можетъ быть, столь долго задерживали его и распространеніе латинства въ Литвѣ (при чемъ Кипріянь, будто бы, мечталъ виѣстѣ съ королемъ Ягайломъ о вѣской униі папы съ греками) и внутреннія дѣла православныхъ епархій. О послѣднемъ можно

догадываться потому, что нѣкто (епископъ) Іоаннъ изъ Луцка потомъ предлагалъ Киприану 300 русскихъ гривень и 30 коней за возведеніе его на митрополию галицкую (чего, кажется, онъ и достигъ послѣ), а въ 1401 г. митрополитъ (конечно, не безъ причины) заставилъ епископа луцкаго Савву „отписаться“ отъ епископій (см. стлб. 48).

Не безъ смущенія вернулся Киприанъ въ Москву 7-го октября 1397 г., но здѣсь былъ утѣшенъ извѣстіями о новыхъ приобретеніяхъ для православной вѣры въ предѣлахъ пермскихъ незадолго предъ тѣмъ (26-го апрѣля 1396 г.) скончавшимся въ Москвѣ св. Стефаномъ пермскимъ, просвѣтителемъ зырянъ. Впрочемъ, вскорѣ Киприану опять пришлось устривать отношенія съ новгородцами и свясотися съ патриархомъ насчетъ галицкой митрополіи, для которой онъ посвящалъ одного епископа (перемышльскаго); тѣмъ не менѣе, въ общемъ, онъ могъ теперь наслаждаться большиму спокойствіемъ и почасту жилъ въ уединеніи то въ подмосковномъ селеніи Голенищевѣ (нынѣ Троицкое Голенищеве въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы; см. о немъ у ꙗ прот. В. И. Жиликина, Село Троицкое Голенищеве близъ Москвы, бывшій патриаршая дача, въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ 1905 г. № 5 за 29 января, стр. 195—200), гдѣ построилъ храмъ во имя трехъ святителей (Ст. кн. I, 556), то во владимірской области на „святомъ озерѣ“, также украсивъ это мѣсто церковію Преображенія Господня (Ник. Лѣт. V, 37). Великій князь оказывалъ полное почтеніе митрополиту, (въ 1392-мъ или въ 1404 г.) особою грамотой утвердилъ его высокія права и обезпечилъ съ матеріальной стороны, даровавъ немалыя льготы его вотчинамъ и установивъ съ церковью опредѣленный митрополичій сборъ (Акты археогр. экспед. I, № 9). Лишь въ 1404 г. начали приходить тревожныя вѣсти изъ южной Россіи, и Киприанъ поѣхалъ туда въ іюнѣ или іюль. Его намѣстникъ архимандритъ Гимоней, очевидно, недостаточно охранялъ митрополичьи интересы, либо крайне корыстно злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, почему удаленъ былъ вмѣстѣ съ прежними слугами и замѣщенъ Феодосіемъ спасскимъ съ новымъ штатомъ (Ник. Лѣт. IV, 312). Потомъ митрополитъ посѣдилъ Луцкъ и посвящалъ тамъ епископа во Владимір-волинскій, въ Мило-

любій или Милолюбій видѣлся съ королемъ польскимъ Ясайломъ и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, по настоянію послѣдняго отрѣшилъ невинно оклеветаннаго въ сношеніяхъ съ ордынскимъ ханомъ Шадибекомъ Антонія туровскаго и отослалъ его на покой въ московскій Симоновъ монастырь (Карамз. V, примѣч. 232. Ник. Лѣт. IV, 315. Татищ. IV, 419—420). 1-го января 1406 года онъ былъ уже въ Москвѣ, 26-го августа торжественно отпраздновалъ день избавленія отъ Тамерлана (въ 1395 г.), посвятилъ симоновскаго архимандрита Иларіона въ Коломну и чрезъ двѣ недѣли рукоположилъ Митрофана во епископа суздальскаго. Но 1-го сентября 1406 г. онъ слегъ въ постель и въ ночь на 16-е число скончался. Ростовскій архіепископъ Григорій вмѣстѣ съ двумя помннутыми іерархами совершилъ его погребеніе, при чемъ была прочитана и написанная за четыре дня до смерти прощальная грамота почившаго. Тѣло его съ честію было предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ (Ник. Лѣт. IV, 312—318; V, 3—7. Ст. кн. I, 557—562. П. С. Р. Л. III, 130; V, 254—256; VI, 130—133; VIII, 70.77—80), гдѣ почитаетъ и нынѣ. Историческая память благоклонно отнеслась къ Киприану и, цѣня лишь однѣ заслуги, высоко почитала его почти тридцатилѣтнее служеніе. Уже митрополитъ Фотій называлъ его „свято почившимъ“, а въ 1472 году при перестройкѣ собора открыты мощи Киприана, который и былъ послѣ „канонизованъ“ съ установленіемъ нарочитыхъ празднованій.

Не менѣе былъ почитаемъ Киприанъ и за свои литературные труды, которые, впрочемъ, требуютъ особаго рассмотрѣнія. Неоспоримо, что онъ былъ большимъ любителемъ книжной мудрости и усердно занимался даже переписываніемъ полезныхъ книгъ, но извѣстія о немъ по этому предмету (Ник. Лѣт. V, 2—3. Ст. кн. I, 558), кажется, сильно преувеличены. В. Н. Татищевъ († 1750 г.) даже утверждаетъ (Истор. Росс. IV, Сиб. 1784, стр. 424), что „въ наставленіе душевное (Киприанъ) переписалъ соборы бывшіе на Руси, много житія святыхъ русскихъ, и степеня великихъ князей русскихъ, (нынѣ) же въ наставленіе плотское, яко правды и суды и лѣтопись Рускую отъ начала земли Рускія и, многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ архимандриту Игна-

тію спасскому докончати, яже и соблюдохъ“. Большинство прежнихъ историковъ приняло это свидѣтельство съ довѣріємъ; митр. Макарій (У, 191—193) уже выразилъ основательныя сомнѣнія, которыя оправдываются и детальнымъ разборомъ сообщенія Татищевского (см. у проф. Е. В. Голубинскаго). Что касается соборовъ, то изъ таковыхъ до Кипріяна на Русь былъ лишь одинъ владимірскій (1274 г.), почему подразумѣваютъ еще константинопольскій (1301 г.?), гдѣ спискомъ сарайскій Феогностъ предлагалъ свои недоумѣнные вопросы; но послѣдній былъ не на Русь, а затѣмъ дѣянія владимірскаго, будучи небольшою статьей, не обращались въ отдѣльныхъ спискахъ и помѣщались при Кормчихъ. Говорятъ, что соборно-русскія опредѣленія Кипріянь именно и присвокупили къ своей Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя (Ст. кв. II, 248). О ней, дѣйствительно, упоминается въ разсказѣ о московскомъ пожарѣ 1547 г., но неясно, такъ что или совсѣмъ не передается о правилахъ (Ник. Лѣт. VII, 56), или не устанавливается ихъ принадлежность какому-нибудь лицу (Карамз. VIII, прим. 173). Въ 1627 г. московскій Богоявленскій игуменъ Ілія и книжный сираничикъ Григорій въ спорѣ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ прямо заявляли о переводѣ Кипріяномъ „правильныхъ книгъ христіанскаго закона, греческаго языка правилъ“ (у Тихонравова въ „Лѣт.“ IV, 2, стр. 99), однако слова ихъ подозрительны, ибо славянская Кормчая у насъ была давно. Розенкампфъ (стр. 75) думалъ считать Кипріяновскимъ переводомъ правилъ списокъ, найденный имъ въ сводной Кормчей („Лаштевской“) 1615 г., но еще † о. А. В. Горскій устранилъ это предположеніе, — гдѣмъ болѣе, что и самъ Кипріянь ссылается на прежній старый Номоканонъ, а вскорѣ послѣ его смерти митрополитъ Фотій въ своей грамотѣ противъ Григорія Цамблака приводитъ до 15 правилъ въ изложеніи сходномъ съ редакціями рязанскою и софійскою, тогда какъ Кормчая Розенкампа „различествовала отъ всѣхъ прочихъ“, хотя, находясь въ Константинополѣ, Кипріянь, конечно, могъ написать собственноручно копію Кормчей (рязанскаго или іосифовскаго извода, идущаго отъ св. Саввы сербскаго).

Съ именемъ Кипріяна до насъ дошло толь-

ко житіе св. митрополита Петра. Оно составляетъ несомнѣнную его собственность, по дальше мы не имѣемъ права съ увѣренностію утверждать, что „къ нему могли быть приложены и другія исправленныя Кипріяномъ въ слогѣ“ (Горскій, 354) и считать таковыми тѣ, которыя помѣщены въ Степенной книгѣ.

Подъ „степенями князей русскихъ“ должно разумѣть, безъ сомнѣнія, „степенныя книги“. Что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ не Кипріяновскаго происхожденія, — это неоспоримо. *Пл. Гр. Васенко* называетъ ихъ „Аванасье-Макаріевскими“, приписывая инициативу въ дѣлѣ составленія этого труда митрополиту Макарію, а исполнителемъ считая Аванасія, равнѣ протопопа Авдрея, бывшаго съ Іоанномъ Грознымъ въ казанскомъ походѣ, въ 1562 г. принявшаго постриженіе и съ 1564 г. занявшаго митрополичью кафедрѣ всероссійскую; завершеніе относится къ 1560—1563 годамъ (см. „Книга степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности“ I, Спб. 1904, стр. 199. 211—212 и др.). Но академикъ проф. *А. И. Соболевскій* въ „Замѣткахъ о степенной книгѣ“ (по поводу сочиненія г. Васенка) въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, т. LXXXII (1907 г.) скорѣе склоненъ усвоить инициативу всего предпріятія царю Іоанну Грозному, а не митроп. Макарію, и, различая двухъ творцовъ книги Степенной, первого усматриваетъ въ знаменитомъ священникѣ Сильвестрѣ и митроп. Аванасія признаетъ лишь „собрателемъ“ труда; равно онъ сомнѣется, что послѣдній составленъ въ 1560—1563 г., поскольку это — работа незаконченная. Указываютъ (Горскій, 355; Филар.: Обз. 87 и И. Р. Ц. II, 44, прим. 108) на болѣе краткій списокъ (р.к. Румянц. музея № 415), говоря, что „тринадцатымъ степенемъ и должно было оканчиваться сочиненіе Кипріяна“, но на самомъ дѣлѣ этого вѣтъ, ибо тамъ повѣствуется и о дальнѣйшихъ поколѣніяхъ русскихъ князей. Посему всякій догадки о характерѣ и содержаніи Кипріяновскихъ „степенныхъ книгъ“ совершенно напрасны.

„Правды и суды“ обыкновенно относятъ (Горскій, 356) къ русско-византійскимъ законамъ суднымъ и уголовнымъ, принятымъ въ составъ Кормчей, но византійскія постановленія сирраведливѣе исключить и понимать слова

Татищева въ смыслѣ вообще памятниковъ церковно-гражданскихъ. Однако и въ этомъ случаѣ данное извѣстіе сомнительно, потому что особой Кипріяновской Кормчей не было, и въ 1402 г. торжественно былъ одобренъ древній Номоканонъ съ уставами свв. Владиміра и Ярослава и другими узаконеніями церковно-гражданскаго характера. Въ своемъ посланіи противъ Діонисія суздальскаго Кипріянь упоминаетъ о „записываніи грамотъ“ (Акты истор. I, № 10, стр. 19), но тамъ рѣчь идетъ просто о томъ, что свѣтская власть издаетъ опредѣленія, записанныя на бумагѣ.

„Лѣтопись отъ начала земли русской“, какъ трудъ Кипріяна, настолько невѣроятна, что и защитники мѣтніи Татищева говорятъ лишь о „замышленіи“ ея, ибо упоминаніе Троицкой лѣтописи (у Карамз. V, прим. 148) о „лѣтописцѣ великомъ русскомъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ этому митрополиту. Гораздо правдоподобнѣе догадка объ участіи митрополита Кипріяна въ веденіи записей ему современныхъ. Горскій (356) находилъ ихъ въ Троицкой лѣтописи, открытой Карамзинымъ и погибшей во время Московскаго пожара 1812 г. Она „болѣе всѣхъ другихъ сообщаетъ о княженіи Василія Дмитріевича“ и заключается описаніемъ нашествія Эдгея (1408 г.). Это весьма возможно, хотя и не для всего объема отъ Рюрика, но сохранившіеся отрывки не велики и не достаточно характерны. Съ немалой увѣренностію можно предполагать Кипріяновское влияние и на Никоновскую лѣтопись; впрочемъ, слѣды сего могутъ быть указаны лишь приблизительно.

Несомнѣнные же труды митрополита Кипріяна слѣдующіе.

Прежде всего, этого восемь грамотъ (Акты истор. I, №№ 7—11. 253. 255. Акты археогр. эксп. I, № 11) и четыре письма, изъ коихъ три адресованы преи. Сергію радонежскому съ его племянникомъ и ученикомъ Теодоромъ симоновскимъ и одно неизвѣстному по имени игумену („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 84—106). Во всѣхъ ихъ видѣтъ пастырь заботливый и образованный, но все-же они не часто литературныя произведенія, такъ какъ или имѣютъ частный интересъ и лишь біографически важное значеніе, или занимаютъ разрѣше-

ніемъ различныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе церковныхъ законовъ и искусство въ ихъ толкованіи и примѣненіи.

Болѣе общими наставленіями отличается „посланіе игумену Аванасію“ (Акты истор. I, № 253, стр. 474—482), котораго при-нимаютъ за ученика Сергіева, бывшаго настоятелемъ въ Высоцкомъ монастырѣ, основанномъ въ 1374 г. серпуховскимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ 1382 г. этотъ Аванасій сопутствовалъ Кипріяну въ Кіевъ и затѣмъ въ Константинополь, гдѣ и остался въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, занимаясь списываніемъ книгъ; какъ кажется, туда и адресовано это письмо, ибо Аванасій, повидимому, находился далеко отъ автора. Время его составленія нужно относить ближе къ 1392 г. въ виду высказываемой въ немъ мысли о „последнихъ лѣтахъ“, а мысль эта всего естественнѣе могла явиться при началѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра; за это говорить и ссылка на „многія попеченія“, что указываетъ на недавнее утвержденіе автора въ митрополитѣ. По своему содержанію это посланіе представляеть отвѣтъ Аванасію, вопросившему „о нѣкоихъ потребныхъ вещехъ“, и потому изложено не особенно связно. Хотя недоумѣнія касались преимущественно общихъ началъ христіанской жизни и дѣятельности, но Кипріянь съ большою охотой занимается разъясненіемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ постановленій и обычаевъ, чѣмъ онъ интересовался издавна. Разсужденія его отличаются обстоятельностью и трезвостію воззрѣній, напр., касательно благоразумной сдержанности при употребленіи эпитимій и мудрой осторожности въ принятіи и пользованіи церковными имуществомъ. Всюду авторъ руководится апостольскими и соборными опредѣленіями безъ послабленій ради утвердившихся порядковъ. Такъ, онъ прямо запрещаетъ совершеніе браковъ монашествующими, хотя примѣры этого на Руси бывали не рѣдко, особенно при вѣчаніяхъ лицъ княжеской крови, и хотя самъ онъ иногда уступалъ сложившейся практикѣ (Ст. кн. I, 518). Въ Стоглавѣ (гл. 64 и 65) разъясненія Кипріяна насчетъ правъ церкви признаются каноническими и включаются въ число соборныхъ постановленій;

митрополитъ Петръ Могила помѣстилъ въ своемъ „Требникѣ“ его правила касательно богослуженія, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли и въ „учительное извѣстіе“, печатаемое при нашихъ служебникахъ. — Въ концѣ Кипріянь обращается къ назидательнымъ темамъ и, говоря о важности самоусовершенствованія и духовнаго бдѣнія, сильнѣйшее побужденіе къ тому находятъ въ близости кончины міра; несомнѣннымъ признакомъ послѣдняго служить для него необыкновенное развитіе пороковъ и—особенно—зависти. Это аргументъ новый и оригинальный, но онъ вель къ слишкомъ рѣзкой суровости обличительнаго направленія, что съ крайностію выступаетъ уже у митрополита Фотія. Необходимость любви христіанской и учительства не просто словомъ, но и дѣломъ развита далеко не столь подробно. Впрочемъ, посланіе написано весьма вразумительно, языкомъ яснымъ и изобразительнымъ, безъ излишней многорѣчивости, и тономъ искреннимъ.

Сходно съ разобраннымъ по замыслу „Посланіе игуменомъ, и попомъ, и діакономъ, и ко мнихомъ и ко вѣмъ православнымъ христіаномъ“, которое яко бы находится между рукописей Московскоя синодальной бібліотеки и выдается за Кипріяновское (м. Евгенія Словарь I, 323; Шевырева Ист. р. слов. III, 210, прим. 10); оно доселѣ не издано.

Нѣкоторыя церковныя историки утверждаютъ, что прежде существовало немало поученій Кипріяна, но намъ извѣстно лишь, что въ бытность свою въ Новгородѣ онъ „нача учити (въ Софійскомъ соборѣ) люди новгородскія велегласно во всю церковь“ (Н. С. Р. Л. IV, 99). Въ Никоновомъ спискѣ приводятся (IV, 200—201) двѣ рѣчи, сказанныя митрополитомъ въ Новгородѣ и, — по сходству съ изложеніемъ новгородскихъ лѣтописей о тогдашнихъ событіяхъ, — ихъ можно признать довольно точнымъ (хотя бы и фрагментарнымъ) воспроизведеніемъ импровизаций Кипріяна. Онѣ немного говорятъ въ пользу его пастырской учительности: въ нихъ слышится голосъ раздраженія, стремленіе подвести нецкорныхъ подъ клятву закона, а не духъ любви и кротости, допускающей суровыя мѣры только въ исключительныхъ случаяхъ; при

томъ же и новгородцы были не совсѣмъ неправы (митр. Макар. V, 89).

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ прощальная грамота Кипріяна (Ст. кн. I, 559—562; Ник. Лѣт. V, 3—7, и др.), которую лѣтописцы называютъ твореніемъ „чуднымъ, незнаемымъ и странновѣднымъ“; поэтому „по отшествіи сего митрополита и прочія митрополиты рустія, и до нынѣ преписовающе сію грамоту, повелѣвають во преставленіи своемъ, во гробъ вкладающеса, тако же прочитати во услышаніе вѣмъ“, какъ она была прочитана и при погребеніи ея перваго составителя. Указавъ на свое болѣзненное состояніе, авторъ свидѣтельствуєтъ въ началѣ „святую богопреданную апостольскую вѣру и православія истинное благочестіе“, кратко повторяя здѣсь содержаніе „исповѣданій“, дававшихся при посвященіи въ епископскій санъ, а въ заключеніе „вѣхъ православныхъ прощаетъ и благословляетъ, тако же и самъ отъ вѣхъ прощенія и благословенія требуя“, согласно распространенному среди русскихъ и вполнѣ естественному обычаю этого рода. По основнымъ своимъ идеямъ, это завѣщаніе не вполнѣ оригинально, но оно написано хорошо и задумчиво и, дѣйствительно, является предсмертнымъ наставленіемъ пастыря-отца своимъ духовнымъ дѣтямъ. А сохраненное Степенною книгой и Никоновскимъ спискомъ „философское дополненіе“ къ этой грамотѣ, съ размышленіями о суетности и скорбности жизни человѣческой и съ указаніемъ необходимости уюванія на милосердіе Божіе, — по видимому неподлинно: оно нестройно въ развитіи мыслей и изложено витиевато, темно и по мѣстамъ запутанно.

„Житіе св. митрополита Петра“ (Ст. кн. I, 410—424) написано Кипріяномъ послѣ 23-го мая 1381 г., ибо въ немъ сообщается о встрѣчѣ его на Москвѣ великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ (Ст. кн. I, 424); затѣмъ, авторъ довольно опредѣленно высказываетъ, что бурный періодъ исканій московской митрополіи прошелъ, и онъ утвердился на ней прочно, что было лишь въ 1390 г.; но и теперь онъ приступилъ къ жизнеописанію не сразу и, кажется, уже послѣ 1397 г., потому что ранѣе едва ли располагалъ нужнымъ досугомъ. И сказаніе о Кипріянѣ, дѣйстви-

тельно, сообщает, что это произведение составлено имъ въ селѣ Голенищевѣ среди другихъ книжныхъ работъ. Въ основѣ его, несомнѣнно, лежатъ болѣе древнее повѣствованіе о св. Петрѣ, не совсѣмъ увѣренно усвоенное епископу ростовскому Прохору, хотя о своихъ источникахъ авторъ выражается довольно туманно: „елико отъ сказателей слышахъ“. Дополненія касаются только волынскаго происхожденія Петра, тогдашняго состоянія Волыни и замысловъ волынскаго князя объ особой митрополіи при отправленіи въ Царьградъ святителя, но въ замѣву того опускается важное извѣстіе объ избраніи послѣднимъ на митрополію архимандрита Теодора и о пастырской дѣятельности Петра передается короче. Въ этомъ большой недостатокъ разсматриваемаго труда: Кипріянь не позаботился о собраніи всего матеріала, какой ему могъ быть доступенъ. Повидимому, онъ и не считалъ этого нужнымъ, такъ какъ желалъ лишь „похвалами украсить“ (Ст. кн. I, 558) жизнь святого, для чего часто вдается въ излишнюю витіеватость, а сильное стремленіе „встать подъ сѣнь“ похваляемаго создателя увлекало его до нѣкоторой тенденціозности въ интересахъ собственной апологетики. Поэтому Кипріянь—наряду съ Пахоміемъ Логоветомъ—справедливо причисляется (проф. В. О. Ключевскимъ) къ „творцамъ новой (и нездоровой) агіобіографіи на рускомъ сѣверѣ или, по крайней мѣрѣ, къ ея первымъ мастерамъ“, съ которыми сходится и по языку, напыщенному и не всегда вразумительному. Однако его изображеніе болѣе внимательно къ исторической и художественной естественности.

Въ числѣ самостоятельныхъ трудовъ Кипріяна должно назвать и его „молитву разрѣшати царя и князя и всякаго христіанина“ (у митроп. Макара IV, 370—371), написанную имъ въ Луцкѣ и впервые прочитанную при гробѣ луцкаго князя Дмитрія. Это родъ „разрѣшительной грамоты“, вложенной въ тонъ возвышенномъ и умилительномъ.

Не меньше, если не больше, значенія въ исторію нашего просвѣщенія имѣютъ „списанія“ и переводы (Ник. Дѣт. V, 2. Ст. кн. I, 558) Кипріяна, къ чему онъ измлада чувствовалъ склонность и въ чемъ обнару-

жилъ довольно искусства и пастырской ревности. Эти труды относятся главнымъ образомъ къ церковно-богослужебной области, упорядоченіе которой всегда занимало его вниманіе; онъ ввелъ у насъ (принесенныя изъ Болгаріи) новую редакцію (именно редакцію патр. Филовея † 1876 г.) Служебника (начъ которою, повидимому, болѣе или менѣе потрудился самъ), новыя редакціи главныхъ богослужебныхъ книгъ (Евангелія, Апостола, Трїоды и др.) съ текстами болѣе исправными, чѣмъ употреблявшіеся до него и искаженные писцами, а равно ввелъ и новый богослужебный уставъ (іерусалимскій—Саввы освященнаго). Изъ посланія къ псковскому духовенству мы знаемъ, что митрополитъ отправлялъ во Псковѣ списки литургіи Іоанна Златоуста и Василія в., чинослѣдованія крещенія, браковѣчанія, освященія воды въ первый день августа и обряда православія—съ общаваемъ, по мѣрѣ перениски, препровождать и другія полезныя книги (Акты истор. I, № 8 и ср. № 35 на стр. 69). Перенисчикъ рукописи московскаго Успенскаго собора 1403 г. восхваляетъ его за то, что при немъ церкви Божія „исправленіемъ книжнымъ... свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей“ (см. проф. А. И. Соболевскій, Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вв., Спб. 1903, стр. 13). Совершенно несомнѣнно, что Кипріяну принадлежитъ приписаніе „Дѣствицы“ св. Іоанна Лѣтвичника (автографъ коей въ Московской Духовной Академіи № 152) и „Псалтыри“, подходящей по составу къ „слѣдованной“. Безспорно также, что Кипріянь хорошо былъ знакомъ съ трудами своего покровителя патріарха константинопольскаго Филовея, но что именно было переведено изъ нихъ нашимъ митрополитомъ, — не можетъ быть опредѣлено съ полною точностію. Всего чаще надписываются его „позруженіемъ“ канонъ и молитва на поганые, канонъ „о гобзинѣ плода“, канонъ молебень „о особныхъ бранехъ иноплеменимъ“, нѣсколько молитвъ. О переводахъ Кипріяна сотрудникъ Максима Грека Ниль Курлятевъ далъ плохой отзывъ, но таковой не воплотилъ справедливъ, а мнѣніе о „негораздомъ разумѣніи“ Кипріяномъ греческаго языка и совершенно ложно. Вообще же Кипріянь, будучи „любодѣтельною ичелой“, немало поработалъ на пользу русскаго

просвѣщенія и въ этихъ интересахъ самое много книжныхъ сокровищъ вывезъ изъ Константинополя и славянскихъ земель и другия поручалъ заботы въ этомъ смыслѣ. Въ итогѣ—литературная дѣятельность Кипріяна заслуживаетъ не меньшаго почтенія, чѣмъ и пастырская.

Литература о митрополитѣ Кипріянѣ. О. А. В. Горский, Св. Кипріянь, митрополитъ-Кіевскій и всея Ресіи (въ VI й части „Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцовъ“, Москва 1848, стр. 295—369). А. Л. († архим. Леонидъ Кавелинъ), Кипріянь до восшествія на Московскую митрополию (въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ“ 1867 г., кн. II, отд. 1, стр. 11—32). † Проф. И. Д. Манасеювъ: О трудахъ митрополита Кипріяна по части богослуженія (въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ“ 1882 г. кн. I, стр. 152—205; кн. II, стр. 413—495; кн. III, стр. 71—175); Митрополитъ Кипріянь въ его литературной дѣятельности, Москва 1882. Архим. (епископъ) *Инокентій* (Вильгельмъ), Постриженіе въ монашество (Вильна 1899), ч. II, гл. 2. Проф. прот. М. И. Орловъ, Литургія св. Василія Великаго (Спб. 1909), стр. LI—LX; „Существенныя свѣдѣнія о литургической дѣятельности митрополита Кипріяна“, Н. Н. Глубоковскій), Св. Кипріянь, митрополитъ всея Россіи, какъ писатель (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1892 г., № 2, стр. 358—424 и въ „Русскомъ биографическомъ словарѣ“, томъ: Ибакъ-Ключаревъ, Спб. 1897, стр. 636—644). † Прот. М. С. Богомолецкій, Московская іерархія: Митрополиты (въ „Чтен. въ Общ. люб. дух. просв.“ 1894 г., № 9, стр. 454—457). † Митр. Макарій въ Исторіи русской церкви (т. IV и V). † Архiep. Филаретъ: Исторія русской церкви (кн. II) и Обзоръ русской духовной литературы (§§ 74—75). Особенно см. у проф. Е. Е. Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II (Москва 1900), стр. 297—356 и выше въ рѣчи о св. Алексѣи и о Митяѣ. Исторія литературы Шевырева (ч. II и III), Галахова и Порфирьева (ч. I). Ср. у Ш. Гр. Васенко, Цит. соч. и брошюра: Трегубовская степенная, Спб. 1907, изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“ и у А. Н. Якимирскаго, Григорій Памблэкъ: очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности, Спб. 1904. О болгарскомъ происхожденіи Кипріяна и его рукописяхъ—автографъ см. рефератъ архим. († еписк.) Амфилохія въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда“. Проф. В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. 2 (Кіевъ 1905), стр. 1308—1349. V. XXXVII—XXXVIII (о Степен. книгѣ). Источники: Acta patriarchatus Constantinopolitani ed. Fr.

Mikloschich et Joh. Müller, II; „Полное собраніе русскихъ летописей“, кн. III, IV, V, VI—по указателю; „Никоновская летопись“—ч. IV и V; „Русская Историческая Библиотека“ ч. VI; „Степенная книга“ I и др.

Н. Глубоковскій.

Кипріянь (*Старорусскниговъ*), митрополитъ новгородскій, великолужскій и всего поморья, великороссійнинъ, родился въ концѣ XVI в. и умеръ 17 декабря 1635 года. Въ 1611 г. онъ былъ архимандритомъ новгородскаго Хутынскаго монастыря и много пострадалъ отъ шведовъ за хожденіе въ Москву съ прошеніемъ о помощи. Въ 1620 г. 8 сентября хиротонисанъ въ перваго архіепископа сибирскаго и тобольскаго. Извѣстны труды его по устройству новоучрежденной сибирской епархіи, по обращенію сибирскихъ язычниковъ въ православіе и по обузданію нравовъ сибиряковъ. Въ 1624 г. 15 февр. по государевой и патриаршей грамотѣ вызванъ въ Москву и 12 декабря возведенъ въ санъ митрополита сарскаго и подонскаго, или критуцкаго, въ ближайшіе помощники патриарху Филарету. Въ 1626 г. 20 окт. перемѣщенъ на новгородскую митрополию. Принималъ дѣятельное участіе въ избраніи на патриаршество Іоасафа. Онъ первый положилъ начало „Сибирской летописи“, записавши со словъ казаконъ-товарищей Ермака Тимофеевича—извѣстія о всѣхъ обстоятельствахъ ихъ прихода въ Сибирь, столкновеніяхъ съ туземцами и др.; имена убитыхъ казаковъ записалъ въ синодикъ соборной церкви. Кромя „Кипріяновой летописи“, или „Записки о походахъ Ермака и его товарищей“, извѣстны еще: „Духовная грамота митрополита“ (Собр. лѣт. IV, 179; III, 188); „Распорядительная его грамота, между прочимъ, объ отобраніи устава, печатаннаго уставщикомъ Логиномъ“; „Переписка его во время сношеній Новгорода съ Швеціей“ (Акт. ист. III, №№ 186, 221, 228, 333 и дополн. II, №№ 13—15); „Грамота съ запрещеніемъ принимать шведскихъ перебѣжчиковъ“ (Опис. Солов. м.—ря, ч. III, стр. 214); „Канонъ и стихиры въ честь Ризы Господней, подаренной Михаилу Феодоровичу персидскимъ шахомъ Аббасомъ“.

Литература. М. Евгений, Словарь, 329; архіеп. Филаретъ, Обзоръ, 224; м. Макарій, Исторія, т. XI; прот. Сулоцкий, Тобол. и Томск. архиепископы; К. Я. Здравомысловъ, Іерархи

Новгород. епархіи; „Странникъ“ 1864 г. № 8; „Прав. Обоз.“ 1866 г. № 8, стр. 377; „Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс.“ 1862 г. I, 93; „Жур. Мин. Нар. Пров.“ 1849 г. ч. 64, стр. 1—8 и 1854 г. № 2 и мн. др. (ср. и „Русскій біографическій словарь“, томъ „Ибакъ-Княчаревъ“, стр. 646).

К. Здравомысловъ.

Кипріанъ Жоховскій, уніатскій западно-русскій митрополитъ (1674—1693 г.), родился въ Литвѣ, а образованіе свое закончилъ въ римской коллегіи св. Аванасія, при чемъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Съ 1665 г. Кипріанъ Жоховскій становится известнымъ среди дѣятелей западно-русской уніи въ качествѣ архимандрита Дерманскаго и Дубенскаго монастырей. Въ 1668 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Леотинскаго монастыря, а въ 1671 г. былъ призванъ тогдашнимъ уніатскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Колендоу въ помощники себѣ въ званіи епископа витебскаго и мстиславскаго и вмѣстѣ коадьютора полоцкой архіепископіи. Послѣ смерти м. Гавріила Коленды въ 1674 г., Кипріанъ Жоховскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности уніатскаго митрополита. Кипріанъ Жоховскій до самой смерти сохранялъ за собою и полоцкую архіепископію. Продолжительное время управленія Кипріана Жоховскаго западно-русскою уніатскою церковью, по справедливости, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи этой послѣдней. Сильный умъ, хорошее образованіе, практичeskій талантъ организатора и горячая преданность дѣлу побуждали Кипріана Жоховскаго, а современныя историческія условія, — особенно наступившее тогда внутреннее успокоеніе Польши послѣ бывшихъ войнъ и примиреніе ея съ Москвою, — давали ему возможность заняться внутреннимъ устройствомъ и дальнѣйшимъ упроченіемъ западно-русской уніатской церкви. Этой послѣдней цѣли Кипріанъ Жоховскій стремился достигнуть двумя путями: съ одной стороны, возвышеніемъ образовательнаго уровня уніатскаго духовенства и религіозно-нравственнаго состоянія всей вообще своей паствы, а съ другой стороны, обращеніемъ православныхъ западно-руссовъ въ унію. Къ 1680 г. положеніе уніи было настолько прочно, по мнѣнію Кипріана Жоховскаго, что онъ задумалъ было предпрі-

нять новую попытку обращенія всей западной Руси въ унію, подобную той, какую устроили Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій сто лѣтъ тому назадъ. Въ январѣ 1680 г., съ согласія короля Яна III Собѣскаго, предположено было устроить Люблинскій съѣздъ и на немъ подготовить новое и, какъ казалось инициаторамъ дѣла, окончательное и полное, соединеніе Западной Руси съ римскимъ костеломъ. Кипріанъ Жоховскій вмѣстѣ со своими сподвижниками имѣли тѣмъ болѣе права зараиѣ торжествовать свою побѣду, что и нѣкоторые изъ среды православныхъ западно-русскихъ епископовъ сочувствовали и содѣйствовали его предпріятію. Однако-же православными дѣятелями, особенно православными западно-русскими братствами были своевременно приняты мѣры, благодаря которымъ затѣя Кипріана Жоховскаго не удалась. Кипріанъ Жоховскій старался вознаградить себя за понесенную неудачу тѣмъ, что въ 1689 г. устроилъ весьма торжественное празднованіе столѣтняго юбилея уніи (со времени начала приготвленій ко введенію Брестской уніи 1595 г.) и путемъ насильственныхъ захватовъ превращалъ на унію разные православныя монастыри и церкви. Среди православныхъ западно-руссовъ надолго сохранилась память о Кипріанѣ Жоховскомъ, какъ объ одномъ изъ жестокихъ гонителей „благочестія“. Наоборотъ, латинско-уніатскіе историки не находятъ словъ для восхваленія великихъ подвиговъ его. Кипріанъ Жоховскій извѣстенъ въ литературѣ своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Colloquium Lublinense, Zamos 1680*, въ которомъ описывается вышеупомянутый Люблинскій съѣздъ 1680 г. Кипріанъ Жоховскій умеръ 2 октября 1693 г. и погребенъ въ Супрасльскомъ монастырѣ.

Литература. † Проф. *И. А. Чистовичъ*. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб. 1884, ч. II, стр. 394—396; *Stetelskiego, Ostatnie prace. Scriptores rerum Polonicarum*, t. IV, p. 276 и *Dr. Jul. Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*, Wien. 1888, Band 2, S. 274—288.

Протоіерей *Ө. Титовъ*.

Кипріанъ, въ мѣрѣ Ксевофонтъ, бывший расколучитель, потомъ монахъ Валаамскаго монастыря; умеръ послѣ 1792 г.

Онъ происходилъ изъ крестьянъ Цывозерской волости, Устюжскаго уѣзда и уже въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлался послѣдователемъ пастуха Василія Степанова, основавшаго такъ наз. „Пастуховское согласіе“. За распространіе своего ученія Киприанъ, по доносу мѣстнаго священника, былъ взятъ полиціей. Фанатичный расколуучитель держался крайне дерзко съ представителями власти и тѣмъ навлекалъ на себя съ нѣкоторой жестокою обращеніе. Его возили въ Устюгъ, Вологду и потомъ помѣстили для увѣщанія въ Александро-Невскую лавру. Здѣсь увѣщанія митр. Гавріила обратили упорнаго раскольника къ православію. Обстоятельства своего обращенія Киприанъ самъ разсказалъ въ книжкѣ: „Краткая повѣсть о обращеніи изъ раскола многогрѣшнаго Ксенофонта, а по постриженіи во иночество Киприана...“ и т. д., М. 1798 и 1806 г.

См. „Русскій биографическій словарь“ (Иб.—Кл.), изд. подъ наблюд. А. А. Половцова, Спб. 1897, стр. 645—646.

Ан. С.-в.

Кипръ, островъ, лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу (подъ $34^{\circ} 33'$ — $35^{\circ} 41'$ сѣверной широты и подъ $32^{\circ} 17'$ — $34^{\circ} 36'$ восточной долготы) Средиземнаго моря, близъ сходящихся между собою береговъ Киликіи и Сиріи. Отъ сѣверной конечности его до ближайшихъ береговъ Киликіи — 46 англійскихъ миль (около 70 верстѣ), а отъ восточной конечности до сирійскаго побережья — 60 англ. миль (около 95 вер.). Так. обр. съ береговъ Кипра, съ высоты уровня моря можно видѣть всю линію киликійскаго побережья, тогда какъ ливанскія горы, при восходѣ солнца, замѣтны съ Кипра съ возвышенности въ 2.260 футовъ близъ Ларнаки. Наибольшая ширина острова, между сѣв. и юж. конечностями его, — 60 англ. миль (около 95 верстѣ), наибольшая длина его, между восточною и западною конечностями, — 145 англ. миль (около 219 верстѣ). Весь островъ занимаетъ площадь въ 3.707 кв. миль; слѣд., по пространству Кипръ больше Корсики или Крита, но меньше Сициліи или Сардиніи. Островъ состоитъ изъ двухъ горныхъ массивовъ, раздѣленныхъ между собою широкою низменною равниною.

Въ древнемъ мірѣ и въ эпоху среднихъ вѣковъ Кипръ былъ извѣстенъ своею мѣдью, получившею свое имя отъ названія острова, и строевымъ лѣсомъ. Залежи мѣды въ средніе вѣка уже истощаются. Желѣзо добывалось на островѣ съ IX-го вѣка до р. Хр., но въ меньшемъ, по сравненію съ мѣдью, количествѣ. Плиній говоритъ (Hist. natur. XXXIV, 2), что въ его время на островѣ добывалось желѣзо только низшаго качества. Въ римскую эпоху здѣсь изготовляли также много стекла (ibid. XXXVI, 193). Лѣсъ не совсѣмъ еще исчезъ въ эпоху римской имперіи, хотя онъ служилъ предметомъ непрерывнаго вывоза съ острова (Страбонъ XIV, 5). На островѣ всегда производилось много вина, масла, зиваса. Во время Августа на островѣ урожай хлѣба былъ достаточенъ для собственнаго населенія (ibid. XIV, 5); избытокъ его вывозится и теперь. Ладанъ и смола служили предметомъ вывоза во времена римской имперіи (Плиній, Hist. natur. XII, 74, XIV, 123, XXI, 34). По свидѣтельству Плинія (ibid. XXVII, 23, 58, 121) и Страбона (III, 15) на островѣ попадались часто также драгоценныя камни, добывались также квасцы, гипсъ и соль (Hist. natur. XXXVI, 183; XXXI, 75, 84).

Мѣдь и строевой лѣсъ, пока запасы ихъ не истощились, сообщали острову важное значеніе въ коммерческомъ и культурномъ отношеніи. Въ древнѣйшую эпоху на островѣ было значительное населеніе, стоявшее на довольно развитой ступени культуры. Кипрская мѣдь вывозилась, въ Сирію, Киликію и, по всей вѣроятности въ Египетъ, Малую Азію и даже въ центральную Европу. Вліяніе кипрскаго керамич. сказывалось въ Сиріи и въ Малой Азій. Кипрскія тонкія издѣлія находятъ въ Египтѣ, южной Палестинѣ, Аоніахъ, Троедѣ.

Кипръ былъ завоеванъ Тутмосомъ III, фараономъ XVIII-й династіи (1503—1449 г. до р. Хр.), и сдѣлался данничкомъ Египта. Въ слѣдующій періодъ исторіи острова на немъ находятъ слѣды Миненской культуры. Столкновеніе съ вышешою культурой имѣло важное значеніе для туземнаго населенія. Около этого времени стали разрабатывать богатые залежи желѣза сначала для украшеній, а затѣмъ для изготовленія оружія и др. предметовъ. Островъ, особенно города

Курювъ и Саламинъ,—становятся центрами греческой колонизации. На островъ входят въ употребленіе примитивный эолическій диалектъ и особенное силлабическое письмо, которое не могло быть вытѣснено греческимъ алфавитомъ до IV-го столѣтія (до р. Хр.). Съ другой стороны, на островѣ находятъ еще болѣе ранніе слѣды воздѣйствія другой культуры. Къ IX-му вѣку относятся открытыя на островѣ финикійскія надписи. Центромъ финикійской культуры былъ городъ Килтионъ (современная Ларнака). По всей вѣроятности, финикійскія и греческія поселенія, бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, были разбѣяны по всему острову. Килтионъ, а можетъ быть и весь Кипръ, въ X—VIII вѣкахъ были, по временамъ, данниками Тира (Иосифъ Флавій, Противъ Апіона I, 18; Древности VIII, 5:3; X, 14). Затѣмъ, въ 709 г. Кипръ, вмѣстѣ съ Финикією, былъ завоеванъ Саргономъ. Позднѣе Асаргадонъ и Ассурбанипалъ упоминаютъ въ числѣ своихъ данниковъ двѣнадцать царей Кипра, изъ коихъ нѣкоторые носятъ греческія имена, а самый островъ въ ассирійскихъ надписяхъ носитъ названіе „Лавна“ (Іонія).

Около 560 г. Кипръ былъ завоеванъ и присоединенъ къ Египту, Амазисомъ (Геродотъ II, 182), а потомъ, послѣ паденія Египта въ 525 г., былъ подчиненъ Камбизомъ Персін (ibid. III, 19, 21). Въ 501 г. кипрскіе греки, желая выразить свою солидарность съ греческимъ населеніемъ Іоніи, подняли возстаніе противъ персовъ, но безуспѣшно. Возстаніе было подавлено, и въ 480 г. Кипръ снарядилъ 150 кораблей для флота Ксеркса (ibid. VII, 90). Не смотря на возобновлявшіяся попытки присоединить островъ къ Аоніямъ, Кипръ въ теченіе V-го вѣка остается въ зависимости отъ Персін, но торговля мѣдью ведется, главнымъ образомъ, съ Аоніями, доставлявшими, въ замѣнъ, керамическія и бронзовыя издѣлія. Въ началѣ IV-го столѣтія Эватору удалось поставить Саламинъ во главѣ кипрскихъ государствъ, и онъ произвелъ возстаніе противъ Персін. Однако финикійскій элементъ былъ противъ него, греки же, по обыкновенію, раздѣлились,—и возстаніе не удалось. Послѣ битвы при Исѣѣ, кипрскія государства добровольно подчинились Александру в. и дѣятельно

помогали ему при осадѣ Тира и флотомъ и доставкою строевого лѣса. По смерти Александра великаго (въ 323 г.) Кипръ, вмѣстѣ съ Египтомъ, достался Птоломею, но, послѣ морского сраженія и упорной осады Саламина (Диодоръ XX, 759—761), ямъ завладѣлъ Димитрій Полиаркетъ. Впрочемъ, въ 295 г. Птоломей снова завладѣлъ островомъ, и онъ надолго остался присоединеннымъ къ Египту. Въ это время мы впервые встрѣчаемъ на островѣ іудейскія поселенія (1 Макк. 15, 23). Нѣкоторое время (107—89 г. до р. Хр.), при Птоломѣѣ Лаонрѣ, Кипръ представлялъ собою отдѣльное, хотя и зависимое, государство. Въ 58 г. Кипръ былъ присоединенъ къ римскимъ владѣніямъ, въ видѣ залога за ссуду, взятую въ Римѣ Птоломеемъ Авлеатомъ. Затѣмъ онъ былъ присоединенъ къ провинціи Киликіи, а послѣ сраженія при Акціумѣ, былъ превращенъ Августомъ въ отдѣльную провинцію. Пока на востокѣ Риму угрожала опасность, Кипръ, вмѣстѣ съ сосѣдними областями, принадлежалъ къ числу императорскихъ провинцій и управлялся пропретеромъ (Діонъ Кассій VIII, 12; Страбанъ XIV, 683). Засимъ Кипръ былъ перечисленъ въ разрядъ сенатскихъ провинцій. Изъ проконсуловъ, управлявшихъ Кипромъ, извѣстны: Сергій Павелъ (46 г. р. Хр.; Дѣян. 13, 7), Юлій Кордъ, Анній Бассъ (52 г.).

Изъ городовъ, бывшихъ важными административными пунктами острова, нужно упомянуть Пафъ въ западной половинѣ острова и Саламинъ на восточной сторонѣ, обязанный своимъ возвышеніемъ близости къ сирійскому побережью. Эти города были соединены между собою двумя дорогами: одна, протяженіемъ въ 4 дня пути, шла внутренними областями острова, а другая, болѣе краткая (три дня пути), — южнымъ побережьемъ.

Іудеи появляются въ большомъ количествѣ на островѣ при Птоломеяхъ. Приливъ ихъ могъ усиливаться послѣ того, какъ Иродъ в. взялъ въ аренду кипрскіе мѣдные рудники (Иосифъ Флавій, Древности XVI, 4:5. XIX, 26, 28). По всей вѣроятности, въ Саламинѣ была не одна іудейская синагога (Дѣян. 13, 5).

Послѣ смерти первомученика Стефана, христіанство проникаетъ въ Кипръ (Дѣян.

11, 19), и вскорѣ послѣ этого киприане выступаютъ съ проповѣдью христіанства въ Антиохію (Дѣян. 11, 20). Изъ кипрскихъ христіанъ намъ извѣстны: Мнасонъ, „давній ученикъ“ (Дѣян. 21, 16), и Юсіа Левитъ, прозванный Варнавою, другъ и спутникъ Ап. Павла (Дѣян. 4, 36).

Въ 117 г. іудей произвела избіеніе 240 тысячъ язычниковъ и разрушила большую часть Саламина, но были усмирены императоромъ Адрианомъ и изгнаны съ острова (Milman, III, 111—112).

Съ утверженіемъ христіанства на островѣ, онъ раздѣленъ былъ на 13 епископій. Кипрскій соборъ 401 г., подъ давленіемъ Оефила александрійскаго, запретилъ чтеніе сочиненій Оригена.

Названіе Кипръ не встрѣчается въ Ветх. Завѣтѣ, но островъ и городъ Китіонъ якобы подразумеваются такъ подъ именемъ „Kittim“ (см. ниже „Китимъ“), каковое названіе Юсіа Флавій отождествляетъ съ словомъ Кипръ. (Древности I, 6 : 1).

Литература. *Sobham*, An Attempt at a Bibliographie of Cyprus, 1894. *Engel*, Kypros, I—III Bände, Berlin 1841. *Unger und Kotschy*, Die Insel Cypern, Wien 1865—1866. *Oberhammer*: Aus Cypern, Berlin 1890—1892; Studien zur alten Geographie von Cypern, München 1891; A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings I, p. 539—540. {Cheyne, Encyclopaedia biblica I, 975—977. «The Jewish Encyclopedia» IV, 400—401. *Vigouroux*, Dictionnaire de la Bible II 1166—1171. *Wetzer und Welte*, Kirchenlexikon III, 1266—1273. *Vasant et Mangenet*, Dictionnaire de théologie catholique II, 2424—2472. *W. Smith*, A Dictionary of the Bible I, 376—378. *Guthе* Kurzes Bib.-Wörterbuch, S. 112. *Mart. Haagen*, Lexicon Biblicum I, col. 1030—1031. † о. *Н. О. Сольерскій*, Вибл. Словарь II, 415—416. *Брокгаузъ и Ефронъ*, Энциклопедическій словарь XV (29), 89—90, гдѣ указана русская литература. *И. А. Арноболевскій*, I— путешествие св. Ап. Павла, Св.-Гр. Лавра 1900, стр. 59 сл. *R. v. Lichtenberg*, Beiträge zur ältesten Geschichte von Kypros въ «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft» XI (1906), 2: ср. «biblische Zeitschrift» V (1907), 1, S. 90.

Н. Мухомъ.

Кипръ — въ христіанской исторіи. Прошлая политическая исторія острова представляетъ смѣну влстительства здѣсь римлянъ, византійцевъ, сарацинъ, франковъ-латинянъ, турокъ, египетскаго шахи

Мегмета-Али. Во время берлинскаго конгресса Англія настояла на уступкѣ ей Кипра, подъ предлогомъ временной оккупации, которая и дана британскому правительству конвенціей отъ 1—13 іюня 1878 г. Но и теперь островъ находится подъ управленіемъ Англіи, съ признаніемъ номинальнаго владычества высокой Порты. Въ послѣднее время въ греческой печати усиленно защищался проектъ о политическомъ присоединеніи Кипра къ Греціи. По свѣдѣніямъ отъ 1901 года, на островѣ было 237.022 жителей, изъ нихъ 183.239 православныхъ, 51.309 магометанъ, а остальные—католики, протестанты и евреи. Изъ городовъ на Кипрѣ извѣстны: Левкосія (Никосія, Ледросъ), Ларнакъ (— Китіонъ), Лемиссосъ (=Немесосъ, Неаполь), Пафъ, Киринія, Фамагуста (=Аммохустъ, Арсиноя), Тамазосъ, Соли, Тримнеунтъ. Въ административномъ отношеніи Кипръ зависитъ непосредственно отъ министра колоній Великобританіи и управляется губернаторомъ, назначаемымъ на пять лѣтъ. На островѣ существуютъ два совѣта — исполнительный, состоящій изъ шести членовъ, назначаемыхъ непосредственно губернаторомъ, и законодательный, состоящій изъ 18 членовъ, въ числѣ которыхъ шесть англичанъ, назначаемыхъ правительствомъ, девять христіанъ и три мусульманина, избираемыхъ жителями на четыре года. Островъ раздѣляется на шесть округовъ, каждый изъ которыхъ именуется по названію своего главнаго города (Левкосія, Ларнакъ и т. д.), въ которомъ живетъ гражданскій начальникъ округа; окружные начальники назначаются исключительно изъ англичанъ. Въ судебномъ отношеніи Кипръ составляетъ отдѣльный округъ съ судебной палатою (въ Левкосіи), членами которой состоятъ одни англичане; въ другихъ городахъ существуютъ шесть окружныхъ судовъ съ предсѣдателями изъ англичанъ и двумя товарищами предсѣдателя, одинъ изъ которыхъ долженъ быть христіанинъ, а другой—мусульманинъ; наконецъ, на островѣ имѣется шесть мировыхъ судей, которые назначаются изъ жителей Кипра. Окружные суды засѣдаютъ одинъ или два раза въ годъ въ городахъ округовъ. Населеніе острова занимается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, шелководствомъ, выдѣлкою ковровъ, глиняной посуды и кожъ. Главные

предметы вывоза — вино, ячмень, пшеница и особенно южные фрукты, которые отираются преимущественно въ Англію, Францію, Италію и Россію. Предметы ввоза — ткани, лекарства, техническія принадлежности, табакъ, кофе, сахаръ и т. п., привозимые изъ Египта, Англіи, Австріи, Турціи и Греціи. Культурная жизнь на островѣ постепенно повышается. Здѣсь въ недавнее время издавались или теперь издаются журналы и газеты: „*Ἀλήθεια*“ (въ Лемвосоѣ), „*Σάλπιξ*“ (тамъ же), „*Κοπριακὸς Κήρως*“ (тамъ же), „*Φωνὴ τοῦ Κύπρου*“ (въ Левкосії) „*Cyprus Gazette*“ (тамъ же, — официальное англійское изданіе), „*Times of Cyprus*“ (въ Ларнакѣ), „*Ἐνωσις*“ (тамъ же), „*Χριστιανικὴ Ἀλήθεια*“ (въ Левкосії) и другія.

Литература. *Σακελλάριος, Τὰ Κοπριακὰ, ἤτοι γεωγραφία, ἱστορία, καὶ γλῶσσαι τῆς νήσου Κύπρου ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι σήμερον* т. I—III. Ἀθήναι 1891; *Meursius, Creta, Cyprus, Rhodus sive de nobilissimarum harum insularum rebus et antiquitatibus commentarii*, Amstelodami 1675; *Engel, Cyprus*, Bd. I—III, Berlin 1841; *Dauville, Mémoire sur la géographie de l'île de Chypre* («*Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*», t. XXXIV); *Lacroix, Des de la Grèce*, Paris 1853; *Cesnola, Cyprus, its Ancient Cities, Tombs and Temples*, London 1877; *Cyprus: Commercial report*, London 1863; *Mis. de Sisyphe*, Chypre («*Revue de géographie*» 1873, t. III); *Deschamps, Au pays d'Achrodite*, Paris 1897. Дополнительные свѣдѣнія о литературѣ помѣщены въ библиографическомъ указателѣ слѣдующей статьи.

И. И. Соколовъ.

Кипрская православная церковь.—Островъ Кипръ образуетъ особую автокефальную православную церковь, историческая судьба которой представляется весьма интересной въ научномъ отношеніи и важной.

Исторію кипрской православной церкви можно раздѣлять на *четыре* періода. *Первый* періодъ обнимаетъ время отъ основанія ея и до водворенія на островѣ латинянъ (45—1191 г.), *второй*—совпадаетъ съ эпохою латинскаго господства на Кипрѣ (1191—1571 г.), *третій* періодъ обнимаетъ время турецкаго владычества на островѣ (1571—1878 г.) и, наконецъ, *четвертый* періодъ совпадаетъ съ новѣйшимъ временемъ англійскаго протектората надъ островомъ (съ 1878 г. и донынѣ).

I. Христіанство распространилось на Кипръ во времена апостольскія и связывается съ проповѣдническою дѣятельностью Апостоловъ Варнавы, родомъ кипрнина (Дѣян. 4, 36—37) и св. Павла, которые были въ городѣ Саламинѣ и проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ іудейскихъ, а потомъ прошли весь островъ до Пафа и обратили ко Христу проконсула Сергія Павла (Дѣян. 13, 4—13). Кромѣ того, кипряне были въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы и слышали проповѣдь апостола Петра (Дѣян. 11, 19—20), а послѣ апостольскаго іерусалимскаго собора многіе христіане, избѣгавъ гоненій, переселились на Кипръ. Варнава и вторично былъ на Кипрѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ, называемымъ Маркомъ (Дѣян. 15, 37, 39), здѣсь провелъ послѣдніе годы, потерпѣвъ мученическую кончину отъ іудеевъ, которые побилъ его камнями и былъ погребенъ въ пещерѣ близъ Саламина. Вѣроятно, на Кипрѣ Апостоль Варнава написалъ и свое „Посланіе“—въ назиданіе тѣхъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые и послѣ принятія христіанства продолжали исполнять обрядовой законъ Моисея. Трудами Апостоловъ Варнавы и Павла на Кипрѣ было основано нѣсколько отдѣльных общинъ, во главѣ которыхъ стояли ихъ ученики. Они продолжали проповѣдническую миссію на островѣ и еще болѣе укрѣпили здѣсь Христову вѣру. Но въ то время, какъ греческое населеніе острова сочувственно относилось къ христіанству, многочисленные іудеи, жившіе на Кипрѣ, оказывали ему сильное противодѣйствіе и, наконецъ, объявили христіанамъ жестокую войну. Въ 116 г. она, подъ предводительствомъ Артеміона, истребили до 24.000 христіанъ и разрушили г. Саламинъ. Римляне жестоко наказали іудеевъ за это возстаніе, носившее и противоположный характеръ. Военачальникъ Лисій, посланный императоромъ Траяномъ во главѣ римскихъ легионовъ, истребилъ на островѣ почти всѣхъ евреевъ: спаслись только тѣ, которымъ удалось бѣжать. Кромѣ того, былъ изданъ законъ (недолго, впрочемъ, примѣнявшійся), которымъ было запрещено іудеямъ поселяться на островѣ. Гоненія на христіанъ со стороны римскаго правительства и іудеевъ сопровождалось и на Кипрѣ многочисленными фактами муче-

ничества въ первые вѣка существованія мѣстной церкви, а минологія называютъ и многихъ святыхъ изъ церковныхъ дѣятелей Кипра. Такъ, Іоаннъ Маркъ, племянникъ Варнавы (Колос. 4, 10), бывший его со-трудникомъ и помощникомъ въ устройствѣ кипрской церкви, послѣ мученической его кончины—по нѣкоторымъ сказаніямъ—удалился въ Малую Азію и былъ рукоположенъ въ епископа Аполлоніады, гдѣ мученически скончался (σὸν λῆθαις χρεμαδίεζ). Затѣмъ, Гираклидизъ, первый епископъ Тамаса, рукоположенный Апостолами Павломъ и Варнавой, построившій много церквей, совершившій много чудесъ и вообще, оказавшій большое вліяніе на распространеніе христіанства на Кипрѣ, мученически скончался въ Саламинѣ (память 17 сентября). Въ Саламинѣ мученически скончался и Аристѳонъ, епископъ Кипра. Аристовуль, братъ св. Варнавы, одинъ изъ 70-ти Апостоловъ Господа, былъ рукоположенъ Апостоламъ Павломъ въ епископа Вреставніа, гдѣ и скончался послѣ многихъ мученій (память 15 марта). Мисасонъ кипривинъ (Дѣян. 21, 16) былъ епископомъ острова и скончался здѣсь смертію мученика, усѣченный мечемъ (память 19 марта). Епафрасъ, одинъ изъ 70-ти учениковъ Господа, упоминаемый въ посланіяхъ Ап. Павла къ Колос. 4, 12 и Филим. 23, былъ первымъ епископомъ Пафа, куда онъ былъ рукоположенъ Гираклидисомъ по повелѣнію св. Варнавы и также скончался мученически (память 19 іюля). Тихикъ, по повелѣнію Ап. Павла, былъ рукоположенъ Гираклидисомъ въ епископа Неаполя на Кипрѣ. Филагорій, ученикъ Ап. Павла былъ епископомъ на Кипрѣ, гдѣ училъ народъ вѣрѣ Христовой и скончался; память его 9 февраля. Лазарь, послѣ воскресенія Господомъ, прибылъ по преданію на Кипръ и былъ здѣсь епископомъ Китія, гдѣ и теперь показывается его пустой гробъ, такъ какъ мощи его около 890 г. были перенесены императоромъ Львомъ VI Мудрымъ въ Константинополь. Титъ, ученикъ Ап. Павла, былъ родомъ изъ города Пафа на Кипрѣ, гдѣ потомъ и подвергся мученію. Сергій Павель, римскій проконсулъ, обращенный ко Христу Ап. Павломъ, умеръ по преданію епископомъ Нарбоны. Никаноръ кипривинъ, одинъ изъ семи первыхъ діаконовъ въ Иерусалимѣ, также скончался муче-

нически. Вообще, кипрская православная церковь въ первые вѣка христіанства была прославлена многими святыми и мучениками, имена которыхъ отъ-части сохранены въ историческихъ источникахъ (см., напр., Хронику Леонтія Махера у Σάθασ, Μεσσηνική Βιβλιοθήκη τ. II, σ. 62—72). Второй и третій вѣка въ исторіи этой церкви были ознаменованы преимущественно горячею привязанностію кипрявъ къ православной вѣрѣ, которая и создала здѣсь многихъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Другіе же факты изъ церковной исторіи острова за это время очень темны и рѣдки. Болѣе ясны свѣдѣнія относятся къ четвертому вѣку.

Древнѣйшій изъ хронографовъ Кипра Леонтіи Махера (1410 г.) рассказываетъ, что островъ посѣтила на обратномъ пути изъ Иерусалима равноапостольная царица Елена (327 г.), мать Константина в., вышедшая на берегъ въ мѣстности Маріонъ или Маринъ, на восточной сторонѣ Кипра. Пораженная жаловаселенностію нѣкогда извѣстнаго острова, благочестивая царица построила въ Василепотамѣ и Тогнѣ церкви, которымъ и подарила частицы обрѣтеннаго честнаго креста Господня, а потомъ озаботилась привлеченіемъ сюда населенія изъ соседнихъ острововъ и возвратила бѣглецовъ, давъ имъ земли для воздѣлыванія. Прибывши въ Константинополь, она рекомендовала этотъ многострадальный островъ особому покровительству императора Константина в. Послѣдній отправилъ сюда своего правителя въ лицѣ Калокера, который дѣятельно принялся за благоустройство острова. Центромъ церковной жизни на Кипрѣ въ это время сдѣлался городъ Саламинъ или Констанція (на сѣверо-восточной сторонѣ острова), тогда какъ раньше митрополіей былъ городъ Пафъ (на юго-западной сторонѣ). Такъ, на первомъ вселенскомъ соборѣ присутствовали епископы Пафа—Кириллъ, а Саламина — Геласій, которые въ указанномъ порядкѣ и подписались подъ актами собора. Кромѣ вѣхъ, съ острова Кипра на этомъ соборѣ присутствовали и другіе двѣнадцать епископовъ, въ томъ числѣ св. Сивридоній триммаунтскій, исповѣдникъ, славный емиреніемъ и чудесами, принимавшій участіе въ разсужденіяхъ на соборѣ. Что касается г. Саламина, то онъ, и раньше подвергавшійся землетрясеніямъ,

въ 333 г. былъ почти совершенно разрушенъ весьма сильнымъ колебаніемъ почвы. Едва городъ нѣсколько оправился отъ этого бѣдствія,—въ 343 г. произошло еще болѣе сильное землетрясеніе, отъ котораго пострадали Неокесарія, Родосъ, Римъ, Антиохія и особенно Саламинъ на Кипрѣ. Современный императоръ Флавій Констанцій, сынъ Константина в., сдѣлавшійся съ 342 г. едино-властителемъ Востока, наряду съ другими разрушенными городами предпринялъ возстановленіе и Саламина, который и названъ Констанціею, хотя городъ и потомъ удержалъ свое прежнее имя. Украсивъ Констанцію многими прекрасными зданіями, императоръ Констанцій сдѣлалъ его главнымъ городомъ и въ гражданско-церковномъ отношеніи. Къ концу IV в. христіанство утвердилось на всемъ островѣ и вступило въ борьбу съ различными ересями, распространенными здѣсь. Главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ былъ св. Епифаній, епископъ Констанціи (367—403 г.), который воздѣйствовалъ на язычничковъ своими христіанскими добродѣтелями, а еретиковъ поражалъ своими литературными трудами. Изъ его епархіи было много послѣдователей ереси валентиніанъ, во главѣ съ епископомъ Астіемъ, съ которымъ св. Епифаній часто вступалъ въ пренія. Были на островѣ и другіе еретика—офиты, савелліане, николаиты, симониане, василідиане, карпократіаны. Въ виду того, что многіе изъ еретиковъ занимали общественныя должности и были богаты, борьба съ ними св. Епифанія имѣла мало успѣха, поэтому онъ обратился къ императору Феодосію I съ просьбою изгнать ихъ съ острова. Получивъ посланіе Епифанія, царь издалъ такой письменный приказъ: если кто не станетъ повиноваться божественнымъ словамъ св. отца Епифанія, епископа кипрской страны, тотъ долженъ удалиться съ острова и жить, гдѣ пожелаетъ; а все тѣ, кои сдѣлаются друзьями и чадами покаянія и исповѣдуютъ предъ общиномъ своимъ отцомъ готовность обратиться на путь истины, могутъ остаться на островѣ и слушать поученія сего отца. Послѣ этого развитіе ересей на островѣ значительно уменьшилось. Епифаній долженъ былъ присутствовать на второмъ вселенскомъ соборѣ (381 г.) вмѣстѣ съ епископами Кипра—Юліемъ пафскимъ, Феопемпомъ три-

миеунтскимъ, Тихономъ тамасскимъ и Мнимономъ китійскимъ. Горя ревностію о православіи, Епифаній въ 394 г. путешествовалъ въ Иерусалимъ съ цѣлію убѣдить мѣстнаго епископа Іоанна и его друзей Руфина и Иеронима осудить Оригена, какъ еретика [см. „Энци.“ VI, 983—985]. Но онъ склонилъ на свою сторону только Иеронима. Въ 401 г. онъ созвалъ соборъ епископовъ въ Констанціи и осудилъ Оригена. Послѣ этого, узнавъ, что ученіе оригенистовъ распространяется и въ Константинополѣ, онъ отправился сюда, нашелъ благослонный пріемъ у царицы Евдокіи и сталъ склонять находившихся въ столицѣ епископовъ подписаться подъ опредѣленіями кипрскаго собора о твореніяхъ Оригена. Но эта попытка имѣла мало успѣха тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ Епифаній разошелся со св. Іоанномъ Златоустомъ, архіепископомъ константинопольскимъ. Онъ скончался на пути изъ Константинополя въ свою епархію (403 г.).

Пятый вѣкъ былъ ознаменованъ борьбою кипрской церкви за свои автокефальныя права. Опираясь на свое апостольское происхожденіе и на мѣстныя традиции, образовавшіяся въ первые вѣка христіанства, основываясь и на 6 правилѣ I вселенскаго собора („подобно и въ Антиохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущественно церквей“—*en tais allais eparchiis ta presbeia souzesthai tais ekklesiis*), кипрская церковь признавала себя автокефальною, съ правомъ мѣстныхъ епископовъ избирать на соборѣ предстоятеля церкви изъ своей среды. Правами автокефальности кипрская церковь пользовалась не смотря и на то, что Кипръ сперва при императорѣ Адрианѣ, а потомъ при Константинѣ в., послѣ новаго дѣленія имперіи на провинціи, былъ причисленъ къ восточнымъ ея областямъ и въ гражданскомъ отношеніи былъ подчиненъ (вмѣстѣ съ Сиріей, Финикіей, Палестиной и Киликіей) стратигу Антиохіи, который назначалъ на островъ особаго правителя. Но въ пятомъ вѣкѣ патриархи Антиохіи рѣшили воспользоваться политическою зависимостью Кипра отъ мѣстнаго стратига, какъ средствомъ и для церковнаго его подчиненія антиохійскому престолу. Это послужило поводомъ къ различнымъ столкновеніямъ между обѣими церквями.

Прежде всего, когда два епископа Кипра, Троимъ и Теодоръ, прибыли по своимъ дѣламъ въ Антиохію, то мѣстный архіепископъ Іоаннъ I [429 — 44½ г.: см. „Энци.“ VI, 987—995] сталъ принуждать ихъ къ подчиненію антиохійскому престолу, но всѣ его усилія остались тщетными. Затѣмъ, векоръ скончался архіепископъ Констанціи Троимъ. Архiep. Іоаннъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для подчиненія себѣ кипрской церкви и склонилъ на свою сторону стратига „Востока“, Флавія Діонисія. Последний, подъ влияніемъ архiep. Іоанна, въ іюнѣ 431 г. написалъ правителю Кипра Теодору, чтобы онъ всѣми средствами противился избранію новаго епископа для Констанціи, потому что вопросъ о рукоположеніи епископовъ для Кипра будетъ предметомъ обсужденія на созванномъ по повелѣнію императора Теодосія Младшаго соборѣ въ Ефесѣ; еслибы избраніе епископа Констанціи состоялось до прибытія распоряженія Флавія Діонисія, то Теодоръ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы новый епископъ, вмѣстѣ съ остальными кипрскими епископами, отправился въ Ефесъ для оправданія предъ соборомъ; въ случаѣ неисполненія Теодоромъ этого повелѣнія, онъ и войско, ему подчиненное, должны были внести въ государственную казну по пяти литръ золота. Флавій Діонисій такое же приказаніе послалъ и клиру митрополи Констанціи, предложивъ не приступать къ избранію новаго епископа до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ этомъ не будетъ рѣшенъ на Ефесскомъ соборѣ,—въ противномъ же случаѣ епископы должны предстать предъ этимъ соборомъ для оправданія и суда. Тою порой кипряне приступили къ приготовительнымъ для избранія епископа дѣйствіямъ и, не послушавшись приказа стратига „Востока“, избрали на вакантную въ Констанціи кафедру Ригиана, который, взявши епископовъ Саприкія пафскаго, Зенова курійскаго и Евагрія солонскаго, а также протопресвитера (πρωτοπρεσβυτερ) Кесарія, отправился въ Ефесъ—не для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ, а для протеста предъ отцами собора по поводу притязаній антиохійскаго архіепископа на права автокефальной кипрской церкви. Вопросъ объ автокефальныхъ правахъ кипрской церкви разсматривался на седьмомъ засѣданіи Ефесскаго собора и об-

суждался въ такомъ родѣ. Прежде всего, епископъ Ригианъ, отъ имени всѣхъ епископовъ Кипра, прочиталъ предъ отцами собора свою жалобу (λιβελλος) на антиохійскаго архіепа. Іоанна (не присутствовавшего на засѣданіи вмѣстѣ съ другими „восточными“ іерархами), который, въ союзѣ съ стратигомъ Діонисіемъ, вытается подчинить себѣ кипрскую церковь. Это есть нововведеніе, противное канонамъ Никейскаго собора и не оправдываемое предшествующею церковною практикою. Флавій Діонисій, позволивъ себѣ вмѣшаться въ церковное дѣло, былъ введенъ въ заблужденіе. Между тѣмъ незаконное вмѣшательство вызвало большую смуту въ сархін Констанціи. „Мы просимъ,—сказано въ грамотѣ кипрскихъ епископовъ,—придаемъ къ вашимъ колѣнамъ, чтобы какъ изначала, отъ временъ апостольскихъ, посредствомъ постановленій и канонівъ святѣйшаго и великаго собора въ Никее, нашъ синодъ на Кипрѣ по каноническому рѣшенію пребывалъ внѣ всякой опасности и постороннихъ притязаній и былъ выше всякаго подчиненія, такъ и теперь мы желаемъ, чтобы посредствомъ вашего неподкупнаго и справедливаго рѣшенія и вашего повелѣнія намъ была воздана справедливость“. Затѣмъ Ригианъ, съ разрѣшенія собора, прочиталъ два письменные приказа Флавія Діонисія архонту Кипра и клиру митрополи Констанціи, послѣ чего соборъ нашелъ необходимымъ выслушать объясненія со стороны епископовъ Кипра, такъ какъ для членовъ собора представлялись не сомнѣныя ясныя мотивы вмѣшательства стратига въ кипрское церковное дѣло. На это епископъ Зенонъ сказалъ, что, по свидѣтельству недавно скончавшагося епископа Саприкія, Діонисій, дѣйствительно, написалъ архонту и клиру Кипра письма запрещавшія избирать епископа Саламина безъ участія антиохійскаго архіепископа. На вопросъ, чего же добивался послѣдній, епископъ Евагрій отвѣтилъ: „онъ старался подчинить себѣ нашъ островъ и похитить право хиротоніи, вопреки канонамъ и издревле господствующему обычаю“. Соборъ спросилъ, были ли раньше факты хиротоніи епископовъ Констанціи архіепископами Антиохіи; на это епископъ Зенонъ сказалъ, что со временъ апостольскихъ не было ни одного случая такой хиротоніи и вообще іерархи Антиохіи нивогда

не являлись на островъ для хиротоніи кипрскихъ епископовъ, которые избирались и хиротонисались всегда мѣстными соборами, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, въ частности, факты избранія епископовъ Тривла и Савина. Выслушавъ эти и другіе доводы кипрскихъ епископовъ въ пользу изначальной автокефальности кипрской церкви, соборъ въ своемъ рѣшеніи (*ψήφος*) опредѣлялъ, что начальствующіе (*οἱ προεστώτες*) во святыхъ кипрскихъ церквахъ сохраняютъ за собою свободу самостоятельно производить на соборахъ избраніе епископовъ и рукополагать ихъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какъ это издревле установлено святыми отцами и мѣстной практикой. Опредѣленіе собора о кипрской церкви составило содержаніе 8-го его правила¹⁾. Не смотря на ясное опредѣленіе Ефесскаго собора, притязанія антиохійскихъ патріарховъ на самостоятельность кипрской церкви не прекращались. Патріархъ-монофизитъ Петръ Кнафевъ, вступивъ вторично на антиохійскій престолъ (около 485 г.), пытался снова подчинить кипрскую церковь подъ тѣмъ предлогомъ, что киприане вѣкогда получили вѣру Христову изъ Антиохіи. Но эти притязанія были отвергнуты архіепископомъ Констанціи Анонимемъ, который сослался на Дѣян. 11, 19 — 26, на господствовавшій на Кипрѣ древній обычай и на опредѣленіе третьяго вселенскаго собора. Къ тому же, въ это время около Констанціи были обрѣтены мощи св. Апостола Варнавы [яко бы] съ Евангеліемъ отъ Матоея, собственноручно имъ написаннымъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, епископъ Анонимій отправился въ Константинополь къ императору Зенону, представилъ ему открытое Евангеліе, описалъ испытанія, коимъ церковь кипрская подвергается со стороны антиохійскаго патріарха и просилъ покровительства и защиты. По распоряженію императора Евангеліе Ап. Варнавы было положено въ дворцовой церкви св. Стефана, а

столкновеніе Кипра съ Антиохіей поручено разсмотрѣть константинопольскому патріарху Акакію (471—489 г.) и собору. На соборѣ находился и архіепископъ Анонимій, указавшій на распространеніе христіанства на Кипрѣ апостольскими трудами св. Варнавы киприанина, мощи котораго были обрѣтены на островѣ и на другія, уже извѣстныя, привилегіи кипрской церкви, по поводу которыхъ представители антиохійскаго патріарха не могли представить основательныхъ возраженій. Соборъ опять высказался въ пользу автокефальныхъ правъ кипрской церкви, а императоръ Зенонъ, въ свою очередь, издалъ грамоту, которою антиохійскому патріарху запрещалось вмѣшиваться въ дѣла кипрской церкви, епископъ Констанціи представлялся архіепископомъ всего острова съ правомъ носить во время богослуженія красную мантию, держать скипетръ вмѣсто ластырскаго жезла, подписываться красными чернилами, титуловаться — по праву автокефальнаго предстоятеля — „блаженствомъ“ — (*μακαρίότης*) и „блаженнѣйшимъ“ (*μακαριώτατος*); кромѣ того, архіепископъ Констанціи имѣлъ право стоять во главѣ своего синода и совмѣстно съ нимъ избирать и рукополагать епископовъ для Кипра и управлять всѣми церковными дѣлами. Византійскіе историки, рассказывающіе объ этомъ событіи (Федоръ Чтець, Кедричъ, Юиль, Никифоръ, Каллистъ), признаютъ его началомъ автокефальности кипрской церкви, но, по нашему мнѣнію, болѣе справедливы византійскіе канонисты — Вальсамовъ, Зонара и Аристанъ, которые приурочиваютъ это начало къ каноническому опредѣленію третьяго вселенскаго собора. Далѣе, изъ исторіи автокефалии кипрской церкви заслуживаютъ вниманія обстоятельства, вызванныя нашествіемъ на Кипръ арабовъ въ VII вѣкѣ. Въ 647 г. арабскія полчища, подъ предводительствомъ Моави, напали на Кипръ и овладѣли Констанціей, въ которой хранились сжевенныя со всего острова сокровища, истребили очень много народа, сохранили великолѣпный архіепископскій храмъ во имя св. Елифанія и предали островъ огню и мечу. Узнавъ, что противъ нихъ отправленъ византійскій флотъ, арабы удалились съ острова, а въ слѣдующемъ году опять напали на Кипръ, опустошили почти весь островъ, ограбили г. Пафъ

¹⁾ Однако касательно всей этой исторіи о кипрской церковной автокефалии см. у проф. *А. И. Лебедева* въ „Душеполезномъ Читаніи“ 1906 г., № 1, стр. 47—54, а также у проф. *А. И. Алмазова* и *А. И. Брилліантова* въ „Журналахъ и протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“, т. III (Спб. 1907), стр. 253—254, 265—266 и стр. 286, — *Н. Н. Г.*

и снова удалиться. Въ послѣдующее время арабы неоднократно дѣлали набѣги на Кипръ, пока византійскій императоръ Юстиніанъ II Ринотмитъ и дамаскій халифъ Абд-ал-Мелекъ не заключили въ 686 г. между собою миръ, по которому они должны были дѣлить поровну доходы съ острова Кипра, а халифъ еще обязался платить въ византійскую казну ежедневно тысячу золотыхъ. Но потомъ халифъ отказался платить Юстиніану II эту дань византійскою монетою, а приказалъ вычеканить золотые арабскаго образца, меньшей сравнительно съ византійскими цѣнности. Это послужило поводомъ къ разрыву договора между Византіею и Дамаскомъ (688 г.). Не надѣясь защитить кипрскія отъ насилій арабовъ, Юстиніанъ II сбѣжалъ распоряженіемъ о выселеніи жителей въ провинцію Геллеспонтъ въ Малой Азій. И вотъ, православное население Кипра, во главѣ съ архіепископомъ Констанціемъ Іоанномъ, предпріяло переселеніе въ основанный близъ Кизика городъ новый Юстиніанополь. Это переселеніе оказалось гибельнымъ и для жителей и для острова, такъ какъ многіе погибли во время морского пути, другіе умерли въ новой колоніи, мало приспособленной на первыхъ порахъ для нормальной жизни, почти все понесли огромные матеріальные убытки, вынужденные оставить на Кипрѣ прекрасныя зданія и обработанныя земли, такъ какъ новая земля, пожалованная переселенцамъ близъ Кизика, оказалась менѣе удобными, а островъ лишился свойственнаго ему процвѣтанія и благоустройства. Съ архіепископомъ Іоанномъ съ острова выселились и нѣкоторые епископы, другіе же остались здѣсь съ паствою, которою духовно и управляли до возвращенія архіепископа. Дабы архіепископъ Кипра, переселившійся въ Геллеспонтъ по волѣ императора, не лишился древнихъ преимуществъ, Юстиніанъ II призвалъ ихъ за Іоанномъ и на новой его кафедрѣ—въ Юстиніанополь, который не только былъ объявленъ автокефальною архіепископіею, но и поставленъ въ церковномъ отношеніи во главѣ всѣхъ епархій Геллеспонта, съ подчиненіемъ архіепископу Юстиніанополя и кизикской митрополіи, съ правомъ архіепископа рукополагать всѣхъ епископовъ Геллеспонта. Состоявшійся въ царствованіе Юстиніана II Трульскій соборъ

опредѣлилъ эти права кипрскаго предстоятеля въ 39 своемъ правилѣ. „Такъ какъ братъ и сослужитель нашъ Іоаннъ, предстоятель острова Кипра (сказано въ этомъ правилѣ), вмѣстѣ съ своимъ народомъ, вслѣдствіе варварскихъ нашествій и съ цѣлью освободиться отъ языческаго рабства и вѣрно покоряться скипетру христіанѣйшей державы, переселился съ упомянутого острова въ геллеспонтскую область, промышленіемъ челоуколюбиваго Бога и усердіемъ Христолюбиваго и благочестиваго царя нашего: то мы постановляемъ, чтобы неизмѣнными были сохранены преимущества, данныя престолу названнаго мужа богоносными отцами Ефесскаго собора, чтобы Новый Юстиніанополь имѣлъ права Константинополя, боголюбивѣйшій его епископъ начальствовалъ надъ всѣми епископами Геллеспонтской области и поставлялся соборомъ своихъ епископовъ, по древнему обычаю; предстоятелю Юстиніанополя долженъ подчиняться и епископъ города Кизика и, въ случаѣ необходимости, поставляться отъ него“. Такимъ образомъ, по опредѣленію Трульскаго собора, архіепископы Кипра и въ новой своей резиденціи не только сохранили прежнія автокефальныя права, утвержденныя за ними Ефесскимъ соборомъ, но и получили въ отношеніи епископовъ Геллеспонта и митрополита кизикскаго тѣ права, которыя издавна принадлежать здѣсь константинопольскому патріарху. Это уже было исключительною привилегіею кипрскаго архіепископа, пожалованной ему не безъ содѣйствія императорской власти. Къ тому же она была временной. Въ царствованіе Тиверія II его братъ Ираклій нанесть (въ 790 г.) поражение арабамъ и изгналъ ихъ съ острова Кипра.

Послѣ этого часть кипрянъ возвратилась изъ Геллеспонта на родину. Окончательное же переселеніе архіепископа Новаго Юстиніанополя на Кипръ совершилось въ царствованіе Константина Копровима около 747 г., когда епархія Геллеспонта и Кизика опять подчинились византійскому патріарху. Прибывши на Кипръ, архіепископъ избралъ своею резиденціею городъ Арсиною (нынѣ Фамагуста или *Ἀρμόχουτος*), такъ какъ Саламинъ или Констанція была разрушена. Иерархическія его права и привилегіи сохранились прежнія. Оставивъ въ своемъ офици-

циальномъ титулѣ наименованіе „Юстиніанопольскаго“, архіепископъ сталъ пользоваться древнимъ титуломъ — „Констанцінъ или „Кипра“, употребляя эти наименованія безразлично, какъ видно изъ подписей отцовъ седьмого вселенскаго собора. Съ теченіемъ же времени онъ сталъ именоваться лишь архіепископомъ „Кипра“, а иногда и только въ официальныхъ бумагахъ подписывался— „архіепископомъ Новой Юстиніаны (вмѣсто Юстиніанополя) и всего Кипра“. Въ Арсеніѣ архіепископская кафедра оставалась до начала XIII вѣка (1215 г.), когда латиняне перенесли ее въ Левкосію. Что касается автокефальныхъ правъ кипрской церкви, то въ византійскую эпоху притязаній на нихъ со стороны антиохійскихъ патріарховъ не было. Лишь по соглашенію между церквами, а не въ знакъ зависимости одной отъ другой, кипрская церковь получала отъ антиохійскихъ патріарховъ св. миро. Такая практика продолжалась до 1860 года, когда, вслѣдствіе известной рѣзни христіанъ въ Дамаскѣ и возникшаго отсюда неурядиства церковныхъ дѣлъ въ Сиріи, кипрская церковь не могла получать св. миро изъ Дамаска. Въ 1864 г. архіепископъ Макарій, вслѣдствіе встрѣтившейся необходимости, обратился къ церкви константинопольской съ просьбою прислать на Кипръ св. миро. Просьба была исполнена, и съ того времени кипрская церковь, какъ и всѣ остальные греческія церкви православнаго Востока, получаетъ св. миро изъ Константинополя отъ вселенскаго патріархаго престола.

Изъ другихъ фактовъ внутренней церковной жизни на Кипрѣ въ византійскую эпоху нужно отмѣтить участіе этой церкви въ важнѣйшихъ событіяхъ православнаго Востока, свидѣтельствующее о тѣсномъ, органическомъ ея союзѣ съ остальными автокефальными церквами и о совмѣстной дѣятельности въ вопросахъ кафолическаго значенія. Такъ, на Ефесскомъ соборѣ 449 г. присутствовалъ Олимпій, архіепископъ Константиціи. Между членами четвертаго вселенскаго собора были кипрскіе епископы— Епифаній солонскій, Ваафродитъ тамасскій и Сотиръ осодосіанскій. Во время монофелитскихъ споровъ архіепископъ Константиціи Сергій энергично боролся противъ новой ереси и на частномъ соборѣ осудилъ „эке-

сисъ“ Ираклія. Постановленіе собора, анаематствующее еретиковъ, было послано Сергіемъ римскому папѣ Теодору I (642—649 г.). Во время иконоборческихъ споровъ горячимъ защитникомъ иконопочитанія и православія былъ архіепископъ Константиціи Георгій, который не ограничился устою борьбой съ еретиками, но и написалъ апологетическій трудъ „*Νορθοσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων*“, раскрывъ здѣсь догматы иконопочитанія. Иконоборческой соборъ 754 г. предалъ его анаемѣ вмѣстѣ съ константиновольскимъ патріархомъ Германомъ и св. Іоанномъ Дамаскинымъ, но седьмой вселенскій соборъ, утвердившій иконопочитаніе, провозгласилъ Георгію и Іоанну вѣчную память. На седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во главѣ съ архіепископомъ Константиномъ, присутствовали епископы—Евстаній солонскій, Спиридонъ кипрскій, Осодоръ китійскій, Георгій трипоунтскій и Александръ амаѣискій. На пятомъ засѣданіи собора архіепископъ Константиціи принималъ участіе въ преіяхъ и имѣлъ вліяніе на ходъ соборныхъ совѣщаній. Въ эпоху иконоборчества, когда въ Константинополѣ и другихъ городахъ было поднято гоненіе на монаховъ, какъ защитниковъ иконопочитанія, многіе изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованія, удалились на Кипръ, хотя и здѣсь нешпая условія положенія были въ это время не вполне благоприятны.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ VII вѣка, Кипръ сдѣлался легкою добычей для арабовъ, которые, пользуясь отдаленностію острова отъ столицы византійской имперіи и сравнительно слабюю его защитой имперскими войсками, дѣлали частые на островъ набѣги, подвергали его систематическому опустошенію, разоряли и грабили города, истребляли жителей и вообще совершали здѣсь всякаго рода безчинства. Первое вшествіе мусульманъ на островъ было въ 632 г. при императорѣ Иракліи, когда Халифъ Абу-Бекръ, пользуясь ослабленіемъ, вслѣдствіе небрежности, военныхъ силъ ромеевъ, взялъ городъ Китій. Въ 647 г. Халифъ Моавія, имѣя флотъ изъ 1.700 кораблей, утвердилъ свое владчество на Кипрѣ, разорилъ Константицію, а потомъ Цафъ. Въ 747 г. при Константиѣ V Копронимѣ византійскій флотъ отразилъ на-

бѣгъ арабскаго флота, въ числѣ тысячи кораблей устремившагося изъ Александріи на Кипръ, а въ концѣ царствованія Копрониа Кипръ опять былъ (около 770 г.) подъ властію Византіи. Въ 790 г. арабы предприняли новое нападеніе на Кипръ, но царица Ирина быстро снарядила византійскій флотъ, который подъ начальствомъ Теофила, стратига кивиреотскаго, далъ битву арабамъ; послѣдніе вынуждены были отступить, но Теодоръ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію халифа Гарунъ-аль-Рашида, убитъ мечемъ. При Никифорѣ I халифъ Гарунъ нарушилъ договоръ съ византійцами (806 г.) и послалъ флотъ на Кипръ, гдѣ были разрушены церкви и монастыри, многіе жители были перебиты, архіепископъ Констанціи былъ взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился за тысячу диваровъ. Въ 816 г. при царѣ Михайлѣ Рангаве на Кипръ отпавились многочисленныя бѣглецы—монахи и міряне—изъ Сиріи, спасаясь отъ жестокихъ преслѣдованій арабовъ; одни изъ нихъ на пути были мученически умерщвлены, а другіе благополучно достигли острова; царь приказалъ выдать имъ талантъ золота и оказалъ всякое покровительство. Въ 824 г. послѣ завоеванія арабами острова Крита, опасность грозила и Кипру, но византійскій флотъ, во время снаряженія, устранилъ эту опасность. При императорахъ Василии I Македонянинѣ (867—886 гг.) и Львѣ VI Мудромъ (886—911 гг.) Кипръ на нѣкоторое время былъ освобожденъ отъ тяжелаго мусульманскаго ига, но потомъ опять подпалъ господству арабовъ и оставался подъ ихъ властію до императора Никифора Фоки, который, отнявши въ 961 г. у арабовъ о. Критъ, въ 964 г. изгналъ ихъ съ о. Кипра. Постоянныя набѣги арабовъ на Кипръ и война ихъ съ византійцами крайне неблагопріятно отразились на церковно-общественной жизни острова. Монастыри и храмы или лежали въ развалинахъ, или были ограблены и лишены необходимыхъ священныхъ принадлежностей, духовенство и народъ платили побѣдителямъ подати и налоги за жизнь и за право свободно вѣровать; арабы не вмѣшивались въ религиозную жизнь христіанъ, но послѣдніе покупали эту независимость дорогою цѣной повинностей, униженій и презрѣній со стороны побѣдителей; для му-

сульманъ они были народомъ ничтожнымъ и заслуживающимъ истребленія—только правительство, изъ видовъ политическихъ, предотвращало ихъ полную гибель отъ фанатичныхъ солдатъ. Побѣдители и побѣжденные составляли два враждебные лагеря, между которыми не было ничего общаго и сліяніе было совершенно невозможно. Греки старались хранить полный нейтралитетъ и избѣгали всякаго сочувствія въ отношеніи къ византійцамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ грозила смерть. Но, въ виду частыхъ столкновеній между арабами и византійцами, трудно было такъ или иначе не выразить сочувствіе родному народу, борющемуся за свободу кипрія. Поэтому пораженіе арабовъ часто оспаривалось на головы ни въ чей невинныхъ жителей Кипра. При такихъ условіяхъ возникшаго положенія христіанъ, совершенно невозможно говорить о какомъ-либо благосостояніи кипрской церкви подъ властію арабовъ. Положеніе это улучшилось когда Кипръ при императорѣ Никифорѣ Фокѣ опять вошелъ въ составъ византійской имперіи и былъ совершенно освобожденъ отъ арабскаго ига. Церковная жизнь вновь расцвѣла на островѣ, храмы и монастыри были возстановлены,—хотя многія драгоценности и библіотеки погибли безвозвратно,—епископскія кathedры были снова замѣнены, церковное управленіе вновь было организовано на соборномъ началѣ, попрежнему установились тѣсныя отношенія Кипра къ автокефальнымъ церквямъ православнаго Востока. Между прочимъ, въ это время получило большое развитіе на Кипрѣ и греческое монашество. Въ царствованіе императора Алексія Комнина (1081—1118 г.) здѣсь былъ построенъ и нынѣ существующій монастырь Богородицы Кякка или Кокка. Ктиторомъ его былъ монахъ Исаія, которому императоръ далъ икону Богоматери *Ἐλεούσα* и нынѣ пребывающую въ монастырѣ, а также пожаловалъ средства на постройку монастыря; когда монастырь былъ построенъ, царь надѣлилъ его имуществомъ и далъ хрисовуль, освобождавшій отъ всякихъ повинностей. Монастырь въ теченіе своего продолжительнаго существованія испыталъ много бѣдствій, но и теперь служитъ предметомъ поклоненія христіанъ. Онъ управляется

игуменовъ, пожизненно избираемымъ братією и утверждаемымъ архіепископомъ острова. Братство въ послѣдніе годы простиралось отъ 40 до 50 человекъ. Въ царствованіе Мануила Комнина (1142—1180 гг.) былъ построенъ монастырь Богородицы на горѣ Махера. Ктиторами его были монахи Игнатій и іеромонахъ Ниль, впоследствии епископъ Тамасса, которые получили отъ императора гору Махера съ окрестностями, 50 золотыхъ ежегодно и другое вспоможеніе на постройку монастыря; когда монастырь былъ готовъ, царь объявилъ его свободнымъ и независимымъ отъ мѣстной церковной власти и далъ ему различныя привилегіи. Императоръ Исаакъ Ангелъ, по просьбѣ монаховъ обители Махера, утвердилъ (1186 г.) за ними хрисовулы, данныя Мануиломъ Комниномъ, подарилъ имъ садъ изъ царскихъ владѣній въ Левкосії и 12 золотыхъ. Императоръ Алексѣй III подтвердилъ независимость этого монастыря (1195 г.) и укрѣпилъ за нимъ навѣчно все его недвижимыя имѣнія, съ 24 париками; за эту милость царя монахи возносили во время богослуженія особое молитвенное объ Алексѣѣ прошеніе. Въ 1210 г. іеромонахъ, потомъ епископъ тамасскій, Ниль далъ монастырю Богородицы Махера свой очень обширный уставъ (изъ 47 главъ), въ которомъ весьма подробно регламентирована вся внутренняя жизнь этой обители. Іеромонахъ Ниль основалъ въ Тамассѣ и другой—женскій—монастырь и также написалъ для него особый уставъ. Въ царствованіе Исаака II Ангела (съ 1185 г.) были устроены въ Пафѣ монастырь св. Неофита Затворника и объявленъ ставропигією. И этотъ монастырь, какъ и Махера, существуетъ понынѣ. Кроме того, въ пафской епархіи существуютъ монастыри Богородицы Хрисорригатиссы и Трюдятиссы, въ кярийской епархіи св. Пантелеимова Мирта и Нерукотвореннаго Спаса, возникшіе въ византийскую эпоху; нынѣ они бѣдны и малонаселены. Въ византийскія времена на Кипрѣ былъ монастырь съ именемъ Κοσμοβενίτου (1157 г.: *Miklosich et Müller*, Acta VI, 106), а въ Левкосії существовали православныя обители—Няши, Андрея, Манкана и Серей-Платронъ. Въ письмѣ константинопольскаго патріарха Германа (1223 г.) упоминается монастырь Аспен-

сіонъ. Кроме того были извѣстны женскіе монастыри—Паллуріотиссы, св. Македонія, Всѣхъ Святыхъ и Фанеромены. Изъ нихъ монастырь Нивы существовалъ до XVII в., а потомъ былъ обращенъ въ резиденцію архіепископа и остается съ этимъ названіемъ до настоящаго времени; церковь св. Іоанна Богослова, здѣсь существующая была построена въ 1662 г. архіепископомъ Никифоромъ. Остальные монастыри частію были въ дальнѣйшее время разрушены, частію обращены въ приходскія церкви, какъ, напр., монастырь Фанеромены.

Кипрская церковь попрежнему была въ общеніи съ другими автокефальными православными церквами. Такъ, архіепископъ кипрскій Іоаннъ присутствовалъ въ серединѣ XII в. на константинопольскихъ соборахъ по поводу заблужденій Сотириха и другихъ, неправильно понимавшихъ слова молитвы въ литургіи—„Ты еси приноси и приносимый“. У этого Іоанна было и столкновеніе съ константинопольскимъ патріархомъ Лукою Хрисовергомъ (1156—1169 г.), о которомъ рассказываетъ Вальсамонъ. Архіепископъ Іоаннъ извергъ изъ сана, подчиненнаго ему амаеунтскаго епископа Іоанна, о чемъ и было сообщено императору Мануилу Комнину. Но такъ какъ изверженіе было произнесено одиннадцатію епископами и самимъ архіепископомъ, между тѣмъ какъ 12-мъ правиломъ Карпагенскаго собора требовалось, чтобы судъ производился соборомъ изъ 12-ти епископовъ, кроме предѣдателя, то патріархъ Лука Хрисовергъ съ синодомъ, а также царскій синклитъ признали это изверженіе вѣдѣйствительнымъ. Въ то же время кипрская церковь признавалась въ Византіи автокефальною, какъ это видно изъ сочиненія Нила Доксопатра „0 патріаршихъ престолахъ“ (1143 г.) и изъ толкованія Θεодора Вальсамона (на 8 пр. III в. соб., 39-е Трул. соб.), позднѣе (XIV в.)—изъ Свѣтагмы Матфея Властаря (Ράλλητς καί Πολίτης, Σύστασις VI, 258). На островѣ было до 15 епископскихъ кафедръ въ разныхъ городахъ.

Въ XI и XII в. на Кипрѣ было возстаніе правителей противъ центральной византийской власти, неблагоприятно отразившееся и на положеніи мѣстной церкви. Одно возстаніе было поднято въ маѣ 1040 г. стратигомъ Теофиломъ Еротиомъ и было

подавлено лишь въ 1043 г. Константиномъ Мономахомъ, другое поднялъ Рапсодатисъ въ 1092 г. и т. д. Особенно же ужасна была для кипрцевъ тиранія Исаака Комнина, внука императора Мануила. Отличался большою жестокостію, онъ безчеловѣчно поступалъ съ жителями острова и совершалъ надъ ними тысячи злодѣяній, — безъ всякой вины мучилъ и убивалъ грековъ, лишалъ ихъ имущества, безчестилъ женщинъ. Императоръ Андроникъ Комнинъ не могъ изгнать тирана съ острова. Исаакъ II Ангель отправилъ противъ него флотъ, но Исаакъ разбилъ его и взялъ византійское войско въ плѣнъ. Господство этого тирана на Кипрѣ продолжалось до завоеванія его латинянами (1191 г.) и принесло много зла церкви, духовенству и народу (*Нижняя Хроника*, Исторія).

II. Второй періодъ въ исторіи православной церкви на Кипрѣ (1191—1571 г.) былъ временемъ тяжелыхъ для нея испытаній, которымъ она подвергалась со стороны латинянъ. Въ 1191 г. англійскій король Ричардъ Левиное Сердце съ громаднымъ флотомъ и войскомъ отправился въ Св. Землю для освобожденія Гроба Господня отъ рукъ невѣрныхъ. Между Критомъ и Кипромъ буря разметала его корабли, а тиранъ кипрскій Исаакъ Комнинъ, бывшій свидѣтелемъ этого несчастья крестоносцевъ, очень жестоко поступилъ съ потерпѣвшими кораблекрушеніе франками, произвелъ грабежъ разбитыхъ бурей судовъ и перебилъ много воиновъ Ричарда. Это рѣшило дальнѣйшую судьбу Кипра. Мстя Исааку, Ричардъ напалъ на Кипръ, разорилъ города Амавунтъ и Тримвунтъ, а Исаака взялъ въ плѣнъ. Захвативъ островъ, Ричардъ въ короткое время владѣлъ имъ, а потомъ продалъ рыцарямъ ордена тамплиеровъ за 100.000 золотыхъ, которые, давъ въ уплату 40.000, водворились въ Никосію. Господство тамплиеровъ весьма не понравилась жителямъ Кипра, такъ какъ они воздвигли открытое гоненіе на православіе и принуждали грековъ принимать латинство. Кипрціе составили планъ истребить всѣхъ тамплиеровъ. Планъ не удался, но въѣсто того въ апрѣлѣ 1192 г. на островѣ вспыхнулъ бунтъ. При такихъ условіяхъ тамплиеры не могли оставаться на Кипрѣ и вынуждены были возвратить его Ричарду, который въ 1193 г. продалъ островъ номинальному іерусалимскому королю Гю

[Виту] Лузиньяну (Guy de Lusignan), съ обязательствомъ для послѣдняго возвратить тамплиерамъ данныя имъ 40.000 золотыхъ. Господство дванадцати лузиньянской продолжалось на Кипрѣ до 1489 г., а потомъ островъ перешелъ подъ власть венеціанцевъ.

Гюи [Витъ] явился на островъ съ 300 представителями французскаго дворянства и съ войскомъ, раздѣлилъ островъ на нѣсколько баронствъ и объявилъ, что права дворянства могутъ принадлежать только лицамъ папискаго вѣроисповѣданія. Къ православной церкви онъ относился толерантно, предоставилъ народу свободно исповѣдывать свою вѣру и сохранилъ за монастырями и храмами ихъ владѣнія. Въ виду безразличнаго отношенія Гюи къ интересамъ латинства, на островъ прибыла изъ Палестины, Финикій и другихъ странъ представители иныхъ народностей — грузины, православные спрйцы, латиняне, армяне, марониты, копты и весторіане. Всѣмъ имъ Гюи далъ мѣста для жительства, свободу строить храмы и безпрепятственно исполнять обряды своей вѣры, имѣть своихъ епископовъ и духовенство. Но управленіе Гюи продолжалось недолго: въ 1194 г. власть надъ островомъ перешла къ его пріемнику Амори Лузиньянскому († 1205 г.), который круто измѣнилъ политику относительно православной церкви. Амори рѣшилъ утвердить на островѣ латинскую іерархію и пригласилъ сюда латинское духовенство и монаховъ.

На это приглашеніе изъ Палестины и Европы на Кипръ явились монахи различныхъ палестинскихъ орденовъ, благосклонно были здѣсь приняты и заняли господствующее положеніе. Римскій папа Целестинъ III горячо привѣтствовалъ распоряженіе Амори и въ письмѣ отъ 20 февраля 1196 г. хвалилъ его ревность по распространенію на островѣ латинства. Положеніе православной церкви сдѣлалось очень тяжелымъ. До латинскаго господства, епископы и клиръ признавали предстоителемъ церкви своего архіепископа, который вмѣстѣ съ синодомъ и имѣлъ высшую административно-судебную власть на островѣ. Весь народъ православный подчинялся также архіепископу. Церкви, монастыри и епископін имѣли свои владѣнія и земли, на доходы отъ которыхъ они и содержались; духовенство также получало отъ нихъ свое содержаніе. Латин-

скій клиръ, явившись на островъ, имѣлъ небольшую паству, но у него не было ни храмовъ, ни монастырей, ни имѣній. Но латиняне составляли господствующую часть населенія и находились подъ покровительствомъ правительства острова. И вотъ на Кипрѣ начались всякаго рода безчинства: латиняне стали отнимать у православныхъ церкви и монастыри, захватили ихъ движимыя и недвижимыя имущества, начали преслѣдовать православное духовенство и принуждать народъ къ переходу въ латинство. Затѣмъ, Амори, учредивъ на островѣ, четыре епископіи, надѣлили ихъ имѣніями, отнятыми у греческаго духовенства, и обратясь къ папѣ Целестину съ просьбою оказать содѣйствіе въ подчиненіи православнаго архіепископа латинскому митрополиту Левкосіи. Но православные оказали противодѣйствіе этой мѣрѣ и остались подъ властію своихъ епископовъ, а епископъ Кипра сохранилъ свою независимость отъ рѣшенія папы,—тѣмъ болѣе, что Амори долженъ былъ оставить островъ и отправиться въ Палестину для военныхъ дѣйствій. Непрежнему епархіальными городами у православныхъ оставались: Тамасосъ, Катій, Амаоунтъ, Куріонъ, Пафъ, Арсеноя, Соли, Лапиетъ, Киринея, Китры, Тримноунтъ, Левкосія, Арсинея, Карпасій и Кнерея. Положеніе православныхъ было настолько тяжело подъ властію латинянъ, что они неоднократно обращались къ визавтійскимъ царямъ съ просьбою объ ихъ освобожденіи отъ нелицитнаго ига. Объ этомъ императоръ Исаакъ II Ангель писалъ папѣ Иннокентію III (1199 г.), но въ отвѣтъ на ходатайство папа приказалъ латинянамъ Спри принять всѣ мѣры къ удержанію Кипра подъ своею властію. Другія попытки грековъ къ освобожденію острова отъ латинянъ остались тщетными. Каково было положеніе православныхъ въ первые годы латинскаго господства на Кипрѣ,—видно изъ записокъ современнаго монаха Неофита Затворника о бѣдствіяхъ на островѣ. „Туча закрываетъ солнце и туманъ покрываетъ горы и холмы, на которые и перестала падать теплый и свѣтлый лучъ солнца:—такъ и насъ двѣнадцать уже лѣтъ покрываютъ туманъ и облако непрерывно слѣдующихъ несчастій, происходящихъ въ нашей странѣ... Битвы и войны, безпорядки и возстанія, тайныя нападенія и ужасныя столкновенія стали покрывать, какъ облако и туманъ, нашу землю. И вотъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ волны (несчастій) вздымаются все больше и выше. Необычныя и неслыханныя бѣдствія случались въ этой странѣ: всѣ богатые лишились своихъ богатствъ, прекрасныхъ зданій, родныхъ, рабовъ, слугъ, обиліе стадъ и пастбищъ, плодородныхъ земель, обильныхъ виноградниковъ, тайно оставили родину и отащили въ другія мѣста и въ столицу имперіи. А кто не могъ убѣжать, тѣхъ и бѣдствія невозможно изобразить. Кто опишетъ истязанія ихъ, заключенія въ темницы, требованіе денегъ во столько-то тысячъ?.. (Со времени подворенія латинянъ) на Кипрѣ и появился плачь и крикъ, невыносимый смрадъ, пригваанный съ сѣвера, о чемъ подробно и невозможно рассказать. Положеніе дѣль въ нашей странѣ нельзя даже и сравнить съ волнующимся и бушующимъ отъ сильной бури моремъ,—оно гораздо хуже свирѣпаго моря, такъ какъ на морѣ послѣ бури наступаетъ тишина, а у насъ буря съ каждымъ днемъ увеличивается и конца ея не предвидится...“ А вотъ новѣйшее мѣвнѣ известнаго ученаго Константина Саомы. „Конечно, мы не сдѣлаемъ несправедливости,—пишетъ онъ,—если латинское владычество на Востокѣ сравнимъ съ вынѣ давящимъ грековъ турецкимъ игомъ, хотя варварство этой дикой орды составляетъ исключительное во всемирной исторіи явленіе. И сама исторія могла бы, конечно, потребовать болѣе гуманнаго отношенія отъ народовъ, которые, вооружившись для освобожденія оскорбленнаго Гроба Господня, опрокинулись, вопреки ожиданію, на невинныхъ христіанъ. Историкъ показалъ бы себя безсовѣстнымъ, еслибы онъ не заклеивалъ варварскія дѣйствія, совершенныя на Востокѣ культурными христіанами-латинянами, разбойнически захватывшими христіанскія владѣнія, обратившихъ въ торговые слитки и въ деньги дѣнные художественныя произведенія древняго искусства, и—что хуже всего—съ торжествомъ сожигавшихъ на кострахъ не въ чемъ невинныхъ монаховъ, которые служили одному съ ними Богу, оставались вѣрными отеческимъ преданіямъ, освященнымъ тысячелѣтнею исторіей, и не могли признать нѣкоторыхъ догматическихъ опредѣленій, созданныхъ на Западѣ по чисто эгонистическимъ мотивамъ“.

Подъ управленіемъ Гуго I (1205—1218 г.) или — вѣрнѣе — его жены Алисы кипрская православная церковь подверглась новымъ испытаніямъ. Алиса, управлявшая Кипромъ за отсутствіемъ своего мужа, обратилась къ римскому папѣ Иннокентію III и латеранскому собору (1215 г.) съ ходатайствомъ постепенно сократить до четырехъ число православныхъ епископовъ на островѣ, назначить четырехъ латинскихъ епископовъ въ Никосію, Фамагусту, Пафъ и Лемпсосу, съ правомъ епископа Никосіи или Левкосії пользоваться архіепископскимъ титуломъ, предоставить латинскому архіепископу, послѣ смерти греческаго архіепископа Симеона, права духовной юрисдикціи надъ всѣмъ населеніемъ Кипра православнымъ и латинскимъ, при чемъ къ нему же должны были перейти и имущественныя владѣнія православной архіепископіи; равнымъ образомъ латиняне должны были сдѣлаться собственниками и спархіальныхъ имуществъ грековъ, по жрѣбъ сокращенія ихъ каедръ, а греческіе архіерей могли пользоваться потомъ одними доходами отъ духовенства. Вообще, папѣ былъ предложенъ планъ насильственнаго захвата латинянами на Кипрѣ какъ имущественныхъ, такъ и духовныхъ правъ греческаго клира, который постепенно долженъ былъ подпасть подъ власть латинскаго архіепископа. Планъ въ принципѣ былъ одобренъ, и папа Иннокентій III далъ приказъ о его постепенномъ исполненіи. На почвѣ имущественныхъ отношеній у греческаго и латинскаго духовенства на первыхъ же порахъ было много столкновеній, которыхъ не скрываютъ и латинскіе писатели, но при всѣхъ усиліяхъ грековъ защитить свои права и удержать имѣнія церквей и монастырей въ ихъ пользованіи, латиняне мало-по-малу брали верхъ, встрѣчая покровительство и поддержку со стороны королевы Алисы и латинскаго дворянства. Возрожденіемъ церковной политики на Востокъ былъ папа Иннокентій III, горѣвшій желаніемъ видѣть схизматическую имперію у ногъ своихъ. Онъ непрерывно посылалъ латинскимъ королямъ на Востокъ свои энциклики, въ которыхъ просилъ ихъ не забывать объ интересахъ римской церкви и побуждалъ всѣми средствами содѣйствовать ей торжеству среди схизматиковъ. Но такъ какъ свѣтскіе дѣятеля латинства, —

по мнѣнію папы, — не совѣтъ энергично дѣйствовали въ пользу церкви, то папа рѣшилъ прибѣгнуть къ насилію. Его выборъ подходящаго дѣятеля палъ на кардинала Пелагія, котораго папа и отправилъ въ 1213 г. на Востокъ, какъ албанскаго епископа и апостольскаго экзарха съ абсолютною властію, и предписалъ всѣмъ латинскимъ вождямъ отъ Ахаіи до Византіи и Саріи оказывать ему всякое содѣйствіе. Это былъ надменный, жестокой и вѣзломощный человекъ, который принесъ мало пользы латинству, но много вреда православію. Потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, Пелагій прибылъ на Кипръ и занялся здѣсь организаціею латинской церкви и обращеніемъ въ латинство схизматиковъ. Какъ Пелагій дѣйствовалъ на Кипрѣ, — лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго факта. По его приказанію, въ единственномъ нехастиріи были схвачены тринадцать монаховъ, которымъ и предъявлено было требованіе немедленно отказаться отъ православія и принять латинство. Монахи отвѣтили, что предварительно слѣдовало бы путемъ устныхъ доказательствъ или посредствомъ чудеснаго знаменія убѣдить ихъ въ томъ, что православіе есть заблужденіе, — иначе они останутся навсегда преданными сынами ортодоксовъ. Но ни то, ни другое Пелагію не представлялось возможнымъ; поэтому онъ приказалъ свергнуть монаховъ въ заключеніе, гдѣ они мучились въ теченіе трехъ лѣтъ. Однако они не хотѣли измѣнять вѣрѣ отцовъ и путемъ ренегатства получить свободу. Отчаявшись достигнуть своей цѣли, Пелагій приказалъ устроить костеръ и при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи гражданскихъ властей острова и латинскаго духовенства и народа, велѣлъ сжечь несчастныхъ „схизматиковъ“ (1221 г.). Православная церковь причислила этихъ мучениковъ къ лику святыхъ. Этотъ фактъ, вызвавшій усиленную ненависть грековъ къ латинянамъ, долженъ былъ бы убѣдить послѣднихъ въ глупости ихъ усилій распространить папизмъ среди православнаго населенія Кипра, а испытанія, бѣдствія и столкновенія грековъ съ латинянами продолжались и въ послѣдующее время. Скончался православный архіепископъ Симеонъ (около 1221 г.), и греки, слѣдуя установившемуся обычаю, избрали

его преемникомъ Исаію. Воспользовавшись этою смѣной, латиняне опять стали добиваться подчиненія православнаго архіепископа и епископовъ латинскимъ, дабы свести ихъ на положеніе викарныхъ при латинскихъ архіереяхъ, которые одни и должны пользоваться всѣми правами духовной юрисдикціи, а греческая церковь изводилась на положеніе терниной. Латинянамъ отчасти удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ Исаія, тѣснимый этими врагами православія, вынужденъ былъ временно признать надъ собою власть папы. Но затѣмъ онъ раскаялся, оставилъ свою кафедру и ушелъ въ Никію къ византійскому патріарху Мануилу, предъ которымъ, въ одномъ изъ засѣданій синода, принеся покаяніе въ заблужденіи и получивъ прощеніе. Но послѣ этого Исаія уже не возвратился на Кипръ. Его преемникомъ былъ избранъ Неофитъ. Это обстоятельство послужило новымъ поводомъ для столкновенія между греками и латинянами, такъ какъ Неофитъ не хотѣлъ подчиняться латинскому архіепископу. Къ тому же папа Гонарій III, узнавъ объ избраніи Неофита, былъ этимъ недоволенъ, а въ отвѣтъ на просьбу кипрскаго короля Генриха I Толстого (1219—1253 г.) разрѣшилъ грекамъ, во избѣжаніе смуты и междоусобій, поставлять себѣ епископовъ безъ подчиненія ихъ римской кафедрѣ, писалъ королю, что такое разрѣшеніе было бы нечестіемъ, которое уже осуждено латеранскимъ соборомъ, такъ какъ чудовищно имѣть двухъ епископовъ въ одной церкви съ одинаковыми правами и титуломъ; поему греческій епископъ и клирики Кипра должны безусловно повиноваться латинской іерархіи, которой они подчинены, и обязаны, какъ дѣти послушанія, во всемъ сообразоваться съ своею матерью церковію римской. Воля папы нашла усерднаго исполнителя въ лицѣ кардинала Пелагія. Греческій архіепископъ Неофитъ, — послѣ того какъ отказался признать подъ собою власть папы, — былъ изгнанъ съ о. Кипра, вмѣстѣ со многими греческими клириками, которые остались ему вѣрны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено (14 сент. 1222 г.), что на островѣ, вмѣсто прежнихъ 14 епископій греческихъ, остаются только четыре — въ Никосіи, Пафѣ, Фамагустѣ и Лемиссоеѣ. Епископы которыхъ должны были чрезъ

подаваніе руки (*διὰ τῆς χειραφίης*) выразить свои вассальныя отношенія къ латинскому архіепископу и дать обязательство въ подчиненіи ему; архіепископъ латинскій получалъ право суда надъ ними и избранія ихъ преемниковъ. Для большаго униженія греческихъ архіереевъ предъ латинскими, имъ запрещено было жить въ своихъ кафедральныхъ городахъ, а резиденціи ихъ были назначены въ городкахъ Соли, Арсиноѣ, Карпасіи и Леонарѣ. Латинскимъ епископамъ должны были подчиниться *secundum Deum et statuta canonum* и греческіе игумены, равно отъ нихъ зависѣло опредѣленіе штата иноковъ греческихъ монастырей. Словомъ, греческое духовенство обязано было подчиниться римской церкви, латинскому архіепископу и епископамъ, согласно обычаю іерусалимскаго королевства.

Разумѣется, греки никогда не могли примириться съ такими притязаніями латинянъ, считали оскорбительнымъ и унижательнымъ для себя подчиняться „латинской ереси“, которая давно уже сдѣлалась предметомъ страстной ненависти всего православнаго міра. И вотъ, кипряне вступили въ новую борьбу со своими духовными порабощателями. Не разсчитывая на свои силы, они обратились за помощію къ византійскому патріарху Герману II (1222 — 1240 г.), имѣвшему свою резиденцію въ Никіѣ. Сюда были отправлены въ качествѣ депутатовъ отъ населенія, епископъ Соли и Леонтій игуменъ монастыря Аписивононъ Леонтій, которые и описали патріарху тяжелое положеніе кипрскаго церкви и народа. Въ тоже время и архіепископъ Неофитъ оповѣстилъ патріарха о своемъ вынужденномъ удаленіи съ острова и просилъ защиты. Посланные предстали предъ синодомъ византійской церкви и сообщали, что латиняне требуютъ отъ нихъ вассальнаго обязательства (*διὰ χειραφίης*) въ подчиненіи, усвоятъ себѣ право назначать православныхъ епископовъ, игуменовъ и клириковъ, отъ которыхъ и берутъ за поставленіе деньги, предоставили латинскому архіепископу право суда по апелляціи по дѣламъ православныхъ клириковъ и мірянъ. Синодъ, обсудивъ критическое положеніе кипрскаго церкви, рекомендовалъ мѣстному духовенству и народу принять требованіе латинянъ, пока не

мнует опасность. Въ то время, когда византійскій патріархъ и синодъ еще совѣщались по кипрскому дѣлу, въ Никее прибыли многія другія жертвы латинскаго гоненія—агирики, монахи и міряне, которые, узнавъ о совѣщаніяхъ синода, явились въ патріархію и въ пламенныхъ рѣчахъ рассказали обо всемъ, что они испытали отъ латинянъ.—„Да просвятится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки,—говорили они,— не только посредствомъ дѣлъ, но и посредствомъ словъ, и пусть для вашего знанія не будетъ ничего темнаго и неяснаго. Мы хорошо узнали латинскую хитрость изъ того, что мы претерпѣли. Мы уже довольно съ ними сталкивались, перенесли большое испытаніе, подвергаясь заключеніямъ, изгнаніямъ изъ отечества, оскорбленіямъ—это острженіе бороды—и разнообразнымъ злодѣяніямъ. Латиняне одно говорятъ, а другое держать въ умѣ. Они требуютъ, чтобы мы клали свои руки въ ихъ руки и всюду утверждаютъ, что это не имѣетъ значенія и послѣдствій, а между тѣмъ это означаетъ не иное что, какъ измѣну отцепреданной вѣрѣ и подчиненіе ихъ церкви со всѣми измышленіями древняго Рима. Постоянно занимаясь военными дѣйствіями, будучи всѣ—какъ свѣтскіе, такъ и духовные—войнственными и хорошо зная военные обычаи, они подачу руки считаютъ знакомъ пораженія и совершеннаго рабства, какъ обыкновенно и дѣлаютъ плѣнники на войнѣ. Итакъ, просимъ васъ ясно опредѣлять, чтобы киприане не давали рукъ своихъ итальянцамъ¹⁾, ибо если такъ не будетъ, то явная представится опасность паденія зданія, воздвигнутаго предшествующими архіереями посредствомъ многихъ и усилевыхъ трудовъ“. Это непредвидѣнное вмѣшательство и пламенная рѣчи жертвъ латинскаго насилія заставили патріарха Германа и синодъ измѣнить свое первоначальное рѣ-

шеніе. Поэтому патріархъ въ посланіи на Кипръ въ 1223 г. писалъ, чтобы они до мученичества оставались вѣрны отеческому ученію, отвергли подчиненіе латинскимъ свископамъ и въ крайнемъ лишь случаѣ соглашались на ихъ денежныя требованія. Въ другомъ синодальномъ посланіи на Кипръ (1229 г.) патріархъ, указавъ на разности между латинскою и греческою церквами, Богомъ заклиналъ православныхъ грековъ и сирійцевъ быть мужественными, избѣгать всякаго общенія съ тѣми, кто по страху, или въ силу матеріальныхъ разчетовъ отрекся отъ вѣры отцовъ, за исключеніемъ случаевъ искренняго раскаянія измѣнниковъ въ своей ошибкѣ. Между тѣмъ преслѣдованія православныхъ на Кипрѣ не прекращались; патріархъ Германъ, узнавъ объ этомъ и желая хотя бы чѣмъ-нибудь защитить вѣрное стадо отъ грозившей ему отъ латинянъ опасности, призналъ за лучшее обратиться съ посланіями къ римскому папѣ Григорію IX и кардиналамъ (1231 г.). Въ посланіи къ папѣ патріархъ указалъ на бѣдствія, которымъ кипрская церковь подвергается со стороны латинянъ за свои съ ними разности въ вопросахъ вѣры. Существуетъ,—писалъ патріархъ,— пять патріарховъ съ опредѣленными для каждаго границами, установленными издревле и для всѣхъ обязательными. Между тѣмъ въ послѣднее время среди нихъ возникла схизма, начало которой положила дерзновенная церковная рука, ищущая преобладанія и господства въ церкви. Глава церкви есть Христосъ, всякое же домогательство со стороны папы главенства въ церкви противно Его ученію. Оно именно привело къ разногласію даже въ догматахъ, къ упраздненію каноновъ, къ измѣненію отцепреданныхъ обычаевъ, и вотъ между церквами выросло средостѣніе, которое и раскололо ее на двѣ половины, уничтожило миръ и согласіе, вызвало войну противъ грековъ и ненависть противъ всего греческаго, до богослужебнаго греческаго языка включительно. Дѣло дошло и до открытаго гоненія латинянами грековъ на Кипрѣ, гдѣ вновь возродилось мученичество за вѣру и опять не стало мира и единодушія, какъ сообщили патріарху кипрскіе бѣглецы, просившіе у него помощи и защиты противъ жестокихъ гонителей. Хорошо-ли это, свя-

¹⁾ Эта просьба имѣетъ такой смыслъ. Какъ рыцари и вассалы давали присягу на вѣрность своимъ сюзеренамъ тѣмъ, что ставъ на одно колѣно, клали свои руки въ ихъ руки и произносили клятву, такъ и латинскіе архіепископы и епископы на Кипрѣ обязывали православныхъ грековъ къ вассальной отъ нихъ зависимости посредствомъ акта подачи руки (δὲν χειρὸς παράδοσις).

тѣйшій папа, преемникъ Апостола Петра? Объ этомъ ли долженъ возвѣщать ученикъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Христа?— Вѣдь каждый получить по дѣламъ своимъ. Правда, римская церковь признаетъ себя правою. Но для того, чтобы съ увѣренностію говорить это, необходимо взглянуть въ зеркало и сопоставить образъ съ дѣйствительностію. Мы, греки, имѣемъ многія, великія и ясныя зеркала въ Евангеліи Христовомъ, посланіяхъ апостольскихъ и писаніяхъ мужей апостольскихъ, которыя и доказываютъ нашу вѣрность вселенской истинѣ. Будемъ молиться, чтобы Господь послалъ всѣмъ намъ Ангела мира. Такимъ образомъ, патріархъ Германъ указалъ причину латинскихъ гоненій на Кипрѣ въ вѣроисповѣдномъ антагонизмѣ и непосредственно самому папѣ далъ понять, что система папскаго главенства въ церкви представляетъ явленіе антихристіанское, съ которымъ никакъ не можетъ примириться церковь православная. Въ посланіи къ кардиналамъ по дѣламъ кипрской церкви патріархъ отмѣчаетъ, что гоненія латинявъ на Кипрѣ обуславливаются ихъ тиранніей и жестокостію, склонностію въ угнетеніямъ и вымогательству со стороны римской церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихою, — любовію латинявъ къ собиравію и увеличенію земныхъ владѣній, золота и серебра. Патріархъ смиренно проситъ кардиналовъ умѣрить несправедливый свой гнѣвъ противъ грековъ на Кипрѣ, а по вопросу о догматическихъ разностяхъ предлагаетъ устроить новое совѣщаніе, въ интересахъ заблуждающейся римской церкви. Римскій папа Григорій IX прислалъ патріарху Герману два отвѣта. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ на латинскомъ языкѣ (1232 г.), онъ распространяется о главенствѣ папы въ церкви и прямо говоритъ, что причиною гоненій греческой церкви на Кипрѣ служитъ ея отдѣленіе отъ церкви римской, а во второмъ отвѣтѣ, написанномъ погречески, Григорій, „рабъ рабовъ Божіихъ“, старается доказать на основаніи Евангелія и твореній отцовъ право римской церкви владѣть двумя мечамъ—духовнымъ и мірскимъ, и требуетъ подчиненія Риму схизматической греческой церкви; одновременно въ Никею были посланы папою четыре латинскихъ монаха для переговоровъ объ уній.

Послѣ этого преслѣдованія киприяне латинянами на нѣкоторое время прекратились, такъ какъ инициаторъ ихъ, кардиналъ Пелагій, оставилъ островъ, а свѣтскіе его правители, занятые междуоубоною борьбой, не имѣли ни времени, ни возможности исполнить опредѣленія грознаго папскаго легата относительно греческаго духовенства. Но въ 1240 г. у грековъ опять произошло столкновение съ латинянами. Въ этомъ году латинскій архіепископъ Евсторгій, исполняя приказъ папы Григорія IX, сталъ требовать отъ греческихъ епископовъ полнаго себѣ подчиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждалъ ихъ запрещать въ священнослуженіи всѣхъ клириковъ, которые открыто не признають на вѣрность и покорность римскому папѣ и не осудятъ всѣ догматическія и обрядовыя разности церкви восточной сравнительно съ западною. Насилія латинявъ были такъ невыносимы, что многіе клирики и монахи, во главѣ съ своими епископами, рѣшили покинуть родной островъ и, захвативъ священныя предметы, удалились въ киликійскую Арменію. Но латиняне этого и добивались. По распоряженію папы Григорія IX, они послѣдшили завладѣть оставленными греками храмами и монастырями съ имуществомъ, при чемъ гражданская власть острова содѣйствовала имъ въ захватѣ чужого достоинства. При римскомъ папѣ Иннокентіи IV (1243—1254 г.) греки сдѣлали попытку возвратитъ себѣ церковныя привилегіи, которыми они пользовались въ древности. Особенно они хлопотали предъ папою о восстановленіи на островѣ 14-ти греческихъ епархій, бывшихъ здѣсь до латинскаго господства, объ освобожденіи ихъ отъ подчиненія латинскому клиру и о независимости въ области церковно-религіозныхъ отношеній. Но всѣ ходатайства грековъ имѣли мало успѣха, хотя имъ попрежнему было дозволено имѣть своего архіепископа. Однако положеніе послѣдняго было очень тяжелое, такъ какъ латинскій архіепископъ острова желалъ во всемъ и всюду главенствовать. Въ 1248 году греческій архіепископъ Исаія, не вынося притязаній латинскаго архіепископа, удалился въ Никею, гдѣ и былъ благосклонно принятъ патріархомъ Мануиломъ. Но на Кипрѣ отсутствіе православнаго архіепископа имѣло неблагоприятныя послѣдствія; греки были

объявлены еретиками, изъ церкви были закрыты, народъ подвергался гоненіямъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ нѣсколько улучшилось послѣ возвращенія Исаи на островъ въ 1249 году, при чемъ со стороны папы Иннокентія IV послѣдовало распоряженіе объ отнѣнн снльныхъ мѣръ латинскаго архіепископа противъ грековъ. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, греки опять стали ходатайствовать предъ папой о возстановленіи на островѣ 14-ти православныхъ епархій, но получили лишь разрѣшеніе избрать новаго архіепископа (1250 г.). Впрочемъ, и это скромное проявленіе папскаго благоволенія къ грекамъ вызвало сильное противодѣйствіе латинскаго архіепископа въ Левкосіи Гуго Ладіано ревностнаго и страгнаго палскаго клеветра, поставившаго себя цѣлю обратнть всѣхъ грековъ острова въ католичамъ. Главное препятствіе въ осуществленіи своего плана латинскій архіепископъ встрѣтилъ въ лицѣ вновь избраннаго греческаго архіепископа Германа, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа, всѣми уважаемаго за свое благоразуміе и добродѣтели. И вотъ Гуго объявилъ жестокою войну Герману, а также современному королю Генриху I, который не раздѣлялъ неразумныхъ претензій латинскаго архіепископа. Гуго добивался низложенія Германа, но, потерявъ надежду на достиженіе этой цѣли и вообще разочаровавшись въ возможности подчинить греческое духовенство и народъ папской власти, наложилъ на весь островъ интердиктъ (1251 г.) и удалился въ Тоскану. Въ 1253 г., по смерти короля Генриха I, Гуго опять прибылъ на Кипръ и еще сильнѣе напалъ на несчастнаго греческаго архіепископа Германа, подвергалъ его гоненіямъ, требовалъ отъ него отчета въ управленіи, вызывалъ къ себѣ на судъ для оправданія въ несправедливо взводимыхъ на Германа обвиненій и т. п. Германъ, видя, что его жизнь на островѣ совершенно невыносима, рѣшилъ отправиться въ Римъ съ жалобою къ папѣ на латинскаго архіепископа и съ просьбою защитить его отъ иронісненій Гуго. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, подвергъ Германа отлученію и повѣшилъ отправить въ Римъ своихъ делегатовъ для оправданія себя отъ обвиненій греческаго архіепископа. Въ своемъ оправданіи предъ папой Гуго указывалъ на то, что еще папа Целестинъ III (1191—1198 г.) издалъ приказъ объ изгнаніи съ Кипра греческихъ епископовъ и объ учрежденіи здѣсь четырехъ латинскихъ архіепископій, а вполсѣдствіи папскій легатъ Пеллагій сдѣлалъ уступку грекамъ и опредѣдилъ, чтобы на островѣ оставались четыре греческихъ епископа, но съ обязательствомъ для нихъ подчиняться латинскому архіепископу; отсюда Гуго замѣчалъ, что въ Левкосіи, гдѣ онъ жилъ, не долженъ находиться другой архіепископъ. Въ Римѣ было произведено формальное разслѣдованіе дѣла, а потомъ устроенъ былъ и судъ. Но дѣло велось въ высшей степени пристрастно, несправедливо и медленно. Германъ и его клирики очень бѣднвали въ Римѣ и умоляли скорѣе удовлетворить ихъ просьбу о возстановленіи правъ греческой церкви на Кипрѣ. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ ходатайствъ грековъ, дѣло о столкновеніи Германа съ латинскимъ архіепископомъ было окончено, но далеко не въ пользу греческой церкви. 3 іюля 1260 года папа Александръ IV издалъ свою знаменитую буллу о кипрской церкви, которая и примѣнялась латинянами вплоть до конца ихъ господства на островѣ. Булла утвердила полное подчиненіе греческой церкви латинскому архіепископу въ Левкосіи. Всѣ церковныя имущества на островѣ признавались, — въ силу этой буллы, — неотъемлемою собственностью латинскаго клира. На островѣ были признаны только четыре греческіе епископа, кафедръ которыхъ, къ тому же, были пересены изъ городовъ въ бѣдныя и незначительныя села острова; такъ, епископъ Левкосіи былъ перемѣщенъ въ село Солонъ и сталъ титуловаться по имени этого села; епископъ Пафа былъ переселенъ въ Арсиною, Аммохоста въ Ризокарпозъ и Немвса въ Левкару около Амафунта и также стали именоваться по названію своихъ резиденцій. Латинскій архіепископъ Левкосіи одинъ только признавался въ этомъ званіи и имѣлъ въ подчиненіи у себя и четырехъ греческихъ епископовъ, каждый изъ которыхъ, въ тоже время, подчинялся и латинскому епископу своей кафедры; латинскіе же епископы, въ свою очередь, пользовались правомъ предстоятельства и въ греческихъ епархіяхъ. Избранный греческимъ

клиромъ епископъ предварительно долженъ былъ получить утвержденіе со стороны кипрскаго короля, а затѣмъ являлся къ латинскому архіепископу и обязывалъ былъ принести предъ нимъ присягу въ вѣрности и повинновеніи, послѣ чего и возводился въ епископское достоинство. Клятва же давалась въ такой редакціи: „Я, епископъ... города..., съ этого часа и впредь подчиняюсь престолу латинской церкви, исповѣдуя папу святымъ и подчиняюсь господству моему... архіепископу Левкосіи и его преемникамъ, канонически поставленнымъ. Святыѣшаго папу римской церкви, святительство латинянь въ Левкосіи и всѣ ихъ каноны постараюсь защищать со всей силой и помогать при сохраненіи моего чина (salvo ordine meo); и какъ я стану помогать, такъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое Евангеліе“. Текстъ этой присяги былъ внесенъ и въ упомянутую буллу папы Александра IV, а каждый греческій кандидатъ епископства послѣ ея произнесенія обязанъ былъ и подписать ея текстъ. Кромѣ того, каждый греческій кандидатъ архіерейства давалъ латинскому епископу своей епархіи и другія частныя обѣщанія и клятвы. Латинскій епископъ устраивалъ для этой цѣли особое засѣданіе духовныхъ лицъ, на которое приглашался и греческій кандидатъ. Сидя среди латинскихъ клириковъ, латинскій епископъ спрашивалъ стоявшаго передъ нимъ греческаго клирика, кандидата на епископскую кафедру: „подчиняется ли онъ церкви римской?“—„Да, господень мой святой,—ради это я и предстою здѣсь“. Потомъ, послѣ небольшого молчанія, слѣдовалъ другой вопросъ: „исповѣдуешь ли ты римскаго папу святымъ и святую римскую церковь православною и католическою церковію?“ Греческій клирикъ исповѣдывалъ и это. Затѣмъ латинскій епископъ опять спрашивалъ: „Дѣйствительно ли ты общаешься быть впредь вѣрнымъ латинскому епископу Левкосіи во всемъ, признавать его во всѣхъ дѣлахъ и чтить какъ своего митрополита, и кромѣ того, когда будешь позванъ на соборъ, безпреткновенно являться, а если не исполнишь, то подлежишь наказанію? Когда же прибудетъ отъ папы легатъ, то общаешься ли въ моментъ его прибытія почтять его литанією и выйдешь для встрѣчи его самъ и всѣ подчиненные тебѣ? Общаешься

ли сопутствовать ему и содѣйствовать по возможности во всемъ, чтобы ему угодно ни было, какъ поступали и твои предшественники? Пусть все это будетъ на тебя возложено и ты общайся передъ лицомъ всѣхъ неизмѣнно исполнять.

Въ удостовѣреніе же своихъ словъ и дѣлъ, протяни руку свою и положи на лежащее предъ тобою святое Евангеліе и поклоняясь, что во всю жизнь свою самъ и подчиненные твои станете соблюдать то, что теперь устно и письменно въ твоемъ присутствіи здѣсь было возвышено“. По окончаніи присяги, совершался обрядъ возведенія: греческій кандидатъ епископства склонялъ голову предъ латинскимъ епископомъ, а этотъ, положивъ на нее книгу, читалъ относящуюся къ обряду молитву, при чемъ латинскій клиръ пѣлъ: „Слава въ вышнихъ Богу“. По окончаніи молитвы, греческій клирикъ кланялся латинскому епископу, цѣловалъ его руку и уста, а епископъ благословлялъ его; потомъ два латинские священника сопровождали его вплоть до епископии и передавали ему церковь, предстоятелемъ которой онъ назначался; они отпирали двери этой церкви и, обратившись къ греческому нареченному епископу, говорили: „Прими эту церковь, которую тебѣ, нареченный епископъ, вручаетъ чрезъ насъ епископъ латинскій“. Такъ совершалось возведеніе всѣхъ православныхъ епископовъ Кипра.

Кромѣ того,—по предписанію буллы папы Александра IV,—епископы грековъ и ихъ клирики въ торжественные дни обязаны были являться въ латинскій епископій для участія въ богослуженіи, при чемъ греческій протоіерей во время литургіи читалъ апостоль, а греческій епископъ читалъ Евангеліе, обращаясь предварительно къ латинскому епископу съ возгласомъ—„Благослови, владыко, благовѣстителя“ и цѣловалъ его руку. Греческіе епископы приглашались для выноса умершихъ латинянь, а равно для совершенія заупокойныхъ богослуженій; греческіе клирики участвовали въ латинскихъ церковныхъ торжествахъ, получая вознагражденіе наравнѣ съ клириками латинянь. Далѣе, православные епископы обязаны были являться на соборы, которые время отъ времени устраивались сосѣдними латинскими епископами, а на соборъ, созываемый ла-

тинскимъ архіепископомъ Левкосіа, должны были пріѣзжать греческіе епископы и клирики со всего острова. Греческимъ архіереямъ было предоставлено полное право судить православныхъ мірянъ, но всѣ судебные процессы смѣшаннаго состава, т. е. возникшіе между православными и латинянами, подлежали вѣдѣнію латинскихъ епископовъ. Наконецъ, несчастному греческому архіепископу Герману папа Александръ IV даровалъ свою буллою небольшую милость, позволивъ ему пользоваться именемъ и честью архіепископа до самой смерти и жить при церкви Ап. Варнавы въ Никосіи. Однако, эта пожизненная привилегія греческаго архіепископа вызвала горячій протестъ со стороны честолюбиваго латинскаго архіепископа Гуго, для котораго пребываніе въ Никосіи греческаго архіепископа было невыносимо и служило причиною постояннаго недовольства. Не добившись отмены этой привилегіи, Гуго въ гнѣвѣ принесъ отреченіе отъ кафедры, удалился въ Тоскану и основалъ здѣсь свой монастырь, назвавши его Левкосіей.

Булла папы Александра IV опредѣлила отношеніе греческой іерархіи къ латинской на треста лѣтъ впередъ, вплоть до завоеванія Кипра турками, и принесла большой вредъ православной церкви. Автокефальная кипрская церковь потеряла свою независимость и была совершенно иорабощена пришлою латинскою іерархіею. Латиняне заняли господствующее положеніе на Кипрѣ и высокоцѣнно относились къ греческому духовенству и народу. Преемникъ Гуго, латинскій архіепископъ Левкосіа Рафаиль, въ своемъ воззваніи къ жителямъ Кипра, называлъ латинявъ истинными пастырями острова, греки же съ его точки зрѣнія были только терпимы здѣсь. На островѣ усилились гоненія противъ православныхъ, спасеніе отъ которыхъ они находили лишь въ измѣнѣ вѣрѣ отцовъ. И, несомнѣнно, среди грековъ таковыя были. Вместе съ тѣмъ на островѣ развивались страшная вражда и ненависть грековъ не только противъ своихъ порабитителей, которые посягали на лучшее ихъ достоинство—православную вѣру, но и противъ ревгатовъ, измѣнявшихъ вѣрѣ отцовъ. Латинскій архіепископъ острова Рафаиль былъ не въ силахъ защитить ихъ отъ гнѣва и возмездія со

стороны бывшихъ единовѣрцевъ и обратился къ королю Гуго II за помощію. Не ограничившись этимъ, онъ просилъ и папу Урбана IV оказать ему содѣйствіе, объявивъ, что если король Кипра не будетъ ревностнымъ его сотрудникомъ въ благоустройствѣ острова въ церковномъ отношеніи, то онъ не въ силахъ будетъ обезпечить здѣсь интересы латинской церкви. Папа Урбанъ IV въ письмѣ къ Гуго Антиохійскому (1263 г.) обвинялъ грековъ въ непризнаніи папскаго главенства и приматства римской церкви, осуждалъ за то, что они враждебно относились къ клирикамъ и мірянамъ, измѣнявшимъ православію, и горячо призывалъ короля принять строгія мѣры противъ схизматиковъ—подданныхъ его, „рѣшившихся съ большимъ безстыдствомъ причинять зло вѣрнымъ чадамъ латинской церкви и презирающимъ эту церковь“. А каково фактически было положеніе православія на Кипрѣ, можно видѣть, напр., изъ церковныхъ торжествъ, совершавшихся здѣсь въ большіе праздники латинской церкви. Въ эти дни устраивались религіозныя процессіи, для возвеличенія латинской церкви. Въ процессіяхъ обыкновенно несли впереди крестъ православныхъ, за которымъ плело духовенство съ иконою Богоматери и масса народа, преимущественно жепціявъ. Далѣе слѣдовали латинскіе монахи, а за ними шли аббисины, несторіане, яковиты, марониты, копты и армяне, при чемъ клирики всѣхъ этихъ участниковъ торжества были облачены въ праздничныя священныя одежды; наконецъ, величественно шествовалъ латинскій архіепископъ, въ сопровожденіи своего клира. Шествіе замыкалось представителями гражданской власти и войска. Вообще, латиняне самымъ торжественнымъ образомъ обставляли свои религіозныя процессіи и принуждали участвовать въ нихъ и грековъ съ ихъ святынями, а греческія церковныя торжества латинянами совершенно игнорировались и даже вызывали съ ихъ стороны всякія противодѣйствія. Но, разумѣется, греки участвовали въ латинскихъ церковно-религіозныхъ процессіяхъ не добровольно, а по принужденію.

Не смотря на тяжелыя вѣшнія условія, греческое духовенство и народъ Кипра энергично защищали свои вѣрованія и не безъ борьбы уступали латинянамъ свои

привилегий. Время шло, а между тѣмъ римская церковь съ величайшимъ прискорбіемъ убѣждалась, что подчиненный вѣрнымъ ея чадамъ островъ Кипръ весьма медленно воспринимаетъ латинскую вѣру и весьма неохотно отказывается отъ вѣры православной. Были факты и открытаго сопротивленія латинянамъ. Такъ, въ 1313 г. въ Никосіи папскій легатъ, архіепископъ Петръ, вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ отъ греческаго народа, возмущеннаго мѣрами прозелитизма, предпринятыми этимъ слугою Рима. Въ октябрѣ 1326 г. папа Іоаннъ XXII, недовольный противодѣйствіемъ грековъ распространенію „латинской ереси“ на островѣ, убѣждалъ іерусалимскаго латинскаго патриарха Раймунда съ корнемъ вырвать православіе на островѣ, но всѣ его побужденія оказались тщетными. И вотъ, напрасно истративъ много бумаги и чернилъ, римская церковь рѣшила опять прибѣгнуть къ опасному эксперименту легата Целадія, состоявшему въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра. Исполненіе этого рискованнаго предпріятія было возложено на французскаго кармелита Петра Өому, папскаго легата на Востокѣ, о ревности и рѣшительности котораго Римъ имѣлъ самыя достовѣрныя свидѣтельства. Этотъ Өома былъ извѣстенъ на Востокѣ тѣмъ, что въ 1356 г. былъ отправленъ папою Иннокентіемъ IV въ Византію къ императору Іоанну Палеологу для переговоровъ объ униіи между восточною и западною церквами; послѣ этого онъ былъ назначенъ епископомъ Короны и, оказавъ здѣсь латинской церкви большія услуги, былъ въ 1359 г. назначенъ легатомъ апостольской церкви и общимъ экзархомъ для всего Востока, съ правами абсолютной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ для ближайшаго завѣдыванія и надзора латинскія восточныя епархіи на Кипрѣ и Критѣ, въ Смирнѣ, Аониахъ, Өивахъ, Коринѣ, Керкирѣ, на о. Наксосѣ, въ Диррахіи, Навпактѣ и Новыхъ Патрахъ. По свидѣтельству многихъ біографовъ Өома, онъ съ ревностію, достойною самой высокой похвалы, исполняя свои высшія обязанности, постоянно страдалъ пзъ одного, подчиненнаго ему города въ другой, назидая и благоустроялъ вѣрующихъ латинянь, обращалъ въ латинство „схизматиковъ“ грековъ, подвергаясь иногда опасности за

свою жизнь со стороны невѣрныхъ. Этого выдающагося представителя латинской церкви на Востокѣ и рѣшено было отправить на Кипръ для насильственной латинизаціи грековъ, въ которой онъ уже былъ испытаннымъ дѣятелемъ. И обстоятельство благоприятствовало такой миссіи Өома. На Кипрѣ провозглашенъ былъ новый король Петръ I, который самъ пригласилъ папскаго легата Өому для вѣнчанія его на царство. Послѣ совершенія этого чина, Өома совместно съ королемъ составили и планъ насильственнаго обращенія грековъ въ латинство. Въ сопровожденіи многочисленнаго клира, Өома отправился въ храмъ Святой Софіи въ Накосію, куда подъ какою-то предлогомъ пригласилъ греческихъ епископовъ и священниковъ. Послѣдніе, не подозревая ничего дурнаго, явились въ храмъ. И вотъ, какъ только греки вошли сюда, немедленно были закрыты всѣ двери храма, и находчивый папскій легатъ и его послушные подчиненные стали силою обращать ихъ въ латинство. Поднялся шумъ, раздались крики. Греческій народъ, также пришедшій изъ любопытства къ храму, когда услышалъ крики своихъ епископовъ и священниковъ, бросился на помощь къ нимъ, справедливо полагая, что имъ грозитъ опасность. Но такъ какъ всѣ ходы были закрыты, то народъ сталъ ломать двери. Нѣкоторые посѣпили положить даже огонь. Предвидѣлось большое несчастіе. Король, узнавъ о смятеніи въ городѣ, послалъ къ храму Святой Софіи своего брата съ другими придворными чинами и съ войсками, которые отворили двери, освободили православныхъ епископовъ и клириковъ и передали ихъ грекамъ. Подъ охраною солдатъ Өома вышелъ изъ церкви и былъ отведенъ въ королевскій дворецъ. Потерпѣвъ неудачу въ насильственной латинизаціи грековъ на Кипрѣ, папскій легатъ вскорѣ уѣхалъ отсюда въ Корону. Латиняне торжественно прославляютъ кипрское дѣяніе Өома, а греки считаютъ его позорнымъ—тѣмъ болѣе, что Өома требовалъ отъ короля наказать „схизматиковъ“ за противодѣйствіе ихъ насильственному обращенію въ латинство, въ чемъ онъ усматривалъ оскорбленіе римской церкви. Но примѣчательное дѣло: вмѣстѣ съ отъѣздомъ изъ Кипра легата Өома и съ прекращеніемъ насилія надъ

греками, взаимныя их отношенія съ латинянами постепенно стали улучшаться, борьба мало-по-малу стала прекращаться, взаимная ненависть исчезать... Греки, жившіе до послѣдняго времени въ рабскомъ состояніи, стали получать нѣкоторыя должности, священники и епископы греческіе братски соизвѣщаются съ свѣтскими должностными лицами о лучшемъ устройствѣ церковныхъ дѣлъ и пользуются ихъ содѣйствіями въ обезпеченіи церковныхъ интересовъ. Латиняне, особенно женщины, стали посѣщать греческія церкви, а латинская знать, слѣдуя греческому обычаю, стала устраивать вѣнчанія и крещенія въ домахъ, а не въ храмахъ. Папа Урбанъ V въ посланіи къ архіепископу Раймунду (отъ 29 мая 1368 г.) обличалъ латинявъ за симпатіи къ грекамъ, за снисходительность въ вопросахъ вѣры и убѣждалъ архіепископа принять мѣры противъ утвердившихся злоупотребленій. Общеніе грековъ съ латинянами *in divinis* допускалось, — по смыслу постановленія архіепископа Филиппа (1350 г.), — лишь въ случаяхъ необходимости. Но, не смотря на письменныя преграды и зауреченія царя и ихъ сподвижниковъ, греческое влияние на островѣ постепенно стало развиваться, какъ только ослабѣли насильственные приемы латинизаціи, а факты общенія и мирныхъ отношеній между греками и латинянами стали умножаться. Удивительнѣе же всего то, что въ представленіи кипрскаго народа лузичьянская династія стала приобрѣтать народный характеръ, особенно послѣ того, какъ король Петръ I женился на Маргаритѣ, происходившей изъ лузичьянскаго дома и бывшей въ первый разъ въ замужествѣ за велопонесскимъ деспотомъ Мануиломъ Кантакузиномъ; когда она прибыла на Кипръ, греки стали называть ее *Vasilissa* (царица).

Послѣ того какъ на Кипрѣ водворились латиняне и подчиняли себѣ православную церковь, послѣдняя, вслѣдствіи крайне неблагоприятныхъ внѣшнихъ условий, вынуждена была порвать свои сношенія съ остальными православными церквами Востока, причѣмъ кипрскіе православные архіепископы, по винѣ латинявъ, лишены были возможности посылать восточнымъ патріархамъ свои мирныя и общительныя грамоты, сообщать имъ о правахъ своей церкви и просить братскаго ихъ содѣйствія и помощи въ затруд-

нительныхъ обстоятельствахъ. Въ свою очередь, восточные патріархи не всегда имѣли возможность доводить до свѣдѣнія предстателя православной кипрской церкви о состоявшихся въ патріархатахъ административныхъ перемѣнахъ и о событіяхъ въ нихъ общецерковнаго значенія. Но, не смотря на внѣшнюю обособленность православной кипрской церкви, внутренно она пребывала въ союзѣ со всею православно-восточною католическою церковію, мыслилась и фактически была членомъ этой церкви и не отсѣкалась отъ каноническаго общенія съ автокефальными православными церквами. Кипрская православная церковь, при всѣхъ сдѣйствіяхъ и принужденіяхъ со стороны латинявъ, въ точности хранила святую православную вѣру, не воспринимала латинскихъ ересей, внутренно не подчинялась папѣ, признавая главою церкви Господа Иисуса Христа, не поминала папу и на богослуженіяхъ, какъ своего предстателя, и вообще, если и допускала какія-либо нововведенія въ области церковнаго управленія и устройства, то дѣлала это по насилію и недобровольно, внутренно ихъ осуждала и ожидала лишь внѣшнихъ благопріятныхъ условий для возстановленія во всей полнотѣ своего пржняго автокефальнаго устройства и самостоятельнаго положенія. Что же касается церкви византійской, то въ представленіи ея іерархіи и членовъ кипрская православная церковь мыслилась и была автокефальною, ортодоксальною, членомъ единой, святой, соборной и апостольской церкви. Знаменитый византійскій каноникъ XII в. Феодоръ Вальсамонъ, хорошо, конечно, знакомый съ общимъ современнымъ состояніемъ кипрской православной церкви, относитъ ее къ числу автокефальныхъ церквей православнаго Востока (см., напр., его толкованіе на 2 пр. II всел. соб.). Икнейскій патріархъ Германъ II (XIII в.), когда киприяне обратились къ нему съ просьбой о помощи въ виду притѣсненій латинявъ, не воспользовался этимъ случаемъ для заявленія своихъ притязаній на самостоятельность кипрской церкви и, въ противоположность римскимъ папамъ, стремившимся къ господству на Кипрѣ и главенству, отстаивалъ, напротивъ, независимость этой церкви отъ латинскихъ домогательствъ и указывалъ на ея древнее автокефальное достоинство. Мат-

ой Властарь (XIV в.) въ своей Сивтагмѣ также признаетъ кипрскую церковь автокефальной (Ράλλητες καὶ Ποτλῆτες VI, 258). Наконецъ, къ участію въ обсужденіи и оцѣнкѣ вопросовъ общецерковнаго значенія, возникавшихъ въ Византіи, приглашалась и кипрская церковь. Такъ, во время исихастскихъ споровъ, волновавшихъ византійскую церковь (XIV в.), изъ Константинополя отправлялись относительно ихъ посланія не только къ патріархамъ Антиокіи, Александріи и Іерусалима, но и на Кипръ (*Miklosich et Müller, Acta I, 400*). Значитъ, нужны были лишь благоприятныя условія для возстановленія нормальныхъ и каноническихъ сношеній кипрской церкви съ остальными восточными церквами, въ интересахъ духовнаго союза и единства.

Такия благоприятныя условія наступили въ началѣ XV вѣка, когда латиняне, потерпѣвъ въ прежнее время рядъ неудачъ въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра, ослабѣли въ своей миссіонерской энергіи и даже пошли на нѣкоторыя уступки православнымъ грекамъ, оказавшимъ большую преданность вѣрѣ отцовъ. На этой почвѣ возникли попытки кипрской церкви присоединиться къ церкви константинопольской, съ цѣлію избѣжать дальнѣйшаго латинскаго яга и обезпечить себѣ правильное внутреннее развитіе въ союзѣ съ Византіей. Въ Константинополь было отправлено кипрскою церковію соответствующее посланіе. Въ 1405 г. по рѣшенію патріарха Маттея и синода великой Христовой церкви на Кипрѣ былъ посланъ съ синодальными грамотами извѣстный своимъ образованіемъ, ревностію по вѣрѣ и краснорѣчіемъ монахъ Студійскаго монастыря Іосифъ Вріенній, чтобы онъ лично ознакомился съ положеніемъ кипрской церкви, побесѣдовалъ съ мѣстными епископами объ освобожденіи ихъ отъ латинскаго яга и о средствахъ соединенія кипрской православной церкви съ византійскою. Іосифъ Вріенній прибылъ на островъ и, ознакомившись съ состояніемъ церковныхъ дѣлъ, не нашелъ возможности возбуждать вопросъ о фактической уніи между церквами. Ревностный монахъ былъ недоволенъ тѣмъ, что греки папу именovali святымъ, вынуждались признавать надъ собою и власть латинскихъ епископовъ и имѣли общеніе съ латинянами.

Хотя все это дѣлалось греками по принужденію и насилію, безъ всякаго добровольнаго расположенія и желанія, съ византійской точки зрѣнія, создавшейся на основѣ принципа „акривіи каноновъ“, такое отношеніе грековъ къ латинянамъ было ненормальнымъ и исключало возможность общенія кипрянъ съ византійцами.

Черезъ семь лѣтъ, при византійскомъ патріархѣ Евоніи II (1410—1416 г.), киприане вновь возбудили предъ константинопольскою церковію вопросъ о соединеніи. Православные епископы Кипра опять писали великой Христовой церкви, что они общаются все признавать и исполнять, что исповѣдуетъ великая церковь, и ищутъ единенія съ нею въ виду грозящей имъ опасности со стороны церкви латинской. Патріархій византійскій синодъ, повидимому, былъ склоненъ исполнить эту просьбу и готовъ былъ придти на помощь православнымъ кипрской церкви, но вліятельный и просвѣщенный монахъ Іосифъ Вріенній, оцѣнивавшій дѣло со своей точки зрѣнія, явился на соборъ, засѣдавшій въ храмѣ Святой Софіи, и произнесъ блестящую рѣчь противъ соединенія, отмѣтивъ, главнымъ образомъ, практическую несуществованность его. Онъ указалъ на то, что кипрскіе епископы, безспорно, добиваются искренно соединенія съ церковію византійскою и готовы будутъ исполнять все обязательства, данныя ими въ интересахъ единенія, но все ихъ несчастіе заключается въ латинскомъ рабствѣ, не столько церковномъ, сколько политическомъ, отъ котораго Византія пока не въ состояніи ихъ освободить; а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и все значеніе данныхъ ими обязательствъ. Такъ, если византійская церковь отправить кипрскимъ епископамъ грамоты съ приглашеніемъ на соборъ, то никто изъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ, прибыть въ Византію не можетъ, такъ какъ встрѣтитъ въ этомъ полное противодѣйствіе со стороны латинской власти, не только церковной, но и гражданской. Равнымъ образомъ, при всемъ дерзновеніи православныхъ епископовъ Кипра въ исполненіи благочестивыхъ требованій православія, они не могутъ освободиться отъ участія въ латинскихъ богослуженіяхъ, въ совершеніи погребеній, поминовеній и т. д., и византійцы не имѣютъ возможности обезпечить имъ нормальныя условія для свобод-

ной церковной жизни. А принятие киприятъ въ общеніе при настоящихъ условіяхъ, когда они по необходимости соблюдаютъ латинскіе обычаи, будетъ равносильно общенію православной церкви съ латинской, что запрещается канонами. Горячее и краснорѣчивое слово Іосифа Врѣнвїа повліяло на синодъ, — и вопросъ о соединенїи кипрской церкви съ византійскою опять не получилъ практическаго осуществленія. Въ такомъ исходѣ второй уніанальной попытки важное значеніе имѣло тяжкое политическое условіе Византіи, уже находившейся на краю гибели.

Между тѣмъ киприоты, хотя въ общественной жизни болѣе или менѣе дружили съ латинянами, въ церковно-религіозномъ отношенїи попрежнему стояли далеко отъ нихъ и тяготѣли къ Византіи, не смотря на неудачныя попытки къ церковному единенію между ними. Въ частности, соборъ Флорентійскій (1439 г.), превозгласившій унію между восточною и западною церквами, не измѣнилъ религіозныхъ отношеній грековъ Кипра къ латинянамъ и не сопровождался благими результатами для церковнаго между ними мира. Греки попрежнему чуждались латинянь, а послѣдніе имѣли много поводовъ не довѣрять искренности немногихъ грековъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ склонялись на унію. Въ это время православіе на Кипрѣ пользовалось довольно сильнымъ покровительствомъ королевы Елены. Кипрскій король Іоаннъ II, по смерти первой своей супруги, женился въ 1441 г. на гречанкѣ Еленѣ Палеологъ, дочери Феодора, деспота иеодонесскаго. Греческая королева, отличавшаяся красою, умомъ и энергіей, сумѣла захватить въ свои руки правительственную власть, такъ какъ ея слабохарактерный мужъ былъ мало способенъ къ управленію и, подъ воздѣйствіемъ жены, издалъ буллу съ провозглашеніемъ ся въ качествѣ своей соправительницы. Во время управленія Елены греческій языкъ, до того времени лишь терпимый на Кипрѣ, признанъ былъ языкомъ официальнымъ и употребленнымъ при заключенїи международныхъ договоровъ; правительственныя должности одинаково стали предоставляться грекамъ и франкамъ, греческая церковь, освободившись въ значительной степени отъ угнетающаго ее ига, стала наравнѣ съ латинской пользоваться имуществами, которыхъ она лишилась по

беззаконному произволу латинянь. Не довольствуясь этими льготами для православной церкви, королева Елена рѣшилась ограничить латинскую церковь въ привилегіяхъ, которыя раньше сохранялись во всей строгости и соблюдались съ какимъ-то благоговѣніемъ. По смерти латинскаго архіепископа на Кипрѣ, королева Елена, — и въ то же время, чтобы ожидать новаго назначенія архіепископа изъ Рима, — отправила къ папѣ посольство съ просьбою утвердить въ званїи кипрскаго архіепископа предложеннаго ею кандидата — православнаго грека. Папа, отвергнувъ это смѣлое предложеніе, назначилъ архіепископомъ кипра Галезіо де Монтоливъ, славившагося умомъ и религіозной ревностію. Но королева Елена не только отказалась принять назначеннаго папой архіепископа, но и приказала схватить папскаго посла и заключить въ тюрьму. Папа, узнавъ о такомъ дѣйствїи королевы Елены, не пожелалъ, какъ говорятъ латинскіе лѣтописцы, возбуждать къ возстанїю склонное къ греческой религіи кипрское царство, но приказалъ главному генералу ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на Родосѣ отправиться на островъ Кипръ и убѣдить короля Іоанна согласиться на папское постановленіе, въ противномъ же случаѣ грозилъ ему и духовнымъ и мірскимъ мечемъ Рима. Папскій посоль, воспользовавшись отсутствіемъ королевы Елены изъ Левкосіи, прибылъ на Кипръ съ латинскимъ архіепископомъ и убѣдилъ Іоанна II не противиться Риму. Елена, узнавъ о согласїи своего слабохарактернаго мужа на принятїе папскаго кандидата на архіепископскую кафедру, поспѣшила возвратиться въ Левкосію, но, не желая обострять отношеній съ Римомъ, должна была принять и признать Галезіо. Однако мира между ними не было, и Галезіо въ 1442 г. долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій Елены на островъ Родосъ. Видя возрастающее вліяніе на Кипрѣ греческой церкви, римскій престоль опять всунулъ съ нею въ борьбу. Папа Николай V въ письмѣ къ архіепископу Кипра и легату Востока Андрею (отъ 3 августа 1447 г.) побуждалъ его болѣе ревностно завѣсть обращеніемъ грековъ въ латинство, пользуясь, въ случаѣ нужды, помощію и гражданскою властью. Но пока во главѣ власти стояла королева Елена Палеологъ († 1458 г.), по-

ложе́ние православной церкви на Кипрѣ было довольно благополучно. Она оказывала ей всякое покровительство и содѣйствіе, заботилась о матеріальномъ благополучіи, защищала духовенство и народъ отъ оскорбленій и насилій со стороны латинянъ, украшала храмы и монастыри. Между прочимъ, она построила въ Левкосіи монастырь, который и наименовала Мавганскимъ, по названію одноименнаго монастыря въ Константинополѣ. Но покровительственная для православныхъ и грековъ дѣятельность королевы Елены создала ей много враговъ, которые и стали возстановлять притавъ королевы ея мужа Іоанна. У Елены была единственная дочь Шарлотта, которую отецъ, по интригамъ враговъ царицы, выдалъ замужъ за португальскаго принца—латинянина Іоанна комбрскаго (1456 г.), а спустя нѣкоторое время онъ объявилъ зятя своимъ соправителемъ. Последній, не любя грековъ, сталъ ихъ сильно преслѣдовать, пользуясь помощію и родосскихъ рыцарей, которыхъ онъ пригласилъ на Кипръ. Ему удалось даже вновь предоставить латинскому клиру первенство и снабдить латинскую церковь имуществомъ, который онъ отнялъ у греческихъ храмовъ и монастырей. Королева Елена вынуждена была вступить съ своимъ зятемъ въ борьбу, вслѣдствіе которой Іоаннъ удался изъ Левкосіи, а вскорѣ и погибъ (1457 г.), по винѣ своихъ сподвижниковъ, родосскихъ рыцарей. По смерти же Елены и ея мужа Іоанна (около 1458 г.), Кипръ сдѣлался ареной политическихъ распръ, такъ какъ изъ среды лузиньянскаго дома явилось нѣсколько претендентовъ на власть. Положеніе православной церкви въ это время было весьма печально, такъ какъ латиняне опять заняли господствующее положеніе и завладѣли всеми церковными имуществами. Вѣдствія православныхъ продолжались до конца господства на островѣ лузиньянской фамиліи.

Въ 1489 году островъ Кипръ былъ завоеванъ венеціанцами и находился подъ ихъ властью восемьдесятъ лѣтъ (до 1571 г.). Все время господства либеральныхъ венеціанцевъ было сплошнымъ мученіемъ православнаго населенія острова Кипра. Православная церковь была лишена свободы и имущества, греческое духовенство подчи-

нено латинскому, народъ подвергался насильственной латинизаціи. Венеціанцы закрыли школы острова и не позволяли грекамъ учить своихъ дѣтей родному языку. Притѣсненія и тираннія венеціанцевъ, называвшихся христіанами, были такъ велики, что многіе изъ жителей Кипра предпочитали турецкое иго и бѣжали въ Малую Азію, гдѣ утвердились османскіе турки. Кипряне сильно желали побѣды туркамъ и надъ венеціанцами, а когда турки овладѣли городами Никосіей и Фамагустой на Кипрѣ, то это событіе сопровождалось большою радостію греческаго населенія, которое считывало на болѣе сносную жизнь подвладычествомъ мусульманъ.

Такимъ образомъ, четырехвѣковое господство латинянъ на Кипрѣ было весьма тяжелымъ періодомъ въ исторіи жѣстной православной церкви. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого является страстное желаніе кипрянъ замѣнить иго христіанъ-латинянъ подчиненіемъ игу мусульманъ-турокъ. А когда островъ былъ покоренъ турками (1571 г.), кипряне съ радостію привѣтствовали эту политическую перемену. И дѣйствительно, почти весь періодъ латинскаго владычества на Кипрѣ прошелъ въ сплошномъ и прогрессивномъ притѣсненіи православныхъ грековъ съ цѣлю насильственнаго обращенія ихъ въ католицизмъ. Даже одно вынужденное подчиненіе греческой іерархіи латинскому архіепископу и вышнее общеніе грековъ съ латинянами возбудилъ на Востокѣ сомнѣнія относительно чистоты православія на Кипрѣ. Особенно тягостно было положеніе тѣхъ православныхъ грековъ острова Кипра, которые совершали путешествіе въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню: іерусалимскіе патріархи и члены Святोगробскаго братства уклонялись отъ общенія съ ними, какъ съ иномыслящими. А если имѣть въ виду и различныя бѣдствія—матеріальныя и моральныя, въ которыхъ выражалось господство франковъ надъ греками Кипра, то воистиннымъ станетъ желаніе послѣднихъ видѣть здѣсь лучше мусульманскую чалму, чѣмъ папскую тиару. Однако и мусульманское господство сопровождалось большими бѣдствіями для православной церкви на Кипрѣ и было также печальнымъ періодомъ въ ея исторіи.

Духовенство и народ и въ этотъ періодъ страдали и бѣдствовали не меньше, чѣмъ въ предшествующее время.

III. Кипръ былъ завоеванъ турками болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ паденія Византіи (1453 г.). Въ 1570 г. султанъ Селимъ II, намѣреваясь нарушить мирный договоръ съ венеціанцами съ тѣмъ, чтобы завоевать принадлежавшій имъ островъ Кипръ, предложилъ шейхъ-уль-исламу такой вопросъ: позволительно-ли нарушить договоръ съ христіанами и посредствомъ оружія завоевать ихъ земли? На это шейхъ-уль-исламу издалъ такую фетву: „договоръ съ невѣрными только тогда можетъ имѣть законное значеніе, когда онъ приноситъ пользу исламу“. Основываясь на такомъ отвѣтѣ верховнаго толкователя закона и правительственнаго юрисконсульта, султанъ Селимъ II отправилъ на Кипръ войско въ 120.000 человекъ и произвелъ большое опустошеніе на островѣ. 9 сентября 1570 г. турки овладѣли городомъ Левкосіей, гдѣ истребили до 20.000 взрослыхъ христіанъ, а до 2.000 мальчиковъ и дѣвочекъ посадили на суда, чтобы отправить всѣхъ въ Константинополь. Матери, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ предстоящаго имъ позора, сами умерщвляли ихъ на глазахъ турокъ, а потомъ убивали и себя. А одна гречанка, имя которой исторія не сохранила, подошла турецкую эскадру съ молодыми плѣнниками и, изамѣвъ серала и гарема, предпочла погибнуть вмѣстѣ со всѣми. Полное истребленіе постигло и христіанъ городовъ Пафа, Лемисса и Ларнакса, гдѣ были разрушены и христіанскіе храмы. 1 августа 1571 г. турецкія войска овладѣли Фамагустой, а населеніе города, вопреки предварительному договору, было или умерщвлено или отправлено въ Константинополь, гдѣ христіанъ продавали на рынкахъ, какъ животныхъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1571 г. весь островъ Кипръ оказался во власти мусульманъ. Города Левкосія и Фамагуста въ византійскую и франкскую эпоху были украшены многими и богатыми зданіями, частными и общественными, монастырями и церквами, число которыхъ въ одной Левкосіи, — по словамъ греческаго автора Филиппа Георгіу, — превышало 250. Все это перешло во владѣніе турокъ, которые большую часть церквей обратили въ мечети, другія сдѣлали скла-

дами и даже конюшнями и лишь немногія изъ нихъ сохранили во владѣніи христіанъ. Между прочимъ, въ Левкосіи турки обратили въ мечеть замѣчательный храмъ Святой Софіи, въ которомъ короновались короли лузиньянскаго дома. Также участь постигла и одноименной храмъ въ Фамагустѣ. И въ другихъ городахъ острова, церкви и монастыри болѣею частью были или разрушены, или обращены въ мечети, епископы греческіе и клирики были въ громадномъ числѣ умерщвлены, населеніе также подвергалось или избіенію, или изгнанію. Послѣ завоеванія острова населеніе было обложено податями и повинностями. Всего здѣсь оказалось 85.000 мужичья и юношей (въ возрастѣ отъ 14 до 50 лѣтъ), которымъ позволено было за небольшую плату пріобрѣтать на островѣ землю и воздѣлывать ее подъ условіемъ внесенія въ пользу казны и властей десятины урожая, при чемъ эта недвижимость переходила по наслѣдству. Населеніе обязано было платить правительству и поголовную подать — хараджъ. Что касается церковной жизни, то и она подъ управленіемъ турокъ получила новую организацію. Когда завоеватель острова Мустафа-паша, устроивъ гражданское его управленіе, отправился съ войскомъ въ Константинополь, православные греки, избрали особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и послали ее къ великому визирю съ просьбою утвердить состоявшееся между греками и Мустафой-пашей соглашеніе по церковно-религіознымъ дѣламъ. Ихъ просьба была удовлетворена. Въ силу постановленія визиря, православные христіане получили право исполнять уставы и обряды своей вѣры и имѣть свои церкви, пріобрѣли права покупать находившіеся во владѣніи мусульманъ монастыри, дома, поля и другія доходныя имѣнія и передавать ихъ по наслѣдству, призывая первенствующими изъ всѣхъ жителей острова.

Затѣмъ, христіанамъ опять даровано было право имѣть своихъ самостоятельныхъ епископовъ, во главѣ съ архіепископомъ, поселившимся въ Левкосіи; при архіепископѣ надлежало учредить постоянный синодъ съ высшими правами управленія и суда. Словомъ, на первыхъ же порахъ турецкаго господства кипрская церковь опять получила de jure прежнія свои права и привя-

легія, возстановила свой прежній административный status, какой имѣла до латинскаго владычества и въ формально-правовомъ отношеніи была поставлена сравнительно въ благопріятныя вѣдѣнія условія. Латинская же церковь потеряла свое недавнее господствующее положеніе. Въ это время, какъ греческіе епископы и клирики вмѣстѣ съ паствою встрѣтили грозное нашествіе турокъ, не захотѣли оставлять греческій народъ безъ своей поддержки и убѣжденія и за эту приверженность своему дѣлу многіе изъ іерарховъ и духовенства, игумены и монаховъ частію были убиты, частію взяты въ плѣнъ, — латинскіе клирики въ большомъ числѣ предпочли заблаговременно оставить островъ, а латинскій архіепископъ и совѣтъ не явился сюда, оставаясь во время войны съ турками въ Венеціи. Когда же островъ былъ завоеванъ, то Мустафа-паша, встрѣтивъ здѣсь почти исключительно греческихъ клириковъ, съ ними и заключилъ предварительное соглашеніе по церковно-религіознымъ дѣламъ. Латинцамъ не позволено было имѣть на Кипрѣ ни церквей, ни домовъ, ни имѣній; поэтому они вынуждены были на первыхъ порахъ посѣщать православные храмы. Кафедральная латинская церковь св. Николая въ Левкосии была обращена въ мусульманскую мечеть, а другіе латинскіе храмы сдѣланы складами для хлѣба, имущества и т. п.

Фактическое положеніе кипрской церкви на первыхъ порахъ турецкаго господства было не исполнѣ благопріятно. Православнымъ кипрянамъ надлежало избрать новаго архіепископа, предстоятеля церкви. Но во время приготовительныхъ къ этому дѣйствию одинъ арабскій монахъ, родомъ изъ Сиріи, находясь въ Константинополѣ и узнавъ о намѣреніи кипрянъ избрать себѣ архіепископа, захотѣлъ пріобрѣсти архіепископскую на островѣ кафедру путемъ подкупа турецкихъ властей, которыя въ концѣ XVI вѣка, можно сказать, уже узаконили такой способъ замѣщенія патріаршихъ и иныхъ кафедръ на православномъ Востоцѣ. Предложивъ великому визирю Махмедъ-пашѣ взятку въ 3.000 венеціанскихъ золотыхъ, онъ достигъ цѣли и, въ санѣ епископа, отправился на Кипръ, какъ предстоятель мѣстной церкви. Не надѣясь встрѣтить

здѣсь сочувствіе, онъ выпросилъ себѣ у Порты конвой изъ двухъ янычаровъ; кипрскому же пашѣ Мусарефу былъ данъ изъ Константинополя приказъ водворить новаго архіепископа, — если потребуется, — при содѣйствіи войска. Разумѣется, православное населеніе Кипра не приняло этого ставленника Порты. Не стѣняясь этимъ, онъ требовалъ себѣ отъ грековъ полнаго подчиненія и тираннически расправлялся съ тѣми, кто не хотѣлъ его признавать. Главныя старанія архіепископа-араба были направлены къ тому, чтобы возвратитъ съ населенія тѣ три тысячи золотыхъ, за которыя онъ купилъ себѣ архіепископскій престолъ. Но власть этого самозванца, явившагося на Кипръ въ періодъ неурядицъ церковныхъ и общественныхъ дѣлъ, продолжалась недолго. Кипряне въ концѣ 1571 г. отравили въ Константинополь своего кандидата для замѣщенія вакантной архіепископской кафедры. Въ столицѣ турецкой имперіи въ это время находился и другой претендентъ архіепископской власти, одинъ кипрскій монахъ изъ благородной фамиліи Акре, по имени Тимофей, бывший въ дружественныхъ отношеніяхъ съ современнымъ константинопольскимъ патріархомъ Митрофаномъ III. Этотъ Тимофей, при содѣйствіи патріарха, и былъ назначенъ законнымъ архіепископомъ — предстоятелемъ Кипра. Кандидатъ же, рекомендованный кипрскимъ населеніемъ, хотя и былъ поддержанъ турецкимъ правительствомъ въ своихъ домогательствахъ архіепископскаго престола, согласился занять епископскую кафедру въ Пафѣ. Затѣмъ, игуменъ монастыря Кудовенти или Кудувинта, находившійся въ плѣну у турокъ въ Константинополѣ, а потомъ освобожденный изъ рабства, былъ назначенъ на епископскую кафедру Лемисса. Наконецъ, одинъ кипрскій монахъ, состоявшій приходскимъ священникомъ храма св. Симеона въ Фамагустѣ, получилъ епископскую кафедру въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, въ первое же время послѣ завоеванія Кипра турками были замѣщены православными архіереями четыре епископскія кафедры, при чемъ эти кафедры были перенесены въ города изъ селъ, въ которыхъ онѣ находились во время владычества франковъ. Въ числѣ этихъ епархій не упоминается епархія кипрскійская,

такъ какъ городъ Киринія былъ совершенно разрушенъ турками и отъ него остались одні крѣпостныя стѣны, окрестности же его были совершенно пустыни. Въ началѣ XVII вѣка епархія Фамагусты была присоединена къ архіепископіи Левкосіи, а вмѣстѣ ея учреждена древняя епархія киринійская. Въ первый разъ послѣ взятія острова имя киринійскаго епископа встрѣчается въ 1609 г. въ письмѣ кипрскихъ епископовъ къ савойскому князю. Въ 1600 году существовала уже и епархія китійская. Первый архіепископъ Кипра Тимоѳей возстановилъ древнее устройство православной церкви и вновь обезпечилъ ей права автокефальности. При немъ былъ учрежденъ синодъ. Пользуясь высшими церковными правами, архіепископъ Тимоѳей получилъ отъ султана и привилегіи гражданскаго представительства предъ Портой за свою паству—подобно тому, какъ константинопольскій патріархъ состоялъ главою (милеть-баша) своего народа.

Въ послѣдующее время внутренняя жизнь православной церкви на Кипрѣ проходила не совсѣмъ ровно и спокойно. Въ 1592 г., по смерти архіепископа Тимоѳея, на островѣ возникли разногласія изъ-за выбора новаго архіепископа; народъ указывалъ своего кандидата, а епископы рекомендовали другого. Въ этихъ спорахъ большое участіе принималъ Леонтій—Евстратій, игуменъ монастыря св. Іоанна Πίττῆ въ Левкосіи, ученикъ извѣстнаго греческаго ученаго Максима Маргуніа, другъ знаменитаго александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса. Этотъ Леонтій обратился къ Мелетію съ письмомъ отъ имени православнаго населенія въ Левкосіи и просилъ его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между кипрянами и вселенскимъ патріархомъ. Мелетій въ отвѣтъ на письмо Леонтію (1592 г.) высказалъ свою печаль по поводу волненій на островѣ и сообщилъ ему, что онъ немедленно написалъ бы по кипрскому дѣлу вселенскому патріарху, еслибы былъ болѣе освѣдомленъ о немъ, теперь же онъ рекомендуетъ Леонтію руководиться въ своей дѣятельности началами правды и добра, ибо „лучше безмолвствовать въ неизвѣстности, чѣмъ незаконно похищать знаменитыя каменья“. Въ томъ же году Мелетій александрійскій отправилъ посланіе іеромонаху

Пансію съ начальниками Лемисса и прочими христианами по вопросамъ объ опрѣсноккахъ и исхожденіи Святаго Духа, которые были возбуждены вышеозначеннымъ монахомъ Леонтіемъ и рѣшались имъ несогласно съ ученіемъ православной церкви. Въ этомъ посланіи Леонтій, прибывшій съ Запада, обвиняется въ сочувствіи латинянамъ; но православные, по наставленію Мелетія, должны держаться уже раскрытаго восточною церковію ученія, какъ объ опрѣсноккахъ, такъ и объ исхожденіи Святаго Духа, при чемъ патріархъ обстоятельно раскрываетъ то и другое. Это письмо патріарха Мелетія имѣло большое значеніе для кипрскаго духовенства и народа, такъ какъ опредѣлило ихъ въ православныхъ возрѣніяхъ, и въ послѣдующее время вопросы объ опрѣсноккахъ и исхожденіи Святаго Духа болѣе на островѣ не возникали. Но Мелетій и послѣ писалъ на островъ по другимъ церковнымъ дѣламъ и вообще принималъ, — по просьбѣ кипрявъ, — немалое участіе въ ихъ церковно-общественной жизни. Когда онъ былъ еще патріархомъ александрійскимъ, ему была принесена жалоба на кипрскаго архіепископа Аванасія, обвиненнаго въ различныхъ преступленіяхъ. Въ частности этотъ Аванасій съ корыстной цѣлью разрывалъ на части и сожигалъ старыя антикинсы, а потомъ замѣнялъ ихъ новыми, разрѣшалъ незаконные браки, неправильно рукополагалъ клириковъ. По поводу этой жалобы Мелетій отправилъ Аванасію посланіе, въ которомъ упрекалъ его за указанныя проступки и увѣщевалъ исправиться. Но это посланіе не достигло цѣли, и кипряне снова жаловались на Аванасія Мелетію, когда послѣдній былъ мѣстоблюстителемъ константинопольскаго патріаршаго престола (1597 — 1599 г.). Тогда Мелетій послалъ изъ Константинополя на Кипръ экзарховъ, которые и должны были совместно съ кипрскими архіереями произвести разслѣдованіе введенныхъ на Аванасія обвиненій. Экзархи, по уполномочію патріарха, составили на Кипрѣ соборъ изъ мѣстныхъ епископовъ, на который трижды приглашалъ архіепископа для оправданій, но онъ не явился на соборъ и не представилъ письменнаго оправданія; тогда соборъ осудилъ Аванасія на лишеніе архіепископскаго достоинства (1598 г.)

Когда на константинопольскій патриаршіи престоль вступилъ Матей II (1599 г.), а Мелетій опять отправился въ Александрію, кипрскія дѣла по прежнему находились въ большомъ неурядиствѣ, вследствие злоупотребленій архіепископа Аванасія своею властію. Такимъ положеніемъ дѣлъ рѣшилъ воспользоваться современный антиохійскій патриархъ Іоакимъ, съ дѣлію подчинить себѣ кипрскую церковь, и объявилъ, что кипрскій архіепископъ долженъ судиться у него. Въ свое оправданіе патриархъ Іоакимъ то указывалъ на предоставленіе ему константинопольскимъ патриархомъ права епитропіи относительно Кипра, то ссылался на 37 и 42 правила перваго вселенскаго собора въ арабской редакціи, которыя будто бы предоставляютъ антиохійскимъ патриархамъ право хиротоніи предстоятелей кипрской церкви. Въ своихъ притязаніяхъ на самостоятельность этой церкви антиохійскій патриархъ Іоакимъ старался заинтересовать и александрійскаго патриарха Мелетія. Но просвѣщенный александрійскій патриархъ, хорошо знавшій предѣлы патриаршей власти на Востокѣ и основанія автокефальности кипрской церкви, не оказался единомышленникомъ Іоакима. Онъ, во-первыхъ, рекомендовалъ духовенству и народу Кипра обратиться за братскою помощію въ затрудненіи къ вселенскому патриарху, сохранившему первенство чести среди первоіерарховъ православнаго Востока, и, во вторыхъ, написалъ антиохійскому патриарху Іоакиму посланіе, въ которомъ осудилъ его притязанія на юрисдикцію въ церкви кипрской. Эти притязанія, — писалъ Мелетій Іоакиму, — вѣдостойны патриарха. Тогда какъ Іоакимъ сообщаетъ, будто константинопольскій патриархъ поручилъ ему, какъ епитропу, рассмотреть кипрскій вопросъ, современный патриархъ іерусалимскій уведомилъ Мелетія, что кипрское дѣло будетъ судиться въ Константинополѣ соборомъ изъ двѣнадцати архіереевъ. Іоакимъ писалъ, что право хиротоніи кипрскаго архіепископа принадлежитъ ему въ силу 42 правила перваго вселенскаго собора; но въ такомъ случаѣ, какой смыслъ имѣеть назначеніе его епитропомъ, какъ онъ уведомилъ Мелетія? Да и можно ли признавать законной хиротонію архіепископа Аванасія, коль скоро она была совершена патриархомъ константинопольскимъ, а не іерусалимскимъ? Далѣе, антиохійскій патриархъ Іоакимъ ссылается на 42 правило перваго вселенскаго собора, а между тѣмъ православная церковь признаетъ только двадцать канонновъ этого собора, и третій вселенскій соборъ, утвердившій независимость кипрской церкви отъ антиохійскихъ патриарховъ, ничего не говоритъ о 42 правилѣ Никейскаго собора; очевидно, правила свыше двадцатаго суть апокрифическія, поэтому церковь и не призываетъ ихъ; между тѣмъ антиохійскій патриархъ слушаетъ невѣжественныхъ людей и, подъ ихъ воздѣйствіемъ, поступаетъ несогласно съ божественными законами. Да и вообще антиохійскій патриархъ неправъ, когда по кипрскому вопросу обращается за совѣтомъ и помощію къ александрійскому, а не ко вселенскому патриарху. Письмо александрійскаго патриарха Мелетія, отклонившее антиохійскаго Іоакима отъ посягательства на автокефальныя права кипрской церкви, сохранило свое авторитетное для этого вопроса значеніе и на послѣдующее время.

Что касается вселенскаго патриарха Матфея II, къ которому духовенство и народъ, — по совѣту александрійскаго патриарха Мелетія, — обратились за помощію въ дѣлѣ архіепископа Аванасія, то онъ въ іюлѣ 1600 года на соборѣ подвергъ послѣдняго лишенію кафедры. Сигилліи патриарха по этому дѣлу были адресованы епископамъ святѣйшей архіепископіи Новой Юстиніаны — Іакову тамавескому, Филоею пафскому, Веніамину солійскому и Іереміи китійскому, кавицумевамъ — архимандритамъ и протоиерейскимъ, протоіереемъ и викаріямъ, архонтамъ и остальному христонменному народу Кипра. Въ сигилліи сообщается, что къ патриарху и синоду великой Христовой церкви постуила жалоба духовенства и мірянъ Кипра на архіепископа Аванасія, который, не смотря на сдѣланныя ему Мелетіемъ, патриархомъ александрійскимъ, предупрежденія о запрещеніи и изложенія за злоупотребленія властію, продолжаетъ къ прежнимъ грѣхамъ и проступкамъ прибавлять новые и еще большіе и совершать беззаконныя дѣла вопреки канонамъ. Александрійскій патриархъ Мелетій, къ которому кипріяне обращались за помощію, призываетъ и разслѣдованіе обвиненій Аванасія, которыя и

подтвердились. Доказано, что архіепископъ произвели народное возмущеніе, при чемъ свѣщенные антимысы съ мощами всѣхъ патріаршихъ грамоты и султанскій бемучениковъ и взаимнѣ ихъ за подарки и деньги выдавалъ другіе, разрѣшалъ четвертый бракъ, рукополагалъ въ священники цемъ. Въ виду этого, патріархъ Матей II двоеженцевъ и троюженцевъ, допускалъ незаконныя сожителства, неправильно совершать брачные разводы, разрубилъ топоромъ древній патріаршій тронъ іерусалимскаго патріарха Германа и взялъ находившіяся въ немъ мученическія мощи и т. п. Когда на Аванасія была наложена Мелетіемъ епитимія, то онъ, опираясь на покровительство вѣдшей (турецкой) власти, отказался ей подчиниться. Затѣмъ Мелетій послалъ на Кипръ экзарховъ священника Іеремію и діакона Аноима, которые устроили здѣсь помѣстный соборъ для суда надъ Аванасіемъ. На соборѣ вновь было произведено самое тщательное разслѣдованіе преступленій Аванасія, въ присутствіи многихъ свидѣтелей изъ духовенства и мірянъ. Узнавъ о своемъ низложеніи съ престола, Аванасій, при помощи турецкихъ властей, схватилъ патріаршихъ экзарховъ и заключилъ въ тюрьму, гдѣ ихъ подвергли истязаніямъ. Константинопольскій патріархъ Матей и его синодъ, ознакомившись со всѣми обстоятельствами дѣла и простирая руку братской помощи кипрянамъ, постановили низложить архіепископа Аванасія съ кафедры, о чемъ и увѣдомили кипрскую церковь особымъ ситиліемъ, который былъ отправленъ на островъ съ патріаршимъ экзархомъ—великимъ архимандритомъ патріархіи Арсеніемъ.

Преемникомъ кипрскаго архіепископа Аванасія былъ избранъ Веніаминъ. Его избраніе состоялось при участіи вселенскаго патріаршаго престола, который рекомендовалъ новаго архіепископа, а соборъ кипрской церкви, состоявшій изъ епископовъ, клириковъ и архонтовъ, въ свою очередь, произвелъ каноническое голосованіе и согласился на хиротонію Веніамина. При содѣйствіи вселенскаго патріарха, Веніаминъ въ концѣ 1600 г. получилъ султанскій бератъ о своихъ правахъ и привилегіяхъ и, въ сопровожденіи константинопольскаго великаго архимандрита Арсенія, снабженнаго патріаршими грамотами,—отправился на Кипръ. Но здѣсь противъ новаго архіепископа сторонники низложеннаго Аванасія

произвели народное возмущеніе, при чемъ всѣхъ патріаршихъ грамоты и султанскій бемучениковъ и взаимнѣ ихъ за подарки и деньги выдавалъ другіе, разрѣшалъ четвертый бракъ, рукополагалъ въ священники цемъ. Въ виду этого, патріархъ Матей II въ январѣ 1601 г. отправилъ на островъ грамоту объ утвержденіи архіепископа Веніамина и увѣщевалъ духовенство и народъ Кипра повиноваться ему, какъ законному архипастырю. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, упоминаются епископы—Іеремія китійскій, Филоей пафскій, Веніаминъ солійскій, епископы Арсино и Курія, монастыри—св. Маманта, близъ мѣстности Корфу и Нерукотвореннаго, почетнѣйшіе клирики—великій экномъ, великій логоетъ, великій дикеофилаксъ, великій протекдикъ, великій протонотарій и „остальные викаріи“. Преемникъ Матеея II, патріархъ Неофитъ II въ августѣ 1602 г., въ свою очередь, обратился къ клиру и народу Кипра съ увѣщательною грамотой въ пользу того же архіепископа Веніамина. Дѣло въ томъ, что спокойствіе на островѣ наступало медленно, такъ какъ низложенный архіепископъ Аванасій никакъ не хотѣлъ разстаться съ прежнею властію и возмущалъ духовенство и народъ. Поэтому Веніаминъ самъ поѣхалъ въ Константинополь и, разсказавъ новому патріарху Неофиту о недавнихъ событіяхъ на Кипрѣ, просилъ его умиротворить островъ. Патріархъ и отправилъ синодальное посланіе епископамъ, викаріямъ, епитропамъ и ефорамъ церквей и монастырей Кипра, церковнымъ властямъ и чинамъ, клиру, архонтамъ и народу его, которыхъ и назвалъ православными и послушными чадами восточной, католической и апостольской церкви Константинополя, оказывавшей имъ, во времена опасностей, помощь и покровительство. Въ этомъ посланіи патріархъ сообщаетъ, что забота о мирѣ въ епархіяхъ острова всегда была свойственна великой Христовой церкви. Но въ послѣднее время этотъ миръ нарушенъ зловредными дѣйствіями бывшаго архіепископа Аванасія, который открыто возстаетъ противъ новаго архіепископа Веніамина. Однако вѣдь избраніе Веніамина, — пишетъ Неофитъ, — состоялось правильно—на кипрскомъ соборѣ, которому, въ слѣдъ его прономій, принадлежить право выбирать, кого онъ желаетъ

потому что кипрская церковь „никому не подчинена, кромѣ Бога, и почтена автономіей“. Патриархъ Неофитъ увѣщеваетъ всѣхъ признавать Веніамина законнымъ архіепископомъ и во всемъ ему повиноваться — тѣмъ болѣе, что онъ получилъ и султанскій берать. Объ архіепископѣ Веніаминѣ извѣстно, что онъ былъ большимъ любителемъ просвѣщенія, имѣлъ намѣреніе устроить на Кипрѣ высшую школу для клира и народа и по этому поводу велъ переписку съ савойскимъ княземъ, убѣждая его оказать въ этомъ дѣлѣ помощь. Но идея Веніамина объ открытіи кипрскаго университета не получила практическаго осуществленія.

Въ іюлѣ 1618 г. вселенскій патриархъ Тимофей II, по просьбѣ кипрскаго архіепископа Христудула и его синода, въ свою очередь подтвердилъ ихъ опредѣленіе о лишеніи сана кипрскаго іеромонаха Кирилла, который съ нѣкоторыми единомышленниками захотѣлъ овладѣть солійскою епископскою кафедрой, успѣлъ уже получить султанскій берать, нанесъ оскорбленіе законному солійскому епископу Макарію и произвелъ большую смуту на островѣ. Въ своей грамотѣ на Кипръ патриархъ Тимофей увѣщевалъ всѣхъ признавать Макаріа законнымъ пастыремъ, а Кирилла не принимать въ каноническое общеніе.

Въ половинѣ XVII вѣка на Кипрѣ возникло разногласіе между архіепископомъ и епископами по вопросу о границахъ духовной юрисдикціи той и другой стороны. Епископы, вопреки ясному каноническому разграниченію ихъ власти отъ полномочій архіепископа, по невѣжеству или честолюбію стали предъявлять притязанія на равночестность и равноправіе съ архіепископомъ, хотѣли совершать въ епархіи послѣдьяго тоже самое, что архіепископъ имѣлъ право дѣлать въ ихъ епархіяхъ, — подписываться въ официальныхъ бумагахъ подобно архіепископу и т. д. Дѣло восходило на разсмотрѣніе и рѣшеніе вселенскаго патриарха Іоанниція, который въ іюлѣ 1751 г. издалъ примѣчательную патриаршую и синодальную грамоту о предѣлахъ каноническихъ отношеній архіереевъ Кипра къ своему архіепископу въ управленіи церковными дѣлами и въ соблюденіи чина во время богослуженій въ архіепископскомъ храмѣ. Патриархъ Іоанникій въ своей грамотѣ указываетъ, прежде всего, на вредъ честолюбія, которое печалитъ братьевъ, нарушаетъ законы, претупаетъ священныя предавія отцовъ, вторгаясь въ чужія области и въ предѣлы чужой власти. Вселенскій патриархъ, имѣя попечительность о всѣхъ помѣстныхъ церквахъ православнаго Востока, не можетъ допустить на Кипрѣ нарушенія со стороны мѣстныхъ епископовъ тѣхъ „вѣчныхъ предѣловъ“, которые установлены святыми отцами. И вотъ, въ патриаршемъ синодѣ были большія объ этомъ разсужденія и было постановлено, чтобы замѣченнымъ на Кипрѣ злоупотребленіямъ впредь не быть. Протоіерей кипрскаго архіепископа долженъ сохраниваться непоколебимо, при братскомъ содѣйствіи патриарха и впредь никто изъ епископовъ и іереевъ не долженъ ихъ нарушать, но всѣ обязаны находиться въ границахъ своей власти, полномочій и положенія. Если кто-либо изъ священниковъ прибудетъ изъ своей епархіи въ другую, тотъ обязанъ представить мѣстному предстоятелю свою рекомендательную грамоту и можетъ исполнять здѣсь священнодѣйствія только съ его разрѣшенія, дабы въ церкви Христовой не было смятенія и безпорядковъ. Кромѣ того, архіерей, какія бы полномія они не имѣли, когда прибудутъ въ архіепископскій городъ Левкосію, пользуются здѣсь отъ священниковъ въ ихъ церквахъ соответствующею честію; они занимаютъ первое мѣсто послѣ архіепископскаго трона, а каждое для нихъ совершается троекратно въ прямомъ направленіи, но не крестообразно. Во время малаго входа, священникъ, прочитавъ молитву по срединѣ церкви, долженъ подойти къ архіерею и дать ему облобызать святое Евангеліе, послѣ чего опять идетъ на средину и говоритъ: *премудрость, прости*. Во время великаго входа священникъ громко долженъ сказать: *да помянетъ Господь Богъ архіерейство твое*. Желая же причаститься святыхъ таинъ, архіерей долженъ войти внутрь алтаря и причащается первымъ, но не даетъ священнодѣйствующему; антидоръ посылается архіерею на то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, и онъ беретъ его, а потомъ антидоръ посылается священнику, который и раздаетъ его народу. Во время выхода изъ церкви архіерей всѣмъ предшествуетъ. Ничего больше этого іерей и не

должны воздавать архіереямъ. Если же кто-либо изъ іереевъ будетъ предоставлять архіереямъ вина почести, тотъ долженъ подвергнуться запрещенію въ священнослуженіи на три года, а потомъ, въ случаѣ упорства, и совсѣмъ лишается сана. Почетнѣйшимъ клирикамъ кипрской архіепскопіи патріархъ запретилъ воздавать архіереямъ, гдѣ бы то ни было, больше того, что и сколько требуется, и всѣми силами отклонять ихъ отъ несвойственнаго епископскому достоинству; если же клирики добровольно станутъ имъ уступать и не будутъ, по слѣдствію возможности пренятствовать, то будутъ подлежать наказанію до лишения сана включительно. Кромѣ того, патріархъ запретилъ и архіереямъ требовать больше установленнаго, но предпріимъ довольствоваться въ столицѣ Кіпра тѣмъ, что имъ принадлежитъ по сану. Входя въ церковь, они не должны требовать, чтобы ихъ встрѣчали пѣніемъ,—не могутъ ни держать жезлъ, ни благословлять народъ, ни возглашать—*миръ естъ*, ни получать каждаго крестообразно, ни благославлять при каждаго, ни раздавать антидоръ и т. п., такъ какъ все это архіереямъ позволительно совершать лишь въ своихъ епархіяхъ. Такъ—слѣдуетъ поступать архіереямъ въ отсутствіе кипрскаго архіепископа, а въ его присутствіи они тѣмъ болѣе ничего не должны присвоить себѣ, кромѣ лишь стонія возлѣ него. Когда же архіепископъ пожелаетъ служить вмѣстѣ съ ними, то никто изъ архіереевъ не долженъ одновременно съ нимъ входить въ храмъ, лобызать св. иконы, во всѣ обязаны въ это время стоять въ стасидіяхъ; когда же архіепископъ облобызаетъ иконы, благословитъ народъ и сядетъ на кафедрѣ посреднѣ храма, то архіереи по двое подходятъ къ нему и, получивъ разрѣшеніе, входятъ въ алтарь для облаченія, за ними получаютъ отъ архіепископа благословіе священники и діаконы, и вообще епископы во время этого богослуженія не имѣютъ другихъ преимуществъ предъ іереями, какъ только въ одеждѣ и въ томъ, что предшествуютъ имъ и сидятъ вмѣстѣ съ архіепископомъ. Когда же архіепископъ пожелаетъ обозрѣть всю архіепскопію, то онъ на всемъ островѣ можетъ все совершать, какъ и въ самомъ городѣ Левкосія, и никто совершенно не можетъ ему проти-

водѣйствовать. Всѣ должны ему повиноваться и почитать, какъ отца, слушаться и уважать, ни въ чемъ не противиться и не преступать его повелѣній, такъ какъ за это предстоить вѣчно осужденіе, — особенно тѣмъ, которые, уклоняясь на сторону „внѣшнихъ“, оскорбляютъ святую мать церковь и, какъ лошаки (*ἵπποβοι*), отвергаютъ наставленія, не понимая, что святѣйшій вселенскій престолъ заботится о нихъ и не повинующихся накажетъ, дабы были послушными. Вѣдь соборъ въ Никее повелѣлъ, чтобы хранились древніе обычаи. А древній обычай и состоитъ въ томъ, что архіепископъ и есть архіепископъ въ сомнѣніи епископовъ и послѣдніе во всей архіепскопіи не могутъ совершать того же самаго, что совершаетъ онъ, во каждый долженъ пребывать въ своихъ собственныхъ предѣлахъ,—ибо власть тѣхъ, кому свойственна дѣло, сила и прономія, не тождественна съ властію вообще. Вѣдь не пустое же имя—архіепископъ, но съ нимъ соединяется и фактическая власть, дабы во святой церкви не было безпорядка и безначальственнаго многовластія. Позоръ бываетъ когда съ женою одной сожигательствуютъ многіе, подвергающіеся смерти и физической, и моральной; не тѣмъ ли болѣе нравственную чистоту слѣдуетъ соблюдать въ дѣлахъ духовныхъ, особенно архіереямъ? Посему всѣ они должны соблюдать эту грамоту патріарха, во избѣжаніе наказанія. Повсюду должны сохраняться правила отцовъ и обычаи вѣтхъ церквей, особенно церкви великой. Въ заключеніе грамота патріарха говоритъ, что по приказанію архіепископа она должна быть прочитана на всемъ островѣ. Свигилій патріарха Іоаннікія произвелъ глубокое дѣйствіе на духовенство и народъ острова,—и съ того времени точно стали соблюдаться предѣлы юрисдикціи архіепископа и епископа кипрской церкви.

И въ другихъ случаяхъ, когда кипрская церковь просила помощи, церковь константинопольская, какъ первенствующая по чести между всѣми православными церквами Востока и обладавшая ваввысшимъ духовнымъ авторитетомъ, съ готовностію и братски оказывала такое содѣйствіе, а иногда и самостоятельно, по личному побужденію вселенскихъ патріарховъ, предотвращала тѣ или другія опасности для право-

славия на Кипрѣ. Такъ, въ іюлѣ 1672 г. временнымъ и, по прямѣму іерусалимскаго константинопольскій патріархъ Діонисій IV собора 1648 г., созвалъ въ 1668 г. издалъ грамоту о ставропигиальныхъ правахъ монастыря Богородицы Кикка, подлинную также патріархомъ Неофитомъ антиохійскимъ и Досиеемъ іерусалимскимъ и архіепископомъ кипрскимъ Никифоромъ. Этотъ Никифоръ въ указанномъ году прибылъ въ Константинополь по личному дѣлу. Въ 1671 г. былъ лишень вселенскаго престола патріархъ Пароеній IV, подвергнутъ отлученію за неправославный образъ мыслей и сосланъ къ изгнанію на Кипръ. Престарѣлый мѣстный архіепископъ Никифоръ вошелъ, однако, въ общеніе съ нимъ и за это навлекъ на себя негодованіе вселенскаго патріарха Діонисія IV. Последній образовалъ соборъ, при участіи патріарховъ Неофита антиохійскаго и Досиея іерусалимскаго и мѣстныхъ митрополитовъ, и подвергъ кипрскаго архіепископа отлученію отъ церкви за общеніе съ изгнаннымъ и осужденнымъ Пароеніемъ. Такое наказаніе сильно опечалило Никифора, который по старости не былъ въ состояніи оцѣнить должнымъ образомъ положеніе низложеннаго патріарха Пароенія и, склоняясь на его хитрые проски, вошелъ съ нимъ въ общеніе. И вотъ Никифоръ отправился въ Константинополь и предсталъ на вселенское судявшее (ὀρθόδοξοὺν χριστιανόν). На судѣ оный чистосердечно во всемъ раскаялся и просилъ у собора прощенія. Снисходя къ старости Никифора и трудности предпріятого имъ путешествія, имѣя въ виду его искреннее раскаяніе и сознаніе въ томъ, что оный сдѣлался жертвою коварныхъ рѣчей низложеннаго патріарха Пароенія IV, соборъ возстановилъ его въ архіепископскихъ правахъ и въ посланіи на Кипръ увѣщевалъ духовенство и народъ встрѣтить Никифора со всею любовью и расположеніемъ, съ честью и почтеніемъ, принимать отъ него благословеніе и освященіе и не ставить ему въ вину прежнее общеніе съ Пароеніемъ.

Архіепископъ Никифоръ, будучи предстоятелемъ автокефальной кипрской церкви и живя въ то время, когда православная восточная церковь возвысила свой голосъ противъ протестантизма и доказывала его несогласіе съ ученіемъ вселенскихъ соборовъ, также призналъ молчаніе неблаго-

соборъ въ Левкосіи. Соборъ состоялся въ апрѣлѣ этого года въ храмѣ св. Архангела, подъ предѣдательствомъ Никифора и въ присутствіи митрополитовъ Макарія пафскаго, Никифора киринійскаго и Герасима немесскаго, іеромонаха Иларіона Кигала или Цигала, экзарховъ Аммохоста, Арсинои, Курія и Солонъ, многихъ каопгуменовъ, почетныхъ клириковъ и монаховъ и занимался обсужденіемъ ученія кальвинистовъ. Дѣянія этого собора, осудившаго заблужденія кальвинистовъ, были составлены іеромонахомъ Иларіономъ Кигала, который и сообщилъ ихъ капучинамъ на Кипрѣ, а эти послѣдніе переслали ихъ во Францію, гдѣ они и были напечатаны на латинскомъ языкѣ. Но на Кипрѣ въ архіепископші сохранилась, по свидѣтельству Георгію, греческая копія соборныхъ опредѣленій, которыя касаются таинства, архіерейства, св. мѣра, поста, монашества, почитанія иконъ, молитвы и поминновенія усопшихъ. Въ заключеніи соборныхъ опредѣленій сказано, что согласно съ церковію кипрской учать и церкви константинопольская, александрійская, антиохійская, іерусалимская и русская, а также народы Болгаріи, Сербіи, Мавріи, Эфиопіи, арабы и египтяне.

Въ 1674 г. архіепископъ Никифоръ по болѣзни и старости отказался отъ власти¹⁾, и предстоятелемъ кипрской церкви былъ избранъ іеромонахъ Иларіонъ Кигала, отличавшійся большою ученостію въ области наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, знавшій, — по словамъ іерусалимскаго патріарха Досиея, — всю латинскую мудрость, знакомый съ итальянскимъ языкомъ. Онь родился въ Левкосіи, учился въ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ изучилъ богословіе, риторику и математику. Потомъ, по порученію римской пропаганды, Иларіонъ отправился на Востокъ для проповѣди, объѣхалъ многія мѣстности и долго жилъ въ Эфирѣ. Возвратившись въ Римъ, онь былъ назначенъ

¹⁾ Филиппъ Георгію говоритъ, что Никифоръ въ 1674 г. скончался (стр. 95). Это не вѣрно, такъ какъ изъ протокола объ избраніи въ 1676 г. пафскаго митрополита Нектарія видно, что на папирательномъ соборѣ присутствовалъ и бывшій архіепископъ Никифоръ (Δελτικόν της Πατριαρχεικής Σύνοδος II, 662).

учителемъ греческой коллегіи въ Патавіи. Прибывъ затѣмъ въ Константинополь, Иларіонъ былъ удостоенъ великою церковною титула „вселенскаго дидакакала, великаго богослова, равночестнаго епископамъ, господина архидидакакала и экзарха всеѣхъ лидаскаловъ“; онъ пользовался одинаковыми съ епископами почестями въ словѣ, письмѣ и на каедрѣ, не имѣлъ лишь права носить оюфоръ и совершать рукоположенія. Послѣ весьма успѣшнаго исполненія въ Константинополѣ обязанностей вселенскаго учителя, Иларіонъ Кигала прибылъ на Кипръ, принималъ здѣсь участіе на соборѣ 1668 г. противъ кальвинистовъ и составлялъ его дѣянія. Въ 1671 г., находясь въ Іерусалимѣ, онъ много помогалъ патріарху Нектарію въ составленіи сочиненія о власти папы, перевелъ для него многія, относящіяся къ вопросу, извлеченія изъ твореній отцовъ и былъ истолкователемъ самыхъ принциповъ папства. Возвратившись на Кипръ, Иларіонъ въ 1674 г. былъ избранъ архіепископомъ. О его управленіи кипрской церковію нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ 1676 г. Иларіонъ составилъ соборъ для избранія пафскаго митрополита, при участіи бывшаго архіепископа Никифора, митрополитовъ Леонтія кириійскаго, Варнавы амаеунтскаго и немескаго и Леонтія бывшаго пафскаго и въ присутствіи іереевъ и почетнѣйшихъ клириковъ; выборъ палъ на іеромонаха Нектарія. Соборъ и постановилъ, что въ составъ пафской митрополіи долженъ входить и городъ Тримеунтъ. Иларіонъ скончался въ 1692 г. въ Константинополѣ, куда онъ за нѣсколько лѣтъ до этого времени долженъ былъ удалиться съ острова Кипра вслѣдствіе разногласія съ папскою по вопросамъ вѣры и вслѣдствіе жалобы на него вселенскому патріарху за склонность къ латинскимъ мнѣніямъ. Но послѣдній пунктъ является спорнымъ и непризнаннымъ. Наконецъ, въ Константинополѣ Иларіонъ Кигала написалъ сочиненіе о праздникѣ Пасхи.

Послѣ Иларіона архіепископскую каедрѣ на Кипрѣ занималъ Іаковъ I (1679—1689 г.), о которомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, а послѣ Іакова—Германъ II (1690—1705 г.). При этомъ архіепископъ вселенскій патріархъ Калиникъ II въ маѣ 1700 г., по просьбѣ немескаго и кпійскаго митрополита Іоанникія, объявилъ приходскимъ или епархіальнымъ монастырь по имени Амаегу. Дѣло въ томъ, что въ 1633 г. мѣстный митрополитъ Леонтій подарилъ этотъ монастырь александрійскому патріарху Герасиму I, который потомъ далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается владѣть этимъ монастыремъ. Въ такомъ же родѣ заявилъ и александрійскій патріархъ Герасимъ II (1700 г.), въ отвѣтъ на просьбу митрополита Іоанникія. Оба эти документа были засвидѣтельствованы кипрскимъ архіепископомъ Германомъ II, а немескій митрополитъ Іоанникій обратился къ вселенскому патріарху Калинику II съ просьбою вновь признать монастырь Амаегу подчиненнымъ епархіальному архіерею. Калиникъ въ этомъ родѣ и опубликовалъ свой ситилій. Архіепископъ Германъ недобровольно оставилъ каедрѣ. Духовенство и народъ острова обратились къ вселенскому патріарху Гавріилу III съ жалобой на его несправедливости и жестокости и просили защиты у великой Христовой церкви. Когда мѣры патріаршаго воздѣйствія на Германа оказались безуспѣшными, на островѣ былъ созванъ соборъ, который и постановилъ лишить его архіепископскаго престола. Затѣмъ кипрскіе митрополиты принуждены были и сами отправиться въ Константинополь, чтобы искать помощи у патріарха Гавріила III противъ безпокойнаго и метельнаго Германа II. Въ Константинополѣ составилъ надъ Германомъ патріаршій судъ, лишившій его каедрѣ. Потомъ кипрскіе митрополиты составили соборъ и избрали на архіепископскій престолъ бывшаго аягійскаго патріарха Аванасія. По этому дѣлу константинопольскій патріархъ Гавріилъ III отправилъ на Кипръ посланіе, въ которомъ объявилъ о справедливомъ изложеніи Германа II, признавъ дѣйствія избирательнаго собора законными и увѣщевалъ всеѣхъ считать Аванасія своимъ архіепископомъ, какъ мужа вполнѣ достойнаго предствоятельства въ церкви кипрской. Между тѣмъ бывший архіепископъ Германъ не захотѣлъ подчиниться соборному рѣшенію, а когда оно было подтверждено и патріаршею грамотою, то онъ успѣшилъ избрать своимъ преемникомъ священника Іакова, состоявшаго въ бракѣ, при чемъ новый архіепископъ оставилъ свою жену. Германъ даже и хирото-

писалъ его въ санъ епископа. Яковъ II, повидимому, въ которое время фактически занималъ архіепископскій престолъ; большое содѣйствіе въ захватѣ власти оказывалъ ему одинъ мірянинъ, по имени Констанція. На островѣ водворилась церковная смута, такъ какъ одновременно здѣсь оказались три архіепископа: — изложенный Германъ II, поставленный имъ Яковъ II и избранный соборомъ бывшій антиохійскій патріархъ Аванасій. Возстановленію мира и порядка опять-таки содѣйствовала вселенская церковь въ лицѣ патріарха Гавріила III и синода, которые еще разъ обратились къ киприанамъ съ окружающимъ посланіемъ, осудивъ въ немъ Германа II и Якова II и повелѣвъ признавать законно избраннымъ архіепископомъ Аванасія. Въ свою очередь, Аванасій, „Божіею милостію бывшій патріархъ Антиохіи и проедръ святѣйшей архіепископін Кипра и новой Юстиніаны“, около 1707 г. обратился къ духовенству и народу острова съ пастырскимъ окружающимъ посланіемъ, въ которомъ изложилъ обстоятельства своего избранія на кипрскую кафедру и преподавалъ всемъ свои архіаппостольскія наставленія. Здѣсь, между прочимъ, сообщается, что митрополиты Кипра нѣсколько разъ жаловались вселенской патріархіи на тиранническое управленіе бывшаго архіепископа Германа. Патріаршій синодъ потребовалъ Германа на судъ, но онъ не явился. Синодъ лишилъ его престола, а потомъ патріархъ Гавріилъ предложилъ кипрскимъ митрополитамъ устроить соборъ для избранія новаго архіепископа. Выборъ собора палъ на Аванасія, который, уступая общей просьбѣ, и принялъ избраніе. Извѣщая объ этомъ духовенство и народъ Кипра, Аванасій повелѣвалъ возносить за богослуженіемъ его имя и отдавать ему должное почитаніе.

Послѣ Аванасія архіепископомъ кипрской церкви былъ Сильвестръ (1718—1731 г.), который, между прочимъ, въ 1720 г. на свои средства возобновилъ зданіе архіепископін. Въ 1730 г. онъ, какъ гражданскій представитель (ἐθνάρχης) греческаго народа на островѣ, по общему рѣшенію духовенства и мірянъ отправился съ подчиненными ему архіереями въ Константинополь для ходатайства предъ правительствомъ о нѣкоторыхъ ихъ нуждахъ. Явившись въ столицу турецкой имперіи, Силь-

вестръ и митрополиты принесли великому визирю жалобу на притѣсенія въ сборѣ податей и вообще на незаконное управленіе мѣстныхъ турецкихъ властей и смиренно просили у Порты защиты. Но султанъ Махмудъ I призналъ это ходатайство за народное возмущеніе и, считая виновниками его, главнымъ образомъ, современнаго константинопольскаго патріарха Кирилла I, какъ ответственного предъ Портой за всю ромейскую райю имперіи, и драгомана Порты христианина Іоанна Каллимахи, лишилъ перваго престола, удаливъ и въ ссылку на островъ Халки, а втораго изгнавъ на островъ Тенедосъ. Затѣмъ гроза разразилась и надъ непосредственными виновниками народнаго „бунта“ на Кипрѣ, архіепископомъ Сильвестромъ и митрополитами, осмѣлившимися обращаться къ правительству съ жалобой на поставленныхъ имъ чиновниковъ. Архіепископъ Сильвестръ и китійскій митрополитъ Іоанникій были сосланы въ Авратотаси, а митрополиты Іоакимъ пафскій и Никифоръ киринійскій сперва подверглись опалѣ, а потомъ оправданы и получили разрѣшеніе отъ правительства возвратиться на Кипръ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ новымъ церковнымъ смутамъ на островѣ. Одинъ іеромонахъ, по имени Варнава Викось, державшійся латинскаго образа мыслей (λατινιστής), воспользовался изгнаніемъ китійскаго митрополита Іоанникія и попытался захватить его кафедру, при содѣйствіи свѣтской власти и при помощи подкупа (обѣщавъ заплатить 2,000 гроевѣвъ). Онъ имѣлъ даже дерзость обратиться за содѣйствіемъ къ вселенскому престолу, но патріархъ Пансіей II въ 1730 г. подвергъ его отлученію, о чемъ и сообщилъ киприанамъ. Спустя немного, митрополиты киринійскій Никифоръ и пафскій Іоакимъ, забывъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ, удаленнымъ въ ссылку архіепископомъ Сильвестромъ, и пренебрегнувъ церковные каноны, захватили — первый архіепископін, а второю китійскую митрополію. Напрасно архіепископъ Сильвестръ писалъ Никифору по поводу самозванства и убѣждалъ его и Іоакима оставить чужія епархіи и возвратиться въ свои: — оба митрополита распоряжались въ архіепископін и митрополіи китійской, какъ въ своихъ епархіяхъ, навѣлали много долговъ, отняли у церквей

деньги и даже священную утварь и вообще произвели большой беспорядокъ въ церковной жизни Кипра. Между тѣмъ, въ 1731 г. архіепископъ Сильвестръ и митрополитъ Іоанннкій были возвращены изъ ссылки и получили султанскіе бераты на восстановленіе своихъ правъ. Прибывши въ Константинополь, они обратились къ патриарху Паисію II съ просьбой оказать имъ содѣйствіе въ возвращеніи своихъ епархій. Въ виду этого, патриархъ и синодъ вселенской церкви лишили митрополитовъ кипрійскаго Никифора и пафскаго Іоакима епископскаго сана, а христіанамъ Кипра повелѣли признавать Сильвестра архіепископомъ, а Іоанннкія — китійскимъ митрополитомъ. Возвратившись въ 1731 г. на Кипръ, Сильвестръ приступилъ къ украшенію живописью кафедральнаго храма во имя Апостола Іоанна Богослова, но закончить этого дѣла не успѣлъ, вслѣдствіе внезапной смерти. Его преемникомъ по архіепископской кафедрѣ былъ Филоеѣ (1731—1759 г.), человекъ образованный и энергичный, пользовавшійся въ Константинополѣ, гдѣ онъ жилъ до архіепископства, славою выдающагося дидакакала. И на Кипрѣ (въ Левкосіи) онъ устроилъ школы греческаго языка и церковнаго пѣнія, помогалъ и всячески поощрялъ народныхъ учителей къ дѣятельности, имѣлъ переписку по церковнымъ и школьнымъ дѣламъ съ извѣстнымъ на Востокъ дидакакаломъ Іаковомъ Патмосскимъ, былъ большимъ ревнителемъ церковнаго чина и обычаевъ, отличался щедростію и любовію къ благотворенію. Онъ горячо къ сердцу принималъ и народную нужду и, какъ этвархъ, обращался много разъ къ турецкому правительству съ просьбами объ уменьшеніи податей и повинностей съ грековъ острова. Ему даже удалось, путемъ личнаго ходатайства предъ великимъ визиремъ, уменьшить общую сумму хараджа (поголовной подати) съ христіанъ его архіепископіи. Но враги Филоеѣ — какъ изъ турокъ, такъ и изъ христіанъ — оклеветали его по взиманіи съ народа по три и пяти grosievъ безъ особаго на этого правительственнаго фирмана, и великій визирь приказалъ заключить его въ оковы и посадить на Кипрѣ въ тюрьму. Филоеѣ потомъ оправдался предъ Портой и былъ признанъ невиннымъ. Но въ 1745 г. съ нимъ произошла новая бѣда: Порты, по

дополнительнымъ доносамъ, лишила его престола и сдѣлала приказъ объ избраніи новаго архіепископа. Враги Филоеѣ изъ клириковъ и мірянъ постѣили найти кандидата для архіепископства въ лицѣ іеромонаха Неофита, а три митрополита константинопольской церкви Іоакимъ, епархія Имвроса, Мелетій съ о. Тиноса и Іоанннкій мсленекскій, устроивъ избирательное собраніе, провозгласили Неофита архіепископомъ новой Юстиніаны и всего Кипра (23 февраля 1745 г.). Но это избраніе было опротестовано одиннадцатью другими митрополитами константинопольской церкви, признавшими распоряженіе правительства объ изгнаніи Филоеѣ незаконнымъ и несправедливымъ и не пожелавшими участвовать въ его избраніи. А затѣмъ въ іюнь 1745 г. на Кипръ было отправлено изъ Константинополя патриаршее (Паисія II) и синодальное посланіе, которымъ подвергались отлученію незаконно управлявшій церковію архіепископъ Неофитъ и всѣ его сообщники, такъ какъ процессъ его избранія представлялъ рядъ каноническихъ нарушеній. Эти событія крайне неблагоприятно подѣйствовали на здоровье Филоеѣ, который къ тому же вынужденъ былъ удалиться съ Кипра въ Дамаскъ. Но онъ не оставлялъ управленія и продолжалъ руководить дѣлами кипрской церкви чрезъ посредство митрополитовъ. Между прочимъ, Филоеѣ послалъ въ Константинополь митрополитовъ Іоакима пафскаго, Макарія китійскаго и Никифора кипрійскаго для ходатайства предъ правительствомъ объ уменьшеніи налоговъ на жителей Кипра (1754 г.). Ходатайство было отъ-части удовлетворено и, кромѣ того, архіереи получили отъ великаго визиря фирманъ, которымъ за райей Кипра было признано право избрать особыхъ старшинъ (коджабаши) или епитроповъ съ тѣмъ, чтобы они непосредственно обращались къ правительству съ просьбами относительно различныхъ нуждъ Кипра. Возвратившись на островъ, Филоеѣ успѣлъ исклотать у правительства и нѣкоторыя льготы для монаховъ острова. Но управленіе архіепископа Филоеѣ было неспокойно до конца его жизни († 1759 г.). Объ этомъ свидѣтельствуетъ прошеніе, отправленное въ 1759 г. константинопольскому патриарху Серафиму II и синоду и

подписанное митрополитами Макариемъ, Иоакимомъ и Никифоромъ, священниками въ числѣ 21, должностными клириками и почетными мірянами въ томъ же числѣ. Въ прошеніи отмѣчается попечительность великой Христовой церкви о всѣхъ автокефальныхъ помѣстныхъ церквахъ, особенно кипрской во время возникшихъ здѣсь безпорядковъ, происшедшихъ по винѣ самозваннаго архіепископа Неофита и его злыхъ сообщниковъ. При поддержкѣ великой церкви правое дѣло восторжествовало, и законный архіепископъ Филофей остался у власти. Но, удрученный болѣзнями, онъ три раза отказывался отъ архіепископской кафедры, однако, митрополитъ, клиръ и народъ удержали его. Это лишь содѣйствовало благу кипрской церкви, такъ какъ Филофей извѣстенъ своими административными способностями и всѣ клирики и міряне острова весьма довольны его управленіемъ. Но въ послѣднее время объявились новые враги этого выдающагося архіепископа, которые опять стали повсюду дѣйствовать въ пользу незаконнаго архіепископа Неофита. Они снова обратились за помощью къ великой Христовой церкви, но она ихъ отвергла. Митрополитъ, представители клира и мірянъ Кипра просятъ великую Христову церковь, чтобы она и впредь поддерживала ее законнаго архіепископа, отбѣкала негодные члены отъ общей матери церкви и всѣми средствами оказывала помощь и покровительство церкви кипрской, которую возмущаютъ ее враги.

Преемникомъ архіепископа Филофея былъ Паисій (1759—1766 г.), также одинъ изъ лучшихъ архіепископовъ Кипра по образованію и нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ родомъ изъ Киланія (на Кипрѣ) и въ теченіе 32 лѣтъ служилъ въ архіепископствѣ въ званіи діакона и архимандрита. Во время непродолжительнаго (7 лѣтъ) управленія кипрскою церковію онъ совершилъ много важныхъ и полезныхъ дѣлъ, хотя и перенесъ много страданій. Между прочимъ, островъ въ 1760 г. постигла чума, производившая здѣсь полное опустошеніе въ населеніи. Архіепископъ Паисій приложилъ всѣ усилія къ врачеванію страданій народа. Въ 1761 г. онъ послалъ въ Константинополь кипрскіе митрополита Макарія и дидаскала іеромонаха Ефрема для ходатайства предъ

правительствомъ объ уменьшеніи податей съ христіанскаго населенія. Кипрскій митрополитъ скоро возвратился на островъ, а дидаскаль Ефремъ отправился на великую лавру на Аѳонѣ и привезъ отсюда главу св. Михайла Синадскаго, дабы предотвратить на будущее время бѣдствіе на островѣ. Но едва миновала эта бѣда, какъ враги Паисія оклеветали его предъ Портой, которая и осудила его на изгнаніе. Паисій долженъ былъ бѣжать въ Бейрутъ, находившійся подъ управленіемъ автономнаго князя Ливанской горы. По требованію турецкаго правительства, архіепископомъ Кипра былъ избранъ іеродіаконъ Кипріанъ, исполнявшій обязанности дидаскала въ Константинополѣ. Но онъ не былъ хиротонисанъ въ епископа и согласился управлять кипрскою церковію лишь временно. Это былъ клирикъ просвѣщенный, избранный потомъ (1766 г.) на патриаршую александрійскую кафедру. Но на Кипрѣ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего полезнаго. Онъ не могъ и примирить здѣшнія партіи, одна изъ которыхъ продолжала признавать своимъ архіепископомъ Паисія и не входила въ общеніе съ Кипріаномъ. Послѣдній даже прибѣгъ къ мѣрамъ строгости,—заставивъ въ некоторыхъ церквахъ и монастыряхъ вносить повышенные налоги, обложивъ повинностями и частныхъ лицъ, но все-таки вынужденъ былъ оставить островъ. Паисій недолго оставался въ Бейрутѣ и, послѣ удаленія Кипріана, возвратился на Кипръ и вторично занялъ архіепископскій престолъ. Бѣдствія были удѣломъ и этой половины управленія Паисія.

Въ 1764 году на островъ явился новый турецкій паша Османъ, который сильно тѣснилъ христіанъ и требовалъ съ церковей и монастырей большіе налоги. Паисію и архіереямъ пришлось испытать много страданій, такъ какъ ихъ попытки принести на Осману жалобу не увѣнчались успѣхомъ. На этой почвѣ потомъ произошелъ на островѣ бунтъ, для усмиренія котораго прибыли турецкія войска. Столкновеніе населенія и солдатъ сопровождалось убійствами, а затѣмъ послѣдовало разслѣдованіе дѣла съ необходимыми вымогательствами и насиліями турецкихъ властей. Паисію, какъ ответственному предъ Портой представителю народа, пришлось много перестрадать и испытать

большія бѣдствія. Овъ ѣздилъ въ Константинополь для защиты христіанъ предъ Портой, собиралъ деньги для уплаты валоженной пени, защищалъ церкви и монастыри отъ посягательства турецкой администраціи. Въшшія бѣдствія не позволяли Паисію всецѣло посвятить себя благоустройству внутреннѣхъ дѣлъ церкви. Но овъ имѣлъ переписку съ дидаскаломъ Іаковомъ патмосскимъ и патриаршимъ епископомъ въ Іерусалимѣ Неофитомъ относительно внутренняго положенія церкви. Удрученный бѣдствіями и болѣзнями, подъ вліяніемъ страха отъ турокъ за свою жизнь, Паисій по совѣту врачей въ ноябрѣ 1766 г. оставилъ Левкосію и переѣхалъ въ Скалу, гдѣ 1 января 1767 г. скончался и былъ погребенъ въ храмѣ св. Лазаря.

По смерти Паисія общимъ голосомъ и рѣшеніемъ духовенства и народа на кипрскую архіепископскую кафедру былъ избранъ пафскій митрополитъ Хрисанъ (1767—1810 г.). Въшнее положеніе кипрской церкви и при этомъ архіепископѣ было весьма печально. Виновники этого были турецкіе начальники острова, которые немилосердно эксплуатировали мѣстныхъ христіанъ и старались какъ можно больше собрать съ нихъ налоговъ деньгами и натурою. Въ 1775 году правителемъ острова былъ Хаджи Баки-ага, который, вопреки всѣмъ распоряженіямъ султановъ, обложилъ каждаго христіанина налогомъ въ восемь гросіевъ. Архіепископъ Хрисанъ и архіереи заявили протестъ противъ такого произвола, но Баки-ага приказалъ взимать налогъ силою. По просьбѣ народа, всѣ архіереи тайно отправились въ Константинополь съ жалобою на притѣсненія и несправедливости пашы. Узнавъ объ этомъ, Баки-ага, съ согласія великаго визаря, издалъ приказъ схватить ихъ и отправить на Афонъ. Архіепископъ Хрисанъ едва успѣлъ избавиться отъ ссылки, скрывшася въ домѣ голландскаго консула въ Смирнѣ; митрополиты также принуждены были искать пріюта у своихъ смирнскихъ друзей. Между тѣмъ, Баки-ага получалъ изъ Константинополя разрѣшеніе избрать новыхъ архіереевъ для Кипра и немедленно приступилъ къ этому дѣлу въ отсутствіе Хрисанова и митрополитовъ, укрывшихся въ Смирнѣ. Вселенскій патриархъ Гавріилъ IV (1780—1785 г.), по требованію Порты, вынужденъ былъ даже

напасать антиохійскому патриарху Данилу, чтобы овъ отправилъ на Кипръ трехъ подчиненныхъ ему епископовъ для „хиритоніи новаго архіепископа и трехъ находившихся подъ его властію архіереевъ, какъ уже предъизбранныхъ“. Объ этомъ Данилу писалъ и Баки-ага. Но антиохійскій патриархъ понималъ, что въ этомъ дѣлѣ есть неправда и насиліе, и отказался командировать на Кипръ своихъ архіереевъ. Между тѣмъ, изъ Смирны былъ отправленъ китійскій митрополитъ Мелетій, которому и удалось исключотать у Порты разрѣшеніе архіепископу Хрисанву и архіереямъ Кипра пріѣхать въ столицу. Явившись къ султану и великому визарю, они представили убѣдительныя доказательства несправедливаго управленія Баки-аги и просили смѣстить его. Просьба ихъ была уважена. Архіепископъ Хрисанъ и пафскій митрополитъ немедленно возвратились на Кипръ, а митрополитъ китійскій и киринійскій и драгоманъ Кипра остались въ столицѣ впредъ до окончанія суда надъ Баки-агой. Судебный процессъ они выиграли, доказавъ, что Баки-ага жестоко грабилъ христіанъ, но денегъ своихъ обратно не получили отъ правительства, а, напротивъ, сдѣлали новые долги во время процесса. Возвратившись на островъ, архіепископъ Хрисанъ и архіереи нашли все здѣсь въ крайне печальномъ положеніи. Четыре архіерейскія каюдры, по вѣнѣ Баки-аги, имѣли громадный долгъ въ 484.836 гросіевъ, изъ которыхъ на архіепископію пала сумма въ 193.934 гросія. Населеніе бѣдствовало отъ голода, церковныя дѣла были въ упадкѣ, назначенные Баки-агой четыре новые архіереи (игумень обители Махера Іоанникій—архіепископъ, игумень обители Паллургіотиссы Іоакимъ—митрополитъ Пафа, игумень монастыря св. Лазаря Хрисанъ—митрополитъ Питія и экзархъ киринійской каюдры Іоанникій—митрополитъ Киринія), собравъ около себя единомышленниковъ, не хотѣли отказываться отъ власти. По ходатайству архіепископа Хрисанова, великая Христова церковь лишила священства всѣхъ этихъ лицъ, добивавшихся архіерейства изъ честолюбія, беззаконно и разбойнически, послѣ чего они раскаялись и отказались отъ своихъ притязаній. А затѣмъ, мало-по-малу, и другія церковныя дѣла стали приходить въ нормальное положеніе. Баки-ага, по смерти

великаго визаря Халиль-паша, опять стали добиваться власти на Кипрѣ. Узнавъ объ этомъ, многіе жители острова отравились въ Константинополь и предъ зданіемъ Порты устроили демонстрацію по поводу предполагаемаго назначенія Баки, заявивъ, что, если оно состоится, жители совсѣмъ уйдутъ съ Кипра и островъ опустѣетъ. Правительство послѣ этого отказалось отъ назначенія Баки.

При архіепископѣ Хрисанѣ вселенскій патриархъ Прокоій I въ 1787 г. издалъ сигилліи о возобновленіи ставропигіального достоинства монастыря Богородицы Кикка и о порядкѣ жизни въ немъ иноковъ и управленіи; сигилліи подписали и патриархи (Феодосій бывший константинопольскій и Аврамій іерусалимскій ¹⁾). Патриархъ Герасимъ III въ февралѣ 1795 г. издалъ сигилліи о ставропигіальныхъ правахъ монастыря Богородицы Махера, регулировавшій и внутреннюю здѣсь жизнь монаховъ, а также управленіе.

Архіепископъ Хрисанъ черезъ 25 лѣтъ управленія кипрскою церковію, достигъ почтенной старости и виаль въ болѣзни, такъ что не могъ и совершать богослуженія. Созвавши въ 1791 г. соборъ архіереевъ и клириковъ, онъ сообщалъ имъ о своемъ рѣшеніи отказаться отъ власти и провести остатокъ своей жизни на покой. Но соборъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ архіепископа Хрисанова и постановилъ избрать для него епископа помощника съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно обзрѣвалъ епархію епископа, какъ епитропъ, и совершалъ богослуженія и всѣ архипастырскія обязанности. Такимъ „викарнымъ“ архіереемъ былъ сдѣланъ одинъ іеромонахъ, получившій титулъ епископа тамасскаго. Черезъ десять лѣтъ епископъ Хрисанъ опять возобновилъ свою просьбу объ удаленіи съ кафедръ, такъ какъ тамасскій епископъ былъ перемѣщенъ на другую самостоятельную кафедру, — но митрополиты и клиръ опять отвергли ходатайство своего престарѣлаго и больнаго архіепископа; особенно хлопотали въ этомъ дѣлѣ митрополиты пафскій и китійскій,

оба — племянника Хрисанова. Соборъ рѣшилъ опять избрать помощника архіепископу — въ лицѣ вновь хиротонисаннаго тримифунтскаго епископа Спиридона. Однако усилія родственниковъ Хрисанова во чтобы то ни стало удержать его на престолѣ, — хотя церковныя дѣла пришли въ большой упадокъ, — возстали противъ нихъ, а также и противъ самого архіепископа многіе клириковъ и мірянъ. Въ результатѣ возникла борьба, окончившаяся тѣмъ, что архіепископъ Хрисановъ и китійскій митрополитъ Хрисановъ, по распоряженію турецкаго правительства, были лишены своихъ кафедръ и удалены въ ссылку на островъ Евбею. Вниманіе большинства киприятъ послѣ этого было сосредоточено на іеромонахѣ Киприанѣ, который состоялъ экономомъ архіепископіи. Это былъ просвѣщенный, умный и дѣятельный клирикъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ за свои разнообразныя услуги родитѣй. Въ 1804 г., когда городъ Левкосія, вслѣдствіе столкновенія съ турецкимъ пашей, подвергся иривильной осадѣ со стороны турецкихъ войскъ, іеромонахъ Киприанъ, во главѣ посольства, назначеннаго растерявшимся населеніемъ, вступилъ съ турками въ переговоры и достигъ временнаго съ ними соглашенія, спасшаго городъ отъ разгрома, а жителей отъ истребленія, послѣ же добился заступничества за грековъ у европейскихъ консуловъ. Киприанъ принималъ главное участіе и въ управленіи церковными дѣлами архіепископіи, такъ какъ архіепископъ Хрисановъ, вслѣдствіе болѣзни и старости не могъ ими заниматься. Около Киприана образовалась сильная партія, которая, вѣроятно, и подготовила насильственное удаленіе престарѣлаго Хрисанова съ архіепископской кафедры съ тѣмъ, чтобы предоставить ее молодому, образованному и энергичному Киприану.

Киприанъ единогласно былъ избранъ архіепископомъ, но хиротоніи принять не могъ, такъ какъ его предшественникъ по кафедрѣ Хрисановъ, насильственно низложенный съ престола распоряженіемъ турецкаго правительства, не принесъ каноническаго отреченія отъ власти, да и не соглашался дать его, въ виду вмѣшательства Порты въ церковное дѣло. При такихъ обстоятельствахъ архіереи Кипра и вновь избранный архіепископъ обратились за содѣйствіемъ къ архіепископу Синая Константины

¹⁾ Ставропигіальные права этого монастыря были потомъ подтверждены вселенскимъ патриархомъ Кирилломъ VI въ сентябрѣ 1815 г.

(впослѣдствіи—вселенскому патриарху) временно находившемуся въ Ларнаксѣ, и просили его указать имъ выходъ изъ затрудненія. Константій рекомендовалъ имъ обратиться за содѣйствіемъ къ константинопольской церкви, которая одна компетентна дать разрѣшеніе на хиротонію Кипріана. 28 іюня 1810 г. митрополиты Кипра (Хрисанвъ пафскій и Евгеній киринійскій), должностные клирики архіепископіи (экономъ Николай, сакелларій Христудуль, риторъ Давидъ, примкирій Христудуль, сакеллій Савва) и другіе священники обратились къ великой Христовой церкви съ прошеніемъ, гдѣ указавъ на изгнаніе кипрскаго архіепископа Хрисанва и китійскаго митрополита Хрисанва, которому (изгнанію) ихъ подвергло турецкое правительство, и на избраніе ихъ преемниками іеромонаха эконома Кипріана и архимандрита Мелетія, просили дать разрѣшеніе пребывающему на островѣ синайскому архіепископу Константію вмѣстѣ съ другими архіереями хиротонисать ихъ въ епископскій санъ. 15 іюля того же года патриархъ Іеремія III и синодъ особою грамотою, отправленною на имя синайскаго архіепископа Константія, предложили ему и двумъ кипрскимъ митрополитамъ, по просьбѣ клира и народа кипрской церкви, хиротонисать Кипріана въ санъ архіепископа острова и Мелетія въ санъ китійскаго митрополита.

Архіепископъ Кипріанъ (1810—1821 г.) былъ выдающимся архипастыремъ кипрской церкви. Онъ упорядочилъ теченіе церковныхъ дѣлъ на островѣ, энергично защищалъ народъ отъ притѣсненій турецкихъ властей, заботился о просвѣщеніи духовенства и народа. Между прочимъ, 1 января 1812 г. онъ учредилъ въ Левкосіи при архіепископіи греческую школу, посвященную Св. Троицѣ, для обученія греческой молодежи въ духѣ православной церкви и для подготовки клириковъ. Школа имѣла большое значеніе для греческаго населенія, образовательный уровень котораго былъ вообще не высокъ, и привлекала учащихся со всего острова. Но всѣ плоды неустанныхъ и разнообразныхъ трудовъ Кипріана по благоустройству церковно-общественной жизни на островѣ были грубо уничтожены турками въ 1821 г.,

при чемъ мученически скончался и самъ архіепископъ съ другими іерархами и клириками. Когда возникло греческое возстаніе противъ турокъ, населеніе Кипра находилось внѣ общенія съ нимъ и не считало для себя удобнымъ примкнуть къ этому опасному движенію. Греческое населеніе острова, хотя и вдвое превосходило по численности населеніе мусульманское, но было безоружно, затѣмъ оно жало разобщенно и, наконецъ, было окружено мусульманскимъ населеніемъ (Египта, Сиріи и Киликіи), которое всегда могло подавить греческое возстаніе. Тѣмъ не менѣе, когда въ Константинополѣ начался терроръ, то и на Кипрѣ былъ посланъ приказъ отобрать у христіанъ и то немногое оружіе, которое они имѣли. Мусулмимъ острова Кучукъ-Мехмедъ исполнилъ приказъ правительства, а затѣмъ, желая обогатиться на счетъ кипрскихъ христіанъ, отправилъ въ Константинополь списокъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало предать смерти за поддержку и сочувствіе мятежникамъ. Въ списокъ было занесено 486 человекъ, въ томъ числѣ архіепископъ, три митрополита, игумены всѣхъ монастырей, почетные клирики прѣстолы всѣхъ греческихъ кинотовъ острова. Порта утвердила списокъ въ цѣломъ объемѣ и приказала Кучукъ-Мехмеду умертвить всѣхъ названныхъ въ каталогѣ лицъ, а имущество ихъ конфисковать. Мехмедъ началъ съ того, что въ іюнѣ 1821 г. заключилъ представителей общинъ въ тюрьму, а всѣхъ архіереевъ вызвалъ въ Левкосію, потребовалъ отъ нихъ заложниковъ въ лицѣ почетнѣйшихъ должностныхъ клириковъ и задержалъ въ городѣ тѣхъ и другихъ. Въ іюлѣ въ Левкосію были созваны всѣ турецкіе начальники острова, посвящены въ распоряженіе султана и получили приказъ его исполнить. 9 іюля Левкосія была мѣстомъ ужаснѣйшихъ событій. Съ утра ворота города были закрыты и туркамъ было дано повелѣніе избивать христіанъ. Прежде всего были обезглавлены три митрополита—Хрисанвъ пафскій, Мелетій китійскій и Лаврентій киринійскій. Кучукъ-Мехмедъ сперва увѣрилъ архіепископа Кипріана въ безопасности, а потомъ самъ привелъ его къ висѣлицѣ, устроенной на вѣтвяхъ смоковницы. На соеднѣемъ

платанъ былъ повѣшенъ его архидіакономъ и секретарь. Въ тотъ же день были обезглавлены три прозетоса христіанъ, а на слѣдующій день были умерщвлены игумены монастырей и многіе изъ гражданъ. Избіеніе христіанъ продолжалось десять дней. Изъ богѣе или менѣе выдающихся жителей острова отъ смерти спаслись только тѣ немногіе, которые прибѣгли къ покровительству иностранцевъ и европейскихъ консуловъ. Почти все движимое и недвижимое имущество умерщвленныхъ епископовъ, клириковъ и христіанъ, а равно церквей и монастырей было расхищено и конфисковано мусульманами и Кучукъ-Мехмедомъ. Вскорѣ послѣ убійства архіереевъ Кучукъ-Мехмедъ пригласилъ къ себѣ задержанныхъ заложниковъ—архіерейскихъ клириковъ, одѣлъ ихъ въ особыя одежды и объявилъ гражданскими преемниками умерщвленныхъ іерарховъ; посадивъ ихъ потомъ на муловъ, на которыхъ прибыли въ Левкосію архіереи, Мехмедъ отправилъ ихъ, въ сопровожденіи отряда солдатъ, въ архіепископію. Христіане, получивъ отъ мусульманъ трупы умерщвленныхъ епископовъ и другихъ жертвъ турецкаго звѣрства, похоронили ихъ въ отрадѣ храма Фанеромены, гдѣ они и оставались до 1872 года, когда храмъ былъ вновь построенъ и кости мучениковъ были погребены въ предѣлахъ алтаря.

Когда на Кипрѣ наступило относительное спокойствіе, клирики различныхъ епархій обратились къ великой Христовой церкви съ просьбою помочь имъ въ замѣщеніи вакантныхъ архіерейскихъ кафедръ. Они сообщили, что уже намѣтили для этой цѣли вполне компетентныхъ лицъ, и просили вселенскаго патріарха снести съ патріархомъ антиохійскимъ, чтобы послѣдній прислалъ на островъ трехъ подчиненныхъ ему архіереевъ для хиротоніи новыхъ кипрскихъ епископовъ. Вселенскій патріархъ Евгенийъ, напуганный бѣдствіями бывшаго въ Константинополѣ террора, отвѣтилъ кипрскимъ клирикамъ, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ просьба ихъ трудно исполнима, и совѣтовалъ имъ на время успокоиться, пока великая церковь не укажетъ, что слѣдуетъ имъ дѣлать. Клирики благодарили патріарха за будущую о нихъ попечительность, но и сообщили его свя-

тѣйшеству, что кипрская церковь, какъ автокефальная, издревле пользуется правомъ избирать и хиротонисать епископовъ соборомъ своихъ іерарховъ, но въ данномъ случаѣ—положеніе исключительное, и не будетъ никакого соблазна, если на Кипрѣ придутъ архіереи изъ сосѣдней Финикіи и, съ согласія своего патріарха и по просьбѣ кипрскихъ клириковъ, совершатъ хиротонію мѣстныхъ епископовъ; разумѣется, предварительно будетъ испрошено разрѣшеніе турецкаго правительства. Послѣ второй просьбы кипрянъ патріархъ Евгенийъ обратился къ антиохійскому патріарху Серафиму съ предложеніемъ послать на Кипрѣ трехъ подчиненныхъ ему митрополитовъ для хиротоніи вновь избранныхъ трехъ епископовъ. Одновременно и киприане обратились къ Серафиму съ аналогичною просьбою. Антиохійскій патріархъ командировалъ на островъ митрополитовъ Іоаннікія епифанійскаго, Геннадія селевкійскаго и Меодія емесскаго, которые, прибывъ въ Левкосію, хиротонисали въ архіепископа Кипра іеромонаха Іоакима, эконома монастыря Апостола Варнавы, въ митрополита Пафа—архидіакона Панарета, въ митрополита Китія—архимандрита Леонтія и въ митрополита Кириніи—экзарха Дамаскина. Всѣ четыре хиротоніи были совершены въ декабрѣ 1821 г. Новыя избранные іерархи были признаны и турецкимъ правительствомъ, и каждый изъ нихъ вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ управленіе своей паствой.

Архіепископъ Іоакимъ (1821—1824 г.) не отличался выдающимися достоинствами, хотя, какъ и другіе епископы острова, принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ кипрскаго духовенства своего времени. Онъ, между прочимъ, прекрасно звалъ турецкій языкъ. Онъ недобровольно оставилъ архіепископскій престолъ, такъ какъ между нимъ и паствой возникли разногласія. Духовенство и народъ Кипра, недовольные Іоакимомъ, обратились съ жалобою къ турецкому правительству и обвинили его въ административной неопытности, въ неумѣнн и нежеланіи учить народъ, въ неспособности къ гражданскому представительству. Порта преслѣдовала эту жалобу въ синодѣ великой Христовой церкви. По этому поводу вселенскій патріархъ Анонъ III и синодъ въ сентябрѣ 1823 г. отправили

на Кипръ три посланія — одно клиру и народу съ увѣщаніемъ прекратить споръ съ архіепископомъ и холодныя и недоброжелательныя къ нему отношенія, замѣнивъ ихъ любовію и послушаніемъ, второе къ архіепископу Іоакиму съ сообщеніемъ о жалобѣ клира и народа и о недовольствахъ Порты этимъ, а также съ увѣщаніемъ принять все мѣры къ правильному исполненію своихъ обязанностей, и третье — къ митрополитамъ Кипра, которымъ была поставлена на видъ неактивность ихъ дѣйствій въ столкновеніи между паствой и архіепископомъ, ибо они, — вмѣсто того, чтобы благотворно воздѣйствовать на народъ, — индифферентно относились къ столкновенію и не принимали никакихъ мѣръ къ его прекращенію; патріархъ и синодъ рекомендовали имъ содѣйствовать примиренію между враждующими сторонами. Въ другомъ посланіи къ архіепископу Іоакиму (отъ 27 сентября 1823 г.) патріархъ Аноимъ и синодъ выражали свое удовольствіе по тому поводу, что на Кипрѣ наступило нѣкоторое умиротвореніе, и рекомендовали архіепископу продолжать свою политику въ примирительномъ направленіи, такъ какъ правительство готовится къ реформамъ, а великая церковь, въ свою очередь, будетъ прилагать усилія къ созданію наиболее благоприятныхъ условий для жизни ромейской райи. Въ ноябрѣ (17) того же года патріархъ Аноимъ III писалъ клиру и народу Кипра, предлагая съ любовію встрѣтить новаго антиохійскаго патріарха Меодія, управляющаго какъ своей паствѣ. 28-го декабря 1823 г. патріархъ рекомендовалъ архіепископу Іоакиму распорядиться, чтобы киприаче не чинили препятствій французскимъ купцамъ въ производствѣ торговли, на что жаловался французскій консуль. Въ 1824 г. между архіепископомъ и паствой существовали прежнія разногласія, и патріархъ Аноимъ выражалъ скорбь церкви по поводу непрекращающихся здѣсь безпорядковъ. Но Іоакимъ не отвѣчалъ патріарху на его увѣщательныя грамоты, а патріархъ не разъ выражалъ свое неудовольствіе и недоуміе по поводу этого молчанія. Въ срединѣ 1824 г. Іоакимъ принесъ каноническое отреченіе отъ архіепископской власти.

Его преемникъ Дамаскинъ (1824—1827 г.),

бывшій митрополитъ киринійскій, имѣлъ постоянныя столкновенія съ правителемъ Кипра Али-Руки, очень жестоко и несправедливо относившимся къ христіанамъ. Руки оклеветалъ архіепископа — защитника предъ Портой, по распоряженію которой Дамаскинъ былъ сосланъ въ Спарту. Константинопольскіе патріархи Хрисавозъ I и Агафангелъ I имѣли съ Дамаскиномъ переписку по дѣламъ ставропигіальнаго монастыря Кикка и по поводу долговъ архіепископѣ частнымъ лицамъ. Въ маѣ 1827 г. патріархъ Агафангелъ обратился къ духовенству и народу Кипра съ запрещеніемъ вступать въ бракъ съ армянами и угрожалъ отлученіемъ какъ непосредственнымъ виновникамъ, такъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ такимъ бракамъ; имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, тѣ случаи, когда православныя женщины, поступая въ услуженіе къ армянамъ, измѣняли вѣрѣ отцовъ.

Великая церковь не забывала о Дамаскинѣ и въ изгнаніи и оказывала ему моральную и матеріальную помощь. Дамаскинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія, возвратился на Кипръ и получилъ въ управленіе китійскую митрополию, предромъ которой и состоялъ до самой смерти своей.

Преемникомъ Дамаскина былъ Панареть (1827—1840 г.), перемѣщенный на архіепископскую кафедру съ митрополитчьеѣ кафедры Пафа. Панареть занялъ себя, прежде всего, заботами о внѣшнемъ благосостояніи ромейской райи Кипра. Въ 1830 г. онъ созвалъ собраніе изъ представителей народа, на которомъ была избрана четырехчленная коммиссія и отправлена въ Константинополь для ходатайства о нуждахъ бѣдныхъ жителей острова. Коммиссія успѣшно выполнила свое дѣло и получила шесть опредѣленій султана о милостяхъ къ бѣднякамъ и добилась прощенія долга съ острова до 700.000 піастровъ. Въ 1837 г. Панареть, по общему рѣшенію клира и народа, послалъ въ Константинополь новую епитропію, которая исходптала уменьшеніе годовыхъ податей съ острова до 3.179.082 піастровъ (или гроеіевъ по 8 коп.); кромѣ того, жители острова должны были платить 480.000 гроеіевъ турецкому пашѣ и 120.000 начальнику военнаго гарнизона. Панареть и лично ходатайствовалъ предъ Портой о различныхъ общественныхъ и экономиче-

скихъ нуждахъ христіанъ и, болышею частію, достигали своихъ цѣлей, пользуясь содѣйствіемъ вселенскихъ патріарховъ Агаангела I, Константія I и Григорія VI. Между прочимъ, патріархъ Константій въ своемъ посланіи въ іюль 1830 г. рекомендовалъ Панарету заботиться объ успокоеніи умовъ на Кипрѣ, въ виду возникшихъ здѣсь общественныхъ движеній. Тотъ же патріархъ извѣстилъ Панарета (4 апрѣля 1831 г.), что правительство готовится оказать острову новыя милости по поводу его ходатайства и т. д. Впрочемъ, въ одномъ посланіи 1831 г. патріархъ сообщилъ архіепископу, что на него принесена жалоба за бездѣятельность, и рекомендовалъ ему усердно заниматься дѣлами архіепископскаго престола. Далѣе, архіепископъ Панаретъ возстановилъ въ Левкоші греческую школу (въ 1830 г.), которая прекратила существованіе въ 1821 г., пригласивъ сюда дидакаломъ питомца народной школы въ Константинополь Онуфрія Микеллида и вообще заботился о просвѣщеніи клира и мірянъ острова. Когда на Востокѣ распространилось антицерковное ученіе Теофила Каира, то Панаретъ распространялъ на островѣ окружныя противъ него посланія, составленныя вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ VI. Архіепископы имѣли переписку съ вселенскими патріархами по дѣламъ брачнымъ и монастырскимъ. Между прочимъ, патріархъ Константій I по мотивамъ „экономіи“ разрѣшилъ бракъ въ шестой степени кровнаго родства (дочери консула Антонія Вондикіана), приказавъ совершить его тайно, во избѣжаніе соблазна. Но архіепископія по прежнему была обременена долгами. Объ общемъ же положеніи кипрской церкви въ это время можетъ свидѣтельствовать и такой фактъ. Христіане Венеціи подарили нѣсколько колоколовъ монастырямъ св. Мамата, Нерукотвореннаго Спаса и св. Павтелеймона. По этому поводу австрійскій консулъ Антоній Капрара обратился къ Портѣ съ просьбою разрѣшить монастырямъ пользоваться подаренными колоколами. 2 августа 1840 г. патріархъ Аноимъ IV увѣдомилъ консула, что разрѣшенія на это правительствомъ не дано, такъ какъ христіане турецкой имперіи могутъ пользоваться въ храмахъ только бѣлами.

Среди кипрскихъ бѣглецовъ 1821 г. былъ,

между прочимъ, архіепископскій экзархъ Іоанникій, который благополучно прибылъ въ Парижъ, гостеприимно здѣсь былъ принятъ и даже получалъ отъ французскаго правительства 250 франковъ ежемѣсячно на свое содержаніе. Когда въ Парижъ пріѣхалъ известный турецкій дѣятель Решидъ-паша, то онъ, познакомившись съ Іоанникіемъ, взялъ его съ собою въ Константинополь, а потомъ отправилъ въ 1839 г. на Кипръ, назначивъ жалованье въ 1.000 гросевъ ежемѣсячно. Въ это время положеніе кипрскаго архіепископа Панарета сдѣлалось уже непрочнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ борьбу двухъ мѣстныхъ партій и возстановилъ противъ себя народныхъ представителей. Враждебная Панарету партія, желая добиться его низложенія, сгруппировалась около Іоанникія и рекомендовала его правительству, какъ достойнаго претендента архіепископской власти. Это ей и удалось достигнуть при содѣйствіи Порты, и Панаретъ вынужденъ былъ принести отреченіе отъ власти (13 октября 1840 года) и удалился въ монастырь св. Честнаго Креста. Его сторонники дважды потомъ пытались возстановить его на престолѣ, но всякій разъ встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны партіи Іоанникія и турецкихъ чиновниковъ. Между прочимъ, вселенскій патріархъ Германъ IV, въ отвѣтъ на просьбу димогеронтовъ и прокритовъ острова, ходатайствовавшихъ въ пользу возвращенія Панарета, 9 августа 1842 г. писалъ, что по дѣлу будетъ произведено разслѣдованіе на мѣстѣ и христіане, какъ истинные сыны церкви, обязаны говорить на допросѣ одну только правду. Панаретъ въ глубокой старости скончался въ монастырѣ Честнаго Креста.

Архіепископъ Іоанникій (1840—1849 г.), по примѣру своихъ предшественниковъ, защищалъ свою паству отъ притѣсненій турецкихъ чиновниковъ, посылалъ въ Константинополь своихъ представителей (1842 г.) для ходатайства о нуждахъ народа, не разъ писалъ вселенскимъ патріархамъ объ этихъ нуждахъ и просилъ помощи и содѣйствія предъ Портой (напр., въ 1845 году—патріарху Мелетію III), самъ путешествовалъ въ Константинополь (1848 г.) для непосредственной защиты интересовъ своей паствы. Но во времена Іоанникія политическое зна-

ченіе кипрскаго архіепископа уменьшилось и не имѣло прежнихъ границъ. Такъ, раньше архіепископъ имѣлъ возможность облегчать положеніе бѣдныхъ христіанъ при сборѣ податей, который производился при содѣйствіи уполномоченныхъ отъ архіепископа, а теперь сборами стали завѣдывать исключительно турецкіе чиновники, которые безжалостно взыскивали налоги и повинности и съ бѣдныхъ христіанъ. Далѣе, архіепископъ Іоанникій прислалъ патриарху Герману IV 5.000 гросіевъ на содержаніе вновь открывавшейся богословской школы въ монастырѣ Св. Троицы на Халкѣ, хотя финансовое положеніе архіепископіи было очень стѣсненное.

По смерти Іоанникія, его преемникомъ былъ избранъ Кириллъ (1849 — 1854 г.), родственникъ архіепископа-мученика Кипріана. Онъ отличался опытностію въ церковныхъ дѣлахъ и пользовался уваженіемъ народа за свои гражданскія заслуги, такъ какъ не разъ путешествовалъ въ Константинополь для ходатайства о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ. 2 мая 1849 г. патриархъ вселенскій Авеній IV привѣтствовалъ Кирилла съ избраніемъ и выражалъ увѣренность въ плодотворности его управления кипрскою церковію. И о Кириллѣ дѣйствительно извѣстно, что на архіепископской кафедрѣ онъ оказался на высотѣ призванія и успѣшно руководилъ церковною жизнью острова. Но управленіе его, вслѣдствіе кратковременности, не могло ознаменоваться дѣлами выдающагося значенія. Онъ скончался въ 1854 году вслѣдствіе перенесенныхъ имъ сильныхъ волненій, вызванныхъ опасеніями за свою жизнь и за судьбу греческаго народа. Когда началась крымская война, — на Кипрѣ были распространены анонимные листки, призывавшіе грековъ къ возстанію. Составителемъ ихъ былъ, какъ впоследствии оказалось, учитель греческой школы въ Левкосіи Епаминондъ Франгудисъ, жившій въ архіепископіи. Лишь только турки узнали объ этихъ листкахъ, немедленно потребовали у властей отобрать у христіанъ оружіе и принять мѣры къ подавленію готовящагося возстанія. Хотя реальныхъ его признаковъ не было, но общественное мнѣніе стало обвинять Кирилла въ сочувствіи мятежу и въ покровительствѣ его участникамъ. Кириллу стоило большихъ трудовъ

убѣдить мусульманъ въ томъ, что греки и не думаютъ о возстаніи, а воззваніе къ нему есть дѣло одного лица. Онъ предотвратилъ надвигавшуюся на народъ бѣду, но самъ отъ волненій заболѣлъ и въ іюнѣ 1854 г. скончался въ монастырѣ Ираклида.

Счастливецъ Кирилла былъ его преемникъ архіепископъ Макарій (1854 — 1865 г.). Онъ 27 лѣтъ служилъ въ архіепископіи діакономъ, былъ человѣкъ разумный и осторожный и въ теченіе 11 лѣтъ мирно и благополучно правилъ церковію. Главное свое вниманіе Макарій сосредоточилъ на просвѣщеніи клира и народа. Въ Левкосіи онъ покровительствовалъ школамъ—греческой, для которой назначилъ трехъ учителей, и взаимнаго обученія, увеличивъ ее средства. Въ городѣ не было женской школы, и Макарій, при содѣйствіи синаита-протосинокелла Григорія и митрополитовъ іерусалимской церкви (уроженцевъ Кипра) Мелетія петро-аравійскаго и Филимона газскаго, открылъ такую школу въ 1857 г., обезпечивъ ее существованіе постоянными взносами церкви, монастырей и христіанъ архіепископіи. Макарій на собственные средства обучалъ стипендіатовъ въ школахъ Ливіи. Архипастырь поощрялъ и христіанъ подчиненныхъ ему городовъ и селъ къ устройству школъ, и при его нравственномъ содѣйствіи во многихъ мѣстахъ Кипра были открыты училища греческія, взаимнаго обученія и женскія. Въ 1862 — 1863 г. онъ перестроилъ зданіе архіепископіи, въ частности—домъ для синодальныхъ застѣваний. И въ гражданско-политическомъ отношеніи дѣятельность Макарія была успѣшна. Онъ удачно ходатайствовалъ предъ правительствомъ по дѣламъ народа, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ турецкими властями и даже пользовался уваженіемъ ихъ и мусульманскаго населенія острова. Съ вселенскими патриархами онъ находился въ перепискѣ по дѣламъ ставропигіальныхъ монастырей на Кипрѣ и дѣйствовалъ прижизненно къ ихъ распоряженіямъ. Макарій скончался 4 августа 1864 года въ Левосіи отъ холеры, свирѣпствовавшей на Кипрѣ,—такъ какъ не хотѣлъ и на короткое время оставить свою паству, за которую онъ, какъ пастырь добрый, и душу свою положилъ.

Когда скончался архіепископъ Макарій,

многіе изъ жителей городовъ, боясь холеры, оставили свои дома и удалились въ села на возвышенныхъ мѣстахъ острова. Поэтому избраніе новаго архіепископа было отложено на три мѣсяца, пока болѣзнь не прекратилась. Затѣмъ три митрополита и представители всего острова устроили избирательное собраніе, на которомъ архіепископомъ былъ избранъ схолярхъ школы въ Левкосіи Софроній (1865—1900 г.). Софроній принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся архіепископовъ острова. Онъ отличался обширнымъ образованіемъ, прекраснымъ даромъ слова и пользовался большою любовью народа за помощь въ несчастіяхъ и содѣйствіе всякому доброму дѣлу. Вступивъ на архіепископскій тронъ, Софроній первой своей заботой имѣлъ религиозно-нравственное просвѣщеніе пастыи. Онъ съ большою ревностію занимался проповѣдью слова Божія въ городахъ и селахъ своей епархіи, которую ежегодно обозрѣвалъ для непосредственнаго ознакомленія съ дѣлами и для поученія народа. Онъ и поощрялъ христіанъ строить школы, слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ своего предшественника. Въ первые годы управленія Софронія христіане Кипра много страдали отъ бездождія, засухи и саранчи. Архіепископъ вмѣстѣ съ турецкими властями принималъ мѣры борьбы съ саранчюю, ходатайствовалъ предъ правительствомъ о снабженіи жителей хлѣбомъ и сѣменами и вообще проявилъ удивительную энергію въ защитѣ интересовъ ромейской райи. Ему удалось также добиться выдѣленія Кипра въ административномъ отношеніи изъ помархіи острововъ и образовать здѣсь самостоятельный округъ съ правами непосредственнаго обращенія администраціи къ народу къ турецкому правительству. За свою дѣятельность архіепископъ пользовался уваженіемъ даже мусульманъ. Извѣстенъ берать, данный архіепископу Софронію султаномъ Абдулъ-Азисомъ въ 1865 г. относительно его правъ и преимуществъ. Интересно ознакомиться съ этимъ документомъ, который проливаетъ свѣтъ на характеръ и предѣлы власти архіепископовъ Кипра и вообще на положеніе мѣстной церкви въ эпоху турецкаго здѣсь владычества.

Софроній наследовалъ архіепископію Кипра согласно древнему обычаю. Находящіяся подъ его юрисдикцію мѣстные митрополиты,

епископы, игумены, священники, монахи всѣ христіане, по древнему обычаю и религиозной обязанности, должны признавать его архіепископомъ и не должны выходить изъ-подъ послушанія ему. Никто другой не можетъ препятствовать Софронію въ его архіепископскомъ достоинствѣ, вмѣшиваться въ его дѣла и причинять ему безпокойство. Никто безъ высочайшаго повелѣнія не можетъ изъять изъ его власти издревле подчиненные архіепископу Кипра церкви и монастыри. Никто не долженъ вмѣшиваться въ дѣла его епархіи, имѣющей установленныя издревле границы и права. Безъ письменнаго разрѣшенія архіепископа никто не занимаетъ мѣсто митрополита или епископа, не допускается и пріобрѣтеніе или уменьшеніе ихъ правъ. Когда христіанинъ желаетъ жениться или развестись по своимъ религиознымъ правиламъ, то въ этомъ посредствуетъ архіепископъ или его епитропы, назначенные царскимъ опредѣленіемъ, и никто другой не вмѣшивается и не принимаетъ въ этомъ участія. Если кто-либо изъ монаховъ и остальныхъ христіанъ посвятивъ предъ смертію что-либо обѣднмъ церквамъ или архіепископу, согласно своимъ религиознымъ обычаямъ, то онъ, архіепископъ, принимаетъ это въ присутствіи свидѣтелей христіанъ. Когда подчиненные архіепископу митрополиты, епископы, игумены, священники и остальные монахи нарушаютъ свои религиозныя обязанности и совершаютъ преступленіе, то они наказываются архіепископомъ соотвѣтственно религиознымъ правиламъ, дабы раскаялись и исправились, и никто другой не имѣетъ права вмѣшиваться въ эти дѣла. Если кто-либо изъ священниковъ и патриаршихъ епитроповъ противозаконно совершитъ бракъ, безъ разрѣшенія и согласія архіепископа, то онъ подвергается суду и наказанію. Когда, согласно религиознымъ правиламъ, надлежитъ удалить или заѣмнить митрополитовъ, епископовъ, священниковъ, монаховъ и игуменовъ, то архіепископъ поступаетъ примѣнительно къ религиознымъ своимъ правамъ, при чемъ объ этомъ сообщается въ столицу имперіи; вновь назначенныя или перемѣщенныя духовныя лица вносятъ въ государственную казну установленныя пошлины и получаютъ султанскій берать на свои мѣста и необходимыя священныя повелѣнія. Архіепископъ имѣетъ

право получать съ митрополитовъ, клириковъ, монаховъ и христіанъ установленные денежные взносы; турецкіе чиновники, въ случаѣ необходимости, содѣйствуютъ ему въ ихъ взиманіи. Въ взносы отъ христіанъ, церковей и монастырей должны безпрепятственно доставляться архіепископу. Архіепископъ имѣетъ право водворять въ монастыряхъ тѣхъ монаховъ, которые изъ любви къ мірскимъ интересамъ оставляютъ ихъ и поступаютъ несогласно съ церковно-религиозными предисавіями. Въ случаѣ опасности, грозящей архіепископу и митрополитамъ, они съ цѣлю избѣжать ее могутъ передѣваться (*μετασχηματίζονται*), а въ случаѣ необходимости турецкіе чиновники и солдаты съ оружіемъ въ рукахъ должны защищать ихъ жизнь. Никто не долженъ насильственно обращать христіанина въ мусульманскую вѣру. Подчиненные архіепископу митрополиты, въ случаѣ необходимости поѣхать по своимъ дѣламъ въ столицу, могутъ сдѣлать это лишь съ разрѣшенія архіепископа, и никто другой не долженъ ему препятствовать въ этомъ. Если митрополиты и епископы будутъ платить архіепископу свой каноническій взносъ не деньгами, а тканями и одеждами, то турецкія власти и таможенные чиновники не должны беспокоить архіепископскихъ епитроповъ какими-либо повинностями и пошлинами, когда они будутъ отправлять эти предметы по назначенію. Турецкіе чиновники не должны предъявлять никакихъ требованій о пошлинахъ и повинностяхъ за принадлежащіе архіепископу виноградники, на вино, масло, медъ и другіе продукты, данные ему по древнему обычаю христіанами. Священные земли, принадлежащія церковамъ архіепископші, виноградники, метохы, пастбища, священные источники (агазмы), мельницы, инвентарь и т. д.— все это находится во владѣніи и завѣдываніи архіепископа, и никто другой не предъявляетъ на нихъ права. Когда отъ имени пашей, кади и наубовъ будетъ представлено прошеніе противъ того или другого митрополита или епископа Кипра съ обвиненіемъ его въ дурной жизни и съ ходатайствомъ объ изгнаніи или изложеніи ихъ, то предварительно необходимо произвести разслѣдованіе обвиненія, а потомъ по дѣлу издается высокой фирманъ, безъ котораго вся жалоба не имѣетъ силы.

Но и въ случаѣ изданія фирмана обвиняемые могутъ обращаться къ правительству съ своими прошеніями и разъяснять пункты ихъ обвиненій. Если христіане при жизни своей посвящаютъ церкви или завѣщаютъ въ пользу архіепископа, митрополитовъ и епископовъ какія-либо вещи, согласно обычаямъ своей вѣры, то ихъ наслѣдники обязаны исполнить посмертную волю жертвователей. Никто не долженъ препятствовать митрополитамъ, епископамъ или ихъ уполномоченнымъ получать съ христіанъ установленные каноническіе взносы. Когда между двумя христіанами возникнетъ споръ относительно брака или развода или другихъ дѣлъ, то архіепископъ съ согласіемъ ихъ разбираетъ возникшее дѣло. Когда христіане, по обрядамъ своей вѣры, привосятъ присягу или подвергаются церковному наказанію, то турецкія судебныя власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ эти дѣла и причинять какое-либо безпокойство. Безъ согласія и разрѣшенія архіепископа и митрополитовъ находящіеся подъ ихъ духовной юрисдикціей священники не могутъ совершать браки, несогласные съ религиозными опредѣленіями и канонами. Когда умираютъ митрополиты, епископы, монахи и монахини, не имѣющіе наслѣдниковъ, то все ихъ имущество получаетъ архіепископъ, а турецкіе чиновники не должны предъявлять на него правъ казны. Если кто-либо изъ сильныхъ людей станетъ требовать, чтобъ былъ совершенъ бракъ вопреки церковнымъ опредѣленіямъ, то ихъ насиліе должно быть отвергнуто. Равнымъ образомъ не должны удовлетворяться и требованія какихъ-либо сильныхъ людей о перемѣщеніи священниковъ съ одного прихода въ другой. Никто не долженъ препятствовать архіепископу въ томъ случаѣ, когда онъ для наказанія или исправленія христіанъ подвергаетъ ихъ отлученію. Когда умираютъ лица, находившіяся подъ церковнымъ отлученіемъ за незаконный бракъ или по другой винѣ, то никто изъ судебныхъ и гражданскихъ властей острова не долженъ заставлять священниковъ совершать отпѣваніе и погребеніе умершихъ по христіанскому обряду. Никто не долженъ препятствовать архіепископу перемѣщать и вообще наказывать епископовъ и священниковъ за церковно-религиозныя проступки. Когда христіане по завѣщанію оставляютъ въ пользу церкви, мона-

стыря и архіепископа третью часть своего имущества, то онъ безпрепятственно долженъ получать это отъ наследниковъ. Когда по опредѣленію гражданского суда предстоитъ задержать священника, монаха или монахиню, то это задержаніе должно производиться чрезъ посредство архіепископа. Когда монахи, не принадлежащіе къ какой-либо одной церкви или монастырю, станутъ переходить съ мѣста на мѣсто и производить соблазны, то архіепископъ имѣетъ право ихъ задержать и наказать. Архіепископъ имѣетъ долгъ ежегодно контролировать денежные отчеты епитроновъ церквей и монастырей и, въ случаѣ замѣченныхъ неправильностей, можетъ требовать чрезъ гражданскій судъ возмѣщенія виновными причиненныхъ убытковъ, а также смѣщать однихъ епитроновъ и назначать другихъ и никто не имѣетъ права препятствовать ему въ этомъ. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать митрополитамъ и епископамъ въ исполненіи ихъ обязанностей и причинять имъ какіе-либо убытки. Въ случаѣ ихъ смерти, преемникамъ ихъ, согласно древнему обычаю, должны быть выданы царскіе бераты. Архіепископъ Кипра безъ вины не лишается власти и не замѣняется другимъ лицомъ, пользующимся покровительствомъ гражданскихъ властей. Прошенія архіепископа, представляемыя правительству, должны приниматься, а его ходатайства по религиознымъ дѣламъ должны благосклонно выслушиваться. Относительно кандидатовъ архіепископства у правительства не должно быть и малѣйшаго подозрѣнія, такъ какъ епископами избираются лица свѣдущія, преданныя религиознымъ обязанностямъ, правоспособныя во всѣхъ отношеніяхъ и безукоризненныя съ гражданско-политической точки зрѣнія. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать архіепископу держать въ рукѣ жезлъ, ѣхать на конѣ или мулѣ. Вопреки волѣ архіепископа никто не долженъ являться къ нему на служеніе и причинять беспокойство своими требованіями. Вообще, въ дѣлахъ религіознаго управленія архіепископъ долженъ быть свободенъ и независимъ отъ всякихъ постороннихъ притязаній.

Архіепископъ Софроній пережилъ конецъ турецкаго владычества на Кипрѣ, отразившагося крайне неблагопріятно на положеніи

мѣстной православной церкви, и былъ первымъ (и пока единственнымъ) первоіерархомъ ея въ новую эпоху ея исторіи — подъ англійскимъ протекторатомъ острова.

IV. Въ 1878 году Кипръ былъ оккупированъ Англіею. Православная кипрская церковь освободилась отъ трехвѣковаго мусульманскаго ига и съ радостію привѣтствовала политическое покровительство христіанскаго государства. Но, къ сожалѣнію, эта радость была непродолжительна, и греки скоро стали проклинать тотъ часъ, когда, — вмѣсто мусульманскаго полумѣсяца, — востуду сталъ развѣваться англійскій флагъ. Изъ видовъ политическихъ англичане потворствовали и покровительствовали туркамъ и неблагосклонно относились къ грекамъ, игнорировали нужды православной церкви, открыли широкій доступъ на островъ протестантизму и даже латинству. Въ 1889 г. кипрскій архіепископъ Софроній путешествовалъ въ Англію и былъ торжественно здѣсь встрѣченъ. Англиканское духовенство воспользовалось этимъ взыскомъ для новыхъ переговоровъ о соединеніи православной и англиканской церквей, но дальшее словъ дѣло не пошло, такъ какъ отъ греческой церкви были потребованы вѣкоторыя уступки. Господство англичанъ сопровождается усиленіемъ на Кипрѣ протестантизма. Здѣсь учреждено протестантское общество „The Surgis Society“, которое имѣетъ задачу помогать православнымъ епископамъ въ воспитаніи ихъ клира. Но, разумѣется, такая помощь для православной церкви не приемлема. Далѣе, одинъ англійскій настоятель наблюдаетъ за школами христіанскими и мусульманскими. Англичане стараются увѣрить грековъ, что имъ хорошо живется подъ покровительствомъ Англии, но греки держатся особаго на этотъ счетъ мнѣнія и въ послѣднее время стали усиленно стремиться къ соединенію съ королевствомъ греческимъ.

Въ концѣ XIX вѣка на Кипрѣ было, — какъ и теперь есть, — четыре епархіи: одна архіепископія и три митрополіи. Каюдра архіепископа находится въ г. Левкосіи, а въ составъ его епархіи входятъ и слѣдующіе города: Кипръ, Карпασία, Саламинъ, Фамагуста, Триплеунтъ и Тамазосъ. Полный титулъ представителя кипрской церкви таковъ: „Блаженнѣйшій архіепископъ Новой Юстиніаны и всего Кипра“. Въ 1895 г.

при архіепископін были слѣдующія должностныя лица: архимандритъ, вѣдавшій внутреннія дѣла, экзархъ, заботившійся о дѣлахъ вѣнскихъ, архидіаковъ, исполнявшій различнаго рода служенія, и экономъ; три первые клирика, по полномочію архіепископа, также разсматривали частныя дѣла христіанъ и примиряли враждовавшихъ, а кромя того обозрѣвали монастыри. Общее число священниковъ архіепископін, брачныхъ и безбрачныхъ, простиралось отъ 280 до 300 человекъ. Изъ монастырей въ предѣлахъ архіепископін одни находились довольно въ хорошемъ состояніи, а другіе были въ упадкѣ. Изъ первыхъ: монастыри Кияка и Махера относятся къ разряду ставропигіальныхъ и имѣютъ игуменскіе совѣты, которые управляютъ имуществомъ монастырей и заботятся объ экономическихъ дѣлахъ. Въ составѣ братства (отъ 15 до 30 человекъ) они имѣютъ архимандритовъ, протосинкелловъ, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, которые и несутъ различныя труды при монастырѣ по назначенію игуменскаго совѣта. Въ монастырѣ облюбуется общежительный устанъ. Въ архіепископін также существуютъ монастыри—Апостола Варнавы, Апостола Андрея и Палліургіотиссы, имѣющіе отъ 4 до 7 монаховъ. Упраздненные монастыри сохранили за собою имущество, которое отдается въ аренду на вполнѣ гарантированныхъ условіяхъ; доходы съ этихъ имѣній идутъ на улучшеніе ихъ, а также на бѣдныхъ, школы, митрополіи, такъ какъ киприане теперь бѣдны и даютъ въ пользу церкви лишь третью часть того, что давали раньше. По сообщенію архіепископа Софронія отъ 1894 г., тогдашнее положеніе кипрской церкви было печально во всѣхъ отношеніяхъ, въ частности—экономическомъ. Его блаженство уповало, что въ будущемъ оно улучшится и „несчастные“ киприане будутъ жить въ болѣе благоприятныхъ религіозныхъ и нравственныхъ условіяхъ. Но Софроній скончался († 22 мая 1900 г.), не дождавшись этого счастливаго времени. Послѣ его кончины, вызвавшей общее сожалѣніе, церковныя дѣла на Кипрѣ ухудшились. Достаточно сказать, что преемникъ Софронія не избрался въ теченіе семи лѣтъ. Относительно вообще избранія кипрскаго архіепископа нужно сказать, что оно въ турецкую эпоху производилось митрополитами и представи-

телями отъ духовенства и мірянъ. Утвержденіе новоизбраннаго зависѣло отъ султана, который выдавалъ ему и беретъ о правахъ и привилегіяхъ. Хиротонію новоизбраннаго совершали мѣстные митрополиты—члены синода. Управление церковными дѣлами архіепископъ производитъ не единолично, а совместно съ постоянно находящимся при немъ синодомъ. За богослуженіемъ онъ поминаетъ „всякое епископство православныхъ“, а митрополиты возносятся имя архіепископа.

Далѣе, пафская митрополія состоитъ изъ городовъ—Пафа, Килокедара, Авдима и Хрисокха съ ихъ округами. Пафскій митрополитъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду подчиненныхъ кипрскому архіепископу іерарховъ. Онъ именуется „преосвященнымъ митрополитомъ Пафа, вселестнымъ и экзархомъ Арсивіи и Рожеонъ“. Въ 1894 г. при митрополитѣ Елифаніи всѣхъ священнослужителей въ епархіи 240, изъ нихъ 225 пресвитеровъ и 15 іеродіаконовъ; монаховъ „великосхимниковъ“ въ епархіи не было, а имѣлись одни „рясофоры“. Изъ 225 пресвитеровъ, 205 принадлежали къ брачному духовенству и занимали мѣста въ 96 селахъ; остальные же двадцать были іеромонахи, вѣрнѣе—„рясофоры“. Доходы митрополіи получались отъ имѣній и отъ добровольныхъ пожертвованій христіанъ. Въ предѣлахъ пафской епархіи имѣются монастыри: св. Неофита, Богородицы *Χρισοφόρου* и Богородицы *Τρωδουτίσσης*. Первый монастырь подчиненъ архіепископу, а остальные жѣстному митрополиту. Каждый монастырь управляется своимъ игуменомъ, который обязанъ во всемъ отдавать отчетъ своей духовной власти. Митрополиту въ управленіи церковными дѣлами помогаетъ архимандритъ и экзархъ; при немъ состоятъ и іеродіаковъ. Въ приходахъ—церковнымъ имуществомъ завѣдуютъ епитропіи изъ прихожанъ, утверждаемыхъ митрополитомъ. По смерти митрополита Елифанія пафская кафедра до настоящаго времени пребываетъ вакантною.

Митрополія китійская въ 1894 г. состояла изъ городовъ Ларнакса и Лемисса и около 100 сель. Всѣхъ священниковъ въ епархіи было 174 и іеродіаконовъ 18, а именно: митрополія имѣла 2 священниковъ и 3 іеродіаконовъ, городъ Ларнаксъ—10 священниковъ и 3 іеродіакова, городъ

Лемиссъ—6 священниковъ и 3 іеродіакона, монастырь св. Георгія—2 священника и 1 іеродіакона, монастырь Ставровунія—1 священника и 1 іеродіакона, а во всѣхъ селахъ было 153 священника и 7 іеродіаконовъ. Приходское духовенство городовъ имѣетъ достаточный доходъ отъ прихожанъ, а клирики сель привуждены имѣть и частныя занятія, какъ и прихожане ихъ, дабы болѣе или мевѣ сносно существовать. Всѣми церквами городовъ и сель завѣдуютъ епитропій, избираемыя прихожанами на одинъ или два года, утверждаемыя митрополитомъ и обязанныя отдавать отчетъ приходу и церковной власти. Митрополитъ имѣется проедромъ Амаунта, новаго города Лемисса и Курія. Нынѣ кафедрю Кітія занимаетъ преосвященный Кириллъ.

Киринійская митрополія состоитъ изъ городовъ Киринія, Морфу и Соли. Митрополитъ (нынѣ—Кириллъ) имѣется и проедромъ Соли. Въ епархіи нынѣются до 180 клириковъ.

По свѣдѣніямъ отъ 1905 г. греческихъ церквей на Кипрѣ было 607, монастырей штатныхъ и упраздненныхъ до 37, греческихъ школъ 287, учащихся 19.111. Общее содержаніе школъ стоило 5.761 английскихъ лиръ въ годъ. Въ Левкоіи для противодѣйствія протестантской пропагандѣ существуетъ общество „*Orthodoxia*“, которое издаетъ религіозно-нравственныя книги и устраиваетъ народныя чтенія и бесѣды. Клиръ въ образовательномъ отношеніи до послѣдняго времени стоялъ невысоко: бѣдствія латинскаго владычества и мусульманскаго ига сказываются и донынѣ. Матеріальное его положеніе также оставляетъ желать многого. Впрочемъ, архіепископъ и митрополитъ получаютъ такъ наз. каноническіе взносы (*тѣ каноника*) отъ всѣхъ церквей своихъ епархій, филотимовъ или подарки отъ духовенства, плату за совершеніе богослуженій въ приходяхъ (*тѣ леиторгиха*), десятину отъ произведеній земли (*аі ζητεια*), доходы отъ недвижимыхъ имѣній и отъ монастырей. Но сельское духовенство терпитъ большую нужду.

Новѣйшія церковныя событія на Кипрѣ представляютъ рядъ крупныхъ нестроений, вызванныхъ борьбою партій изъ-за вакантнаго архіепископскаго престола. Возникъ такъ наз. кипрскій церковный вопросъ,

имѣющій и свою литературу. Благопріятное рѣшеніе вопроса ожидается только въ предстоящее время. Извѣстно, что еще въ маѣ 1900 г. скончался предстоятель кипрской церкви, архіепископъ Софроній, и съ того времени церковь остается безъ своего наголовы, —хотя, по установившемуся на Кипрѣ обычаю, новаго архіепископа надлежало избрать лѣтомъ того же 1900 года. На островѣ Кипрѣ образовались двѣ партіи, одна—во главѣ съ киринійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, а другая—во главѣ съ китійскимъ митрополитомъ Кирилломъ. Каждая изъ этихъ партій выставила своего кандидата на вакантную архіепископскую кафедрю острова, при чемъ наиболѣе достойнымъ претендентомъ, по мнѣнію духовенства, былъ киринійскій митрополитъ Кириллъ, предѣдатель священнаго синода кипрской церкви, почтенный и уважаемый дѣятель, строгій исполнитель церковныхъ каноновъ и постановленій, желавшій провозвести избраніе архіепископа по издавна дѣйствовавшему здѣсь церковному уставу, не смотря на новыя политическія условія въ положеніи острова, вызванныя протекторатомъ Англіи. Но избраніе на архіепископскую кафедрю киринійскаго митрополита не вошло въ планы другой партіи, преимущественно изъ мірянъ и проводавшей кандидатуру китійскаго митрополита Кирилла. Но этотъ претендентъ имѣлъ мало шансовъ на полученіе предостоятельства въ кипрской церкви. И вотъ онъ предпринялъ борьбу изъ-за престола, принесшую кипрской церкви много вреда. Онъ прежде всего привлекъ на свою сторону губернатора Кипра, который, по мотивамъ политическимъ, принялъ участіе въ неподлежащемъ его компетенціи церковномъ дѣлѣ и, конечно, сталъ защищать кандидатуру китійскаго митрополита. Когда же помощь свѣтской власти оказалась недостаточною, китійскій митрополитъ апеллировалъ къ вселенскому патріарху Константину V, прося его защиты и помощи. Но патріархъ не нашелъ возможнымъ поддерживать кандидата, котораго не одобрилъ синодъ. Въ кипрское церковное дѣло поставались вмѣшаться не только протестанты, но и латиняне, получившіе свободный доступъ на Кипрѣ послѣ его подчиненія Англіи, и еще болѣе обострили отношенія между двумя партіями. И чѣмъ дальше шло время,

тѣмъ страсти разгорались сильнѣе, и вопль простой и ясный запутывался и усложнялся болѣе и болѣе. Въ виду того, что митрополитъ китійскій опирался на покровительство правительственной власти и на содѣйствіе свѣтскихъ лицъ, воспользовавшихся актомъ избранія новаго архіепископа, какъ средствомъ для осуществленія своихъ національно-политическихъ стремленій, митрополитъ киринійскій вмѣстѣ съ синодомъ, въ своей очередь, обратился къ посредничеству великой Христовой церкви и просилъ патріарховъ—сначала Константина V, а потомъ Іоакима III оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ ей положеніи. Оба патріарха съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ этой просьбѣ и постарались оказать кипрскому синоду свое возможное содѣйствіе. На островъ неоднократно посылались изъ Константинополя экзархи для примиренія партій (напр., въ 1901 г.—іеродіаконъ Дмитрій Георгіадисъ, профессоръ богословской школы на Халки), кипрскому синоду предлагались нейтральныя кандидаты на архіепископскую кафедру изъ среды іерарховъ другихъ престоловъ (напр., Іоакимъ, митрополитъ меленикскій, Филаретъ, митрополитъ дидимотихскій, архимандритъ вселенскаго престола Григорій Константинопольскій, Мелетій, архіепископъ киріакпольскій—въ Палестинѣ), къ совмѣстному обсужденію кипрскаго церковнаго вопроса были привлечены и патріархи іерусалимскій Даміанъ и александрійскій Фотій. Патріархъ Іоакимъ III посылалъ на Кипръ посланія къ духовенству и народу и приглашалъ всѣхъ къ миру и единенію, — но все было напрасно: китійскій митрополитъ и его сторонники, стремясь во что бы то ни стало захватить архіепископскій престолъ въ свои руки, отвергали всякую помощь и содѣйствіе со стороны греческихъ патріарховъ, тормозили правильное движеніе избирательнаго процесса и сводили на нѣтъ всѣ стремленія противной партіи руководиться въ этомъ актѣ церковными канонами и опредѣленіями. Такъ дѣло это тянулось до 1907 года. Излишне говорить, что церковныя дѣла на Кипрѣ, въ дѣйствіе семилѣтняго административнаго кризиса, пришли въ большое неуровнѣе, духовенство и народъ подѣлились на враждебныя партіи, борьба которыхъ крайне неблагопри-

ятно отражалась на церковно-религіозной жизни острова, церковной смутой воспользовались инославные миссіонеры и масоны и оуутали многихъ изъ православнаго населенія събью своихъ религіозныхъ воззрѣній. Но мало того,—въ началѣ 1907 г. въ области кипрскаго церковнаго вопроса возникли новыя осложненія, грозившія православно-кипрской церкви опасными послѣдствіями. 24-го марта 1907 г. изъ города Левкосіи священный синодъ кипрской церкви прислалъ константинопольскому патріарху Іоакиму III слѣдующую телеграмму: „Политическіе единомышленники китійскаго митрополита Кирилла представили въ законодательный совѣтъ, состоящій изъ англичанъ, турокъ и грековъ, проектъ закона объ избраніи архіепископа, противный священнымъ канонамъ православной церкви, лишашій ее правъ, которыя усвоеныя некомпетентнымъ мірянамъ. Священный синодъ Кипра, подвергая притѣсненію, проситъ у великой церкви содѣйствія для устраненія опасности“. Эта телеграмма вызвала въ патріархіи большую скорбь и недовольство лицами, рѣшившимися въ церковномъ дѣлѣ поступать противоканонически и незаконно. Известно, что законодательный совѣтъ Кипра состоитъ изъ членовъ христіанъ и нехристіанъ, при чемъ православныхъ здѣсь только половина общаго числа,—находится подъ предсѣдательствомъ губернатора-англичанина, вмѣстѣ совершенно особое политическое значеніе и, естественно, по самой природѣ своей и въ силу многообразныхъ каноническихъ основаній, не можетъ вмѣшиваться или участвовать въ преобразованіи церковныхъ дѣлъ православной церкви на Кипрѣ, въ частности же не имѣетъ ни малѣйшаго права касаться избранія архіепископа и остальныхъ духовныхъ пастырей острова. Къ тому же, почвъ привлеченія законодательнаго совѣта острова къ участію въ церковныхъ дѣлахъ принадлежитъ лицамъ, которыя, какъ митрополитъ китійскій и его сторонники, всеми средствами препятствовали вмѣшательству въ избраніе свѣтскаго архіепископа со стороны остальныхъ патріаршихъ престоловъ, мотивируя это тѣмъ, что такимъ вмѣшательствомъ будто бы нарушаются или умаляются права автокефальной кипрской церкви, хотя всѣмъ было ясно, что восточные патріархи не про-

являя ни малѣйшихъ притязаній на права этой церкви, а лишь старались оказать ей братскую помощь въ затруднительномъ положеніи, какъ это много разъ бывало и раньше не только на Кипрѣ, но и въ патріархатахъ іерусалимскомъ, антиохійскомъ и александрійскомъ. Однако, теперь тѣ же самыя лица, привлекиши къ участию въ составленіи церковнаго устава гражданское законодательное учрежденіе, полухристіанское и полуправославное, колебали и самыя основныя начала устройства православной церкви на Кипрѣ. Что касается новаго законопроекта объ избраніи архіепископа кипрской церкви, внесеннаго въ законодательный совѣтъ острова членомъ его Киріакидомъ, то онъ, дѣйствительно, составляетъ въ прямое нарушеніе церковныхъ правилъ и постановленій и колеблетъ автокефальное достоинство кипрской церкви, имѣющей свой административный, законодательный и судебный высшій органъ въ постоянномъ священномъ ея синодѣ. Въ виду этого, священный синодъ, въ составѣ предсѣдателя кипрійскаго митрополита Кирилла, игумена монастыря Кикка Герасима и Махера—Митрофана и архимандрита архіепископіи Филоея, заявилъ свой протестъ относительно законопроекта, представивъ его губернатору Кипра, какъ предсѣдателю законодательнаго совѣта. Въ своемъ докладѣ синодъ заявляетъ, что онъ больше всѣхъ скорбитъ по поводу продолжительнаго вдовства кипрской церкви и весьма сильно желаетъ, чтобы оно, какъ можно, скорѣе окончилось. Однако, вновь составленный законопроектъ, подлежащій разсмотрѣнію гражданскаго законодательнаго совѣта, вмѣсто усюкоенія церкви и пользы для изстрадавшихся православныхъ жителей острова, принесетъ новый раздоръ и вредъ и послужитъ поводомъ для дальнѣйшей церковной схизмы. Избраніе епископовъ всегда было и будетъ дѣломъ церковнымъ, какъ это видно изъ Новаго Завѣта и изъ церковныхъ каноновъ, сила и значеніе которыхъ для церкви обязательны.

Между тѣмъ, новый законопроектъ совершенно игнорируетъ каноны церкви и сообщаетъ предмету чуждый ему характеръ, нарушая основныя принципы всего акта; поэтому англійское правительство не должно обращать на него вниманія. Такъ, по пред-

писанію новаго закона, „два митрополита, или одинъ изъ нихъ, издають окружное посланіе и объявляютъ объ избраніи избирателей архіепископа на основаніи каталоговъ, которые они получаютъ отъ губернатора“. Это постановленіе, по мнѣнію членовъ синода, противорѣчитъ правамъ высшей церковной власти на Кипрѣ, именно священнаго синода, которому издавна принадлежитъ каноническое право дѣлать объявленія объ избраніи епископовъ (2 прав. II всел. соб., 34 и 35 апост., 6 и 7 пр. I всел. соб.). Церковь кипрская всегда имѣла свой синодъ, одною изъ обязанностей котораго и было заботиться объ избраніи, хиротоніи и интронизаціи епископовъ и церковныхъ начальствующихъ. И въ самыя критическія эпохи исторіи кипрской церкви этотъ чинъ и обычай дѣйствовали и соблюдались. А когда скончался кипрскій архіепископъ Софроній, то синодъ, по своему праву и обязанности, принялъ на себя заботы о замѣщеніи двухъ вдовствовавшихъ кафедръ—архіепископской и митрополичьей въ г. Пафѣ. Объ этомъ синодѣ официально сообщилъ англійскому правительству и опубликовалъ окружное посланіе къ православному населенію Кипра. Послѣ этого синодъ оповѣстилъ уставъ для избранія архіепископа и издалъ новое по этому поводу окружное посланіе, въ силу котораго въ епархіяхъ были произведены выборы избирателей. Дѣло шло нормальнымъ порядкомъ и давно было бы закончено, если бы митрополитъ китійскій, домогавшійся архіепископскаго престола, не предложилъ представить дѣло на рѣшеніе великой константинопольской церкви, разсчитывая затормозить выборы и найти тотъ или иной путь къ предстоительству. Священный синодъ кипрской церкви, высоко цѣняя каноническое общеніе съ остальными православными автокефальными церквами, согласился съ этимъ и сталъ спокойно ожидать продолженія дѣла. Константинопольскій патріархъ, получивъ просьбу о содѣйствіи кипрской церкви, призналъ необходимымъ предложить кипрское церковное дѣло на обсужденіе и остальныхъ патріарховъ Востока. А затѣмъ восточные патріархи постановили общее рѣшеніе, возложивъ избраніе архіепископа Кипра на мѣстный священный синодъ примѣнительно къ составленному имъ канонизму. И англійскій министръ колоній, какъ это видно изъ сообщенія губернатора

Кипра на имя председателя синода отъ 18 сентября 1902 года, признавъ право избранія архіепископа также за синодомъ. Между тѣмъ, въ новомъ законопроектѣ о синодѣ не говорится ни слова:—о въ проектируется предоставить распоряженіе объ избраніи архіепископа двумъ или даже одному (конечно, кипрскому) митрополиту, въ прямое нарушеніе каноновъ православной церкви, обычаевъ и постановленій автокефальной кипрской церкви, общаго рѣшенія ad hoc восточныхъ патріарховъ. Значить, законопроектъ въ самой основѣ своей несостоятеленъ и ложенъ и никомъ образомъ не можетъ быть принятъ священнымъ синодомъ. Далѣе, новый законопроектъ, вопреки церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, представляетъ въ избраніи архіепископа слишкомъ большое участіе свѣтскимъ чинамъ и вообще мірянамъ, а нѣкоторыхъ представителей гражданской власти ставитъ даже выше всякой власти церковной. Этого по принципу никакъ нельзя допустить въ церкви православной, гдѣ церковная іерархія всегда занимала и должна занимать особое мѣсто и имѣетъ исключительное значеніе, которое никакъ нельзя замѣнить какими-либо представительствомъ мірянъ или свести на ту или иную роль гражданской власти. Въ церкви православной, въ случаѣ какихъ-либо непреодолимыхъ затрудненій въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, издревле установился обычай обращаться къ братской помощи другихъ помѣстныхъ церквей и въ ихъ содѣйствіи находить выходъ изъ встрѣтившихся коллизій. Что же касается участія въ избраніи кипрскаго архіепископа мірянъ, о которомъ говорится въ законопроектѣ Киріакида, то по этому поводу умѣстно привести 30-е апостольское правило, которое гласитъ: „Аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получить епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ“ (ср. 2 пр. IV всел. соб., 3 и 5 пр. VII всел. соб., 13 лаод.). Ясно, значить, что новый законопроектъ, какъ антиканоническій, не можетъ быть принятъ. Особенно враждебными православной церкви нужно признать 29 и 30 параграфы новаго законопроекта, редактированные такимъ образомъ: „Кандидатъ, получившій большинство голосовъ, считается законно избраннымъ (на кафедре

архіепископа) со стороны клира и народа греческой православной общины острова и согласно съ установленіями автокефальной греческой православной церкви Кипра. Результатъ избранія немедленно сообщается председателемъ избирательнаго собранія губернатору Кипра, а греческому православному народу острова—избраннымъ архіепископомъ посредствомъ надлежащаго объявленія“. Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ избраніи архіепископа, главы и предстоятеля автокефальной православной церкви и началовождя многочисленной православной паствы, а какъ будто объ избраніи председателя какого-либо общества или политическаго клуба. Законопроектъ совершенно умалчиваетъ объ оцѣнкѣ и испытаніи кандидатовъ архіерейства, обыкновенно производимыхъ высшей церковной властію соборно, о хиротоніи новоизбраннаго и его интронизаціи или торжественномъ посаженіи на престолѣ. Законопроектъ даже и не подозреваетъ, что по церковнымъ правиламъ сперва указываются три кандидата для замѣненія той или иной епископской кафедры, а затѣмъ соборъ или синодъ избираетъ одного изъ нихъ. А если кандидатъ для епископства будетъ избранъ изъ мірянъ, то вѣдь предварительно необходимо провести его по всѣмъ степенямъ священства, соблюдая опредѣленные сроки для каждой степени. Наконецъ, кто совершаетъ хиротонію новоизбраннаго архіепископа и какъ происходитъ его интронизація?—Объ этомъ законопроектъ также хранить абсолютное молчаніе. Вообще, новый уставъ объ избраніи кипрскаго архіепископа грубо противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, обычаямъ и порядкамъ автокефальной кипрской церкви и, вмѣсто рѣшенія крупнаго и сложнаго вопроса, создаетъ лишь новыя затрудненія и осложненія, которыя поведутъ къ большимъ востроеніямъ въ церковной жизни Кипра и создадутъ весьма опасную схизму.—Островъ Кипръ въ предшествующей своей исторіи испыталъ уже много бѣдствій. Но греческій народъ, его населявшій, всегда, какъ зеницу ока, хранилъ св. православную вѣру. Новый законопроектъ объ избраніи архіепископа, составленный Киріакидомъ, представляетъ не иное что, какъ походъ противъ православія на Кипрѣ, попытку оторвать греческій народъ отъ этого достоянія отцовъ и отъ каноническаго общенія съ остальными православными

церквями, къ прямой гибели кипрскаго православнаго населенія. Но священный синодъ кипрской церкви, заявляя свой протестъ противъ этого враждебнаго ей законопроекта, выражаетъ увѣренность, что гуманное и справедливое англійское правительство не утвердитъ и не введетъ въ дѣйствіе этотъ уставъ и не дастъ миролюбивому православно-христіанскому народу Кипра повода къ возстанію.

Такимъ образомъ, синодъ кипрской церкви подвергъ новый законопроектъ объ избраніи архіепископа обстоятельной критикѣ, съ которою законодательный совѣтъ острова не могъ не считаться. Со своей стороны, вселенскій патріархъ Іоакимъ III, ознаменовавшись съ новымъ канонизмомъ и имѣя въ виду просьбу кипрскаго синода, отправилъ ему и китійскому митрополиту Кириллу слѣдующую отвѣтную депешу: „Церковь константинопольская не одобряетъ всякое дѣло, несогласное съ священными канонами и устройствомъ церковнаго управленія, желая сестрѣ своей церкви кипрской единомыслія и помощи свыше на этомъ пути“. Вслѣдъ затѣмъ церковная обстоятельность на Кипрѣ круто измѣнилась. Китійскій митрополитъ Кириллъ, долго враждовавшій съ мѣстнымъ священнымъ синодомъ, наконецъ, примирился съ нимъ и согласился единодушно дѣйствовать въ избраніи новаго архіепископа острова. Объ этомъ радостномъ событіи въ серединѣ апрѣля 1907 г. синодъ извѣстилъ вселенскаго патріарха Іоакима III и оиать просилъ его принять, вмѣстѣ съ остальными греческими патріархами, участіе въ избраніи архіепископа кипрской церкви. По этому поводу патріархъ вошелъ въ сношеніе съ блаженнѣйшими Даміаномъ іерусалимскимъ и Фотіемъ александрійскимъ; было постановлено отправить на островъ экзарховъ отъ имени представителей греческихъ церквей, которые и помогутъ церкви кипрской выйти изъ продолжительнаго и опаснаго кризиса.

Въ силу соглашенія между греческими патріархами, лѣтомъ 1907 года на островъ Критъ прибыли—блаженнѣйшій Фотій, патріархъ александрійскій, экзархъ вселенскаго патріарха анхіальскій митрополитъ Василій и экзархъ іерусалимскаго патріарха архимандритъ Мелетій Метаксакіасъ. Задача этихъ представителей греческихъ церквей состояла въ содѣйствіи синоду кипр-

ской церкви въ каноническомъ избраніи архіепископа. Сначала между этими представителями и кипрскимъ священнымъ синодомъ установились мирныя отношенія, при чемъ патріархъ Фотій и іерусалимскій экзархъ архимандритъ Мелетій находились въ полномъ согласіи и съ константинопольскимъ экзархомъ митрополитомъ Василіемъ, который, по руководству данной ему инструкціи, поддерживалъ сторону киринійскаго митрополита Кирилла, какъ дѣйствовавшего, въ теченіе всего кризиса, на строго каноническомъ основаніи и въ защиту внутренней свободы кипрской церкви. Но въ концѣ 1907 года патріархъ Фотій перешелъ на сторону китійскаго митрополита Кирилла, который опять сталъ въ оппозицію къ синоду кипрской церкви и началъ домогаться архіепископскаго престола. Іерусалимскій архимандритъ Мелетій, нарушивъ данную ему патріархомъ Даміаномъ инструкцію—дѣйствовать въ союзѣ съ экзархомъ константинопольской церкви, также примкнулъ къ партіи Фотія и китійскаго митрополита Кирилла. И вотъ, вопреки всеобщему ожиданію, представители восточныхъ церквей оиать принесли на Кипръ раздоръ, вмѣсто мира, и вновь подняли на островѣ партійную борьбу изъ-за архіепископскаго престола, нѣсколько затихшую въ предшествующее время. Борьба получила весьма страстный и даже ожесточенный характеръ, вышла за предѣлы кипрской церкви и взволновала почти весь греческій Востокъ, такъ какъ участниками столкновенія теперь явились александрійскій патріархъ и патріаршіе экзархи константинопольскій и іерусалимскій, за которыми стояли святѣйшій Іоакимъ III и блаженнѣйшій Даміанъ. Вся греческая печать оживленно начала обсуждать церковныя дѣла на Кипрѣ, а православное населеніе этого острова вновь подѣлилось на двѣ партіи и съ повышенною энергіею вступило во взаимныя пререканія о томъ, быть ли архіепископомъ Кипра митрополиту китійскому, или киринійскому. Китійскій митрополитъ Кириллъ, поддерживаемый патріархомъ Фотіемъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Мелетіемъ, а также мірянами и англійскимъ правительствомъ, настойчиво домогался избранія на архіепископскій престолъ, тогда какъ киринійскій митрополитъ Кириллъ,

поддерживаемый константинопольским экзархом митрополитом Василиемъ, синодомъ кипрской церкви и духовенствомъ, отклонялъ отъ себя кандидатуру и просилъ великую Христову церковь принять мѣры къ избранію архіепископа изъ среды іерарховъ константинопольскаго и иныхъ патриаршихъ престоловъ. Вообще, партія китійскаго митрополита руководилась въ своихъ притязаніяхъ преимущественно національно-политическими мотивами, тогда какъ партія киринійскаго митрополита держалась строго церковныхъ и каноническихъ основаній. На сторонѣ китійскаго митрополита былъ и представитель англійскаго правительства на Кипрѣ, ибо при содѣйствіи этого митрополита предполагалось ввести на островѣ новый церковно-административный законъ. Дѣло о разсмотрѣніи и введеніи въ дѣйствіе новаго церковно-административнаго закона опять сдѣлалось предметомъ обсужденія народныхъ представителей, при чемъ были замѣтны симпатіи большинства къ законопроекту, хотя онъ враждебно относился къ православной церкви. При такомъ положеніи дѣлъ киринійскій митрополитъ Кириллъ и синодъ кипрской церкви умоляли патриарха Іоакима III и его синодъ послѣпить съ дѣломъ избранія новаго архіепископа Кипра, такъ какъ въ началѣ 1908 г. на островѣ долженъ былъ првстунить къ своимъ завитямъ народный совѣтъ, который на первую очередь и поставилъ новый законъ объ избраніи кипрскаго архіепископа. Кетати, патриархъ Фотій и архимандритъ Мелетій, сторонники китійскаго митрополита, къ празднику Рождества Христова выбыли съ острова. Константинопольская церковь, склоняясь на просьбы кипрскаго священнаго синода, вошла въ сношеніе съ іерусалимскимъ патриархомъ Даміаномъ по поводу избранія кипрскаго архіепископа изъ среды своихъ іерарховъ и, такимъ образомъ, признала необходимымъ оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ положеніи, имѣя въ виду аналогичные факты въ прошломъ. Между тѣмъ, патриархъ Фотій, проведеній на Кипрѣ всю вторую половину 1907 года, въ началѣ 1908 г. опять рѣшилъ отправиться на островъ, дабы во что бы то ни стало посадить на архіепископскій престолъ острова киринійскаго митрополита. Узнавъ объ этомъ, синодъ кипрской церкви цѣлымъ рядомъ телеграммъ и пославій просилъ константинопольскаго патриарха Іоакима III воспрепятствовать Фотію вторично пріѣзжать на островъ, такъ какъ это прібытіе грозитъ церкви новыми осложнениями въ области ея мѣстныхъ интересовъ; въ тоже время синодъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ патриарха Іоакима III и константинопольскій синодъ возможно скорѣе избрать архіепископа для кипрской церкви. Патриархъ Іоакимъ III телеграфировалъ блаженнѣйшему Фотію, что вторичный его пріѣздъ на Кипръ нецѣлесообразенъ, поскольку полномочія патриаршихъ экзарховъ уже окончились. Но Фотій настоялъ на своемъ и отправился на Кипръ, при чемъ проѣздомъ посѣтилъ Яффу и имѣлъ съ іерусалимскимъ патриархомъ Даміаномъ секретное совѣщаніе по кипрскому дѣлу. Результатомъ этого свиданія было то, что патриархъ Даміанъ уклонился отъ участія въ избраніи кипрскаго архіепископа, несмотря на приглашеніе константинопольскаго патриарха. Но Фотій прибылъ на Кипръ уже тогда, когда архіепископъ былъ избранъ. Константинопольскій патриархъ Іоакимъ III и его синодъ, уступая усиленной просьбѣ синода кипрской церкви и желая оказать ей братскую помощь въ весьма тяжеломъ положеніи, 19 февраля 1908 г. приступилъ къ выборамъ кипрскаго архіепископа. Кандидатами были три митрополита: киринійскій Кириллъ, анхіальскій Василій и кассандрійскій Иринеи. Синодъ единогласно избралъ на архіепископскую кафедру Кипра киринійскаго митрополита Кирилла. Вѣсть объ этомъ избраніи произвела на островѣ, какъ и естественно, двойственное впечатлѣніе: сторонники китійскаго митрополита были крайне недовольны этимъ избраніемъ, грозили церкви новыми бѣдами и напастями и рѣзко осуждали константинопольскаго патриарха Іоакима III, тогда какъ сторонники новаго архіепископа торжествовали и благодарили святѣйшаго Іоакима. Въ первое время послѣ избранія архіепископа на Кипрѣ была и народная волненія, но отвѣтственность за нихъ должна падать вовсе не на константинопольскаго патриарха (какъ старались представить дѣло враги кипрской церкви), а на сильныхъ и вліятельныхъ покровителей китійскаго митрополита, которому не удалось занять архіепископскій престолъ. Новый архіепископъ, подъ вліяніемъ смуты на островѣ

и давлению извѣ сначала отказывался от престола, а потомъ принялъ избраніе. Но это не создало умиротворенія на островѣ, гдѣ попрежнему продолжалась волненія и смуты изъ-за архіепископскаго вопроса. Синодъ кипрской церкви, признавая избраніе Кирилла правильнымъ, совместно съ нимъ велъ защиту церкви отъ притязаній англійскаго правительства, зашедшаго, въ теченіе восьми лѣтъ, слишкомъ далеко въ своемъ вмешательствѣ въ церковныя дѣла, не подлежащія его компетенціи, и потерявшаго возможность выхода изъ затрудненія безъ ущерба для своего престола. Между прочимъ, кипрскій священныи синодъ 10 марта 1908 г. отправилъ англійскому министру колоній официальный протестъ по поводу нарушенія англійскимъ правительствомъ правъ автокефальной кипрской церкви, обвинивъ его и въ поощреніи смуты на островѣ, раздражающихъ эту церковь въ теченіе восьми лѣтъ. Въ другомъ официальном документѣ (отъ 22 марта) на имя того же министра синодъ заявилъ протестъ по поводу занятія правительствомъ аданій архіепископш, состоявшагося безъ достаточнаго основанія, въ угоду лишь героямъ мятежной уличной толпы. Англійское правительство, въ свою очередь, не находило возможнымъ оставить занятую имъ позицію въ отношеніи къ постороннему для него дѣлу, попрежнему добивалось возведенія на архіепископскую кафедру угоднаго ему кандидата—китійскаго митрополита, не призвало Кирилла въ достоинствѣ архіепископа кипрской церкви и поддержало его возмущительному допросу и повужденію съ цѣлью заставить отказаться отъ архіепископской кафедры. Но архіепископъ Кипраллъ былъ несклоненъ къ уступкамъ и не подчинился произвольному дѣйствию иностранной державы. На его сторонѣ была и значительная часть кипрскаго населенія. 27 марта 1908 г. въ городѣ Левкосіи состоялось общее собраніе народа, сдѣлавшее слѣдующія опредѣленія: 1) собраніе выражаетъ глубокую благодарность константинопольскому патриарху Іоакиму III и его священному синоду за каноническое избраніе архіепископа Новой Юстиніаны и всего Кипра; 2) собраніе объявляетъ, что главнымъ виновникомъ бѣдствій и раздоровъ кипрскаго народа является китійскій митрополитъ Кириллъ; 3) собраніе заявляетъ, что поведеніе китійскаго митро-

полита всегда было и теперь остается противохристіанскимъ и соблазняетъ православныхъ жителей острова. Что касается китійскаго митрополита Кирилла, то ояъ, опираясь на поддержку англійскаго правительства, также не отказывался отъ архіепископской кафедры. Далѣе, константинопольскій патриархъ Іоакимъ и его синодъ занимали въ началѣ 1908 г. относительно кипрскаго вопроса ясное и опредѣленное положеніе. Избравши для кипрской церкви архіепископа, по просьбѣ мѣстнаго синода, и оказавши ему братское содѣйствіе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и для блага православія на островѣ, великая Христова церковь имѣла и основанія, и возможность привести кипрскую церковь въ полное умиротвореніе и обезпечить ей и дальнѣйшее спокойное состояніе. Иерусалимскій патриархъ Даміанъ,—по свойству его характеру и церковной политикѣ,—и въ кипрскомъ церковномъ вопросѣ обнаружилъ колебаніе и нерѣшительность. Сначала ояъ раздѣлилъ взглядъ константинопольскаго патриарха на это дѣло, а потомъ уклонился отъ единомыслія съ нимъ. Однако, патриархъ Даміанъ заявилъ протестъ по поводу новаго закона объ избраніи архіепископа Кипра, поддерживаемаго англійскимъ правительствомъ, за что патриархъ Іоакимъ высказалъ ему свою благодарность. Александрійскій патриархъ Фотій сталъ въ прямую оппозицію къ новому кипрскому архіепископу, не признавъ его избранія законнымъ и заявилъ по этому поводу протестъ предъ константинопольскимъ патриархомъ. Затѣмъ Фотій перешелъ отъ словъ къ дѣлу. Въ сентябрѣ 1908 г. ояъ образовалъ патриаршіи синодъ, коего въ александрійской церкви давно уже не было, а въ октябрѣ отправилъ на Кипръ митрополитовъ Михаила цтолемандскаго и Христофора аксоискаго, а также Нектарія халепійскаго (въ Сиріи), которымъ и поручилъ завѣять избраніемъ новаго кипрскаго архіепископа, совершенно игнорируя Кирилла, уже избраннаго константинопольскою церковію предстоятелемъ церкви кипрской. Получилось крайне соблазнительное зрѣлище, какого давно не видѣлъ православный Востокъ, даже въ самыя тяжелыя времена турецкаго ига; александрійскій патриархъ, безъ всякаго участія другихъ восточныхъ патриарховъ, готовился къ избранію архіепископа для автокефальной

церкви, противъ желанія синода, при громкомъ протестѣ архіепископа, большей части духовенства и народа острова, но за-то въ угоду своему властолюбію, съ цѣлю подорвать авторитетъ константинопольскаго патріарха, сдѣлать пріятное и англійскому правительству, дружба съ которымъ такъ необходима Фотію въ Египтѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что съ архіепископомъ Кирилломъ, какъ съ законнымъ представителемъ, уже вошли въ каноническія сношенія церкви константинопольская, элладская и сербская. Не смотря, конечно, на угодность предъ англійскимъ правительствомъ, Фотію пришлось вступить въ уничижительныя для православнаго патріарха сношенія съ англійскимъ комиссаромъ Кипра по вопросу о каноническомъ достоинствѣ двухъ его митрополитовъ (Михаила и Нектарія) и доказывать ихъ правоспособность въ исполненіи экзархическихъ полномочій. Одновременно и часть духовенства Кипра вмѣстѣ съ народомъ отказалась признавать авторитетъ патріарха Фотія и его экзарховъ въ разрѣшеніи мѣстнаго архіепископскаго вопроса; поэтому митрополиты александрійской церкви фактически не могли приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ патріархомъ порученія и въ теченіе полугода бездѣйствовали на Кипрѣ, оставивъ и свои епархіи въ Египтѣ безъ архипастырскаго своего надзора и попеченія. Тѣмъ временемъ константинопольскій патріархъ Іоакимъ III и синодъ извѣстали патріарховъ Фотія александрійскаго и Даміана іерусалимскаго, что 1) патріархъ Фотій долженъ воздержаться отъ всякаго единоличнаго дѣйствія въ кипрскомъ вопросѣ; 2) китійскій митрополитъ Кириллъ долженъ письменно отказаться отъ всякаго домогательства архіепископскаго престола на Кипрѣ, а его партія должна письменно сообщать тремъ восточнымъ патріархамъ, что она станетъ воздерживаться отъ избранія его, и 3) при такомъ несомнѣнномъ и миролюбивомъ настроеніи, ради мира на островѣ и для прекращенія дальнѣйшихъ бѣдствій, могущихъ поколебать церковь Кипра, константинопольская церковь соглашается посоветовать и указать избранному ею архіепископу Кириллу на пользу принести письменное каноническое отреченіе, а партія его должна безъ возраженія принять это отреченіе. Такимъ образомъ, константинопольская церковь

условно намѣтила будущій путь своихъ дѣйствій въ кипрскомъ вопросѣ, о чемъ патріархъ Іоакимъ 16 декабря 1908 г. увѣдомилъ и „блаженнѣйшаго архіепископа Новой Юстиніаны и всего Кипра, высокопреосвященнаго Кирилла“. Однако и до конца марта 1909 года архіепископскій вопросъ на Кипрѣ еще не получилъ окончательнаго рѣшенія и дѣло остается безъ движенія: митрополиты александрійской церкви все еще пребываютъ на Кипрѣ, китійскій митрополитъ Кириллъ и его партія не представили письменнаго отказа отъ притязаній на архіепископство. Патріархъ Фотій въ январѣ 1909 г. выдѣлъ изъ Александріи въ Константинополь для совместнаго обсужденія съ патріархомъ Іоакимомъ III церковныхъ вопросовъ кипрскаго, іерусалимскаго, возникшаго послѣ низложенія съ престола блаженнѣйшаго Даміана (13 декабря 1908 г.), антиохійскаго и другихъ, а кипрскій архіепископъ Кириллъ пребываетъ во главѣ синода и предостоятельствуемъ въ церкви... Впрочемъ, англійское правительство усиливается произвести новые выборы архіепископа для православной автокефальной церкви на Кипрѣ. При господствующемъ въ послѣднее время настроеніяхъ въ церковной жизни православнаго Востока, усилія инославной гражданской власти, при благосклонномъ содѣйствіи александрійскаго патріарха Фотія, могутъ оказаться и нещедрыми.

Архіепископскій вопросъ болѣе восьми лѣтъ сосредоточивалъ на Кипрѣ всеобщее вниманіе и отвлекалъ мѣстныхъ церковныхъ дѣятелей отъ другихъ серьезныхъ и важныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, кипрскій священныи синодъ во главѣ съ киринійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, имѣя въ виду недостаточность образовательнаго уровня мѣстнаго приходскаго духовенства, еще въ сентябрѣ 1907 г. открылъ спеціальную священническую школу въ г. Левкосіа. Эта школа является нынѣ единственнымъ духовно-учебнымъ заведеніемъ на всемъ островѣ. Помѣщеніемъ для нея служатъ опустѣвшія зданія загороднаго монастыря св. Параскевы. Курсъ обученія въ этой школѣ назначенъ въ три года. Здѣсь преподаются науки общеобразовательныя и богословскія. Учителями въ школѣ за небольшую плату согласились быть преподаватели главной кипрской гимназіи (Γαυχόπριον) — г. г. Παπαϊωάννου и Παπαπορφύριου, іерокирикскъ

архиепископии о. Филаретъ и другіе. Въ школахъ преподаются также педагогика и дидактика, дабы воспитанники, по примѣру учащихся въ духовной школѣ на о. Самоѣ, могли, по окончаніи ученія и до полученія должностей клириковъ, состоять учителями въ начальныхъ народныхъ школахъ. Обученіе и содержаніе учащихся предлагаются бесплатно, при чемъ всѣ воспитанники обязаны жить въ интернатѣ. Всѣ они даютъ обязательство въ томъ, что, по окончаніи ученія и по достиженіи каноническаго возраста, сдѣлаются священниками. Средства на содержаніе школы собраны изъ пожертвованій кипрской архіепископіи, митрополій, монастырей и церквей на островѣ, а также изъ добровольныхъ приношеній благотворителей. Но вообще въ послѣднія тридцать лѣтъ греческое народное просвѣщеніе на Кипрѣ сдѣлало большіе успѣхи. Такъ, въ 1906 году на всемъ островѣ существовало 325 мужскихъ и женскихъ греческихъ школъ съ 412 учителями и учительницами, тогда какъ до англійскаго протектората островъ съ 140.000 жителей—грековъ имѣли 72 мужскихъ школы и 4 женскихъ. Между прочимъ, теперь въ Левкосіи существуетъ гимназія, а въ Клитаматѣ, Ларнакѣ и Немесосѣ имѣются гимназіи. Въ Левкосіи и двухъ послѣднихъ городахъ устроены и женскіе институты. Всѣ школы содержатся, главнымъ образомъ, на средства греческихъ комитетовъ Кипра, а правительство англійское отпускаетъ изъ своей казны лишь 80.000 франковъ, такъ что своими успѣхами греческое просвѣщеніе на островѣ обязано вовсе не англичанамъ, а самимъ грекамъ.

Въ заключеніе необходимо добавить, что изъ проживавшихъ народностей на Кипрѣ, кромѣ грековъ, жили сирійскіе арабы, грузины и абиссинцы. Сирійцы поселились здѣсь еще во время крестовыхъ походовъ, группировались около Никосіи и Фамагусты, въ гражданскомъ отношеніи зависѣло отъ свѣтскаго магистрата, называвшагося „гоис“, а въ церковно-религиозномъ они объединились съ греками и составляли единицу по ученію и обрядамъ общины. Никейскій патріархъ Германъ II, отправившій на Кипръ нѣсколько посланій, обращался въ нихъ къ ромеямъ и сирійцамъ, какъ къ членамъ одной православной церкви. Грузины, жившіе на Кипрѣ въ небольшомъ числѣ, имѣли монастырь око-

ло Аламина, въ округѣ Мазота, а также въ другихъ мѣстахъ острова. Они находились въ тѣсномъ религиозномъ общеніи съ греками, отличались преданностію православной церкви и питали полное перасположеніе къ латинянамъ¹⁾. Наконецъ, абиссинцы, сосредоточившись около Никосіи, управляемой епископомъ, который посылалъ изъ Абиссиніи, и на чужбинѣ не переставали держаться нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядовъ своей родины. Многочисленна была на Кипрѣ и церковь латинская, которая имѣетъ свою исторію.

Литература. Исторія православной церкви на Кипрѣ разработана въ научномъ отношеніи весьма мало и еще ждетъ своего объективнаго, трудолюбиваго и талантливаго исследователя. Изъ немногихъ оценокъ этой исторіи заслуживаютъ вниманія: К. Σάβας, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, т. II (въ предисловіи помѣщена обстоятельная исторія Кипра до 1489 г., легшая въ основу исследования и другихъ ученыхъ), Έν Βενατία 1873; Φιλίππος Γεωργίου, Εἰδήσεις ἱστορικαὶ περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου, Ἀθήναι 1875 (книга составлена подъ сильнымъ вліяніемъ К. Саваы въ первой своей части, доведена до указаннаго года изданія, написана съ любовью и вообще очень полезна для историка; для вашей статьи она послужила въ качествѣ одного изъ главныхъ пособій); J. Hackette, History of the Orthodox Church in Cyprus from the Coming of the Apostles Paul and Barnabas to the Commencement of the British Occupation (45—1878), London 1901 (книга богата содержаніемъ, обильно заимствованнымъ изъ греческихъ источниковъ, но проникнута протесантскимъ духомъ и не всегда объективно излагаетъ исторію православной церкви); Aurelio Palmieri, Eglise de Chypre (въ Dictionnaire de théologie catholique par A. Vacant et Mangenot, т. II, Paris 1903, 2425—2449). Источники и для исторіи кипрской церкви: Σάβας, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, т. II: 1) Περιγραφή τῆς σεβαστίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κόβλας, 2) Τυπικὴ διατάξις Νέστορος ἱερομονάχου καὶ καθηγουμένου καὶ κτήτορος τῆς σεβαστίας μονῆς τῆς ὁμοταξίας Θεοτόκου τοῦ Μαγαρῶ (Miklosich et Müller, Acta et diplomata graeca, t. V, Vindobonae 1887, p. 392—432), 3) Νεοσύριτος πρότερον μοναχὸς καὶ ἐκκλησιαστὸς περὶ τῶν κατὰ τὴν χώραν Κύπρου ζητημάτων, 4) Νόμοι καὶ διατάγματα περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ Κόβλας ἐλλήνων, 5) Διήγησις τῶν ἁγίων τριῶν καὶ δεκά ὁσίων πατέρων τῶν ἀπὸ

¹⁾ Ср. къ сему у проф. Н. Я. Марра въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“, т. III (Спб. 1907), стр. 119а отдѣла „Объ устроеніи церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ“.—Н. Н. П.

ποράς τελειωθέντων παρά τῶν λατίνων ἐν τῇ νήσῳ Κύπρου, 6) Γερμανοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαὶ δύο πρὸς τοὺς κυπρίους, 7) Γερμανοῦ πατριάρχου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν πάπαν Γρηγόριον καὶ ἡ πρὸς αὐτὴν ἀπάντησις, 8) Λεοντίου Μαχαίρα ἐγγράσιος τῆς γλωσσικῆς χώρας Κύπρου, 9) Γεωργίου Βουστρωτίου χρονικὸν (1456—1501), Κλημῆς Καρυάδας, Ἀνεκδοτὰ κυπριακά ἔγγραφα τοῦ ΙΗ' αἰῶνος (въ предисловіи кратко излагается и история православной церкви Кипра), Ἐν Ἀμμοχώστῳ 1904. Ἀγγλ. Καλλιφωκίος Δελικιάνης, Τὰ ἐν τῇ κώδιξ τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικὰ ἔγγραφα τὰ ἀφορῶντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ αἰκουμένου πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιόχειας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρου (1574 — 1863). Ἐν Κωνσταντινουπόλει: 1904. Μανουὴλ Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις, τ. II, σ. 384 — 390. Κωνσταντινουπόλις 1889. Древне-христианскіе и византийскіе исторіи: Евсевій, Сократъ, Созоменъ, Θεοδορίτῃς, Θεοφάνῃς, Κωνσταντίνῃς Πορφυρογενεῖτῃς, Κεδρηνῃς, Νικηταῖς, Νικηταῖς, Κικκινάσις, Ζωναράς, Ιωάν. Νικηταῖς Χονιάτῃς, Γεωργίου Ἀκροπολιτῃς, Νικηταῖς Καλλιτῃς, Νικηταῖς Γρηγοράς, Γεωργίου Παχυμερῃς, Ιωάν. Καντακουζίνῃς, Μυσιλάς Γλυκάς καὶ ἄλλοι. Κανονιστὴς Θεοδῶρ Βαλαμῶν καὶ ἄλλοι. Къ общей исторіи православной церкви на Кипрѣ относятся: Stefano Lusignani: 1) Chronographia et brevis historia universalis: dell'isole de Cipro, Bologna 1573, 2) Raccolta di cinque discorsi intitolate Corone per compendiarle in sè cose appartenenti a gran re e a principi, Padova 1577, 3) Histoire générale des royaumes de Jérusalem, Cypre, Arménie et lieux circonvoisins, Paris 1618, 4) Description de toute l'isle de Chypre, Paris 1580, 5) Chronique et brève histoire générale de l'isle et royaume de Chypre, depuis l'an CXLII après le déluge universel, jusques à l'an de notre Sauveur Jesus—Christ MDLXXII. Loredano, Histcire de ré Lusigniani, Venetia 1653. Ροδινός, Περὶ ἡρώων, στρατηγῶν, φιλοσόφων, ἁγίων καὶ ἄλλων ὀνομαστῶν, ὅσοι εὐγήχασαι ἀπὸ τῆς νήσου Κύπρου, Rome 1658. Δοσίθεος, πατριάρχης Ἱεροσολύμων, Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων, Ἐν Βουκουρεστίῳ 1715. Le Quien, Oriens christianus: I—III (Paris 1740 sq.). Poccoke, A Description of the East, London 1743. Dominique Jauna, Histoire générale des royaumes de Chypre, de Jérusalem, d'Armenie et d'Egypte, t. I—II (Leiden 1747). Εφραίμιοις πατριάρχης Ἱεροσολύμων, Ἡ περιγραφή τῆς σεβαστίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κόκκου, ἧτοι ἐγγήσιος περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἀποκομιζέως τῆς θαυματουργοῦ ἁγίας εἰκόνης τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς λεγομένης Κωκοτίσσης, Ἐνετίῃσι 1751. Εφραίμιοις π. Ἱερ., Τοπικὴ διάταξις τῆς κατὰ τὴν νήσον Κύπρον σεβαστίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, Μαχαίρας ἐπιλεγόμενης, Ἐνετίῃσι 1756. Ἀρχιμ. ἀνδρῆτῆς Κυπριανός: Τοπικὴ διάταξις Νεοφύτου τοῦ ἐγκαίσιμου, Ἐνετίῃσι 1779 (второе издание въ Левкоσίи

1893); 2) Ἱστορία χρονολογική, τῆς νήσου Κύπρου, ἐρανισθεῖσα ἐκ διαφόρων ιστοριῶν καὶ συνθεθεῖσα ἀπλῇ φράσει, Ἐνετίῃσι 1788 (второе издание въ Левкоσίи 1902). Reinhard, Vollständige Geschichte des Königreichs Cypren, Erlangen 1766; Ἰωσήφ Βρούεννιοις, Τὰ εὐρεθέντα, τ. II: Μελέτη περὶ τῆς τῶν κυπρίων πρὸς τὴν ὀρθόδοξον ἐκκλησίαν μελετηθείσης ἐνώσεως, Ἐν Λεσφίῳ, 1768. Mariti, Voyages dans l'isle de Chypre, Neuwied 1791. Neale: 1) History of the Holy Eastern Church, London 1850; 2) The Patriarchate of Alexandria, I—II (London 1874). Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero (Archivio storico italiano, 1843, t. VII, p. 590—612). Mas-Latrie: 1) Notice sur la situation actuelle de l'île de Chypre («Archives des missions scientifiques et littéraires», 1850, t. I, p. 161—183, 502—556); 2) Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, t. 1—3 (Paris 1861—1865); 3) L'île de Chypre, sa situation présente et ses souvenirs du moyen âge, Paris 1879; 4) Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île de Chypre, Paris 1882. Ἀθανάσιος Κορυνητός Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἀλωσιν, Κωνσταντινουπόλις 1870. Κ. Σάββας: 1) Νεοελληνικὴ φιλολογία, Ἀθήναι 1868; 2) Τουρκοκρατούμενη Ἑλλάς, Ἀθήναι 1869. Stanley, Lectures on the History of the Eastern Church, London 1908. Adrian Fortescue, The Orthodox Eastern Church, London 1907. Louis Rêhier, L'église et l'Oriet au moyen âge: Les croisades, Paris 1907. Achille Luchaire, Innocent III: La question d'Orient, Paris 1907. J. d'Orcey, Paphos, ses monastères et la fête de Venet («Revue britannique», 1874, t. V). Harris, Cyprus, its Past, Present and Futur, London 1878. Backer, Cyprus as I saw it in 1879, London 1879. Hamilton, Cyprus, its History, its Present Ressources and Futur Prospects, London 1878. Davidsen, Cyprus, its Place in Bible History, London 1878. Βοντιζιάνοις, Ἱστορία τῆς νήσου Κύπρου, Ἀθήναι 1877. Sassenay, Chypre: Histoire et géographie, Paris 1878. Max Ohnefalsch-Richter: 1) Cypren, ein Kulturbild aus dem Jahre, 1883 («Unsere Zeit» 1884, Bd. I, S. 346—366, 778—796: церкви и монастыри); 2) Kypros Bd. I—II (Berlin 1892), Massarania, Cipro antica et moderna («Nuova Antologia» 1888, t. III, p. 41—70, 255—279). Lenorman, Kittim: Etude ethnographique biblique («Revue des questions historique» 1885, t. XXXIV). Levkosia, the Capital of Cyprus, London 1881. Παπαδάκης: 1) Ἡ μονὴ τῆς Πελλαπαίδος ἐν Κύπρῳ («Ἐσπερος» 1882, σ. 290 κτλ.); 2) Ἡ μονὴ τοῦ Κετίου («Ἐσπερος» 1884). Warren, The Ritual Ordinance of Neophytus, and an Account of the Misfortunes of Cyprus by Neophytus and the Condition of the Island in His Time («Archaeologia» 1882, t. XLVII, p. 1—40). Herquet, Cyprische Königsgestalten des Hauses Lusignan, Halle 1881. Sandford, Our

Church in Cyprus. Oxford 1886. Παῖσιος, Ἐγγειρίδιον τοπογραφίας καὶ ἱστορίας τῆς νήσου Κύπρου, 1887. Κυπιάδης, Ἀπομνημονεύματα τῶν κατὰ τὸ 1821 ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ τραγικῶν σκηνῶν, Ἀλεξάνδρεια 1888. Εὐαγγελλίδης, Ἐγγειρίδιον γεωγραφίας καὶ γενεϊκῆς ἱστορίας τῆς Κύπρου, Ἀλεξάνδρεια, 1885. *Philippe de Navarre et Gérard de Monreal*, Les gestes des chypriots, Genève 1877 («Société de l'Orient latin»). Βασιλείος, Βιογραφία, θάνατος καὶ κηδεύματα τοῦ μητροπολίτου Κτίσιου Κυπριανοῦ, Ἀλεξάνδρεια 1887. Χρ. Παπαδόπουλος: 1) Αἱ ἐν Κύπρῳ χριστιανικαὶ ἀγαθότητες («Ἐσπέρ», Ἀθήναι 1888, τ. XI, σ. 275—277, τ. XIII, σ. 153—158; 2) Ὀλίγα περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἐκκλησιαστικῆς ἀρχιτεκτονικῆς («Ἐσπέρ» τ. XIII, σ. 222—224); 3) Περιγραφή μονῶν τινῶν τῆς νήσου Κύπρου μετὰ τῶν ἐν αὐταῖς χειρογράφων («Ἐσπέρ» τ. XIII—XIV); 4) Μελέται περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου («Ὀμιόνα ἐν Ἀλεξάνδρεια» 1889, № 2607—2610). Ἀθανάσιος Παπαδόπουλος Κεραμεύς: 1) Αἱ νέαι ἐν Κύπρῳ ἀνασκευαὶ («Νεολόγος» Κωνσταντινούπολις, 9 янв. 1886, № 4996); 2) Ὀλίγα περὶ Κτίσιου («Νεολόγος», 19 дек. 1886, № 5264, 2 авг. 1895, № 7836—7837); 3) Περὶ τινῶν χειρογράφων τῆς ἀρτί ἀποτερωθείσης μονῆς τῆς Μαχαίρας ἐν Κύπρῳ («Νεολόγος» Ἐβδόμησι Επιδωροῦσι» 1892, σ. 830 κτλ.). *Sathas*, Cipro nel medioevo («Nuovo archivio veneto» 1893, t. Vlb). *Deschamps*, Quinze mois a l'île de Chypre («Tour du monde», nouvelle série, 3-e année, 1897). *Cobham*, Excerpta Cypria, Nicosie 1895. Я. И. Смирнов, Христианскія мозаики Кипра («Византийскій Временникъ» 1897 т. VI, стр. 1—98). Ἀ. Παπαδόπουλος Κεραμεύς, Περὶ τινῶν συγγραμμάτων Ἀρχαίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου, μνημονοθεσίας ἐν τοῖς πρακτικαῖς τῆς ἐβδόμης οἰκομενικῆς συνόδου («Византийскій Временникъ» 1894, т. I, стр. 601—612). *Richter*, Cyprus, the Bible and Homer, London 1893. *Petit*, Vie et ouvrages de Néophyte le reclus («Echos d'Orient, 1898—1899, p. 257 etc.). *Duckworth*, Church of Cyprus, London 1900. *Farcinet*, Le rois de Jerusalem et de Chypre de la maison de Lusignan, Fontenay-le-Comte 1900. *Cobham*, A Handbook of Cyprus, London 1901. Χρ. Παπαδόπουλος, Ὁ ἐν Ἀμμοχώστῳ καθεδρικός ναὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου («Ταχυδρόμος» 1902, № 1235). Проф. В. И. Соколов: 1) Очерки истории православия греко-восточн. церкви въ XIX в., Спб. 1901 (и во II т. Истор. христ. церкви въ XIX в., изд. проф. А. П. Лопухина, Спб. 1901); 2) Состояние монашества въ византийской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842—1204), Казань 1894. Παξιμάδας, Ἱστορία τοῦ συγχρόνου ἐκκλησιαστικοῦ ζητήματος τῆς Κύπρου, Ἀθήναι 1902; ἢ επ. *Arsemij* (Нвашенко), Летопись церковныхъ событий и гражданскихъ, поясняящихъ церковныя, отъ Р. X. до 1898 г. Спб. 21899. Ἀγαθάγγελος Νενολάκης, Ἡ πρὸς τοὺς Κρήτας ἀλληλογραφία Μελετίου τοῦ Πηγᾶ, ἢ προσετέθη καὶ τὸ περισκεύαστον ἔργον αὐτοῦ «Κατὰ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα.

Χανία 1908. К. Σάθας, Κυπριακά ἱστορήματα (въ сочиненіи Λόγαι καὶ ἄρθρα 1878—1902, т. 478 κтл.), Ἀθήναι 1902. Проф. С. А. Терюковскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патриарховъ православной церкви до IX вѣка, вып. I, Казань 1899. Ἀκολουθία Σπορίδωνος ἐπισκόπου Τριμυθέντος, Ἐνετίσαι 1880. Ἀκολουθία τῶν ἁγίων Ἀναστασίου, Χαρίτωνος, Αὐξεντίου καὶ Κενθέα, τοῦ ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Λουκᾶ, τοῦ ἁγίου Δημητρίου τοῦ Κουθήρης καὶ Κωνσταντίνου μαρτυροῦ, τῶν τῶν πρώτων ἐκδοθεῖσαι σπουδῆ καὶ βαπτήν τοῦ ἀρχιεπισκόπου πάσης Κύπρου κ. κ. Χρυσάνθου, δι' ἐπιστάσις τοῦ Κυπριανοῦ ἀρχιμανδριτοῦ, δημοσιευθεῖσαι ὑπὸ τοῦ ἱεροδιακόνου Ἀνθίμου, τῶν κυπρίων, Ἐνετίσαι 1779. Πέτρος Παπαγεωργίου, Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου Δημητρίου, ἐπισκόπου Κυπρίων ἐν Κύπρῳ («Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1907, № 18, οἰτ 4 мая, σ. 269—271. Ср. «Byzantinische Zeitschrift» 1907 (XVI), Heft. 1—2, S. 204—240: *H. Grégoire*, Saint Démétrios, évêque de Chytri (île de Chypre). *Sathas*, Vies des saints de l'église de Chypre, Gênes 1884. Ἀ. Διομηδῆς Κυριακός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, τ. I—III (Ἀθήναι 21897). Χαρίλαος Παπαϊωάννου, Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς βιβλιοθήκης τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Κύπρου, Ἀθήναι 1906. *F. Oberhummer*, Die Inseln Cypern, München 1903. Σίμος Μενάρδος: 1) Περὶ τῶν ὀνομάτων τῶν κυπρίων (Ἀθῆναι 1904, XVI, 257—294); 2) Ὁ Διγενὴς τῆς Κύπρου («Ἀκρίται» I, 295—300). «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1901, №№ 43, 44, 46; 1902, №№ 5—7, 11, 18, 31, 46, 51; 1903, № 33; 1904, №№ 12, 37; 1907, №№ 13—16. Другія библиографическія указанія соображаютъ: *Reinhard*, Vollständige Geschichte des Königreichs Cypern, S. 1—XX; *Oberhummer*, Bericht über Geographie von Griechenland («Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumwissenschaft, Bd. LXIV, S. 347—446, Bd. LXIX, S. 251—286, Bd. LXXVII, S. 29—96); *Claude Delaval Cobham*, An attempt at a bibliography of Cyprus, Nicosie 1900. (Здѣсь указано до 700 сочиненій, относящихся къ Кипру); *Bibliographie de l'Orient latin*, («Archives de l'Orient latin» 1881, I, Paris); Σακελλάριος, Τὰ Κυπριακά, τ. I, σ. 15—28. Ἀθήναι 1891; *Hackett*, указ. соч., стр. XV—XVIII; *A. Palmieri*, указ. наслѣд., стлб. 2469—2471; ἢ prof. *Hermann Usener*, Der heilige Tychon, Leipzig und Berlin 1907. Διάκονος Φιλάρетος Κουρίτης, Ἡ ὁρθόδοξος ἐκκλησία ἐν Κύπρῳ ἐπὶ φραγκοκρατίας, 1907. Φραγκοῦδης, Ἱστορία τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος Κύπρου. Ἐν Ἀλεξάνδρεια 1908. Ὑπόμνημα μητροπολίτου Κτίσιου κ. Κορίλλου πρὸς τοὺς σεπτοὺς πατριαρχικοὺς ἐξάρχους περὶ τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος ἀπὸ τοῦ θανάτου τοῦ ἀρχιεπισκόπου Σωφρονίου μέχρι σήμερον (1900—1907). 1908. Δύο πατριαρχικαὶ ἐπιστολαὶ περὶ τοῦ ζητήματος τῆς ἀγιωτάτης ἐν Κύπρῳ ἐκκλησίας. Ἐν Λευκωσίᾳ (Κύπρου), 1907. О кипрскомъ церковномъ вопросѣ новѣйшаго

времени см. наши статьи въ «Прибавл. къ Перк. Вѣдом.» 1903, №№ 5, 7, 11, 19, 21, 25, 29, 41, 49 и въ «Стражникъ» 1909 г., № 1, стр. 79—91. [*F. Nau*, La légende des saints évêques Héraclide, Mnaon et Rhodon on l'apostolicité de l'église de Chypre; Une lettre apocryphe de Paul et Barnabé aux Cypriotes въ „Revue de l'Orient chrétien“ 1907, p. 125—138. *H. Delehayc*, Saints le Chypre въ „Analecta Bollandiana“ 1907, 2, p. 161—301 и отдѣльно. *Rev. H. T. F. Duchworth*, The Church in Cyprus, London 1900. *Sir I. T. Hutchinson* and *C. Delaval Cabham*, A Handbook of Cyprus, London, 1907. The Catholic Encyclopedia IV (London 1908), p. 589—591. The History of the Orthodox Church of Cyprus въ „The Church Quarterly Review“ LVI, 112 (July 1903), p. 313—328. The Archbishopric of Cyprus *ibid.* LXVII, 133 (October 1908), p. 121—133. Академикъ *В. В. Ламышевъ*, Материалы для исторіи архіепископін Синайской горы: „Православный Палестинскій Сборникъ“, выпускъ LVIII, 2-я полов. (Спб. 1909), стр. 20, 21, 77, 89, 133, 134, 138, 160, 261, 283, 284, 289, 290, 341, 394, 397, 398, 401, 465 и соответствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска.]

Кипрская Латинская церковь была организована папою Целестиномъ III (1191—1198 г.). Впрочемъ, представители латинскаго клира появились на Кипрѣ гораздо раньше, прибывши сюда изъ Сиріи, — въ Левкосіи (=Никосіи) былъ и небольшой штатъ канониковъ; латиняне имѣли на островѣ и нѣсколько церквей, но строго организованной латинской іерархіи здѣсь не было; затѣмъ, и греки весьма враждебно относились къ латинянамъ и не разъ дѣлали попытки совершенно вытѣснить ихъ отсюда. Существенную услугу въ дѣлѣ водворенія латинянъ на Кипрѣ оказалъ король Амори II Лузиньянскій, который въ 1195 г. отправилъ въ Римъ лаодикійскаго архидіакова просить папу Целестина даровать латинской церкви на островѣ законное устройство. Папа исполнилъ эту просьбу и буллою отъ 20 февраля 1196 года поручилъ архидіаконамъ Лаодикіи и Лидды озаботиться устройствомъ латинской церкви на Кипрѣ. Архіепископская латинская кафедра была учреждена въ Левкосіи и ея юрисдикціи были подчинены епископін Пафа, Лемисса и Фамагусты. Латинская архіепископін имѣла въ своемъ составѣ древне-греческія епархіи Левкосіи, Тримвунта, Китія, Лалина, Кипринія, Китра, Соли и Тамасса; епархіи

пафская обнимала территорію греческихъ епархіи Пафа и Аринноя; епархіи лемисская равнялась по пространству древне-греческимъ епархіямъ Курія и Амавунта; наконецъ, фамагустская латинская епархіа обнимала епархіи Саламивна и Карласія. Первымъ латинскимъ архіепископомъ былъ Алэвъ, избранный представителями латинской церкви острова въ 1196 г. и утвержденный папою. Буллою отъ 13 декабря 1196 г. папа Целестинъ III утвердилъ привилегіи и владѣнія архіепископа, предоставлявъ въ пользованіе ему села Орнносет и Афандію и давши ему право собирать десятину въ 17-ти мѣстностяхъ; архіепископу даровано право носить и палліумъ за богослуженіемъ въ большіе праздники. Затѣмъ, по предписанію указанной папской буллы, клирики не могли, безъ согласія митрополита, уступать свои бенефиціи другимъ или передавать ихъ по наследству. Вторымъ латинскимъ архіепископомъ былъ, по сообщенію Lebuien'a, Дюранъ (Durand), а вѣрвѣе — Тьері (Thierry, Terry, Terricus), какъ говорить Mas-Latrie. Онъ управлялъ латинскою церковію въ 1206—1211 г. Въ это время латинскій патріархъ въ Константинополѣ Фома Морозина пытался подчинить своей власти церковную область Кипра, но эта попытка не увѣчалась успѣхомъ. По этому поводу папа Иннокентій III сдѣлалъ распоряженіе, чтобы латинскій архіепископъ или самъ прибылъ въ Римъ для защиты своихъ правъ, или прислалъ своихъ делегатовъ. Однако, кипрская церковь сохранила свою автокефальность. Въ 1211 г. клирики Левкосіи избрали на архіепископскую кафедру Дюрана, но этотъ выборъ не былъ одобренъ папою. Противъ новаго архіепископа были представлены различныя обвиненія, разслѣдованіе которыхъ было папою поручено іерусалимскому патріарху Альберту; въ дѣло затѣмъ вѣшался кипрскій король Гуго I Лузиньянскій, и по этому поводу папа Иннокентій III отправилъ нѣсколько посланій на Кипръ; въ результатѣ же Дюранъ совсѣмъ фактически не занималъ архіепископской кафедры. Въ 1217 году архіепископскую кафедру на Кипрѣ занялъ Евсторгій, который въ теченіе продолжительнаго своего управленія (до 1250 г.) оказалъ большія услуги латинской церкви. Онъ усердно зашищалъ ея права, былъ опытнымъ и пре-

даннымъ церкви администраторомъ, заботился о дисциплинѣ и просвѣщеніи клира, благоустроилъ матеріальный бытъ духовенства, закончилъ постройку храма святой Софіи въ Лемкосіи, заложеннаго бывшимъ іерусалимскимъ патриархомъ Альбертомъ и т. д.

Дѣѣ конвенціи въ Деяиссѣ (1220 г.) и Фамагустѣ (1222 г.) регулировали отношенія между баронами и клиромъ по предмету о десятинахъ и подчинили греческій клиръ латинской церкви. Въ силу этихъ конвенцій латинская знать обязана была платить церкви десятину со всѣхъ доходовъ отъ своихъ владѣній, а клиръ со своей стороны обѣщаль оставить за дворянами въ свободномъ пользованіи тѣ владѣнія, которыя нѣкогда принадлежали греческимъ церквамъ и монастырямъ. Указанныя обязательства бароновъ оказались очень для нихъ тяжелыми и въ царствованіе Алисы они апеллировали по этому дѣлу къ папѣ, но ихъ ходатайства оставлены безъ послѣдствій. Сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся ко времени Евсторгіи и свидѣтельствующихъ о ревности римскаго престола увеличить матеріальное благосостояніе латинской церкви на Кипрѣ, устранить злоупотребленія и поддержать дисциплину. Такъ, папа Гонорій III (1216 — 1227 г.) рекомендовалъ архіепископу Евсторгію не увеличивать безъ необходимости число церквей, подчинить латинскимъ епископамъ несторіавъ и яковитовъ, поселившихся на островѣ, назначить къ церквамъ священниковъ въ дополненіе къ существующему штату и т. д. Но и при Евсторгіи на Кипрѣ было мало латинскихъ школъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, духовенство не отличалось образованіемъ, и невѣжество служило источникомъ всякаго рода ошибокъ, какъ въ средѣ клира, такъ и въ народѣ, число приходоу не соответствовало общей численности латинскаго населенія. Преемникомъ Евсторгіи на архіепископской кафедрѣ былъ Гуго Фагіано (посвященъ въ епископа 9 апр. 1251 г.), отличавшійся ревностію въ управленіи церковною. Онъ часто обращался къ клиру съ наставленіями относительно усерднаго исполненія обязанностей, энергично защищаль права церкви отъ притязаній королевской власти и дворянъ, проводилъ жизнь строгую, но въ то же время былъ крайне несправедливъ къ грекамъ и пренебре-

жительно относился къ православію. По смерти Гуго въ Тосканѣ, архіепископскую кафедру въ Лемкосіи занялъ Вертранъ, а потомъ Рафаилъ, при которомъ состоялся соборъ по вопросу объ отношеніи латинянъ къ грекамъ. При Іоаннѣ Авконскомъ, французскандѣ (1288 г.), іерусалимскій латинскій патриархъ пытался лишить кипрскую церковь ея привилегій и доходовъ, и эти попытки, вслѣдствіе слабости и свиходительности архіепископа, могли бы увѣчаться успѣхомъ, если бы папа Урбанъ IV буллоу отъ 26 апрѣля 1291 г. не прекратилъ узурпаціи іерусалимскаго патриарха. Изъ архіепископовъ послѣдующаго времени болѣе другихъ извѣстенъ доминиканецъ Іоаннъ del Conte (1312 — 1319 г.), названный папою Клементомъ V. При немъ кипрская церковь жила спокойно, но среди духовенства стала развиваться роскошь, съ которою архіепископъ и вступилъ въ борьбу. Онъ энергично настаивалъ на соблюденіи клиромъ дисциплины, запретилъ духовенству заниматься торговлей, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно религіозно-нравственной жизни народа, благоустроилъ зданіе архіепископій, отличался любовью къ бѣднымъ, покровительственно относился къ народу и щедро помогалъ во время народныхъ бѣдствій. Но эта ревность о церкви латинской по обыкновенію крайне неблагопріятно отразилась на положеніи церкви греческой, на счетъ и въ ущербъ которой преимущественно и совершались Іоанновы дѣянія, прославляемыя латинскими писателями. Съ роскошью латинскаго клира боролся и архіепископъ Наія de Nabinaux, назначенный 16 ноября 1332 г. папою Іоанномъ XXII. Но и онъ въ своихъ распоряженіяхъ горько жаловался на то, что его декреты остаются мертвою буквою и что честолюбіе и любовь къ богатству попрежнему господствуютъ въ нравахъ духовенства. Архіепископъ Филиппъ I de Chambarlhac (1344 г.) получилъ отъ папы Клементя VI различныя привилегіи, между прочимъ, по судебнымъ дѣламъ, архіепископъ Реймонъ de la Pradel (1366 г.), по предписанію папы Урбана V, долженъ былъ предохранять латинянъ отъ посѣщеній греческихъ церквей, Андрей Родосскій (1447 г.), доминиканецъ, игралъ выдающуюся роль на Флорентійскомъ соборѣ и извѣстенъ своими попытками рас-

пространить унию и на Кипрѣ, архіепископъ Людовикъ Perez Fabrice (1447 г.) былъ рѣшительнымъ противникомъ венеціанской политики на Кипрѣ, а архіепископъ Бенедиктъ Soranzo (1484 г.) подвергся гоненіямъ со стороны венеціанцевъ за разномысліе въ вопросахъ церковно-религіознаго характера. Послѣднимъ архіепископомъ Кипра предъ завоеваніемъ его турками былъ Филиппъ Мосéниго, возведенный въ это достоинство папою Піемъ IV въ концѣ 1559 г. и извѣстный своими заботами о повышеніи религіозно-нравственной жизни въ народѣ. Въ XVI в. папскій престолъ вступилъ съ венеціанскою республикой въ соглашеніе по церковнымъ дѣламъ и предоставилъ ей право патроната надъ архіепископіей въ Левкосіи. При избраніи новаго архіепископа венеціанское правительство представляло пять четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выбиралъ одного.

Всѣхъ латинскихъ архіепископовъ на Кипрѣ въ періодъ 1196 — 1571 годовъ было 34. Латинскіе писатели хвалятъ ихъ за ревность въ исполненіи обязанностей и за защиту права церкви отъ притязаній и вмѣшательства гражданской власти. Но, съ другой стороны, извѣстно, что нѣкоторые архіепископы (Гуго Фагіано, Gerard de Langres, Іоаннъ del Conte), вслѣдствіе столкновений съ свѣтскимъ правительствомъ, вынуждены были оставлять островъ на болѣе или менѣе продолжительное время, когда и паства оставалась безъ архіепископскаго надзора и руководства; другіе знали о кипрской церкви лишь по доходамъ, которые получали отъ нея, сами не являясь на островъ (Коврадъ Карачьоло 1402 г., Стефанъ Карраръ 1406 г., Гуго II Лузиньянскій, Антоній Тунето, Іоаннъ Врусато), вслѣдствіе чего дисциплина среди духовенства падала и народные нравы грубѣли; третьи архіепископы, преимущественно изъ знатныхъ фамилій родомъ, больше занимались государственнымъ дѣломъ, чѣмъ церковными, проводили свѣтскую жизнь и пренебрежительно относились къ церковно-религіознымъ интересамъ.

Что касается взаимныхъ отношеній латинской церковной и гражданской власти на Кипрѣ, то со времени организаціи здѣсь латинской церкви между этими сторонами не было мира и согласія. Правители изъ Лузиньянска-

го дома, по видамъ политическимъ, признавали нецѣлесообразнымъ пренебрежительно относиться къ православнымъ грекамъ и оскорблять ихъ религіозныя чувства. Между тѣмъ латинскіе епископы, руководясь своими задачами, не находили возможнымъ всегда согласоваться съ политикою гражданскихъ властей, не рѣдко шли въ разрѣзъ съ ея видами и упрекали потомъ королей въ систематическомъ пренебреженіи болѣе важныхъ интересовъ церкви. Одновременно шла жестокая вѣрсионовданная борьба латинянъ противъ грековъ, сопровождавшаяся грубыми оскорбленіями послѣднихъ и насиліями вальними. Свѣтское правительство не всегда сочувствовало сильной сторонѣ и становилось по временамъ на защиту грековъ. Отсюда возникла усиленная вражда латинской іерархіи противъ королей и знати, пытавшихся поставить ее въ должныя границы. Далѣе, кипрская латинская іерархія вела борьбу и съ папскими легатами, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя документы папъ о правахъ и привилегіяхъ архіепископовъ и епископовъ на Кипрѣ. Особенно же большія притязанія на самостоятельность кипрской церкви заявляли латинскіе патріархи въ Іерусалимѣ, которые приглашались въ качествѣ третейскихъ судей, для коронаціи королей, для искорененія большихъ злоупотребленій и т. п., а въ дѣйствительности выходили изъ предѣловъ своихъ полномочій и пытались подчинить себѣ кипрскую церковь. Такъ, патріархъ Рауль de Grandville (1291), пользуясь слабостью архіепископа Іоанна Анковскаго, вторгся въ границы его юрисдикціи, исполняя епископскія обязанности въ его епархіи, получая его доходы. Папа Николай IV написалъ ему рѣзкое по этому поводу обличеніе. Въ 1481 г. архіепископъ Викторъ долженъ былъ разъяснить папѣ Сиксту IV, что кипрскій архіепископъ никогда не подлежалъ юрисдикціи іерусалимскаго патріарха. Особенно часто нарушались права архіепископовъ послѣ того, какъ патріархи въ Іерусалимѣ имѣли лишь титулярное значеніе и вынуждены были оставлять Палестину; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно водворялись на Кипрѣ, а нѣкоторые изъ нихъ занимали даже архіепископскую кафедру (легатъ Петръ de Pleine-Chassaigne XIV в., Ілія de Nabinaux). При защитѣ своихъ правъ отъ притязаній іерусалимскихъ па-

триарховъ, кипрскіе архіепископы указывали на то, что латинская церковь на островѣ автокефальна, какъ автокефальна и церковь греческая, отъ которой первая унаслѣдовала свою независимость. Другой причиной столкновѣній между латинскимъ духовенствомъ и свѣтскимъ правительствомъ служилъ имущественный вопросъ. Дѣло въ томъ, что латинскіе епископы желали овладѣть всѣми имуществами, которыя раньше принадлежали греческой церкви, но встрѣтили въ этомъ корыстолюбіи противодѣйствіе со стороны и грековъ, и королей, и дворянъ, а съ другой стороны свѣтскіе собственники на Кипрѣ, обязанные платить латинской церкви десятину и другіе налоги, весьма неаккуратно исполняли это обязательство, а потому вступили съ латинскою іерархіею въ упорную изъ-за десятины борьбу, тянувшуюся въ течение всего періода латинскаго господства на островѣ. Напрасно архіепископы и епископы Кипра обращались къ папамъ съ жалобами на королей и бароновъ, тщетно и сами папы писали послѣднимъ грозныя посланія, требуя подчиненія церковной власти;—имущественные разногласія и споры составляли устойчивую особенность въ латинской церковной жизни вплоть до завоеванія Кипра турками.

Однако и среди борьбы изъ-за матеріальныхъ расчетовъ латинское духовенство не забывало о своихъ обязанностяхъ. Вопросы дисциплины и разностей между греческой и латинской церквами обсуждалась на общихъ собраніяхъ латинскихъ епископовъ, но архіепископы и отдѣльно дѣлали постановленія по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ въ церковно-общественной жизни. Такъ, Гуго въ 1253 г. издалъ постановленіе о томъ, что міряне должны повиноваться клирикамъ и оказывать имъ почтеніе, а другимъ постановленіями регулировалъ отношенія между клириками, предписалъ имъ усердно исполнять свои обязанности, осудилъ ростовщичество и грозилъ повиннымъ въ немъ церковнымъ наказаніемъ. Въ 1298 г. архіепископъ Gérard de Langres вмѣстѣ съ епископами Пафа и Лемпса составилъ нѣсколько дисциплинарныхъ правилъ относительно совершенія таинствъ, сбора десятины и т. д. Другіе архіепископы регулировали жизнь приходскую, дѣлали распоряженія о школахъ, призвахъ духовенства, монастырей, смѣнен-

ныхъ бракахъ, исполненій клириками своихъ обязанностей. Къ концу латинскаго владычества на Кипрѣ, мѣстная латинская церковь достигла значительнаго благоустройства въ своей внутренней жизни. Въ частности, латинское монашество на Кипрѣ представляло внушительную моральную силу. Монахи появились здѣсь главнымъ образомъ, во время короля Гюи Лузиньянскаго († 1194 г.), а затѣмъ число ихъ постепенно умножалось вслѣдствіе постоянного притока новыхъ иноковъ изъ Палестины и Сиріи. Здѣсь были августяницы, бенедиктинцы, кармелиты, картезианцы, доминиканцы, францисканцы, премонстранцы и другіе монахи. Центромъ монашества былъ столичный городъ Левкосія, гдѣ жили представители всѣхъ указанныхъ латинскихъ орденовъ. А затѣмъ, доминиканскіе монастыри были въ Фамагустѣ, Лемиссѣ и Вальѣ, францисканскіе — въ двухъ первыхъ городахъ и въ Пафѣ, кармелиты жили въ Фамагустѣ, Лемиссѣ и близъ Апелемидіи, августяницы въ двухъ первыхъ городахъ и т. д. Монашескіе ордена дали латинской церкви многихъ епископовъ и архіепископовъ, оказали латинской церкви большія услуги въ разныхъ отношеніяхъ. Но нравственность монаховъ не всегда стояла на высокомъ уровнѣ, и по этому поводу духовная власть сдѣлала рядъ распоряженій съ цѣлью подчинять иноковъ монастырскимъ уставамъ. Кроме того, латинскіе монахи зайняли себя грубымъ и дерзкимъ отношеніемъ къ православнои церкви и ея вѣрнымъ чадамъ. Они поселились почти исключительно въ греческихъ монастыряхъ, которые и отняли у прежнихъ ихъ собственниковъ—православныхъ монаховъ, овладѣли чужими имуществами, безсердечно выгоняли греческихъ монаховъ изъ ихъ владѣній, отнимали у нихъ святыни, стремились подчинить греческихъ иноковъ своей власти, оскорбляли православную вѣру и вообще причиняли православнымъ инокамъ неисчислимая бѣды—моральныя и матеріальныя—своими нехристіанскими по отношенію къ нимъ дѣйствіями. Этого пятна на латинскомъ монашествѣ Кипра не могутъ смыть и тѣ его заслуги для латинской церкви, о которыхъ любятъ распространяться католическіе писатели, забывающіе обращать вниманіе на другую сторону восхваляваемыхъ ими историческихъ фактовъ.

Неизвестное для греков латинское иго было низвержено турками, которые, овладев сперва Левкосией, а потом Фамагустой, съ яростію направились на латинянъ (1571 г.), овладѣли ихъ церквами и монастырями и обратили ихъ въ мечети, перебили очень много клириковъ и монаховъ, другихъ взяли въ плѣнъ, иныхъ загнали въ отдаленныя мѣста острова, два латинскіе епископа (Контарини пафскій и доминиканецъ Серафимъ лемискій) пали смертію мучениковъ. Вообще, оказавъ нѣкоторое снисхожденіе грекамъ и оставивъ въ ихъ пользованіи нѣкоторые православныя храмы, турки безъ всякаго милосердія и пощады истребляли латинянъ и ихъ достояніе, такъ что отъ цвѣтущей латинской церкви послѣ завоеванія острова мусульманами ничего не осталось. Здѣсь въ первое время турецкаго владычества не было даже ни одного латинянина; по крайней мѣрѣ, латиняне скрывали свою вѣру и выдавали себя за православныхъ. Но въ 1572 г. францисканцы уже возвратились на Кипръ и завяли въ Ларнакѣ церковь св. Лазаря. Они исполняли обязанности духовниковъ у латинскихъ купцовъ, поселившихся на островѣ, а также латинскихъ паломниковъ, отправлявшихся въ Святую Землю; постепенно францисканскій монастырь св. Лазаря сталъ благоустроиться и приобрѣлъ отъ купцовъ и паломниковъ достаточныя средства. Въ концѣ XVI в. въ Левкосіи была единственная латинская церковь, служившая нуждамъ западно-европейскихъ купцовъ. Въ 1636 г. при папѣ Урбанѣ VIII на Кипрѣ водворился францисканецъ Іоаннъ-Баттиста де Толи, который и занялся здѣсь пропагандой католицизма. Онъ устроилъ въ деревнѣ Марги церковь для маронитовъ, изъ которыхъ многіе перешли въ прежнее время въ исламъ. Затѣмъ ему удалось сдѣлаться епископомъ Пафа. Въ Левкосіи онъ возстановилъ церковь въ францисканскомъ госпиталѣ св. Креста и основалъ монашескую общину, получивъ на это денежное вспомошествованіе изъ Венеціи. Въ 1667 г. кустодія Святой Земли объявила францисканскій госпиталь въ Левкосіи своею собственностію, такъ какъ она нуждалась въ коллегіи, гдѣ юные миссіонеры могли бы изучать греческій языкъ. Пропаганда въ Римѣ, въ свою очередь, потребовала, чтобы францисканцы оставили монастырь. Послѣдніе устроили церковь близъ храма св. Креста и продолжали свое миссіонерское дѣло. Оно было довольно успѣшно и велось среди маронитовъ, армянъ и даже турокъ. Общее число католиковъ простиралось до 2.000 человекъ. Но въ концѣ XVII в. миссія францисканцевъ пришла въ полный упадокъ. Въ послѣдующее время латиняне на Кипрѣ были подчинены духовной юрисдикціи апостольскаго патриаршаго викарія въ Константиноплѣ. Въ 1762 году Сирія, Палестина и островъ Кипръ были выдѣлены изъ константинопольскаго викаріата и образовали самостоятельный латинскій викаріатъ, подъ именемъ аленскаго. Въ 1848 г. Палестина и Кипръ образовали Іерусалимскій патриархатъ и подчинены латинскому патриарху св. города. Первый патриархъ Іерусалима, извѣстный Валерга, организовалъ на островѣ миссію на новыхъ началахъ. Онъ послалъ сюда миссіонеровъ и монаховъ различныхъ орденовъ и учредилъ здѣсь нѣсколько школъ. Между прочимъ, на островѣ занимаются пропагандой монахини ордена Явленія св. Іосифа, которая имѣютъ здѣсь свои школы, церковь и госпиталь въ Ларнакѣ. Въ 1905 г. всѣхъ сестеръ этого ордена было 11, въ ихъ школахъ обучалось 107 человекъ, изъ нихъ 50 бесплатно, въ своемъ госпиталѣ онѣ давали пріютъ и лечили больныхъ. Кроме того сестры ордена наблюдали за дѣтскими пріютомъ, устроенномъ въ Ларнакѣ францисканцами Кустодіи. Послѣдніе основали здѣсь и монастырь, церковь котораго служить нуждамъ мѣстнаго латинскаго прихода. Въ Ларнакѣ есть другая латинская церковь св. Іосифа, построенная въ 1882 году. Въ 1877 г. латинскій патриархъ въ Іерусалимѣ Бракко послалъ сестеръ ордена св. Іосифа въ Левкосію, гдѣ онѣ и основали школу, въ которую поступаютъ для обученія дѣти лучшихъ фамилій города. Въ 1888—1889 г. онѣ устроили новое зданіе для своей школы и занялись еще уходомъ за больными. Въ 1905 г. община имѣла 5 сестеръ и 42 ученицы, изъ нихъ 22 бесплатныхъ. Францисканцы въ этомъ городѣ имѣютъ приходъ въ составѣ болѣе 300 человекъ, церковь св. Креста и школы. Монахини францисканскаго ордена занимаются пропагандой въ Лемисѣ. Вообще латинская пропаганда на островѣ постепенно усиливается, не встрѣчая никакого противодей-

ствія со стороны англійскаго правительства, которое безразлично относится къ вопросам вѣры. Лишь православная церковь испытываетъ на себѣ всѣ невзгоды англійскаго индифферентизма и латинскаго фанатизма, такъ какъ миссія латинскаго ордена имѣеть въ виду прежде всего „схизмати-ковъ“ — грековъ и направлена, главнымъ образомъ, противъ православія.

На Кипрѣ еще въ VIII в. водворились марониты, число которыхъ постепенно умножалось и въ XIII в. дошло до 800.000 человекъ. Нынѣ они (въ гораздо меньшемъ числѣ) живутъ въ Левкосіи, Ларнакѣ, Фамагустѣ, Лемисѣ и Пафѣ, имѣютъ свои храмы, монастыри и школы, говорятъ на новогреческомъ языкѣ, подчиняются въ церковномъ отношеніи латинскому маронитскому патриарху Ливана.

Кромѣ того, на островѣ живутъ — армяне, которые также имѣютъ свои храмы и монастыри и подчиняются армянскому патриарху въ Иерусалимѣ; яковиты, подчиненные антиохійскому яковитскому патриарху; копты, находящіеся въ зависимости отъ кайрскаго патриарха; несторіане или халдеи, подчиненные халдейскому митрополиту Тарса; такъ называемые *limobambaci*, вѣрованія которыхъ представляютъ смѣсь христіанства съ мусульманствомъ, и евреи, водворившіеся на островѣ подъ покровительствомъ англичавъ, но вопреки желанію коренного туземнаго населенія. Общее число представителей всѣхъ указанныхъ вѣроисповѣданій, болѣею частью, невелико, хотя нѣкоторые изъ нихъ водворились на Кипрѣ еще въ византійскую эпоху или въ періодъ латинскаго господства на островѣ.

Литература. Исторія латинской церкви на Кипрѣ изложена въ X—XII главахъ книги *J. Hackett's*, A History of the Orthodox Church of Cyprus etc., London 1901, а также въ статьѣ *A. Palmieri*, L'église latine („Dictionnaire de théologie catholique“ par V. a. s. a. n. t. e. M. a. n. g. e. n. o. t., t. II, col. 2449—2472), гдѣ указана и литература, къ которой относятся: *Joannes Cotericus*, Itinerarium hierosolymitanum et syriacum, Antwerpiae 1619; *Riccardo*, Constitutio cypria Alaxandri papae III graece nunc primum reperta latineque reddita ac notis illustrata, Romae 1636; *Dandini*, Missione apostolica al patriarca e maroniti del monte Libano e sua pellegrinazione a Gierusalemme, Cesena 1656; *Ducange*, Les familles d'outre-mer, edit. Rey, Paris 1869; *Mas-Latrie*: 1) Premier et

second rapport sur sa mission en Chypre („Archives des missions scientifiques et littéraires“ 1850, t. I); 2) Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan („Collections des documents inédits sur l'histoire de France: Mélanges historiques“, t. IV, Paris 1882); 3) Un chapitre à supprimer dans l'Oriens christianus („Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres“ 1896, t. XXIV); 4) Nouvelles preuves de l'histoire de Chypre (Bibliothèque de l'école des chartes, 1872); 5) Histoire des archevêques latins de l'île de Chypre („Archives de l'Orient latin“, t. II, Paris 1884, p. 207—328); 6) Les patriarches latins de Jérusalem („Revue de l'Orient latin“ 1893, t. I). *Rosi*, La difesa di un archivescovo di Cipro proleto da Pietro Bembo („Rendiconti del Linceo“, t. VI); *Seesselberg*, Das Prämonstratenser-Kloster Delapais auf den Insel Cypern, Berlin 1901; *Trudon des Ormes*, Liste des maisons et de quelques dignitaires de l'ordre du Temple en Syrie, en Chypre et en France, d'après les pièces du procès („Revue de l'Orient latin“ 1900, t. VII); *Enlart*: 1) L'art gothique champenois dans l'île de Chypre („Revue de Champagne et de Brie“, 1898); L'art gothique et la renaissance en Chypre, t. I—II (Paris 1899); 3) L'abbaye de Lapais en Chypre („L'ami des monuments et des arts“ 1898, № 62); 4) Les monuments français de l'île de Chypre, église métropolitaine de Sainte-Sophie à Nicosie (ibid. 1898, p. 259—278); *Die Lage der katholischen Kirche auf Cypern* („Das heilige Land“ 1878, S. 157, 184 ff.); *Die englischen Katholiken auf Cypern* (ibid. 1879, S. 103 ff.); *Gall*, Die maronistische Hierarchie (ibid. 1880, S. 122 ff.); *Oberhammer*: 1) Aus Cypern: Tagebuchblätter und Studien („Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, Bd. III, Berlin 1890, S. 183. 420 ff.); 2) Der Berg des heiligen Kreuzes auf Cypern, Ausland 1892; *Desimoni*, Actes passés à Famagouste devant le notaire génois Lamberto di Sambuceti („Revue de l'Orient latin“ 1893, t. I); *Album missionis Terrae Sanctae*, t. II, Milan 1893; *Liber peregrinationis fratris Jacobi de Verona*, ed. Röhrich („Revue de l'Orient latin“ 1895, t. III, p. 176—180); *Nicolaï de Marthono notarii*, Liber peregrinationis ad loca sancta (ibid., p. 627—638); *Parraud*, Vie de saint Pierre Thomas, de l'ordre de carmes, patriarche titulaire de Constantinople, legat de la croisée de 1365, Avignon 1895; *Enlart*, Notes sur le voyage de Nicolas de Martoni en Chypre („Revue de l'Orient latin“ 1896, t. IV); *Dichl*, Les monuments de l'Orient latin (ibid. 1897, t. IV, p. 293 suiv.); *L'église grecque en Chypre* („La Terre Sainte“ 1902, t. XIX, p. 205—208); *Pascal*, Histoire de la maison royale des Lusignans, Paris 1896; *Bérard*, Cypris: Chronique de l'île de Chypre au moyen âge, Paris 1902; *Chamberlayne*, Lacrymae Nicosienses: Recueil d'inscriptions Junéraires, la

plupart française, suivi d'un armorial chypriote, et d'une description topographique et archéologique de la ville de Nicosie, Paris 1894; *Giuseppe della Santa*, Alcuni documenti per la storia della chiesa di Limisso in Cypro durante la seconda metà del secolo XV („Nuovo archivio veneto“ 1898, t. XCVI, p. 150—187); *Röhricht*: 1) Regesta regni hierosolymitani, MXXCVII—MCCXXI, Insbruck 1893; 2) Additamenta, Insbruck 1904; *Golubovitch*, Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente di frate Francesco Suriano, Milano 1900; *Köhler*, Mélanges pour servir à l'histoire de l'Orient latin et des croisades, Paris 1900; *A. Palmieri*: 1) De monasteriis ac sodalibus ord. erem. s. Augustini in insula Cypri („Analecta augustiniانا“ 1905, t. I, p. 118 etc.); 2) Una versione greco della constitutio cypria di Alessandro IV („Bessarione“, 2-e série, 1905, t. VIII, p. 141—149); *J. Delaville le Roulz*, Les hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100—1310), Paris 1904; Греко-униты острова Кира XIII—XVI в. въ „Духовномъ Вѣстникъ“ за 1866 г.

М. И. Соколовъ.

Кира, преподобная подвижница сирійская, V столѣтія. Родомъ изъ сирійскаго города Вери, она вмѣстѣ съ Маріною проводила суровый отшельническій образъ жизни, носила вериги, посѣтила Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, а равно храмъ св. всехвальвой Феклы. Почила въ мирѣ послѣ 50-лѣтней подвижнической жизни, ок. 450 года. *Память ея 28 февраля.*

См. *Оеодоритъ Кирскій*, Исторія боголюбцевъ; Макаръ Ч.-Миней („Корра“, „Вѣста отъ града Вѣроуя киликійска“). Прологъ. *Хр. Л—въ.*

Киргизы и ихъ религія. Подъ именемъ *киргизовъ* у насъ извѣстны 2 племени, изъ которыхъ одно называется *киргизъ-кайсаками* или, —правильнѣе, —*казакъ-киргизами*, а другое *кара-киргизами* или *бурутами* (а не бурятами, какъ сказано на стр. 893 „Энциклопедическаго Словаря“ Ф. Павленкова, Спб. 1899); второе племя называется еще и *дикокамненными киргизами*, такъ какъ занимаетъ горныя хребты Тянь-Шаня и смежныя съ ними хребты семирѣченской и сыр-дарьинской областей. Оба киргизскія племени въ подданствѣ и у Россіи и у Китая. Кара-киргизовъ насчитывается всего до 850,000, а казакъ-киргизовъ до 2 милліоновъ. Послѣднее племя занимаетъ степи въ астраханской губерніи и въ областяхъ: уральской, тургайской, акмолинской, сыр-дарьинской, семирѣченской, семи-

палатинской, самаркандской и закаспійской. (Киргизы-казаки, или киргизъ-кайсаки раздѣляются на нѣсколько родовъ—„рму“; таковы по роду: адаевцы, табынцы и пр.—*Г. К.*). Оба племени по языку—чистые тюрки, по религіи—мусульмане суннитскаго исповѣданія *) и ханефитскаго законоположенія, т.-е., другими словами, у нихъ дѣла религіознаго характера и мелкія рѣшаются по преимуществу по законовѣдѣнію Абу-Ханифы Нумана бенъ Сабитъ, жившаго съ 699 по 767 годъ отъ р. Хр. и дѣйствовавшаго въ Месопотаміи; дѣла же уголовнаго характера рѣшаются двояко: или по обычному праву, если виновное и пострадавшее или убитое лица—киргизы, или по закону государственному, если одно изъ такихъ лицъ—изъ другого племени. Исламъ у киргизовъ, живущихъ смежно или вмѣстѣ съ сартами и татарами, которые издавна проповѣдуютъ и навязываютъ имъ исламъ. Мѣстами общественнаго моленія служатъ въ селеніяхъ и городахъ татарскія и сартскія мечети (въ киргизскихъ степяхъ также встрѣчаются теперь мечети съ минаретами и молитвенные дома.—*Г. К.*). Несмотря на номинальное исповѣданіе ислама, у киргизовъ, отдаленныхъ отъ вліянія сартовъ и татаръ, сохраняются до сихъ поръ

*) Въ совѣщаніи подѣламъ вѣры 1906 г. членъ Государственнаго Совѣта В. П. Череваяскій въ обстоятельной запискѣ убедительно доказывалъ, что русскихъ киргизовъ лишь татары хотять выставить истинными поклонниками Магомета, дабы этимъ приемомъ закрѣпить ихъ въ своей религіи. В. П. Череваяскій раскрываетъ, что киргизы никогда не были мусульманами, и отнюдь не управляются на основаніи постановленій шаріата, для этой цѣли они прибѣгаютъ къ „адату“, т.-е. своду обычаевъ, что же касается исповѣдуемой киргизами религіи, то она прежде шаманизма, а затѣмъ понемногу переходить въ мусульманство. Авторъ предостерегаетъ правительство отъ вторженія въ степь мусульманства, которое, по его мнѣнію, мертвить все, съ чѣмъ сталкивается, и если коранъ захватитъ киргизовъ, то они погибнутъ для цивилизаціи и культуры; необходимо ввести въ степи русскіе законы, измѣнивъ ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ населенія (см. „Новое Врѣмя“ № 10.753 за 20-е февраля 1906 г., стр. 3, столб. 3—4 въ „Хроникъ“; ср. *ibid.* № 10.758 за 25-е февраля).—*Н. Н. Г.*

остатки прежней ихъ религіи, шаманства. Наиболее крупнымъ остаткомъ надобно считать: знахарей, называемыхъ баксами¹⁾ и играющихъ ту же роль, какъ и шаманы у восточно-сибирскихъ племенъ; далѣе, зажиганіе свѣтильниковъ вокругъ кибиточнаго огня; потомъ, гаданіе на жезленной бараньей лопаткѣ и, наконецъ, встрѣчу перваго грома постукиваніемъ условъ кибитки ковшемъ по теченію солнца. Все это у киргизовъ держится еще потому, что слова и фразы, сопровождающія то или другое дѣйствіе, принадлежатъ именамъ Мухаммеда (Магомета), Хасана и Хусейна и др. лицъ мусульманской религіи. Обряды при зареченіи имени, обрѣзаніи, женитьбѣ и погребеніи всѣ справляются по мусульманскому положенію, но дѣла, касающіяся владѣнія, отчужденія, раздѣла имущества и развода—по адату, т. е. по обычаю²⁾. Такимъ образомъ, выходитъ, что и русскіе, и китайцы предоставляютъ киргизамъ судиться и рядиться, если только вѣтъ уголовщины по отношенію къ не киргизамъ, и справлять свои обряды, какъ имъ угодно. (Въ виду этого у нихъ дѣла рѣшаются иногда самосудомъ, проявляющимся въ формѣ „баранты“, т. е. грабежа скота и родовой мести; при чемъ бываетъ и такъ, что, напр., за убійство одного человѣка цѣлый родъ возстаетъ на другой родъ и метать до тѣхъ поръ, пока не нанесетъ тяжелыхъ бѣдствій противнику—*Г. К.*). Въмѣстѣ съ исламомъ къ киргизамъ проникли и тѣ заговоры и молитвы, повѣрія и легенды, которая у строгихъ мусульманъ, въ родѣ турокъ, считаются „отреченными“ и противными древнему, наиболее чистому, исламу; такъ, напр., киргизы вѣрятъ въ духовъ горъ, водъ, степей, жилищъ и огня и спасаются отъ нихъ разными изшештываніями³⁾.

¹⁾ „Баксы“, главнымъ образомъ, сохранялись у племенъ кочующихъ, т. е. въ теченіе цѣлаго года переходящихъ съ мѣста на мѣсто; напр., въ уральской обл. у адаевцевъ и табынцевъ.—*Г. К.*

²⁾ Въ дѣлахъ, которыя рѣшаются по адату—обычаю, главную роль играютъ *бін*, т. е. народные судьи въ рѣшеніи этихъ дѣлъ. Въ бін избираются, обыкновенно, родовые старшины.—*Г. К.*

³⁾ Самая употребительная молитва при изгнаніи духовъ,—это зареченіе корана: *Дуо билляти минн шайтани раджимъ* т. е. „Призываю къ Богу за помощію отъ діавола, побиваемаго камнями“. Изреченіе это—въ видѣ печатнаго листка—

Таблицъ съ разными душевспасительными заговорами и молитвами особенно много печатается въ казанскихъ литографіяхъ (см. „Дѣятель“ за 1903 г., стр. 235—240 и 360—365). Здѣсь же, въ Казани, киргизы получаютъ и большую часть своихъ религиозныхъ книгъ и книгъ литературныхъ, писанныхъ по-арабски и по-татарски¹⁾; напр., біографіи ветхозавѣтныхъ патриарховъ, пророковъ, судей и царей, начиная съ Адама и кончая Іисусомъ Христомъ (Иса и Айса); біографіи Мухаммеда, его родни и сподвижниковъ и пр. Киргизамъ извѣстно также сказаніе о 7 ефесскихъ отрокахъ (асхъ-буль-кахфъ). По вліянію корана и его комментаріевъ киргизы признаютъ, подобно другимъ мусульманамъ, въ числѣ святыхъ и Александра великаго (Искандѣръ Зуль-карвейнъ, Александръ Двурогій), который, по нимъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Іліей (Кыдыръ) ходилъ искать источникъ „живой воды“, т. е. воды безсмертія. Имя „Кыдыра“ спасаетъ человѣка отъ опасности. Соломона (Сулейманъ) — отъ злыхъ духовъ, семь ефесскихъ отроковъ—отъ враговъ, кредиторовъ, огня и воды (а хлѣбъ—отъ саранчи), Ноа (Шухъ)—отъ потопленія, Іисуса Христа—отъ злыхъ людей, а Іосифа (Юсуфъ)—отъ результата дурныхъ сновъ. Подобао сартамъ и татарамъ, киргизы прибѣгаютъ къ заступничеству скрытыхъ отъ чужого взора амулетовъ, которые носятъ то въ кушакахъ, то за пазухами, то въ волосахъ (женщины), то подмышками, то держать въ щеляхъ и углахъ жилищъ и пр. Первою по качеству почитательною книгою у киргизовъ, повятно, считается коранъ (а затѣмъ шаріатъ—мусульманскій катехизисъ, въ которомъ изложены главныя обязанности мусульманъ въ отношеніи религіи.—*Г. К.*). Коранъ употребляется и для гаданія, какъ и у сартовъ. Изъ другихъ способовъ гаданія, оставшихся у киргизовъ отъ прежнихъ временъ, извѣстны,—кромѣ гаданія на бараньей лопаткѣ, существующаго нынѣ также у монголовъ, урянхайцевъ и инородцевъ—тюрокъ томской, енисейской и иркутской губ.,—также гаданія: по цвѣту пламени,

приклеивается, обыкновенно, въ домахъ надъ косяками дверей.—*Г. К.*

¹⁾ Письменность у киргизовъ только татарская, а самобытной киргизской нѣтъ; нарѣчія различны.—*Г. К.*

въ которое бросается сало, по звѣздамъ, по экскременту овецъ и по камешкамъ. При рѣшеніи дѣлъ религіозныхъ и мелкихъ житейскихъ киргизы пользуются, — кромѣ „Большого Законовѣдѣнія“ (фикихъ акбаровъ) вышеупомянутаго Абу-Хавифы, называемаго обыкновенно „Имамъ Азамъ“, т.-е. великій имамъ, — сочиненіями: „Гидял“ (руководительство) Алія-бень-Абибекръ въ Ферганы, умершаго 1197 г. по р. Хр., „Джаміур-румұзъ“ (собраніе наместовъ) Мухаммеда Халистана, умершаго 1557 г., и нѣкоторыми другими, писанными на араб. языкѣ, почему обыкновенно выпрываетъ та сторона, гдѣ удачнѣе и лентѣ истолкуютъ соотвѣтствующее дѣлу мѣсто. Молитвы, омовенія и посты соблюдаются по правиламъ ислама, причемъ, какъ и другимъ мусульманамъ, даются льготы; напр., 5 положенныхъ въ сутки молитвъ можно читать и порознь и вмѣстѣ, когда порознь не удастся; если воды для омовенія подъ руками нѣтъ, или если она дорога, напр. въ пустынѣ, то вмѣсто воды можно употребить песокъ; постъ соблюдается лишь днемъ и т. д. Отъ молитвъ, омовеній и постовъ можно откупиться также пшеницей или другимъ хлѣбомъ: напр., 1 молитва стоитъ $4\frac{1}{4}$ фунта пшеницы по толкованію въ кн. „Джаміур-румұзъ“. Въ школахъ учатъ по корану хефтьёку т. е. $\frac{1}{2}$ корана, шаріату и другимъ книгамъ, печатающимся въ Базани и касающимся исключительно религіи. Кромѣ собственно мусульманскихъ школъ — медресе и мектеде ¹⁾ — у киргизовъ имѣются и русскія, напр., въ астраханской губ., уральской и тургайской областяхъ. (Школы эти открываются съ разрѣшенія русскаго правительства, и въ нихъ преподають тѣ же предметы, что и въ начальныхъ школахъ русскихъ — одноклассныхъ и двухклассныхъ; въ нѣкоторыя школы допущены и муллы для преподаванія мусульманскаго вѣроученія.

Татары и сарты, проникающіе въ самые отдаленныя и глухіе уголки киргизскихъ степей въ качествѣ весьма невыгодныхъ для киргизовъ сначала мелочниковъ-торгашей, а потомъ и скоро зажиточныхъ торгов-

цевъ, по своей привычкѣ сбывать среди киргизовъ гнилую или ничтожную вещь въ тридорога, зорко слѣдятъ за обрусеніемъ киргизовъ въ русскіхъ школахъ, стараются всѣми мѣрами враждебно настроить киргизовъ какъ противъ русскіхъ школъ, такъ и вообще противъ русскіхъ, и убѣдительно внушаютъ киргизамъ поступать въ русскія школы лишь при томъ условіи, если допустить будетъ въ школу мусульманскій мулла; а этотъ послѣдній старается оставить въ школѣ дѣло такъ, что киргизскіе мальчики, обыкновенно, *показно и механически* изучаютъ въ школахъ русскій языкъ и другіе предметы, большую же часть времени и все вниманіе свое удѣляютъ изученію мусульманскаго вѣроученія; такъ, за урокомъ русскаго языка или ариметики часто можно найти у ученика киргиза за партой мусульманскую книгу: хефтьёкъ, шаріат-имани и др. — Г. К.). Киргизы, живущіе около русскіхъ городовъ и селеній, охотчѣе отдають своихъ дѣтей въ русскія школы, чѣмъ живущіе внутри степей или около татаръ и сартовъ. (Но вообще киргизы — большіе охотники учиться въ русскіхъ школахъ, даже въ миссіонерскихъ — церковно-приходскихъ школахъ; почему крайне жаль, что на открытіе русскіхъ школъ среди киргизовъ, отпускается мало казенныхъ средствъ. — Г. К.). Еще медленнѣе того идетъ обращеніе киргизовъ въ православіе. (Въ настоящее время имѣется нѣсколько киргизскихъ миссій, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ астраханской, омской и оренбургской. Всѣ эти миссії подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ комитетамъ, а послѣдніе въ свою очередь подчинены московскому православно-миссіонерскому обществу.

Изданіе книгъ на ввородческихъ языкахъ для миссіонерскихъ учрежденій главнымъ образомъ вѣдаютъ переводческая коммиссія православнаго миссіонерскаго общества и братство св. Гурія въ Казани. — Г. К.). Книжки имѣются евангелія, учебники, буквари, словари, священная исторія обоихъ заѣтовъ, житія нѣкоторыхъ святыхъ и даже служебники. Всѣ эти изданія вышли въ количествѣ отъ 300 до 3.000 экз.

¹⁾ Высшія мусульманскія школы имѣются въ Стамбулѣ (Константинополѣ), Каврѣ, Вухарѣ; въ большой славѣ также медресе въ Карагалинскомъ (иначе — Сидскомъ) посадѣ оренбургскаго уѣзда. — Г. К.

Библиографія о киргизахъ имѣется въ слѣдующихъ книгахъ: 1) А. Е. *Александровъ*, Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ

захъ (Казань 1900, 970+14); 2) *В. И. Межовъ*, Туркестан. сборникъ: сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азии вообще и туркестанскаго края въ особенности (Спб. 1878—1888. 134+166+134 стр.); 3) *В. И. Межовъ*, Библиографія Азии, томы I и II (Спб. 1891—1894, 389+257 стр.); 4) *А. Н. Харузинъ*, Библиограф. указатель при сочиненіи „Киргизы Буноевской орды“ (Москва 1839, 60 стр.); 5) *H. Lansdell*, библиографическ. указатель при сочиненіи „Wissenschaftlicher Anhang zu Russisch—Central—Asien“ (Leipzig 1885, 26 стр.); 7) *И. П. Семеновъ*, подъ словами „Киргизъ-кайсаки“ „Киргизы“ во II т. „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи“ (Спб. 1865). Въ этихъ 7 указателяхъ приведено нѣсколько тысячъ названій книгъ и статей, въ которыхъ говорится о киргизахъ, ихъ религіи и бытѣ. (Ср. еще *А. В. Васильевъ*, Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ съ предварительнымъ краткимъ очеркомъ этихъ отношеній). [См. также статьи „Киргизъ-кайсаки“ проф. *А. М. Позднѣва*, и „Киргизы“ *А. Е. Яновскаго*, въ „Энцикл. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, полуг. XXIX, стр. 95—101 и 101—103], а изъ болѣе старыхъ трудовъ, напр., *А. Левшина*, Описание киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1—3 тома, Спб. 1832. *Н. Неводинчакскій*, Матеріалы къ выясненію взаимно-отношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ, Спб. 1907. Корреспонденція въ „Новомъ Времени“ № 11.786 за 3 января 1909 г. изъ Степного Туркестана г. *В. С. В.*, который описываетъ киргизовъ со стороны привилегированныхъ „манановъ“ по отношенію къ „бухарамъ“, или простонародью.]

Н. Катановъ *).

Киреметь (*кереметь*) происходитъ, по всей вѣроятности, отъ арабскаго каримать (= уваженіе, почитаніе, обожаніе, чудо) и перешло къ чувашамъ, черемисамъ, вотякамъ и другимъ язычникамъ-инородцамъ отъ татаръ-мусульманъ или непосредственно отъ арабовъ, которые когда-то имѣли живыя торговыя сношенія съ инородцами волжско-камскаго края. Подъ словомъ киреметь инородцы-язычники разумѣли,—по мнѣнію однихъ,—культъ предковъ или души умершихъ, а по мнѣнію другихъ—культъ непонятныхъ имъ силъ природы какъ благотворныхъ, такъ и злыхъ и разрушительныхъ, что видно изъ сохранившихся на языкахъ выше-

упомянутыхъ инородцевъ молитвенныхъ обращеній къ киреметимъ. Однако, въ настоящее время подъ „киреметь“ язычники-инородцы разумѣютъ почти исключительно разрушительныя явленія природы, злыхъ предковъ и, главнымъ образомъ, души извѣстныхъ разбойниковъ, наводившихъ при жизни панической страхъ на мирное населеніе того или другаго округа. Съ цѣлью умиловить злыхъ киреметей и какъ бы подкупить ихъ, язычники-инородцы приносятъ имъ всевозможныя жертвоприношенія. Жертвы эти приносятся и на дому, и въ лѣсахъ, оврагахъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Мѣста, посвященные особымъ присутствіемъ той или другой киремети, сохраняются по возможности въ тайнѣ и профанамъ не открываются. Въ каждой мѣстности живетъ особая киреметь, которая является полновластною госпожей въ своемъ округѣ. Въ существованіе киремети вѣруютъ не только полудикіе язычники волжско-камскаго края, но отчасти и православные изъ нихъ, большинство которыхъ и до сихъ поръ остаются въ сущности язычниками, такъ что неудивительно, если свои старо-языческія понятія о киремети они цѣлкомъ перенесли на святыхъ православной церкви и на ихъ иконы.

См. о киремети: *В. Маминскій*, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры (Казань 1881); *его же*, Изъ быта чувашъ казанской губерніи („Этнограф. Обзорніе“ кн. XVIII). *Ф. Фуксъ*, Записки о черемисахъ и чувашахъ (Казань 1840). Проф. *Сбогъ*, Исслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи (Казань 1856). Прот. *В. Вишневскій*, Изъ записокъ миссіонера о религіозныхъ повѣрхьяхъ чувашъ. Проф. *Н. Смирновъ*, Черемисы: историко-этнографическій очеркъ (Казань 1889). *Н. И. Золотницкій*, Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ (Казань 1877). о. *М. Васильевъ*, О киреметяхъ у чувашъ и черемисъ (Казань 1904).

И. Жузе.

Кирена см. „Киринея“.

Киренаика, прежде Кирева (*Κορήνη*), первая греческая колонія въ верхней Ливіи, по Плинію (*Hist. Nat. V, 5*) находилась въ одиннадцати римскихъ миляхъ отъ моря (около 15¹/₄ верстъ), по Страбону (*Географія XVII, 3:20*)—въ восьмидесяти стадіяхъ отъ Аполлоніи (= 14 верстъ). Ее

* Нѣкоторыя дополненія и вставки принадлежатъ свящ. *Георгію Крашенинникову*.

основаль Ваттусъ, съ острова Феры, согласно указанію дельфійскаго оракула и владѣль ею въ продолженіе 40 лѣтъ. Послѣ него здѣсь царствовалъ 16 лѣтъ сынъ его Аркезилай. За все это время колонія почти не увеличивалась. Только при внуцѣ основателя колоніи Ваттусѣ II она быстро усилилась благодаря большому наплыву новыхъ колонистовъ изъ грековъ (Геродотъ IV, 153 сл.) и сдѣлалась богатѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ сѣверной Африки послѣ Картагена. Кромѣ грековъ населеніе ея состояло еще изъ ливійцевъ и римлянъ, а при Птоломѣе Лагѣ сюда пришли и іудеи (Іосифъ Фл., Противъ Апіона II, 4). Іудеи быстро размножились здѣсь и приобрѣли большое значеніе (Іосифъ Фл., Древности XIV, 7:2. XVI, 6:1; 1 Макк. 15, 23). Впослѣдствіи нѣкоторые кипривейскіе іудеи возвратились въ Іерусалимъ и во времена Христа уже имѣли здѣсь свою синагогу (Дѣян. 6, 9); многіе изъ нихъ сдѣлались христіанами (Дѣян. II, 20, 13, 1). Спмовъ, отецъ Александра и Руоа (Марк. 15, 21), нестій крестъ Спасителя (Мѣ. 27, 32. Мрк. 15, 21. Мк. 23, 26), былъ кипривейскимъ іудеемъ. По преданію, здѣсь проповѣдоваль Евангелистъ Маркъ (ср. Мрк. 15, 21). Сульпицій Северъ (Dialog. I, 5) такъ восхвалилъ нравы киривейскихъ христіанъ: „Они не покупаютъ и не продаютъ. Они не знаютъ, что такое обманъ и воровство. Они не имѣютъ ни золота, ни серебра, которыя считаютъ смертоносными, да и не желаютъ имѣть ихъ“. Первымъ епископомъ здѣсь, по преданію, былъ Луцій киривейянинъ (ср. Дѣян. 13, 1. Рим. 16, 21). Вмѣстѣ съ Синезіемъ, послѣднимъ великимъ своимъ представителемъ (410—415 г.), Киренаика сходить съ исторической сцены. Нынѣ Киренаика находится подъ владычествомъ магометанъ. Развалины ея привлекаютъ особенное вниманіе путешественниковъ и ученыхъ (ср. *Belley* въ „Memoires de l'Academie des inscript.“, Paris 1774, XXXVII, 363 сл.; *Guil. Gesenius*, De inscript. phoenico-graeca in Cyrenaica nuper reperta... Halae 1825; *Gottschick*, Gesch. d. Gründung d. hellen. Staates in Kyrenaika, Lpzg 1858). Во время крестовыхъ походовъ Киренаика сдѣлалась кафедрою лативскаго епископа, но ни одинъ епископъ не жилъ тамъ. Теперь у католиковъ Diocesis Cyrenensis счи-

тается въ числѣ епархій in partibus infidelium. См. ниже „Киривей или Кирена“.

Литература. *Le Quien*, Oriens christ. II, 622. III, 1151 сл.; *Wütsch*, Kirchl. Geogr. und Statistik II, 306 сл.; *Guthe*, Kurzes Bibelwörterbuch, 381; архим. († еп.) *Михаилъ*, (Лузавъ), Толковый Апостолъ на Дѣян. 2, 6. II, 13; † о. *И. Ѡ. Солярскій*, Опытъ библ. словаря II, 417; архим. *Никофоръ*, Виблейская Энциклопедія II (М. 1892), стр. 142. [Виблейскіе и церковно-историческіе Словари и Энциклопедія, напр., *Vigouroux*, *Hastings*, *Clayton*. Ср. у † проф. *Ст. Вас. Ешевскаго*, Сочиненія, ч. I (Москва 1870), стр. 133 („Киренаика была странною чисто греческаго образованія“), 234—235 и въ магистерской диссертациі *А. А. Остроумова*, Сипскай филозофъ, епископъ птолемаидскій, Москва 1879, стр. 21—33 и др.]

С. Троицкій.

Киренскій свято-троицкій монастырь, иркутской еп., мужской, см. „Энци.“ V, 1035—1036.

Киренское викаріатство, иркутской еп., см. „Энци.“ V, 1032—1033.

Киринъ и Кирика Вопросаніе. Памятникъ половины XII ст., извѣстный съ этикъ именемъ—произведеніе трехъ новгородскихъ духовниковъ: Кирика, Саввы и Іліи. Заглавіе первой части, которое обычно распространяется и на весь памятникъ, слѣдующее: „се есть въпрошаніе Кюриково, еже въпраша епископа воугородьского Нифонта и ивѣхъ“. Вторая часть надписывается: „Саввини главы“, третья: „Ільино въпрошаніе“. Вопросаніе сохранилось въ ркн. концѣ XIII в. (Новг. Корч. Моск. Синод. В-ки № 132) и повзвѣвшихъ. Первая часть представляетъ сплошной текстъ, вторая и третья раздѣлены на статьи, при чемъ каждая часть имѣеть отдѣльный счетъ ихъ. Принято думать, что всѣ части памятника принадлежатъ Кирику, какъ автору, что Савва и Ілія были епископами, которыхъ Кирикъ вопрошалъ, какъ Нифонта, на которыхъ намекаетъ и надписавіе памятника („и ивѣхъ“). Однако, вѣрнѣе предполагать съ покойнымъ А. С. Павловымъ, что Савва и Ілія были такими же вопрошателями и духовниками, какъ и Кирикъ, и что памятникъ, такимъ образомъ, представляетъ соединеніе трехъ однородныхъ произведеній одного и того же времени и

мѣста. А вмѣстѣ соединены они потому, что содержатъ отвѣты преимущественно одного и того же новгородскаго владыки Нифонта (1130—1156 г.).

Биографическія свѣдѣнія объ авторахъ скудны и неустойчивы. Принято думать, что авторъ „Вопрошавія“ есть одно и то же лицо съ іеродіакономъ Кирикомъ, доместикомъ монастыря преп. Антонія рязянина, написавшимъ пасхалию въ 1136 (6644) г., гдѣ есть нѣкоторыя автобіографическія данныя. Принимая это предположеніе, о Кирикѣ можно сказать слѣдующее. Онъ родился въ 1110 г., 26 лѣтъ въ санѣ діакона занималъ должность доместика (уставщика и регента) въ новгородскомъ монастырѣ преп. Антонія. Принявъ санъ іеромонаха, получилъ должность духовника и сталъ писать „Вопрошаніе“ Кирика только послѣ 1136 г.; умеръ равнѣ 1156 г. Такимъ образомъ первая часть „Вопрошанія“ явилась между 1136—1156 г.

Авторъ второй части „Вопрошанія“ Савва былъ бѣлымъ священникомъ и духовникомъ. Въ „главахъ“ его встрѣчаемъ заимствованіе изъ „Вопрошанія“ Кирика; значитъ, Савва зналъ его произведеніе, а можетъ быть и самого автора и во всякомъ случаѣ писалъ свои записки не раньше Кирика. Съ своими вопросами Савва обращался исключительно къ епископу Нифонту.

„Ильино вопрошаніе“, по предположенію, принадлежитъ Ильѣ, священнику у святого Власія на Волосовѣ улицѣ, который былъ возведенъ потомъ въ новгородскіе владыки и сдѣлался первымъ архіепископомъ Новгорода. Въ исторіи Ильа извѣстенъ болѣе своею архипастырскою дѣятельностію.

Такимъ обр., въ этихъ трехъ новгородскихъ духовникахъ мы должны видѣть выдающихся людей епархіи, жившихъ въ самомъ Новгородѣ, врашавшихся около епископа и, навѣрно, хорошо знакомыхъ между собою. Но изъ всѣхъ ихъ для насъ живѣе и отчетливѣе представляется фигура Кирика, „Вопрошаніе“ котораго гораздо обширнѣе, чѣмъ оба остальныхъ вмѣстѣ. Отвѣтственное положеніе духовнаго отца обязывало Кирика интересоваться вопросами каноническаго порядка и считаться съ нравами и бытомъ общества. Его духовная семья была разнообразна по составу и вопросы духовнической практики, а также жизнь окружающей среды не рѣдко повергали Кирика въ

недоумѣніе, что дѣлать. Онъ принужденъ былъ искать отвѣта прежде всего въ книгахъ. Но мало начитанный, неразвитой и благоговѣвшій предъ книгой, Кирикъ плохо различалъ достоинство книгъ. Онъ не разъ ссылался на каноническія посланія Василія в., на отвѣты Тимофея алекс., на правило Іоанна Постника, въ которыхъ, впрочемъ, не все понималъ вълѣдствіе темноты перевода или лаковичности статей, наконецъ— на древнѣйшій славянскій епитимейникъ „Заповѣдь святыхъ отецъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кирикъ безусловно довѣрялъ такимъ произведеніямъ, которыя вазывались „худыми помоканунцами“: апокрифическое правило митр. Георгія или „уставъ бѣлесскій“, писанье какого-то Феодоса, записавшаго нѣкоторыя каноническія постановленія неизвѣстно какого митрополита, „нѣкоторая заповѣдь“ и другіе епитимейники. Кирикъ усердно обращается съ вопросами къ живымъ авторитетамъ, что было въ обычаяхъ времени. Чаше всего онъ ходилъ къ своему епархіальному епископу—знаменитому Нифонту, задавалъ ему свои недоумѣнные вопросы, чтобы записать отвѣты владыки; спрашивалъ и многихъ другихъ лицъ,—начиная съ кіевского митрополита Климента Смолятича и кончая епископскимъ чередомъ Лукой—Овдокимомъ. Заинтересовавшись какимъ-нибудь вопросомъ, Кирикъ старался добиться его рѣшенія отъ многихъ компетентныхъ лицъ. Живые авторитеты для него были такъ же многочисленны, какъ и письменные. Его довѣрчивость и неразборчивость сказались и здѣсь.

Въ „Вопрошаніи“ не мало разсѣяно чертъ, рпеующихъ бесѣды Кирика съ своимъ владыкой и отношенія ихъ между собою. Встрѣтится Кирику затрудненіе въ его практикѣ, замѣтитъ онъ какой-нибудь странный обычай или узнаетъ о непонятномъ ему распоряженіи владыки,—онъ идетъ къ Нифонту. Кажется, Кирикъ готовился къ бесѣдамъ и являлся съ книгами, читалъ изъ нихъ владыкѣ, требуя обсужденія или толкованія. Нифонтъ не рѣдко соглашался съ прочитаннымъ, разъяснял Кирику практическое приложеніе разныхъ статей, иногда же рѣшительно осуждалъ книги. На этихъ аудіенціяхъ попросту присутствовалъ домовый священникъ Нифонта и вставлялъ свое слово. Вывали тутъ и другія лица. Вообще, здѣсь незамѣтно строгаго этикета. Кирикъ не стѣс-

няется возражать епископу, пуская въ ходъ свою эрудицію. Задавъ владыкѣ вопросъ и не дождавшись его мнѣнія, онъ иногда предлагалъ свое собственное рѣшеніе. И епископъ соглашался съ своимъ собесѣдникомъ, даже хвалилъ его, когда онъ думалъ или дѣйствовалъ правильно; Кирикъ же ударялъ ему челомъ. Но подъ-часъ Нифонтъ смѣялся надъ вопрошателемъ и укорялъ его, приходя въ удивленіе отъ его аргументаціи, настойчиво запрещалъ, сильно гнѣвался или отшучивался. Видно, что новгородскій владыка обладалъ живымъ темпераментомъ, былъ вспыльчивъ,—и собесѣдникъ приводилъ его въ гнѣвъ своимъ довѣріемъ къ сомнительнымъ источникамъ, возмущалъ своею казуистикою, такъ что Нифонтъ запрещалъ ему дальнѣйшіе распросы. Но, вообще, отношенія между Кирикомъ и Нифонтомъ, очень хороши. Кирикъ былъ близокъ къ Нифонту и имѣлъ возможность наблюдать его. Владыка не смотрѣлъ свысока на своего названнаго собесѣдника: онъ ему разъясняетъ скрытую цѣль нѣкоторыхъ распоряженій своихъ, входитъ въ личныя дѣла Кирика и даетъ ему совѣты, когда тотъ ихъ проситъ. Кирикъ платитъ владыкѣ великимъ уваженіемъ, записываетъ не только его слова и настроенія при бесѣдахъ, но и происшествія частной жизни Нифонта, подтверждающія его рѣчи.

Плодомъ бесѣдъ Кирика съ своимъ владыкой и съ другими церковными дѣятелями, наблюденій надъ современной жизнію и начитанности въ тогдашней канонической и апокрифической письменности и было его *Вопрошаніе*. Заглавіе памятнака не совсемъ точно. Здѣсь содержится не одни вопросы,—хотя ихъ большая часть,—но вмѣстѣ съ тѣмъ положенія, неизвѣстно откуда взятыя, или выписки изъ нужной книги. „Вопрошаніе“ Кирика представляетъ собою рядъ замѣтокъ и набросковъ въ памятной книжкѣ дѣловаго человѣка. Вѣроятно, статьи заносились хронологически по мѣрѣ того, какъ Кирикъ добывалъ по вопросу точное указаніе,—я не приводилъ въ систему. Отъ того памятникъ отличается черновымъ характеромъ своей редакціи.

Записки Кирика отвѣчаютъ на три вопроса, касающіеся того класса, къ которому онъ принадлежалъ, именно—класса древняго духовника: 1) Въ чемъ онъ полагалъ суще-

ность нравственной жизни вѣрующаго, стражемъ которой былъ поставленъ? 2) какъ смотрѣлъ на человѣческій грѣхъ, который принималъ на свою душу? и 3) на тѣ средства противъ грѣха, которыя онъ предписывалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ?

1. У Кирика было опредѣленное этическое міросозерцаніе. Въ его основѣ лежить идея чистоты, понимаемой почти исключительно въ физическомъ смыслѣ. *Сущность нравственныхъ обязанностей* христіанина Кирикъ видитъ главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ христіанской святынѣ. Ею взглядъ развивается такъ. Церковь принесла съ собою святую таинствъ, храма и всѣхъ предметовъ богослужебнаго употребленія. А между тѣхъ человѣкъ нечистъ и можетъ осквернить святыню. Источникъ нечистоты его въ плоти. Отсюда задачи: какъ сохранить отъ человѣческой сиверны христіанскую святыню, а человѣку избѣгать грѣха, и какъ получить прощеніе за грѣхъ разъ онъ провозшелъ. Кирикъ думалъ, что церковь имѣетъ такую норму, подъ которую можно подвести всю жизнь человѣка во всѣхъ подробностяхъ ея и мелочахъ, и что противъ нарушеній христіанской нравственности въ церкви опредѣлено точное наказаніе. Съ его точки зрѣнія, нѣтъ дѣйствій нравственно безразличныхъ даже въ житейскомъ обиходѣ. Поэтому вопросы Кирика носятъ казуистическій характеръ и имѣютъ направленіе подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

II. *Кирикъ защитникъ чистоты*. Такъ какъ нечистота человѣка, по его представленію, происходитъ изъ двухъ источниковъ—изъ похоти и изъ употребленія нищи, то большая часть казусовъ нравственной жизни, его интересующихъ, сводится къ нечистотѣ перваго или втораго порядка. Въ основѣ вопросовъ о половой нечистотѣ лежитъ представленіе, что супружескія отношенія—только терпимое зло, что во избѣжаніе грѣха эти отношенія христіанъ можно регламентировать самымъ точнымъ образомъ. Два существа обращаютъ особенное вниманіе Кирика въ вопросахъ этого дѣла: священникъ, часто соприкасающійся со святянею, и женщина, часто нечистая. Изъ „Вопрошанія“ священникъ узнавалъ, какъ онъ долженъ вести себя съ женою, если у него служба черезъ день, гдѣ стоять ему въ церкви послѣ ночи, проведенной съ женою, какъ посту-

пать въ случаѣ ночного оскверненія и что дѣлать ему, если жена измѣнитъ.—Въ вопросахъ Кирика о *женщинѣ* сквозитъ ясная мысль о ея особенной нечистотѣ. Нѣкоторыя болѣзни дѣлаютъ ее нечистою и лишаютъ права вступать въ церковь, цѣловать евангеліе, ѣсть антидоръ. Рожденіе ребенка разсматривалось, какъ явленіе, оскверняющее не только мать, но даже и ту храмину, гдѣ оно произошло, а равно и женщину, присутствующихъ при родахъ. Женщину, нуждающую въ церковномъ хозяйствѣ, очень осторожно допускали до святяни. И вотъ почему наши древнія церковныя правила много занимаютъ просвирнею. Такъ, нашъ древній духовникъ доходилъ до мысли о женщинѣ, какъ сосудѣ нечистоты, и у Саввы, женатаго священника, является знаменитый вопросъ владыкъ: „ще случитъся плать женьскій въ порть вшити попу, достонтъ ли въ томъ служити порть?“ Своимъ отвѣтомъ владыка вскрылъ тайную мысль духовника о нечистотѣ женщины: „ци погана есть жена?“

Вопросомъ о пищѣ Кирикъ занимается также довольно подробно. Какъ и въ половую сферу онъ стремится внести сюда строгую регламентацію. Нѣкоторые роды пищи воспрещаются совершенно (мясо, бѣлки, удаленна, кровь и молозиво, т. е. первое молоко послѣ родовъ). На извѣстные дни церковнаго года даются точныя предписанія насчетъ стола. Посты строго должны быть соблюдены, такъ что даже младенецъ можетъ нарушать только одинъ первый постъ своей жизни, на второй его отнимали отъ груди. Постъ очищаетъ человѣка, приготовляетъ его къ святянію. Особенно строгое воздержаніе требовалось предъ причащеніемъ св. Таинъ и послѣ. Кирикъ убѣжденъ, что причащаться можно только натощакъ, и его смущали даже грудныя дѣти, которыя не могутъ поститься. Человѣка, приступающаго къ великому таинству, оскверняетъ даже мысль о пищѣ, даже намеки на процессъ ѣды. Отсюда невольнительно причащаться св. Таинъ, если человѣкъ „яичемъ толчетъ въ зубы до обѣдни“ или день св. пасхи, когда древне-русскіе христіане обыкновенно причащались.

III. *Средствами прощенія* были—зыполненіе епитимій самимъ вѣрующимъ и служеніе литургій его духовнымъ отцомъ. Представленіе древне-русскаго духовника объ *епитиміи* значительно расходилось со взгля-

домъ на нее церкви, какъ на врачество отъ болѣзни совѣсти. Епитимія опъ считалъ актомъ юридическимъ, совершенно вѣдшимъ. Состоя въ воздержаніи отъ мяса, молока и меда, въ удаленіи отъ святяни и въ исполненіи предписанныхъ молитвъ и поклоновъ, она представлялась Кирику тяжелою повинностью. Епитимією наказывали гораздо чаще за грѣховное дѣяніе, чѣмъ за намѣреніе. Какъ отбываніе повинности, ее переводили для молодыхъ на старость, когда возрастъ человека избавлялъ его отъ того грѣха, который наказывался епитимією. Епитимію раздѣляли: жена помогала мужу „терпѣть епитимью“ или мужъ женѣ, братъ помогалъ брату, другъ другу, вся семья участвовала въ несеніи епитиміи своего главы. Это раздѣленіе дозволялъ и Нифонтъ.

Также оригинально понималось Кирикомъ и другое средство избавиться отъ грѣховъ— *служеніе литургій*. Неизвѣстно, съ какого времени возникъ на Руси, а можетъ быть перешелъ изъ Греціи, обычай служить сорокоустъ по живымъ. Только извѣстно, что поддерживали его „чревоугодники попы“, т. е. духовники, для которыхъ сорокоусты были доходною статьей. Значитъ, сорокоустъ Кирикъ понимаетъ, какъ средство примиренія съ Богомъ, опять-таки чисто вѣдшимъ, юридическимъ образомъ. Новгородскій владыка не осуждаетъ его. Отдавая предпочтеніе сорокоусту послѣ смерти человѣка, онъ говоритъ Кирику, что нельзя отказать, разъ приноситъ сорокоустъ при жизни, „спасенія хотяче душа своей“, и совѣтуетъ ему пользоваться случаемъ въ интересахъ назиданія. Принимая сорокоустъ, духовникъ долженъ поучать вѣрующаго: „братъ, еслибы ты не грѣшилъ! Смотри, мертвецъ не грѣшитъ“.

Въ неразрывной связи съ мыслию о спасительности сорокоуста по живымъ стоитъ *обычай замѣнять епитимію обѣднями*. Кирикъ раздѣляетъ это мнѣніе, подтвержденіе которому нашелъ въ какомъ-то худомъ ножакавицѣ. Руководство Кирика указывало на пропорцію между срокомъ епитиміи и количествомъ литургій: 10 литургій шли за 4 мѣсяца епитиміи, 20 за 8 мѣсяцевъ, 30 за цѣлый годъ. Но еп. Нифонтъ высказался рѣшительно противъ такого обычая, разсуждая, что въ такомъ случаѣ было бы легко спастись людямъ зватнымъ и богатымъ, которые могли заказывать сколько

угодно дитургій и жить въ свое удовольствіе.

Содержаніе нравственной жизни христіанна, по Кирику, сводится къ требованію физической чистоты: жить по-христіански, значить не оскверняться и не осквернять святыхъ. Такимъ образомъ, съ *формальной стороны* къ нравственной жизни вѣрующаго предъявлялось требованіе, чтобы она текла по обязательной церковной нормѣ. Кирикъ не развился до возвышеннаго содержанія нравственныхъ идей новозавѣтнаго ученія и до уваженія человѣческой совѣсти, какъ единственнаго руководителя нравственной жизни и рѣшителя ея казусовъ. По своимъ этическимъ воззрѣніямъ, какъ проповѣдникъ чистоты и строгій номизмъ, Кирикъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Ветхаго Завѣта, влияніе котораго замѣтно въ „Вопрошаніи“. Но какъ бы было низко міросозерцаніе Кирика, мы не имѣемъ никакого права смотрѣть на него свысока, что замѣтно въ сужденіяхъ о немъ ученыхъ. Кирикъ является если не впереди, то по крайней мѣрѣ, въ уровень со своимъ вѣкомъ. Міровоззрѣніе этого простого грамотія выросло на очень распространенной тогда пенитенціальной письменности—отъ-части апокрифическаго характера. Кирикъ хорошо усвоилъ ея взгляды, только не ставъ выше ихъ. Но его нельзя винить за послѣднее. Развитію Кирика не помогала живая среда, изъ которой онъ вышелъ, и та паства, на которую онъ дѣйствовалъ. „Вопрошаніе“ Кирика охватываетъ рядъ задачъ и вопросовъ времени: вотъ почему оно много трактуетъ о нищѣ и наполнено цензурными подробностями о половой жизни; его ближайшая задача уяснить церковную дисциплину во всѣхъ ея деталяхъ. Вся философія Кирика состоитъ изъ ближайшихъ принциповъ и основъ, осмысливающихъ эти вопросы и задачи (идея физической чистоты и номизмъ).

Но міровоззрѣніе, развитое въ „Вопрошаніи“, имѣло на Руси распространеніе болѣе обширное по времени и мѣсту. Кирикъ—типъ. Степень его развитія и характеръ міросозерцанія свойственны древне-русскому духовнику всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Изъ дух. отцовъ послѣдующаго времени можно подробно характеризовать со стороны міросозерцанія только двухъ—Іосифа волоколамскаго и протопопа Аввакума. И это были хоро-

шіе ученики Кирика, не ставшіе выше своего учителя. Масса духовниковъ жила понятіями Кирика, потому что она имѣла дѣло съ тѣми же руководствами—епитимейниками. Незавѣстные авторы и редакторы послѣднихъ стояли на степеняхъ развитія Кирика, пользовались тѣми же самыми сомнительными источниками, которые были подъ руками новгородскаго духовника. Нѣкоторые исповѣдные вопросы въ этихъ руководствахъ навѣяны „Вопрошаніемъ“ Кирика, и по нимъ проходитъ красною нитью основная идея міровоззрѣнія Кирика о физической чистотѣ.—Насколько типично міросозерцаніе Кирика, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Мы знаемъ, что его „Вопрошаніе“ представляеть въсколько вопросовъ, относительно которыхъ мнѣніе автора совершенно расходится съ воззрѣніями его епископа. И вотъ, слѣдя за судьбою этихъ вопросовъ въ нашихъ епитимейникахъ и другихъ памятникахъ, мы видимъ, что взгляды Кирика переживаютъ воззрѣнія его владыки. Очевидно, для древне-русскаго духовника былъ не по плечу воззрѣнія новгородскаго епископа XII в. И въ „уставѣ блаженнаго Нифонта“, какъ называли въ древности „Вопрошаніе“, онъ считалъ для себя болѣе обязательными мнѣнія Кирика.

Вопрошаніе Кирика издано два раза: *Е. Калайдовичемъ* въ „Памят. Росс. Словесн. XII в.“ (съ пропусками) и проф. *А. С. Павловымъ* въ „Русск. Истор. Библіотекѣ“ т. VI (въ полномъ видѣ). О Кирикѣ можно читать: 1) у митр. *Евгенія*, Кирика діакона и domestика новгор. Автоііева мон. ученіе, имже вѣдати человеку числа всѣхъ дѣлъ, въ „Трудахъ Общ. Ист. и Др.“ ч. IV, кн. I; также въ Словарѣ Историч. ч. I подъ словами: Кирикъ и Нифонтъ; 2) въ Исторіи Р. Церкви *Филарета* т. I; 3) *Макарія* т. III, гл. V; 4) проф. *Е. Е. Голубинскаго* т. I, 2 пол. по 2 изд. стр. 421—461; 5) въ статьѣ *Гр. Малыгина*, О Кирикѣ писателѣ XII в. и его сочиненіяхъ въ „Смол. Еп. Вѣд.“ 1868 г. № 20 и 1869 г. №№ 4 и 5; 6) въ очеркѣ *С. И. Смирнова*, Древне-русскій духовникъ, Серг. Пос. 1899 г., гл. III. (Проф. *В. Н. Бенешевичъ*, „Отвѣты епископа Нифонта Кирику въ изложеніи Герберштейна въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, изд. Императ. Археогр. Ком., т. VI, изд. 2, ч. I (Памятникъ древне-русскаго каноническаго права XI—XV в.), Спб. 1908 г.)

С. Смирновъ.

Кирикъ, св. мученикъ тарсѣйскій (въ Киликіи), III столѣтія. Во время гоненія Іулитта вмѣстѣ съ 3-хлѣтнимъ сыномъ Кирикомъ отпавилась изъ своей родины Иконіи въ Селевкію; отсюда она, спасаясь отъ преслѣдованія, прибыла въ Тарсъ. Здѣшній суровый игемонъ Александръ потребовалъ ихъ на судъ, разбилъ голову Кирику и обезглавилъ мать его Іулитту. Собрать мучениковъ совершился въ придѣлѣ ихъ близъ Архистратига Михаила въ Аддахъ. Въ Константинополѣ былъ монастырь во имя св. Кирика, а въ Фасалидѣ, близъ Іерихона (въ Іудеѣ), стоялъ храмъ въ честь этихъ мучениковъ. Мощи св. Кирика въ XII и слѣдующихъ столѣтіяхъ находились во св. Софій Цареградской. Оксеррскій епископъ Амасторъ (388—418 г.) часть мощей мучениковъ привнесъ въ Оксерръ изъ Антиохіи, но ученые Болландисты различаютъ нашихъ мучениковъ отъ мучениковъ антиохійскихъ. *Память св. Кирика и Іулитты 15 іюля.*

Analecta Bollandiana I, 194 (AA. ss. Boll. 16 июня III, 17); иконійскаго епископа Теодора посланіе о мученичествѣ ихъ у *Кембеджиса*: *Illustrium Christi martyrum lecti triumphi*, Parisiis 1660; *Mai, Nova Patrum Bibliotheca* VI, 2 (1853), p. 417; *Migne gr. CXX*, col. 165; славянская минея; Макарь Ч.-Минея („повелѣвшу твоему преподобству честными твоими книгами“, съ молитвою Іулитты); прелогъ—*Cepelii*, [W. Smith and H. Wace, A Dictionary of Christian Biography I, p. 759].

Хр. Л.—вз.

Кирилла см. выше „Кирилла“, „Энци.“ X, 25.

КИРИЛЛИЦА и ГЛАГОЛИЦА. Кириллица есть ничто иное, какъ дополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо, извѣстное изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ IX—XI вв. (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датой, — Порфиріевская Псалтырь 862 г.). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тождественны съ соотвѣтствующими греческими. Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или сравнительно мало извѣстныхъ греческому языку, то относительно можно сказать, что это — одна изъ разновидностей β, встрѣчающаяся въ греческихъ

рукописяхъ (напр., въ Псалтыри 862 г.; надобно имѣть въ виду, что греки византійской эпохи произносили β въ большинствѣ словъ какъ в, въ меньшинствѣ, особенно послѣ μ—въ λαμβάνω и т. п., — какъ б). Буква ε, писавшаяся въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ ζ переречкнутое посредникъ II снимокъ съ нея между буквами ж и з, взятый изъ Евангельскихъ Листковъ Ундольскаго XI в.), и произносившаяся, какъ сложный согласный ъз, — повидимому, одна изъ разновидностей греческаго ξ, не рѣдная въ греческихъ рукописяхъ VIII—IX в. (напр., въ Стихихарѣ VIII—IX в.; см. снимокъ въ The Palaeographical Society, 2-я серия, № 4, London 1888). Буквы ц и ш по формѣ и значенію такъ близки къ еврейскимъ צ и שׁ (и къ ихъ самарянскимъ вариантамъ), что въ восточномъ ихъ происхожденіи трудно сомнѣваться; профессоръ Д. А. Хвольсонъ въ палеографической таблицѣ при его „Сборникѣ еврейскихъ надписей“ (Спб., 1884), показываетъ, что еврейское שׁ въ IX—X в. иногда писалось почти тождественно со славянскимъ ш. Буква ц, произносившаяся въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ шт, представляетъ вязь (соединеніе, лигатуру) буквъ ш и т, въ которыхъ вторая поднесена подъ первой (рядомъ съ буквой — вязью ц: λощиши, употребляются простыя буквы шт: λощтши; а въ рѣдка вмѣсто ц пишется ш съ написаннымъ надъ нимъ т). Буква ю—представляетъ сокращеніе юу — греч. ου; другія іотированныя буквы (см. таблицу II) по своему составу повторяютъ греческія ια, ιε (произносились, какъ наши я, е), или подражаютъ имъ. Остальныя буквы кириллицы для звуковъ неизвѣстныхъ греческому языку уже неясны по своему происхожденію. О ж можно думать, что это есть видоизмѣненіе своей сосѣдки буквы ε въ ея вышеуказанной древнѣйшей формѣ; надобно имѣть въ виду, что греки славянскій звукъ ж передавали черезъ свое ζ, также какъ и славянскій звукъ з. Буква ч въ ея древнѣйшей формѣ чаша (см. таблицу II) такъ близка къ ц, что можетъ быть видоизмѣненіемъ послѣдней; не лишне замѣтить, что греки славянскіе звуки ч и ч передавали однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ τζ. О буквахъ х, ц, ч можно сказать лишь то, что онѣ од-

ного происхождения; то же можно сказать объ и п а (последняя буква въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ имѣть двѣ формы, см. таблицу II). Буква ѡ (обычно пишется ѡи (см. таблицу II), рѣже ѡи, ѡи) — несомнѣнно сложная.

Буквы кирилловской азбуки, точно также какъ и буквы греческия, кромѣ звуковаго, имѣють еще числовое значеніе, т. е. употребляются какъ цифры. Кириллица здѣсь слѣдуетъ рабски за своимъ греческимъ оригиналомъ, и въ ней только буквы греческаго происхожденія, въ порядкѣ греческой азбуки, означаютъ числа: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, е = 5, з = 7, и = 8, ѡ = 9, ѡ = 10 и т. д., а новыя буквы для славянскихъ звуковъ (кромѣ ѡ = 900 на мѣстѣ сходной съ нимъ греч. сакхи) остаются безъ числоваго значенія. При этомъ для означенія 6 употребляется греч. стигма, (потомокъ древней дигаммы), а для означенія 90 — греч. коппа (см. на табл. II двѣ послѣднія буквы), изъ которыхъ потомъ стигма, замѣнивъ собою древнѣйшія формы буквы зѣло, приняла на себя также звуковое значеніе этой послѣдней, а коппа съ теченіемъ времени была замѣнена сходной съ нею буквой — ч.

Порядокъ буквъ кирилловской азбуки въ древнѣйшее время — тотъ же, что и греческой. Новыя буквы помѣщаются главнымъ образомъ въ концѣ азбуки, въ видѣ дополненія. Мы имѣемъ нѣсколько древнихъ церковно-славянскихъ стихотвореній или молитвъ, имѣющихъ азбучный акростихъ; одна изъ нихъ, наиболѣе сохранившаяся, принадлежитъ Константину Болгарскому, ученику славянскихъ первоучителей, жившему въ второй половинѣ IX в. и въ первой половинѣ X в. (см. „Константинъ Болгарскій“) и составляетъ „прологъ“, или предисловіе къ переведенному имъ сборнику словъ Іоанна Златоуста („Учительное Евангеліе“).

Первые стихи этого стихотворенія (въ русской окраскѣ):

Азъ словемъ симъ молжю Богу:
Боже всеса твари и зидителю
Видимымъ и невидимымъ,
Рослода Духа посылъ живущаго,
Да въдохнетъ въ сердце ми слово.
Еще будетъ на устѣхъ всѣмъ,
Живущимъ въ заповѣдѣхъ ти.
И т. д.

Изъ этой „азбучной молитвы“ и подобныхъ ей стихотвореній видно, что порядокъ буквъ кирилловской азбуки IX—X в. мало отличался отъ современнаго. Можно отмѣтить отсутствіе въ ней буквы у (въ древности писавшейся ѡу) и замѣну ея буквою ѣ (писавшейся ѣ).

Число буквъ въ кириллицѣ древнѣйшаго времени было болѣе значительно, чѣмъ въ современной. Стихотвореніе Константина состоитъ изъ 40 стиховъ, изъ которыхъ послѣдніе четыре, несомнѣнно, не имѣють связи съ акростихомъ; слѣдовательно, его азбука состояла изъ 36 буквъ. Черволицецъ (монахъ) Храбръ, почти современникъ славянскихъ первоучителей (—въ его время еще живы были люди, видѣвшіе первоучителей), въ своей статьѣ „О писемънехъ“ (т. е. буквахъ) говоритъ, что св. Константинъ взялъ изъ греческой азбуки 24 буквы и къ нимъ прибавилъ 14 новыхъ буквъ „по словѣнску языку“; онъ перечисляетъ эти 38 буквъ. Любопытно, что въ его спискѣ нѣтъ ни д, дѣ, ни ф и ѡ (сложенныхъ изъ слав. буквъ), ни игрированныхъ буквъ (кромѣ ю). Къ сожалѣнію, статья Храбра дошла до насъ въ сравнительно позднихъ спискахъ, лучшій изъ которыхъ, XV в., не смотря на хорошую сохранность текста, представляетъ нѣкоторыя неясности, и потому о нѣсколькихъ буквахъ кирилловской азбуки, значащихся у Храбра, приходится недоумѣвать.

Каждая буква кириллицы издревле имѣла особое названіе, слѣдую и здѣсь своему греческому оригиналу. Названіе первой буквы — азъ = я, мѣстоименіе 1-го лица; вторая буква носитъ названіе *букы* = буква (женск. рода); третья называется *вѣдѣ* = знаю (1-е лицо ед. ч.); четвертая *глаголи* = говори (2-е л. повел. накл.); седьмая — *живѣте* = живите (2-е л. повел. накл.) и т. д. Обыкновенно буква имѣетъ такое названіе, которое ею начинается, но, конечно, есть исключенія. Такъ *ерь*, *ерь* (значеніе этихъ названій намъ уже неясно) оканчиваются тою буквою, которую они означаютъ; *ижица* (буква безъ надобности взятая изъ греческой азбуки, какъ не имѣвшая для себя соотвѣтствующаго греческому о славянскаго звука) имѣетъ свое названіе (отъ *ижица*, часть ига — ярма) по сходству своей формы съ этимъ предметомъ; *жеъ*, можетъ быть, — поздняя (средне-болгарская) форма слова *уъ*:

яты, можетъ быть, — существуютъ женск. р., съ значеніемъ ѣзда (ѣ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ могло произойтись какъ я); *фертъ* (древн. *фрѣтъ*) и *хѣръ*, можетъ быть, — греч. слова, *φάρτος* и *χέρ*, употреблявшіяся у древнихъ болгаръ, жившихъ въ греческомъ соседствѣ. Тѣ буквы, которыя теперь не имѣютъ названія: ш, ѵ, ѣ, въ древности его могли имѣть; во всякомъ случаѣ въ акростихѣ Константина стихъ для ѣ начинается словомъ *печаль*, а въ статьѣ Храбра названіе этой буквы сокращенно передано черезъ *шт*; въ одномъ изъ Скитскихъ Патериковъ (иногда называемомъ Азбучнымъ; Троицк. Лавры № 701, Рум. Муз. № 307), переведенномъ въ древности, мы читаемъ такія названія: „ойта еже есть твердо велие“, ѵ — „оуъ великій“.

Мы не имѣемъ ни одного памятника, писаннаго кириллицей, который бы дошелъ до насъ въ подлинникѣ отъ временъ слав. первоучителей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ — надпись болгарскаго нари Самуила 993 г., сдѣланная на надгробномъ камнѣ — при могилѣхъ его отца, матери и брата въ церкви близъ озера Преспы въ Македоніи. Слѣдующіе за нею кирилловскіе памятники, собственно церковно-славянскіе или древне-болгарскіе, написанные въ разныхъ мѣстностяхъ древней Болгаріи, лишены датъ и только по особенностямъ письма (по палеографическимъ признакамъ) относятся къ XI в. Это — Саввино Евангеліе (или Саввина Книга), очень неполное; Евангельскіе Листки Ундольскаго (два листа), Суурасльская рукопись (Четья-Миней на мартъ мѣсяць), Хиландарскіе Листки (два отрывка словъ Кирилла іерусалимскаго). Позднѣйшихъ памятниковъ, XII и XIII вв., писанныхъ кириллицей въ древней Болгаріи, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ, уже относительно много; съ XIV в. однородные памятники пишутся не только въ Болгаріи, но и въ румынскихъ земляхъ — Молдавіи, Валахіи и Буковинѣ. Старшіе кирилловскіе памятники, написанные въ древней Сербіи и Босніи, начинаются съ конца XII в. Древняя Русь стала пользоваться кириллицей, повидному, еще до крещенія св. Владиміра, со времени появленія первыхъ христіанъ въ Кіевѣ (при Игорѣ); древнѣйшій русскій ея памятникъ, означенный годомъ, — великолѣнное Остромирово Евангеліе, написанное, вѣроятно, въ Кіевѣ

для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 годахъ. Есть основаніе думать, что кириллица имѣла нѣкоторое распространеніе въ Моравіи (гдѣ дѣйствовали Константинъ и Меодій) и изъ нея въ Чехію во всякомъ случаѣ *Magyrológium* Odónis, латинская рукопись XII в., находящаяся теперь въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Райградѣ, близъ Брюнна (въ Моравіи), имѣетъ приписки одного изъ своихъ читателей, сдѣланныя въ XII или XIII в. кириллицей (между прочимъ, начало одного изъ словъ Іоанна Златоуста въ обычномъ церковно-слав. его переводѣ).

Употребляясь въ разныхъ странахъ православнаго славянскаго міра, кирилловская азбука имѣла нѣкоторое разнообразіе какъ въ своемъ составѣ, такъ — особенно — въ формѣ буквъ, смотря къ мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ и діалектовъ тѣхъ славянъ, которые ею пользовались.

Болгары X—XIII вѣковъ знали ее въ наибольшей полнотѣ и въ наибольшей близости формъ буквъ къ ихъ греческимъ оригиналамъ. Это не мѣшало имъ пользоваться то большимъ, то меньшимъ числомъ буквъ. Въ однихъ ихъ рукописяхъ есть и з, и ѵ, въ другихъ только з, въ третьихъ только ѵ. Однѣ рукописи имѣютъ іотированныя буквы и, ѣ, ж, ѡ, въ другихъ ихъ нѣтъ. Однѣ рукописи имѣютъ букву с въ одной изъ формъ, другія не имѣютъ, и т. д. Форма буквъ у нихъ была также не вполнѣ одна и та же. Такъ, ѵ пишется то зѣ, то ѵ; рядомъ съ вязью ш употребляется шт; буквы ц и ѡ въ однихъ рукописяхъ стоятъ на строкѣ, въ другихъ имѣютъ (какъ у насъ) нижнюю черту подъ строкою, и т. д. Болгары конца XIV в. уже перестали употреблять іотированныя буквы (кроме ѵ и ѡ); и формы буквъ подъ ихъ перомъ значительно измѣнились отъ формъ XI в. Что до сербовъ, то ихъ рукописи отличаются отсутствіемъ буквъ ж и ѡ (юсоевъ простыхъ и іотированныхъ) и буквы к (у нихъ обыкновенно только ѵ); сербы-боснійцы не употребляли сверхъ того буквы ѡ, пользуясь вмѣсто нея буквою ѣ. Формы буквъ у сербовъ также имѣютъ свои особенности (всего больше у сербовъ-боснійцевъ). Русскіе рано утратили буквы ж, ѣ, ж, ѡ; формы буквъ, не смотря на извѣстную устойчивость русскаго письма,

также повсему взѣмались. Древнія рускія рукописи сохраняютъ первоначальный *уставной* видъ буквъ; съ XIV в. въ нихъ появляются сперва болѣе бѣглое письмо *полууставъ*, а затѣмъ вполне бѣглое—*скоротпись*. Московскій полууставъ XVI в. послужилъ образцомъ для шрифта московскихъ печатныхъ книгъ этого времени, который сохраняется до сихъ поръ въ нашихъ церковныхъ книгахъ (см. ниже въ особой статьѣ „Книгахъ и Книжномъ дѣлѣ“). При Петрѣ I, по инициативѣ великаго государя, рядомъ съ церковнымъ шрифтомъ былъ введенъ въ употребленіе въ печати для книгъ свѣтскаго водержанія *гражданскій шрифтъ*, представлявшій въ *общемъ* небольшое видоизмѣненіе церковнаго шрифта; онъ былъ изготовленъ впервые въ 1707 г. голландскимъ мастеромъ—„словолитцемъ“. Первая книга, напечатанная этимъ шрифтомъ въ Москвѣ,—Геометрія 1708 г.

Кириллица, въ общемъ одна и та же, сохраняется теперь всѣми славянами православными и униатами. Черноризецъ Храбръ относитъ составленіе кириллицы св. Константиномъ-Кирилломъ къ 8363 г. отъ сотворенія міра, когда жила Борисъ князь болгарскій, Растиць (т. е. Ростиславъ) князь моравскій и Коцель князь блатенскій (паннонскій). Эта дата, вполне заслуживающая вѣры, можетъ быть переведена на современное лѣтосчисленіе двояко: или 855 г. (если считать отъ сотворенія міра до рождества Христова, какъ считали одни греки,—5508 лѣтъ), или же 863 г. (если считать то же время, вмѣстѣ съ другими греками,—въ 5500 лѣтъ). Историческія данныя, сообщаемыя житіями свв. Кирилла и Меѳодія и другими источниками, заставляютъ рѣшительно остановиться на 863 г. (Бодянский и Дювернуа, игнорированіе Храбра, на основаніи этихъ данныхъ пришлѣ къ 862 г.).

Рядомъ съ кириллицею издревле существуетъ другая славянская азбука—**глаголица**. Памятники, ею написанные, почти столь же древни, какъ и кирилловскіе; ничего глаголическаго, подобнаго надписи 993 г., нѣтъ; но, напр., Зографское Евангеліе XI в. нитѣмъ не уступаетъ упомянутому выше Саввину Евангелію. Къ сожалѣнію, всѣ глаголическіе тексты, до насъ дошедшіе (Зографское Ев., Ассеманово или

Ватиканское Ев., Маринское или Григоровичево Ев., Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ, Клоцовъ сборникъ со словами Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ), не имѣютъ даты, и мы лишь по особенностямъ письма и языка можемъ считать ихъ написанными въ XI в.

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ сколько-нибудь значительнаго сходства ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя считать удачною. Большинство ученыхъ въ настоящее время держится теоріи происхожденія глаголицы отъ греческой скорописи (минускульнаго письма) VIII—IX в.,—теоріи, впервые выставленной Тэйлоромъ,—и вѣрнѣе, 1) что глаголица—то письмо, которое вошло въ употребленіе у славянъ, сошедшихъ съ греками и принявшихъ христианство еще до славянскихъ первоучителей (Храбръ сообщаетъ, что эти славяне „римскими и греческими писмены нуждахуся писати словенску рѣчь безъ устроа“); 2) что она была Константиномъ приспособлена къ звукамъ славянскаго языка, и 3) что она древнѣе кириллицы, а потому именно ей должно принадлежать названіе кириллицы. Но эта теорія не выдерживаетъ критики. Сколько грубыхъ натяжекъ нѣдѣляется, чтобы объяснить, напр., глаголическое *б* изъ вязы (соединенія) греческихъ скорописныхъ *ρβ*, *εβ* изъ *θβ*, *з* изъ *θ*, *ц* изъ *ζ*, *ч* изъ *τσ*, *ш* изъ *σσ*,—ничего удовлетворительнаго не получается; во всякомъ случаѣ игнорируется тотъ фактъ, что греки, учителя славянъ, около IX в. держались уже извѣстной системы при передачѣ славянскихъ звуковъ греческими буквами и довольно послѣдовательно изображали звуки *б* черезъ *β* (*Βοδλγαρος*, *Βορίστος*), *εβ* черезъ *ζ* (*Ζορπάνος* = жупанъ), *ц* и *ч* черезъ *τ* (*Κοτζιλης* = Коцель, *Κριβιτσοι* = Кривичи), *ш* черезъ *σ* (*Βοσσεγρადε* = Вышеградъ). Свидѣтельство Храбра о составленіи Константиномъ азбуки изъ греческихъ буквъ съ прибавленіемъ новыхъ, имъ изобрѣтенныхъ, писменъ—говорить вполне ясно, что во времена Храбра, черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ послѣ кончины славянскаго первоучителя Меѳодія (885 г.), видѣли въ Константиинѣ составителя кириллицы. Молчаніе Храбра о другой славянской азбукѣ рядомъ съ кириллицею указываетъ

на неизвѣстность ему чего-нибудь похожего на кириллицу. Мы не знаемъ, гдѣ жилъ Храбръ; какъ видно изъ его статьи, онъ взялся за перо, чтобы показать противникамъ славянской азбуки и письменности, — грекамъ и грекоманамъ, — что славянская азбука, составленная святымъ человекомъ Константиномъ (какъ это извѣстно „всѣмъ“ славянскимъ князьямъ людямъ), нисколько не ниже греческой азбуки, честь изобрѣтенія

основаніе думать, что Храбръ лучше чѣмъ кто другой могъ знать о древнѣйшей славянской азбукѣ, ея происхожденіи и ея творцѣ. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что кирилловская надпись царя Самуила 993 г. свидѣтельствуетъ о томъ, что въ концѣ X в. въ Македоніи, сравнительно близко отъ Солуны, кириллица была наиболѣе обычнымъ, если не единственнымъ славянскимъ письмомъ.

Т а б л и ц а I.

Ѡ _{(11)Ѡ} ,	Ѣ _{(12)Ѣ} ,	Ѥ _{(13)Ѥ} ,	Ѧ _{(14)Ѧ} ,	Ѩ _{(15)Ѩ} ,	Ѭ _{(16)Ѭ} ,	Ѯ _{(17)Ѯ} ,	Ѱ _{(18)Ѱ} ,	Ѳ _{(19)Ѳ} ,
Ѡ _{(11)Ѡ} ,	Б б,	В _{(2)в} ,	Г _{(3)г} ,	Д _{(4)д} ,	Е _{(5)е} ,	Ж ж,	З _{(6)з} ,	И _{(7)и} ,
Ѧ _{(10)Ѧ} ,	Ѱ _{(10)Ѱ} ,	Ѥ _{(20)Ѥ} ,	Ѩ _{(30)Ѩ} ,	Ѧ _{(40)Ѧ} ,	Ѩ _{(50)Ѩ} ,	Ѯ _{(60)Ѯ} ,	Ѱ _{(70)Ѱ} ,	
І _{(10)і} ,	І _{(10)і} ,	Н _{(8)н} ,	Ѧ _Ѧ ,	К _{(20)к} ,	Л _{(30)л} ,	М _{(40)м} ,	Н _{(50)н} ,	
Ѥ _{(80)Ѥ} ,	Р _{(90)р} ,	Ѧ _{(100)Ѧ} ,	Ѥ _{(200)Ѥ} ,	Ѯ _{(300)Ѯ} ,	Ѩ _{(400)Ѩ} ,	Ѱ _{(500)Ѱ} ,		
Ѡ _{(70)Ѡ} ,	Н _{(80)н} ,	Р _{(100)р} ,	С _{(200)с} ,	Т _{(300)т} ,	Ѡ _{(400)Ѡ} ,	Ѱ _{(500)Ѱ} ,		
Ѱ _{(300)Ѱ} ,	Ѧ _{(800)Ѧ} ,	Ѡ _{(700)Ѡ} ,	Ѥ _{(800)Ѥ} ,	Ѯ _{(900)Ѯ} ,	Ѩ _{(1000)Ѩ} ,	Ш ш,		
Ѱ _{(9)Ѱ} ,	Х _{(600)х} ,	Ѡ _{(800)Ѡ} ,	Ѩ _Ѩ ,	Ѯ _{(900)Ѯ} ,	Ѩ _{(90)Ѩ} ,	Ш ш,		
Ѧ,	ѦѦ,	ѦѦ,	ѦѦ,	Ѧ,	Ѧ Ѧ,	Ѧ Ѧ,	ѦѦ ѦѦ,	ѦѦ ѦѦ,
Ѧ,	Ѧі,	Ѧ,	Ѧн,	Ѧ,	Ѧ к,	Ѧ ю,	ѦѦ ѦѦ,	ѦѦ ѦѦ,
		ѦѦ ѦѦ,	Ѧ Ѧ,					
		ѦѦ ѦѦ,	Ѧ _{(400)Ѧ} ,	Ѧ _{(60)Ѧ} ,	Ѧ _{(700)Ѧ} ,	Ѧ ₍₉₀₎		

которой принадлежитъ язычникамъ; слѣдовательно, Храбръ писалъ тамъ, гдѣ славянская азбука и письменность подвергались нападкамъ и нуждались въ защитѣ, гдѣ греки были сильны, гдѣ славянскіе князья жили рядомъ съ греческими. Мы вправѣ предположить, что мѣстомъ, гдѣ жилъ Храбръ, былъ греческій Солунь, окруженный славянскими селами, пользовавшійся славянами, какъ рабочими, прислугой и т. п., дававшій въ своихъ монастыряхъ пріютъ монахамъ славянамъ; иначе говоря, есть

Мы не беремся дать какое-нибудь новое объясненіе глаголицѣ, но не можемъ не указать на близость ея къ кириллицѣ и на возможность видѣть въ ней искусственно передѣланную кириллицу. Глаголическія буквы, въ общемъ, не лишены сходства съ кирилловскими (а черезъ нихъ иногда и съ греческими уставными). Если кирилловская буква проста по своимъ составнымъ элементамъ, то столь же проста и соответствующая ей глаголическая (сравни е, о, н, р); если кирилловская, напротивъ, отличается слож-

ностью своей фигуры,—то же можно сказать и о глаголической (сравни *ι, ϑ, λ, μ, π*). Что особенно важно, это—значительное сходство новых букв кириллицы съ ихъ глаголическими сестрами, особенно *б, ж, ц, ч, ш, щ, ю*, могущее получить объясненіе лишь при допущеніи вліянія кириллицы на образованіе глаголицы, а не наоборотъ (см. выше сказанное о кирилл. *б, ц, ш, щ, ю*). Не лишне также замѣтить, что гдѣ кириллица, вслѣдъ за греческою азбукой, безъ всякой надобности имѣетъ сложныя буквы (*ου, ѡ*), тамъ и въ глаголицѣ сложныя буквы; какъ кириллица заключаетъ въ себѣ совсѣмъ не нужныя для славянскаго языка, совершенно лишнія греческія буквы (*ι, υ, ω*), такъ дѣлаетъ то же самое и глаголица.

Во всякомъ случаѣ связь глаголицы съ кириллицею не подлежитъ сомнѣнію.

Глаголическія буквы, подобно кирилловскимъ, имѣютъ также числовое значеніе. Въ то время какъ кириллица слѣдуетъ здѣсь вполнѣ за своимъ греческимъ оригиналомъ, глаголица имѣетъ естественный порядокъ, такъ что въ ней *а = 1, б = 2, в = 3, г = 4* и т. д., во—что любопытно—въ означеніи первыхъ сотенъ обѣ азбуки совпадаютъ (*р* и въ той и въ другой = 100, *с* = 200, *т* = 300, *р* = 400, *ѳ* = 500, *х* = 600).

Порядокъ буквъ въ глаголицѣ—тотъ же, что и въ кириллицѣ; названія глаголическихъ буквъ—тѣ же, что и кирилловскихъ. Это видно изъ такъ называемаго *Absenatium bulgaricum*, глаголической азбуки съ названіями ея буквъ въ латинской рукописи XII вѣка.

Изъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ, выше названныхъ, два—Зографское и Ассеманово Евангеліе—имѣютъ кирилловскія приниски своихъ читателей, показывающія, что ими пользовались болгары, привыкшіе къ кириллицѣ. Въ Синайской Псалтыри въ крупномъ письмѣ (въ заглавіяхъ) есть кирилловскія буквы. Въ свою очередь въ древнихъ кирилловскихъ книгахъ встрѣчается глаголица. Такъ, въ среднеболгарскомъ Охридскомъ Апостолѣ XII в. въ кирилловскомъ текстѣ то отдѣльныя слова, то цѣлыя строки написаны глаголицею.

Очевидно, глаголица употреблялась тамъ же, гдѣ и кириллица. Исслѣдованіе языка древнѣйшихъ глаголическихъ текстовъ пока-

зываетъ, что главныя изъ нихъ—Зографское и Ассеманово Евангеліе и Синайская Псалтырь—написаны въ древней Болгаріи, всего скорѣе—въ Македоніи. Святцы при Ассемановомъ Ев. имѣютъ имена нѣсколькихъ мѣстныхъ солунскихъ и струмицкихъ святыхъ (сверхъ того, Климента, епископа величскаго, автора ряда церк.-славянскихъ поученій), что указываетъ на происхожденіе писца этого Евангелія изъ Солуны или изъ близкаго къ этому городу мѣста. Что до Маринскаго Ев. и Клоцова сборника, то разбѣяныя въ ихъ языкѣ сербизмы говорятъ за написаніе ихъ въ области сербовъ или хорватовъ. Два глаголическія памятника—Пражскіе отрывки (два листа съ стихирами восточной церкви въ обычномъ церк.-славянскомъ переводѣ съ греческаго) и Кіевскіе отрывки (также два листа съ отрывкомъ богослужебнаго текста по западному обряду въ переводѣ съ латинскаго)—по даннымъ ихъ языка написаны у западныхъ славянъ:—первый въ Чехіи, второй едва ли не въ Польшѣ, что указываетъ на употребленіе глаголицы въ предѣлахъ епархіи первоучителя Меодія. Такимъ образомъ, въ XI и XII вв. глаголица была въ употребленіи въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи, въ Моравіи и Чехіи, можетъ быть въ Польшѣ. О Россіи этого времени мы имѣемъ данныя лишь отрицательныя. Русскіе писцы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, умѣли читать глаголицу и могли переписать глаголическую книгу кирилловскимъ письмомъ; но сами не пользовались глаголицею. Лишь въ видѣ исключеній мы встрѣчаемъ въ русскихъ книгахъ XI—XII в. отдѣльныя глаголическія буквы среди кирилловскаго текста. Такъ, въ отрывкѣ Евгеніевской Псалтыри XI в. (20 листовъ) есть три глаголическія буквы (визіалы); въ сборникѣ словъ Григорія Богослова XI в. есть одна глаголическая буква, в др. Только въ Московскихъ глаголическихъ отрывкахъ, изъ сборника поученій XII в. (два листа), глаголическія буквы разсыпаны по всему кирилловскому тексту. Въ XV—XVI в. русскіе грамотники еще сохраняли понятіе о глаголицѣ и иногда пользовались ею для криптографіи (тайнописи).

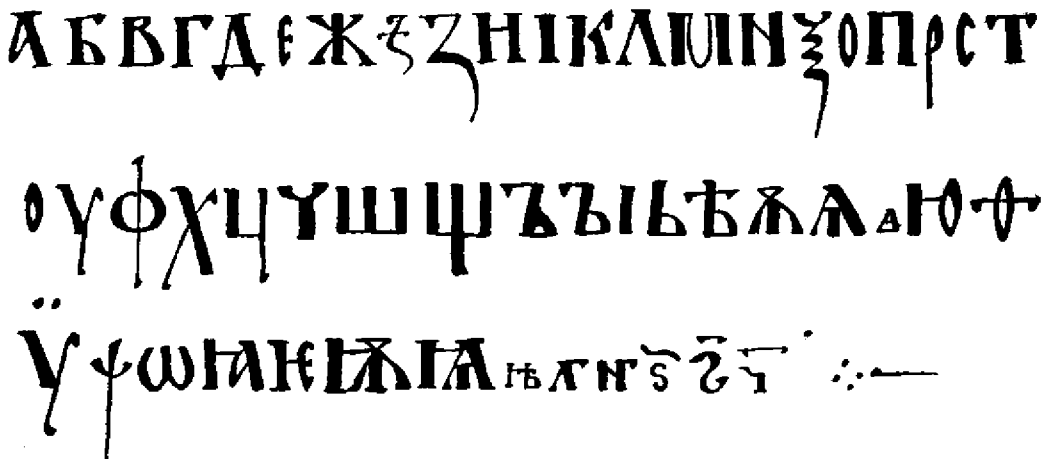
Глаголица также имѣла нѣкоторое разнообразіе и въ своемъ составѣ, и въ своихъ формахъ, смотря по мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ употреблявшихъ ее славянъ. Старшіе памятники

имѣютъ круглую, или болгарскую глаголицу; младшіе, съ XII—XIII в., почти исключительно хорватскіе, пользуются уже угловатою, или хорватскою глаголицей, близкою по типу къ латинскому готическому письму и, вѣроятно, происшедшей подъ влияніемъ послѣдняго. Глаголическія рукописи XIV и XV в. по большей части богослужебныя (часто съ тѣми же церк.-славянскими текстами, которые употреблялись въ то время въ Болгаріи, Сербіи и Россіи), довольно многочисленны; первая печатная глаголическая книга (служебникъ) появилась въ Венеціи въ 1483 г. Въ концѣ XIV в. на короткое время, вмѣстѣ съ богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ, глаголица перешла отъ хорватовъ къ чехамъ и черезъ чеховъ къ полякамъ, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не удержалась, оставивъ по себѣ слѣдъ лишь въ нѣсколькихъ глаголическихъ рукописяхъ чешскаго происхожденія.

Въ настоящее время глаголица сохраняется у тѣхъ немногихъ хорватовъ Адриатическаго побережья и на островахъ Адриатическаго моря, которые, будучи католиками, еще пользуются богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ и извѣстны подъ именемъ „гла-

голяшей“. Эти хорваты пользуются церковными книгами новѣйшей глаголической печати. Хорватское преданіе приписываетъ составленіе (или изобрѣтеніе) глаголицы блаженному Герониму. Но изъ сказаннаго нами выше можно видѣть, что это преданіе не имѣетъ никакой цѣны. Поэтому остается довольствоваться догадками о творцѣ (или творцахъ) глаголицы и о времени ея появленія. Мы считаемъ вѣроятною лишь одну изъ вѣхъ: глаголица составлена ученикомъ (или учениками) первоучителя Методія въ предѣлахъ его моравской епархіи во время поднятаго здѣсь латинниками (нѣмцами и ихъ сторонниками славянами) гоненія на славянское богослуженіе и славянскую письменность, ради спасенія этого богослуженія и этой письменности, такъ какъ главною причиною гоненія былъ явно греческій характеръ кирилловскаго письма, исчезнувшій при замѣнѣ кириллицы глаголицею. Объ этомъ гоненіи, принудившемъ часть учениковъ Методія бѣжать изъ Моравіи, рассказываетъ намъ греческое житіе Методіева ученика Климента Словенскаго (см. ниже статью: „Климентъ еп. словенскій“).

Таблица II.

Къ таблицамъ.

Таблицы: I представляет глаголическую современную печать; II заключаетъ въ себѣ и кирилловскую азбуку древняго типа во взаимномъ звуковомъ и числовомъ соотвѣстствіи, — какъ ихъ принято изображать въ

писей. Такъ, *зѣло* (между *ж* и *з*) взято изъ Листковъ Ундольскаго XI в., второй *юсъ малый* (передъ *ю*)—изъ Саввина Евангелія XI в., йотированный *ъ* (6-я буква отъ конца)—изъ Святослава Сборника 1073 г., *л* и *н* съ крочками (5-я и 4-я буквы отъ конца)—изъ Мстислава Евангелія начала XII в.; послѣдніе три знака—двѣ формы цифры 6 (употреблявшіеся также въ значеніи буквы *зѣло*) и конца=90.

Литература.—† Проф. О. М. Бодянский, О времени происхожденія славянскихъ письменъ (Москва 1855); Московскіе глагольскіе отрывки („Чтенія въ общ. ист. и древн.“ 1859, № 1).—† Проф. Д. Ф. Бильмесъ, Исторія алфавита и новое мнѣніе (Тейлора) о происхожденіи глаголицы (Казань 1886). С. Г. Вилчичскій, Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ („Гвѣтопись историко-филологич. общ. при Новоросс. Унив.“, т. IX).—† А. Е. Викторовъ, Последнее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ („Лѣтописи русской литературы и древности“, изд. проф. Н. С. Тихонова, т. II и III). Prof. W. Vondrak, Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philol.“, т. XIX). Geitler, Die Albanesischen und slavischen Schriften, Wien 1883. Проф. Н. К. Греческій, Памятники и вопросы древне-славянскаго письменности, т. I, Юрьевъ, 1904 (Кіевскіе и Пражскіе глагол. листы). † Проф. А. Л. Дювернуа, О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ („Чтенія въ общ. ист. и древн.“ 1862, № 2). Изслѣдованія по русскому языку; изд. Академіи Наукъ, т. I. Спб. 1885—1895 (статья Храбра). Кирилло-Меоодіевскій сборникъ, изд. † М. П. Погодинъ, Москва 1865. Проф. Е. Ф. Карскій, Очеркъ славянскаго кирилловскаго палеографіи (Варшава 1901); Надпись Самуила 993 г. („Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1889 г., № 4). † Архим. Леонидъ (Кавелинъ), О родивъ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ („Сборникъ Ак. Наукъ“, т. LIII). Меоодіевскій юбилейный сборникъ, изд. подъ редакціею орд. проф. А. С. Будиловича (Варшава 1885). Проф. В. Ф. Миллеръ, Къ вопросу о славянскаго азбукъ („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1834, № 3). В. А. Погорельцовъ, Замѣтка по поводу сказанія Храбра о письменахъ („Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“ 1901, кн. 4). Проф. А. Н. Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ, Фonetика (Москва 1891); Церковно-славянскія стихотворенія конца IX—начала X вѣковъ („Библиографъ“ 1892 г.); Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія перк.-слав. языка („Труды XI Археологич. Съезда въ Кіевѣ“, т. II); Къ исторіи древнѣйшей церк.-слав. письменности („Русскій Филол. Вѣстн.“

1902 № 1); Славяно-русская палеографія, конспектъ лекцій, читан. въ Спб. Археологическомъ Институтѣ, два курса (Спб. 1903). † Акад. И. И. Срезневскій, Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы (Спб. 1866); Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ. Лекцій (Спб. 1855). Taylor, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philologie“, т. V). Проф. О. Н. Успенскій, Т. Д. Флоринскій и Л. Милетичъ, Надпись царя Самуила („Извѣстія Русскаго Археологическ. Института въ Константинополѣ“, т. VI). Проф. Н. В. Яичъ (V. Jagic), Четыре палеографическія статьи, Спб. 1834 (разборъ теоріи Гейтлера); Glagolitica, Würdigung neuer entdeckter Fragmente, Wien 1890 (рецензія Т. Д. Флоринскаго въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ“ 1890 г., № 11); Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 (рец. Т. Д. Флоринскаго тамъ же 1901, № 4).

А. Соболевскій.

Кириллова книга. Это не—произведеніе св. Кирилла іерусалимскаго, отца церкви IV вѣка. Названіе книги искусственное, придуманное издателями. Это—русскій сборникъ XVII вѣка, въ коемъ помѣщены различныя статьи догматико-полемическаго содержанія противъ латинъ, лютеранъ и армянъ. Названіе „Кирилловы книги“ дано этому сборнику отъ первой статьи, представляющей толкованіе 15-го огласительнаго слова св. Кирилла. Толкованіе составлено западно-русскимъ ученымъ Стефаномъ Зизаніемъ, однимъ изъ противниковъ униі съ латинствомъ. Толкованіе Зизанія было написано на білорусскомъ нарѣчій и напечатано въ Вильнѣ, въ 1596 году, подъ названіемъ: „Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ“. Экземпляръ его имѣется въ библиотекѣ казанской Дух. Академіи. Переведенное на языкъ церковно-славянскій, оно и помѣщено первою статьею въ названномъ сборникѣ. Цѣль толкованія Зизанія была та, чтобы доказать, что римскій папа есть антихристъ, или „наивышній его предтеча“. Мысль объ этомъ предносилась въ то время и у другихъ ревнителей православія юго-западной Россіи и достигала до Авонскихъ монастырей (см. Посланія авонскаго монаха Іоанна Вишенскаго въ „Акцахъ юго-западной Россіи“, т. 2-й). Всѣхъ главъ или статей въ Кирилловой

книгѣ 48. Изъ нихъ 15 направлены противъ латинства: 25—27 и 34—46. Наиболѣе примѣчательныя статьи „о римскомъ отпадѣнїи, како отступиша отъ православныя вѣры“ (25) и „римскихъ ересѣхъ“ (26). Обѣ эти статьи переведены съ греческаго и суть произведенія неизвѣстныхъ греческихъ писателей-полемистовъ. Противъ ереси армянской помѣщены 4 статьи: 30—33 гл. Противъ лютеранъ тоже 4 статьи: главы 11, 12, 19 и 29. Остальныя статьи имѣютъ болѣе положительный характеръ. Въ этомъ отношенїи особенно выдается глава 47, состоящая изъ нѣсколькихъ статей дrevнихъ авторитетныхъ писателей: Фотїя патріарха константинопольскаго посланїе къ князю Болгарскому, Символь Аваласїа александрійскаго, Отвѣты Анастасїи патріарха антиохійскаго и Кирилла александрійскаго и Максима исповѣдника и Истолкованїе молитвы „Господи Ісѣе Христе Воже нашъ“.

Всѣ эти разнообразнаго содержанїа и далеко неодинаковаго достоинства статьи и собраны были въ одну книгу съ укомпличеннымъ названїемъ протопопомъ московскаго Архангельскаго собора Михаиломъ Роговымъ и напечатанную въ Москвѣ въ патріаршество Юсїфа (1644 г.).

Поводомъ къ изданїю полемической противъ разныхъ современныхъ ересей книги послужило желанїе царя Михаила Феодоровича выдать свою дочь за датскаго принца Вольдемара, но при томъ условїи, если онъ приметъ православную вѣру. Начались по этому обстоятельству релїгиозныя пренїи между лютеранскимъ насторомъ и православными священниками,—въ числѣ коихъ принималъ участїе и Михаилъ Роговъ (Сборн. Солов. библ. № 1604, л. 134). Пренїи остались безрезультатны и были для царя непрїятны. Онъ и повелѣлъ поэтому составить „предобрую книгу (обличенїа на ереси) отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную во единъ купъ совокупити и яко корабль многимъ богатствомъ наполнити туго“ (Нолѣвск., л. 560 об.).

Но богатство отъ святыхъ отецъ въ сборникѣ Рогова слишкомъ незначительно; да и какого-нибудь серьезнаго значенїа въ обличенїи ересей книга и въ свое время не имѣла, а теперь и рѣчи о томъ бытъ не можетъ. Но со времени появленїа раскола

Кириллова книга получила у насъ свое особенное, специальное значенїе. Какъ напечатанная до дѣтъ патріарха Никона, она явилась наряду съ другими (Большой Катихизисъ, Книга о Вѣрѣ и т. п.) однимъ изъ источниковъ „истинно-древняго благочестїа“, т. е. старообрядства и раскола. Съ этой стороны она не потеряла своего значенїа и до настоящаго времени. Повятно отсюда, что особенно въ прежнее время, дѣтъ за полтораста и болѣе назадъ, она была предметомъ преувеличенныхъ, но противорѣчивыхъ отзывовъ со стороны раскольниковыхъ писателей, съ одной стороны, и православныхъ писателей, съ другой, такъ что нѣсколько первые восхваляли ее не по достоинству, настолько послѣдніе порицали все, что и не заслуживаетъ жестокихъ порицанїй. По отзывамъ первыхъ, въ ней положены словеса „меда сладчайшїа, въ ней нѣсть лжи на святыхъ, нѣсть людямъ обману и прелести, но отъ многихъ священныхъ писанїй утверждаетъ люди во благочестїи, объясняетъ и утверждаетъ восточное православїе и научаетъ свѣщенной богословїи“ (Поморскїе отв. 37—39). По причинѣ такого уваженїа и такой восторженной похвалы Кириллова книга въ XVIII столѣтїи была вновь напечатана старообрядцами (Гродна 1786 г.). Съ другой же стороны, еще патріархъ Никонъ потребовалъ протопопа Михаила къ отвѣту и, по словамъ протопопа Неронова, лишилъ его скуфїи и даже проклялъ за еретическія мысли въ изданной имъ книгѣ (Житїе Неронова). Затѣмъ православные полемисты XVIII стол. давали о Кирилловой книгѣ самые рѣзкіе отзывы, которые, главнымъ образомъ, относились къ Стефану Визанїю, съ именемъ котораго соединили всю книгу (Феофилактъ Лопатинскїй въ „Обличенїи раскольников. неправды“, л. 138 и дал.).

Въ послѣднее время взгляды на нее до того смягчились, что она печатается въ московской единовѣрческой типографїи и употребляется миссіонерами для борьбы съ расколомъ. И на самомъ дѣлѣ, въ т. н. Кирилловой книгѣ, наряду съ совершенными нелѣпостями и старообрядческими мнѣніями и установленїями, не мало и такого, что даетъ миссіонерамъ оружіе въ борьбѣ съ расколомъ.

1) Въ числѣ нелѣпыхъ сказанїй, мнѣній

и обличеній латинства встрѣчаются такіе, будто папа Левъ гугнивый (Левъ IX) повелѣлъ понамъ имѣть по седми женъ, а наложица — кто сколько хочеть, а также и безъ епитиміи грѣхи прощать, или что Божію Матерь латины не называютъ Богородицею, — какъ разъ все наоборотъ. Къ довершенію всего въ статьѣ „о римскихъ ересяхъ“ помѣщенъ обличительно циническій разсказъ о томъ, почему латинское духовенство брѣзеть бороды (гл. 26). — Не менѣе нелѣпъ обличительный разсказъ объ армянахъ, что у нихъ установленъ постъ Арциурцевъ, — въ честь съѣденной волками собаки ихъ учителя *Арцы* (собаку звали *Урцы*), а также и о „арменскомъ причастіи“ (главы 31 и 32).

2) Раскольники пользуются, главнымъ образомъ, статью о крестномъ знаменіи (л. 180 об.), въ подтвержденіе двуперстнаго сложенія, чтеніемъ символа вѣры (л. 506), — въ частности, безпоповцы указываютъ изъ статьи Зизанія тѣ строки, гдѣ говорится, что „антихристъ прежде своего пришествія вездѣ жертвенники и жертву истребить“ (л. 32) и нѣкоторыми другими. Последнее мѣсто рассмотрѣно въ нашемъ „Критическомъ разборѣ...“, стр. 310—311.

3) Православные полемисты находятъ въ свою очередь мѣста о вѣчности священства (л. 77), о вѣчномъ же приношеніи Христовой жертвы, заимствован. изъ „Толковаго Апостола“ (л. 37, 351), о кратковременномъ царствованіи послѣдняго антихриста (л. 48 об.) и по нѣкоторымъ вопросамъ обрядовымъ (л. 285, 552, 554).

Изслѣдованіе о Кирилловой книгѣ бакалавра *Александра Ильича Лилова*, Казань 1858 (печаталось и въ „Прав. Собесѣданкѣ“).

Н. Ивановскій.

Кирилловъ, А. А., редакц. „Донск. Е. Вѣдом.“, ср. „Энци.“ V, 22.

КИРИЛЛЫ СВЯТЫЕ ВОСТОЧНЫЕ 1—5:

1) **Кириллъ**, св. епископъ катанскій, I столѣтія. Антиохіянинею родомъ, ученикъ св. Апостола Петра, отъ котораго получилъ и санъ епископскій въ сицилійскомъ городѣ Катанѣ. Кириллъ занимался обращеніемъ язычниковъ ко Христу и творилъ много чудесъ: между прочимъ, горькую воду источ-

ника молитвою сдѣлать сладкою. Видя это чудо, обратился въ христіанство и катанскій начальникъ, родомъ грекъ. Св. Кириллъ почилъ въ мирѣ въ почтенной старости. Тѣло его положено было въ Сициліи. *Память его 21 марта*. Макар. Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л—въ.

2) **Кириллъ**, св. священномученикъ гортынскій, III столѣтія. По доносу своихъ рабовъ Θεοφана и Θεοхириста онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу. Здѣсь во свѣ онъ услышалъ голосъ: „Кириллъ, требую, чтобы ты былъ въ Римѣ“. Это говорилъ преподобный Филоксенъ. Когда Кириллъ увидѣлся съ Филоксеномъ, послѣдній сказалъ: „ты примешь два вѣнца—епископскій и мученичскій; иди въ Римъ и утверждай тамъ вѣру“. Когда наступило гоненіе, Кириллъ хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ; но проѣзжая мимо Пелопоннеса, онъ услышалъ голосъ: „не миновать Крита, такъ какъ здѣсь есть нужда въ тебѣ“. Въ возрастѣ 60 лѣтъ Кириллъ былъ поставленъ въ архіепископы Крита и витрополиты Гортинны и правилъ каведрою 25 лѣтъ. Затѣмъ схваченный игомонамъ Агриппиномъ (или Лукіемъ), онъ за исповѣданіе Христа перенесъ много мученій и, наконецъ, по приказанію игомона Адриана былъ обезглавленъ въ мѣстности „Раксъ“ на 90 или 95 году жизни, въ царствованіе императора Декія (249—251 г.), или Максимилиана (286—308 г.). *Память его 9 іюля*.

А. А. ss. Boll. 9 іюля II, 684—687; славянская минея; Типикъ Великой Церкви (А. А. Дмитріевскій, I, 88); Никодимовъ *Συναξαριστής*; Макар. Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л—въ.

3) **Кириллъ**, св. мученикъ севастіійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 мучениковъ севастіійскихъ, пострадавшихъ въ 320 году. См. „Іоаннъ“ (въ „Энци.“ VI, 869—870). *Память его 9 марта*.

Хр. Л—въ.

4) **Кириллъ**, св. мученикъ иліопольскій, IV столѣтія. Въ царствованіе имп. Юліана, во время гоненія на христіанъ, когда былъ мученъ ареоусійскій епископъ Маркъ, вмѣ-

ствѣ съ нимъ страдалъ и діаконъ Кирилль за разореніе идольскихъ кумиренъ. Ему разсѣкали утробу, и все вугренности его вышли наружу. *Память его 29 марта.*

АА. ss. Voll. мартъ III, 774; Григорія Богословъ, Слово противъ Юліана Отступника; Феодоритъ Кирскій (Исторія Боголюбцевъ, кн. III, гл. 6); Макарь Ч.-Минея („Уже благочестію прославшю Христовою благодатію и елиасгвѣи прелести потемнѣвши, въ времена Константина Великаго“); прологъ.—*Серіи.*

Хр. Л—въ.

5) **Кирилль Филеотъ**, св. подвижникъ византійскій, XI—XII столѣтія. Кириакъ (мірское имя Кирилла) родился на еракійскомъ берегу Чернаго моря въ мѣстечкѣ Филеастъ, не далеко отъ Византіи, въ 1015 году. По достиженіи возраста ояъ отъ руки мѣстнаго архіепископа былъ поставленъ въ чтецы. Въ званіи клирика ояъ имѣлъ такой успѣхъ, что Дерскій архіепископъ пожелалъ имѣть его у себя. Въ 1035 году Кириакъ женился и сталъ отцомъ семейства. Почувствовавъ въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни, ояъ поступалъ на судно, на которомъ три года плавалъ по рѣкѣ Дунаю. Съ раняго возраста въ немъ проявилась наклонность къ юродству, которой не понимали ни его жена, ни другіа близкія къ нему лица. „Однажды,—рассказывалъ святой своему ученику и біографу Николаю Катаскепину,—когда мы плыли по рѣкѣ, я началъ плакать, бить себя по лицу, и заявилъ, что эта рѣка, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ рая и обтекаетъ всю землю; я заключилъ, что она есть хартія, содержащая написанные грѣхи мои“. Путешественники только смѣялись передъ такимъ откровеніемъ. Затѣмъ Кириакъ хотѣлъ было бросить свою жену и дѣтей и предаться отшельнической жизни, но уступилъ просьбамъ семейства и остался въ своей келліи, наложивъ на себя желѣзныя вериги. Изъ своего уединенія ояъ однажды ходилъ въ Константинополь для поклоненія въ храмъ Влахернской Богоматери, каковой путь считался въ 36 или 40 миль. Во время голода и мороваго повѣтріа Кириакъ оставилъ семьѣ послѣдній хлѣбъ, а самъ отправился опять въ Константинополь. Изнемогая отъ голода и трудностей дороги, святой помолился,—и Господь даровалъ ему пищу. Воз-

неся благодарственныя молитвы въ храмъ Богоматери, ояъ прибылъ въ мѣстечко Неаполь. Здѣшній кураторъ освѣдомился о личности пришельца, но не получилъ отвѣта, прибылъ его; впрочемъ, сообразивъ, что это юродивый, кураторъ просилъ у него прощенья. Во второе свое пребываніе въ столицѣ Кириакъ познакомился съ инокомъ Иларіономъ, а черезъ послѣдняго съ Анною Комнинною, матерью будущаго императора Алексея I Комнина (1081—1118 гг.), которая послѣ одной бесѣды убѣдила Кириака взять отъ нея нѣсколько денегъ. Затѣмъ святой отправился въ г. Хоны съ намѣреніемъ лично поклониться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудо Архистратига Михаила. Отсюда ояъ прибылъ въ предмѣстѣе Византіи Стенъ, въ мѣстечко Неаполь, гдѣ въ монастырѣ св. Филипа жилъ его духовный отецъ. Слава о блаженномъ Кириакѣ распространилась далеко, и многіе міряне и даже наиболее благочестивые изъ игуменовъ стали посѣщать его. Въ это время два его родственника, въ чаяніи исцѣленія отъ своихъ болѣзней, ѣздили въ старый Римъ для поклоненія мощамъ св. Апостоловъ; а братъ Кириака Михаилъ пострагасъ въ церкви Спаса, принявъ во иночествѣ имя Матвея, и союдалъ своей монастырь, для устройства котораго приходилъ туда самъ святой. Въ 1086 году, во время печенѣжскаго нашествія на Еракію, инокъ Матвей укрылся въ крѣпости Дерской, а Кириакъ ушелъ въ болѣе пустынное мѣсто залива и жилъ тамъ до удаленія непріятеля. Съ этого времени святой уже не возвращался въ свою семью, но, уйдя въ монастырь Спаса, принялъ тамъ постраженіе подъ именемъ Кирилла. Здѣсь ояъ прожилъ молчальникомъ три года. Видя одного христіянина, шедшаго въ Анхіалъ, Кирилль далъ ему 11 камилавокъ собственнаго издѣлія съ тѣмъ, чтобы тотъ продалъ ихъ себѣ на хлѣбъ; но христіянонецъ, забывъ о порученіи, возвратилъ эти камилавки святому. Блюденіе чистоты вѣры сказалось у Кирилла при встрѣчѣ его съ армяниномъ; результатомъ ихъ бесѣды было присоединеніе армянина въ лоно православной католической и апостольской церкви. Живя въ уединенномъ мѣстѣ залива, Кирилль былъ часто осаждаемъ пришельцами; для избѣжанія этого ояъ покинулъ свою обитель. Источники воды, устроенный святымъ, ока-

зался цѣлебнымъ; агиографъ Кирилловъ Николѣй Катаскепичъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ пилъ изъ него воду и выздоровѣлъ отъ боли въ желудкѣ. Молитвами святого получили исцѣленіе жители Филеаса Клапа и Мелимавра. Въ числѣ почитателей Кирилла былъ извѣстный Константинъ Хирсофактъ, сначала преторъ Еллады и Пелопониса, а потомъ проедръ, одинъ изъ ближайшихъ чиновниковъ при дворѣ имп. Алексѣя Комнина, богатый землевладѣлецъ, имѣнія котораго были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, и одно изъ нихъ находилось вблизи Кирилловой обители; это послѣднее Константинъ Хирсофактъ принесъ въ даръ святому. Другимъ виднымъ человѣкомъ, имѣвшимъ связи съ Кирилломъ, былъ Евмаоій Филокалисъ, начальникъ „критскаго флота“, т. е. византійскаго флота, крейсировавшаго въ критскихъ водахъ. Онъ былъ хромъ на обѣ ноги; отличался благочестіемъ и поддерживалъ дружбу съ филеотскимъ аскетомъ. И многіе изъ членовъ царствующаго дома Комниновъ считали за честь видѣться съ Кирилломъ и бесѣдовать съ нимъ по вопросамъ нравственнымъ, по вопросу о спасеніи души. Въ 1108 году, когда имп. Алексѣй Комнинъ велъ войну съ Возмундомъ Тарентскимъ и когда неизвестность исхода этой борьбы угнетала многихъ, Николай Катаскепичъ рѣшился обратиться къ своему учителю съ вопросомъ: „авва, кто достоинъ звать воистину, съ какими успѣхомъ совершить походъ свой царь нашъ?“ Кирилль отвѣтилъ ему: „достойный и истину знаетъ Богъ, а вотъ я скажу тебѣ, что я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ,—отъ Бога ли это, или отъ демоновъ. По исполненіи мною вочного славословія, имѣя обычай поминать въ немъ царей, недостойный, я началъ возносить моленія Богу о царѣ Алексѣѣ со слезами и душевнымъ напряженіемъ; ибо кто не молится за такого человѣка? Потомъ произнесъ Трисвятое и исполнивъ всаломъ „Господи, силою Твоею возвеселится царь“, я сѣлъ на свою постель и, думая о немъ, предавался размышленію о степени вѣроятности побѣды. И заснувъ не много, я вижу, что я отправился въ нѣкое ровное и освѣщенное мѣсто и, взглядымаея пристально туда и сюда, вижу по правую сторону царскую палатку, имѣющую видъ церкви, и множество военнаго народа около нея, а влѣ-

три ея — царя, сидящаго на високомъ и царскомъ тронѣ. Взглянувъ же въ лѣвую сторону, вижу страшное море со множествомъ небольшихъ судовъ, разбивающее ихъ и разбрасывающее по берегу. Лежалъ же превеликій черный песь съ ялитыми кровью глазами, смотрѣвшій какъ бы на императора; держалъ же его на цѣпи вѣкій блестящій мужъ. Потомъ вскорѣ я вижу, что тотъ же блестящій вовнъ влечетъ насильно пса и, подойдя, повергаетъ его къ стопамъ благочестивѣйшаго царя нашего. Какъ я думаю,— закончилъ свою рѣчь Кирилль,— царь Алексѣй подвинуть Возмунда“. Дѣйствительно, пророчество святого оправдалось. Знакомство имп. Алексѣя съ Кирилломъ началось слѣдующимъ образомъ. Однажды Алексѣй бесѣдовалъ съ однимъ инокомъ, хорошимъ знакомымъ Кирилла. Монахъ упомянулъ имя Кирилла, и императоръ спросилъ: „кто этотъ авва Кирилль? и если онъ таковъ, какъ ты о немъ говоришь, то какъ я его не знаю?“ И монахъ отвѣтилъ: „кто я, несмысленный, чтобы могъ говорить о немъ и свидѣтельствовать объ истинѣ, ибо глаза достовѣрнѣе ушей,— я такъ вѣрю, что Богъ свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ истинномъ своемъ рабѣ“. Услышавъ объ этомъ, царь немедленно послалъ къ святому своего родственника, протостратора Михаила Дуку, котораго Кирилль принялъ сначала не особенно гостеприимно. Святой, повидямому, находилъ безсмыслицу въ общепозребительномъ въ иноческомъ обиходѣ возгласѣ „благослови, отче“, особенно въ устахъ мірянина; онъ возмущался собственно словомъ „отче“ и до тѣхъ поръ не впускалъ къ себѣ Михаила, пока тотъ не назвалъ его „аввою“. Пробесѣдовавъ съ аскетомъ всю ночь, Михаилъ утромъ явился къ императору и разсказалъ ему о Кириллѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Тогда имп. Алексѣй рѣшился лично посѣтить подвижника. „Итакъ царь отправился къ преподобному со всѣмъ семействомъ. Когда они наклонили главы, благословляли другъ друга и обнялись, царь не хотѣлъ сѣсть, пока старецъ, убѣжденный его величествомъ; не сѣлъ первымъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „почто прибылъ сюда, благочестивѣйшій государь, къ негодному старцу, не имѣющему ничего хорошаго?“ Слухи о словахъ и дѣлахъ мнѣхъ достигли и до

твоей державы“... И царь сказалъ: „ты знаешь, авва, что меньшее украшается лучшимъ; ибо мѣ въвѣрена Богомъ (хотя и недостойно) такая власть; заботами о ней я днемъ и ночью занятъ и безпокоюсь настолько, что иногда некогда вспомнить и о Богѣ. Не слѣдуетъ ли мѣ почитать болящихся Бога, каковы бы они ни были по вѣщности? Мало того, но еще ходить къ нимъ и такъ сказать запасаться ихъ святыми молитвами для просвѣтленія помраченной души моей и для благоуспѣшности войска; ты знаешь, что многое можетъ дѣйственная молитва праведнаго, хотя моя безпечность не позволяетъ мѣ дѣйствовать по святымъ вашимъ молитвамъ; но я вѣрую въ то, что вашими святыми молитвами это дѣлается возможнымъ; таково мое настроеніе; и отовсюду ясно, что вѣхъ избравшихъ мірекую и высокую жизнь, хотя бы они и отличались благопризачіемъ, много почтеннѣе тѣ, которые посвятили себя монашескому и отшельническому житію“... Въ знакъ своего особаго благоволенія Алексѣй при прощаніи съ Кирилломъ спилъ свое платье и отдалъ его братіи; за нимъ послѣдовали и вся его семья и свита. Кромѣ того Алексѣй далъ Кириллу для раздачи бѣднымъ пять литръ и для монастыря одну литру золота, послѣ чего вернулся въ столицу. Эти пять литръ Кирилль роздалъ вѣдвѣдствію бѣднымъ, когда страну посѣтилъ голодъ; а братія продала царскія одежды за большія деньги опять тому же императорскому семейству. Св. Кирилль скончался 2 декабря 1110 года въ глубокой старости, въ возрастѣ 95 лѣтъ. *Память его 2 декабря.*

Житіе св. Кирилла, написанное его ученикомъ и землякомъ Николаемъ Катаскеліномъ, сохранилось въ греческой рукописи Аѳонскаго Каракаллова монастыря № 42, 1341 года. Въ сокращенномъ видѣ оно напечатано въ „Великомъ Синаксарисѣ“ К. Дукаки (Дукакиса). Въ 1896 г. мы лично читали на Аѳонѣ это житіе въ упомянутой рукописи и извлекли изъ него важнѣйшія историко-біографическія данныя («Византійскій Временникъ» IV, 378—401); наконецъ, въ 1904 году мы получили изъ Каракаллова монастыря полную копию этого интереснаго памятника и имѣемъ въ виду напечатать ее. На славянской почвѣ это житіе не было извѣстно.

Хр. Лонгревъ.

Кирилль, архіепископъ іерусалимскій, св. отецъ церкви IV вѣка, извѣстенъ главнымъ образомъ по своимъ огласительнымъ (catechesos) и тѣловодственнымъ (catech. mystagogica) словамъ. 1) Родился Кирилль въ 315 году, „въ вѣдрахъ іерусалимской церкви“. Аскетъ по жизни, Кирилль въ 345 году еп. Максимомъ рукоположенъ былъ во пресвитера іерусалимской церкви и въ этомъ санѣ въ 347 или 348 году говорилъ свои знаменитыя слова (во дни святой четьредесятницы) къ готовящимся ко крещенію и (въ праздничные дни св. пасхи) къ новокрещеннымъ (*Catech.* 18, 32—33),— слова, останавливающія вниманіе многихъ западныхъ богослововъ, а также нѣкоторыхъ русскихъ (Проф. *И. В. Чельцовъ*, Собраніе символовъ и вѣроизл., Спб. 1869, стр. 37—38) тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ слова: *биссозис*, хотя Кирилль произносилъ ихъ послѣ 1 вселенскаго никейскаго собора, употребившаго это слово. По смерти еп. Максима, въ 350 или 351 году, Кирилль посвященъ былъ во епископа іерусалимскаго Акакіемъ, еп. кесарійскимъ. Въ 351 году, „въ святыя дни пятидесятницы“, 7 мая „около третьяго часа“ (или—по нашему счисленію—около 9 часовъ утра) на небѣ явилось великое небесное знаменіе, простиравшееся надъ Іерусалимомъ отъ Голгофы до Елеова; сіяніе его было сильнѣе сіянія самаго солнца; не одинъ или двое, но все народонаселеніе города созерцало видѣніе это, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; обыятый страхомъ и вмѣстѣ радостію, народъ толпами стекался въ св. церковь—прославлять Господа. По этому поводу Кирилль отправилъ „Посланіе въ благочестивому царю Констанцію“ обывшемъ знаменіи креста изъ лучей свѣта. Въ періодъ времени съ 357 г. по 378 г. Кирилль былъ трижды лишаемъ кафедры. Въ первый разъ онъ принужденъ былъ оставить кафедру по просякамъ Акакія, еп. кесарійскаго, который, —вопреки 7 праву 1 вселенскаго собора,— хотѣлъ было воспользоваться принадлежащей іерусалимскому епископу (евископу Эллі) честию первенства между областными епископами. Произшедшая по этому поводу ссора между Акакіемъ и Кирилломъ осложнилась еще требованіемъ Акакія отъ Кирилла согласиться на мнѣнія аriansъ. На состоявшемся, по требованію Акакія, милі-

тинскомъ соборѣ въ 357 г. Кирилль, не смотря на твердое противодѣйствіе насилію аріанъ, партією Акакія былъ объявленъ лишеннымъ кафедръ за то, что „онъ во время голода продалъ въ пользу бѣдныхъ церковныя вещи“. Изгнанный силою изъ Іерусалима, Кирилль нашель себѣ пріютъ у еп. Сидуана въ Тарсѣ, гдѣ пробыль до 359 года, когда соборомъ селевкийскимъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а недоброжелатель его Акакій былъ осужденъ, какъ аріанинъ. Вторично Кирилль былъ лишенъ кафедръ съ ссылкой въ заточеніе въ 360 году соборомъ Евдокія константинопольскаго, открываго аріанина, сообщника Акакія. Въ 361 г. импер. Юліанъ однако возвратилъ Кирилла своей паствѣ.

Въ управленіе Кирилла іерусалимскою церковію послѣ этой ссылки произошла извѣстная въ исторіи попытка возстановленія храма іерусалимскаго (іудейскаго), сдѣланная префектомъ по приказу самого импер. Юліана, но не допущенная волею Божіей, когда огонь пожиралъ работу вѣствъ съ дѣлателями неправды. Для вразумленія слѣбцовъ Кирилль указывалъ на пророчества Даниіла 9, 26—27 и Спасителя у Мате. 24, 2. Наконецъ, въ третій разъ Кирилль былъ изгнанъ изъ Іерусалима импер. Валентомъ въ 367 г. Эта послѣдняя ссылка продолжалась до 378 г.—съ печальными послѣдствіями для іерусалимской паствы, выразившимися въ раздорахъ въ силу преобладанія неправославной власти, такъ что по возвращеніи изъ ссылки, по приказанію импер. Феодосія великаго въ 378 г., Кирилль долженъ былъ трудиться надъ водвореніемъ мира—въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ. Подвергаясь изгнаніямъ дома, на Востокѣ, Кирилль вмѣствъ съ тѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе на Западѣ, гдѣ почему-то сомнѣвались въ его православіи. Въ 381 году Кирилль присутствовалъ на 2 вселенскомъ соборѣ. Подписавъ здѣсь осужденіе ерегікамъ, признававшимъ Св. Духа вмѣствъ съ Сыномъ Божіимъ тварью (Дьян. вс. соб., рус. пер., т. 1, изд. 2-е, Казань 1887, стр. 112), Кирилль тѣмъ самымъ освободилъ себя отъ подозрѣнія относительно его православія. Скончался Кирилль въ 386 году. Память Кирилла празднуется православною церковію 18 марта.

2) Въ основу 18 огласительныхъ словъ,

предваряемыхъ словомъ предогласительнымъ,—по свидѣтельству самого Кирилла, (Catech. 9, 4; 10, 4; 11, 1; 18, 22), древній символъ вѣры іерусалимской церкви (или просто *τὸ πίστις*), истолковываемый однако съ тою особенностію, что,—сообразно съ цѣлію ознакомитъ просвѣщаемыхъ раньше всего съ тѣмъ, что имъ предстоитъ пережить и принять предъ и при самомъ вступленіи въ лоно христіанства,—члены о покаяніи и крещенія раскрываются *прежде* другихъ членовъ символа вѣры. Такимъ образомъ, первыя три поученія представляютъ изъ себя ни что иное, какъ истолкованіе словъ символа: *и во едино крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ* (Cateches. 18, 22), въ частности, первое поученіе говоритъ объ обновленіи, или освобожденіи отъ грѣха, второе—о покаяніи и третье—о крещеніи, какъ средствахъ освобожденія отъ грѣха. Сказавъ затѣмъ въ четвертомъ словѣ о предметахъ христіанскаго вѣдѣнія, а въ пятомъ о вѣрѣ догматической и дѣятельной, Кирилль съ шестого поученія до 18 включительно раскрываетъ уже символъ вѣры съ самаго его начала, постепенно переходя отъ одного члена къ другому, въ томъ порядкѣ въ какомъ онъ *устно* исповѣдывался въ іерусалимской церкви. Шестое поученіе именно раскрываетъ слова символа: *вѣрую во единого Бога*, 7-е—слова: (Бога) *Отца*, 8-е—*Вседержителя*, 9-е—*Творца неба и земли, видимыхъ же всего и невидимыхъ*, 10-е—*и во единого Господа Иисуса Христа*, 11-е—*Сына Божія Единороднаго, Изъ Отца рожденнаго прежде всего вѣкъ, Имъ же вся быша*, 12-е—*воплотившагося и во чловѣчизившагося*, 13-е—*распятаго и погребеннаго*, 14-е—*и воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день и восшедшаго на небеса, и сѣдѣщаго одесную Отца*, 15-е—*и грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ*, *Его же царствію не будетъ конца*, 16-е и 17-е—*и во Духа Святаго Утѣшителя, глаголашаго пророки*, и 18-е—*и во едину, соборную церковь и во крещеніе плоти, и во жизнь вѣчную*. Смотри на символъ вѣры (или просто на вѣру=живое преданіе церкви), какъ на краткое въ „немногихъ словахъ“ объясненіе всего вѣдѣнія благочестія, заключающагося въ

Всехомъ или Новомъ Завѣтѣ (Catech. 5, 12). Кирилль раскрываетъ символъ путемъ соотношенія членовъ вѣры съ тѣми или другими мѣстами свая. Писанія. Вслѣдствіе этого методъ Кирилля естественно принялъ форму метода: Sacra paratella, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ цѣляхъ апологетики захватываетъ еще указанія на „священныя“ языческія басни. „Черезъ Дѣву Еву вошла смерть, надлежало черезъ Дѣву же, а лучше сказать, отъ Дѣвы явиться Жизни; какъ ту обозначилъ змій, такъ сей благовѣтствовалъ Гавріиль“ (Catech. 12, 15). „Изъ ребра мужа безъ матери Ева родиться могла, а изъ утробы дѣвической безъ мужа ужели младенецъ родиться не можетъ?“ (Catech. 12, 29). „Еллинамъ заградимъ уста собственными ихъ баснями. Вы говоряще, что бросаемые камни превращались въ людей, почему утверждаете, что невозможно родить дѣвъ? Вы баснословяще, что изъ мозга родилась дочь, почему считаете невозможнымъ родиться сыну изъ дѣвическаго чрева? Вы стояще за свою ложь, будто бы Діонисъ родился изъ бедра вашего Дія, почему отвергаете наше истинное учение?“ (Catech. 12, 27). Въ результатѣ соотношенія символа вѣры съ библейскими выраженіями, понимаемыми Кирилломъ въ большинствѣ случаевъ буквально, получила у него *догматика*.

Въ 5 тайноводственныхъ словахъ Кирилль не обосновываетъ уже, какъ въ 18 огласительныхъ словахъ, а только *изъясняетъ* затронутые здѣсь предметы преданія (параболы; Mystag. 5, 23). Такимъ путемъ онъ изъясняетъ слѣдующіе обряды крещенія, миропомазанія и евхаристіи, составляющіе въ своей совокупности образъ совершенія этихъ таинствъ: образъ совершенія крещенія: входъ просвѣщаемыхъ въ притворъ—мѣсто совершенія крещенія; обращеніе ихъ лицомъ къ западу; простергіе ими руки и отрицаніе отъ сатаны: „отрицаюсь тебя, сатана, и всѣхъ дѣлъ твоихъ и всей гордыни твоей и всего служенія твоего“; обращеніе отъ запада на востокъ (отъ тмы къ свѣту); произношеніе словъ: „вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа и во едино крещеніе покаянія“; помазаніе закликательнымъ елеемъ отъ волосъ до ногъ; подведеніе къ св. купели божественнаго крещенія; опрѣсъ—каждаго просвѣщаемаго: вѣруетъ ли онъ въ Отца и Сына и Св. Духа и произношеніе

исповѣданія вѣры и троекратное погруженіе въ воду съ „изъичновеніемъ“ изъ воды послѣ cadaго погруженія. Миропомазаніе, совершавшееся тотчасъ послѣ крещенія, состояло въ помазаніи освященнымъ, чрезъ призваніе Св. Духа, мромъ чела, ушей, ноздрей и персей крестившагося. Образъ совершенія евхаристіи: умовеніе іереемъ (предстоятелемъ) и пресвитерами, окружающими Вожей жертвенникъ, своихъ рукъ водою, поданною діакономъ; возгласъ діакона: „примите другъ друга“, и „облобызаемъ другъ друга“; возгласъ іерея: „горѣ сердца!“ отвѣтъ народа: „имамы ко Господу“; опять возгласъ іерея: „благодаримъ Господа“; отвѣтъ народа: „достойно и праведно“; воспоминаніе, о небѣ, землѣ, морѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ о всей разумной, видимой и невидимой твари, объ Ангелахъ, архангелахъ, святахъ, господствахъ; началахъ, властяхъ, престолахъ, херувимахъ, серафимахъ съ повтореніемъ серафимской пѣсни: „святъ, святъ, святъ Господь Савоаѣ“; молитва о ниспосланіи Св. Духа на предлагающіе дары (тѣ прокляченія), да сотворитъ Онъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино кровію Христовой (что представляетъ изъ себя совершеніе духовной—безкровной умилостивительной жертвы); моленіе надъ этою умилостивительною жертвою Богу объ общемъ мирѣ церковей, о благосостояніи міра, о царяхъ, о воинахъ, о поборникахъ, о сущихъ въ немощахъ, о труждающихся и, однимъ словомъ, о всѣхъ требующихъ помощи; воспоминаніе, далѣе, преждеусопшихъ: патриарховъ, пророковъ, Апостоловъ, мучениковъ—съ надеждою, чтобы Богъ, по молитвамъ и предстательству ихъ, пріялъ наше прошеніе, а также помяновеніе отцовъ и епископовъ, и вообще всѣхъ преждеусопшихъ христіанъ—съ вѣрою, что великая польза будетъ душамъ, о которыхъ приносится моленіе, когда предлагается святая и страшная жертва; чтеніе затѣмъ молитвы: „Огче нашъ, Иже еси на небесѣхъ“; возгласъ іерея: „Святая Святыхъ“; отвѣтъ народа: „единъ Святъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ“; приглашеніе къ приобщенію святыхъ Таинъ словами Псалмодьвца: „вкусите и видите, яко благъ Господъ“ (Пс. 33, 9), и самое приобщеніе сперва Тѣла, а потомъ чаши или крови Господней. Концемъ евхаристіи служила благодарственная молитва Богу, сподобившему приобщиться „толкихъ таинъ“. Въ рѣчи

объ евхаристіи Кирилль очевидно ясно учить о претвореніи (*μεταβάλλειν*) хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа (Catech. 23, 7) и объ евхаристіи, какъ жертвѣ.

Другія сохранившіяся сочиненія Кирилля:—упомянутое уже „Посланіе къ импер. Констанцію“, „Бесѣда о разслабленномъ при купелѣ“ и три гомилетическіе фрагмента: первые два изъ „Бесѣды о претвореніи Господомъ воды въ вино“ и третій изъ слова на Ів. 16, 28: „азъ иду ко Отцу Моему“. Такъ называемая Кириллова книга (см. выше особую статью) Кириллу іерусалим. не принадлежитъ, представляя изъ себя произведеніе XVII столѣтія; хотя глава ея объ антихристѣ, правда, воспроизводитъ, за немалыми исключеніями, 15 огласительное поученіе Кирилла.

3) *Значеніе* твореній Кирилла опредѣляется тѣмъ, что они сообщаютъ извѣстныя данныя для наукъ: Свящ. Писанія и Свящ. Преданія, догматики, литургіи и гомилетики. Для Свящ. Писанія цѣнными служатъ, главнымъ образомъ, свидѣнія о канонѣ богодухновенныхъ книгъ Ветхого и Нового Завѣта (Catech. 4, 33—36). Руководясь, впрочемъ, въ данномъ случаѣ мотивомъ—практикой іерусалим. церкви: указать для домашняго чтенія лишь то, что читается въ церкви (*ὅσα μὲν ἐν ἐκκλησίαις μὴ ἀναγινώσκονται ταῦτα μὲν κατὰ σαυτὸν ἀναγινώσκω. Migne gr. XXXIII, col. 500—501*), Кирилль, надо думать, изъ перечнѣ книгъ Нового Завѣта опустилъ Апокалипсисъ,—неудобопонятную, а потому не читаемую въ церкви (*П. П. Пономаревъ*, Изъ исторіи Св. Преданія въ „Прав. Соб.“, январь 1903 г. *П. А. Юнгеровъ*, Общее истор.-кр. введ. въ свещ. ветх. книги, Казань 1902 г., 161—162. *П. К. Давидъ*, Исторія ветхозав. канона, Сиб. 1898 г.). Въ отношеніи Свящ. Преданія творенія Кирилла содержатъ въ себѣ свидѣтельства какъ объ апостольскомъ преданіи въ духѣ св. Иринея лѳесскаго, творенія котораго извѣстны Кириллу (Cat. 16, 6), такъ о преданіи собственно отеческомъ, т. е. о тѣхъ положеніяхъ отцовъ, которыя, по времени появленія въ свѣтъ не относятся къ апостольскому вѣку, однако составляютъ изъ себя истину церкви, если въ содержаніи своемъ находятъ подтвержденіе въ Свящ. Писаніи. „Не просто вѣрь мнѣ (=учителю церковному),—писалъ (Catech. 4, 17) по этому поводу Кирилль, устанавливая при-

циплъ для оцѣнки истинности собственно отеческихъ сужденій,—„если на то, о чемъ вѣщаю, не получишь доказательства изъ божественныхъ писаній“ (*П. Пономаревъ*, указ. соч. Свящ. *І. Филевскій*, Ученіе прав. церкви о Свящ. Преданіи, Харьковъ 1902, стр. 285—295). Представляя въ 18 огласительныхъ поученіяхъ своего рода опытъ собранія догматовъ въ одно цѣлое съ ясно отлѣвненною здѣсь идеей, что догматика есть нечто иное, какъ соотношеніе Свящ. Преданія=живого ученія церкви со Свящ. Писаніемъ, творенія Кирилла входятъ въ извѣстной мѣрѣ въ область науки догматическаго богословія (*Макарій*, Прав.-догм. богословіе, т. 1, Спб. 1850, стр. 52—53. Проф. *И. В. Чельцовъ*, указ. соч., стр. 30—41 и т. п.); затѣмъ они сообщаютъ данныя для догматическаго ученія: о благодати и свободѣ (Проф. *А. Л. Кавтанскій*, Ученіе о благодати Божіей въ твор. др. св. оо. и уч. церкви до бл. Августина, Спб. 1902, стр. 137—150), о таинствахъ крещенія, муромозанія и евхаристіи, условіяхъ ихъ дѣйствительности и дѣйственности (Свящ. *Ал. Голосовъ*, Ученіе св. Кирилла іерусал. о таинствахъ, Самаркандъ 1901; *А. Кирилловъ*, Догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи въ твор. двухъ катих. IV в.: св. Кирилла іерусалим., предст. школы антиох. и св. Григорія нисск., представителя школы александр., Новочеркасскъ 1898). Литургіка почерпаетъ изъ твореній Кирилла свидѣнія объ образѣ совершенія указанныхъ таинствъ въ древнѣйшей церкви. Значеніе твореній Кирилла для гомилетики ясно само собою.

На ряду съ положительнымъ отношеніемъ къ твореніямъ Кирилла въ наукѣ встрѣчаются и сомнительные взгляды, касающіеся неподлинности твореній Кирилла, его ученія и дѣятельности. Мысль о неподлинности твореній Кирилла, особенно защищаемая кальвинистомъ Удэномъ безспорно являлась на почвѣ того, что творенія Кирилла благоприятствуютъ не протестанству или реформатству, а именно православію. Внутренній, заимствуемый изъ самыхъ твореній Кирилла, и вышній свидѣтельства, однако, основательно испровергаютъ указанную мысль (Архіеп. *Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви II, Сиб. 1859, стр. 94), утверждая вмѣсто нея подлинность твореній Кирилла. По взгляду, имѣющему

дѣло съ ученіемъ Кирилла, предполагается, что будто бы Кирилль былъ сторонникомъ полуарианской партіи (оміевъ), а не исповѣдникомъ православія, или что, по меньшей мѣрѣ, онъ въ некоторое время колебался между полуарианствомъ и православіемъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ. Въ качествѣ основанія для такого предположенія приводятся то, что Кирилль не употребляетъ въ Cateches. термина единосущный, хотя онъ жилъ послѣ 1 вселенскаго собора, что въ ученіи о Сынѣ Божіемъ онъ, напротивъ, допускаетъ (Catech. 9, 9: Migne gr. XXXIII, col. 700) выраженіе о подобіи Сына Отцу: Θεός... ἀλλήθινός ὡν ὁ Πατήρ, ὅμοιον (similem) ἑαυτῷ ἐγέννη τὸν Υἱόν, Θεὸν ἀλλήθινόν. Означенное предположеніе опровергается какъ борьбою Кирилла съ Акакіемъ, державшимся арианскихъ мыслей, — его исповѣданіемъ единосущія на 2 вселенскомъ соборѣ, такъ, главнымъ образомъ, тщательнымъ анализомъ ученія Кирилла, откуда видно, что съ выраженіемъ: „Сынъ подобенъ Отцу“ Кирилль соединяетъ мысль о соественности Сына Божія съ Отцомъ (Migne gr. XXXIII, col. 700—701: *φυσικὸς υἱός*), что, употребляя терминъ „единосущный“ въ огласительныхъ и таинвоодительныхъ словахъ, Кирилль, однако, пользуется имъ въ „Посланіи къ импер. Констанцію“ (Migne gr. XXXIII, col. 1175: *ὁμοούσιον Τριάδα*), что, наконецъ, терминъ „единосущный“ Кирилль не внесъ въ символъ вѣры іерусалимской церкви, вѣроятно, вслѣдствіе малой еще распространенности въ то время символа никейскаго, когда, поэтому, не было еще нужды передѣлывать древнія вѣроизложенія по образцу вѣроизложенія никейскаго.—Наконецъ, за послѣднее время высказывается мнѣніе, что Кирилль будто бы былъ авторомъ никеоцариградскаго символа, переработавшимъ для этого еще до 2 вселенскаго собора символъ іерусалимской церкви на почвѣ символа никейскаго: F. J. A. Hort, A. Гарнакъ, отчасти Шмидтъ; см. о нихъ у проф. А. П. Лебедева, О символѣ... 2 вс. собора въ Собр. пер.-истор. соч. III, стр. 285—322.— О нашемъ символѣ вѣры въ „Бог. Вѣст.“, январь—февр. 1902 г. и отд. [а также см. у него въ кнѣжкѣ, Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ, Москва 1882, стр. 227—233]. Соединенное съ признавіемъ подлинности твореній Кирилла и его православія, это мнѣніе имѣетъ значеніе въ

критикѣ двухъ указанныхъ предположеній ученыхъ, но—взятое въ своемъ существѣ—оно тоже чуждо прочнымъ фактическимъ основаніямъ (Проф. А. П. Лебедевъ указ. соч.).

Литература. Migne, Patrol. curs. complet., s. gr., т. XXXIII: изданіе твореній Кирилла со свѣдѣніями о его жизни, ученіи и подлинности твореній. Bardenhewer, Patrologie, 1894, S. 249—252, съ указаніемъ изданій и изслѣдованій твореній Кирилла. [A. Vacant et E. Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2527—2577. The Catholic Encyclopedia IV, London 1908, p. 395—596.] Переводы твореній Кирилла—славянскій архіеп. Амосія, Москва 1772 г.; русскіе 1822 г. (ярославской Дух. Семинаріи), 1855 и 1891 г.г.—московск. Дух. Акад. [2-е изданіе со введеніемъ † проф. А. П. Лебедева.] Архіеп. Филаретъ, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Спб. 1859, стр. 89—98. [Herzog-Hauck, RE. IV³, S. 381—384 и ср. IV. 812; V, 799. W. Smith and H. Wace, A Dictionary of Christian Biography I, p. 760—763]. П. Пономаревъ.

Кирилль, архіепископъ александрійскій, св. отецъ и учитель Восточной церкви первой половины V столѣтія († 444). Его имя и вся церковно-общественная и литературная дѣятельность тѣсно связаны съ извѣстными въ исторіи христіанской церкви противонесторіанскимъ движеніемъ, жизненнымъ нервомъ котораго были долгіе споры о лицѣ Христа, какъ Искупителя и Спасителя міра, о способѣ соединенія въ одной личности Христа божеской и человѣческой природы. Значеніе и положеніе св. Кирилла ал. вполне справедливо приравнивается къ положенію св. Афанасія в. Какъ этотъ послѣдній былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ великую эпоху противонаесторіанскихъ споровъ, такъ и св. Кирилль ал. былъ главнымъ вдохновителемъ церковнаго самосознанія во времена несторіанскихъ движеній, смѣнившихъ собою арианскую смуту. Замѣчательно, что и на этотъ разъ доминирующее значеніе принадлежало александрійской церкви въ лицѣ ея виднаго представителя, какимъ дѣйствительно и былъ св. Кирилль ал. и по своей административной, и, главнымъ образомъ, по литературной дѣятельности. Св. Кирилль ал.—безусловно великій отецъ Восточной церкви. О его жизни до времени выступленія въ 412 году въ званіи архіепископа александрійской церкви намъ извѣстно очень мало. Сохранились

только краткія свѣдѣнія, что онъ приходился племянникомъ знаменитаго Теофила, архіепископа александрійскаго, и еще въ молодости прекрасно изучилъ Свящ. Писаніе и творенія лучшихъ представителей христіанской учености—Діонисія ал.,—Аванасія в., Василія в., Амфилохія икон., Аммопа адрианополскаго, Іоанна Златоуста (о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя выдержки изъ твореній указанныхъ отцовъ въ его сочиненіяхъ). Нѣкоторое время онъ былъ строгимъ подвижникомъ итрійскихъ монастырей (письмо 25 къ Кириллу Исидора Пелус.). По желанію Теофила, Кириллѣ вступилъ въ клиръ ал. церкви, среди которой пользовался большою популярностію, какъ назидательный проповѣдникъ. Когда въ 412 году скончался Теофилъ, александрійскіе христіане предпочли Кирилла всѣмъ прочимъ кандидатамъ и выразили желаніе видѣть его архіепископомъ александрійской церкви. Такимъ образомъ, въ 412 г. началась его церковно-общественная дѣятельность въ званіи епископа. По своему характеру она раздѣляется на два періода: а) *донесторіанскій*, до 428 г., обнимающій первые семнадцать лѣтъ его епископскаго служенія, и б) *несторіанскій*, до 444 года, —года его смерти, —посвященный, главнымъ образомъ, на борьбу съ Несторіемъ и его ересью.

Еще до борьбы съ несторіанствомъ, св. Кириллѣ ал. проявилъ энергичную административно-научную дѣятельность. Главнымъ образомъ, онъ боролся съ *новаціанствомъ* (Сократъ, Ц. II. VII, 7), *іудействомъ* и *язычествомъ*. Особенно упорна была его борьба съ язычествомъ, которое въ данное время пользовалось покровительствомъ александрійскаго префекта-язычника Ореста и вдохновлялось философскою дѣятельностію извѣстной Ипатіи, женщины-философа. Ипатія, находившая административную поддержку въ Орелѣ, считалась оплотомъ язычества и вызывала чувство недовольства въ христіанскомъ населеніи. Это чувство недовольства не рѣдко отливало въ форму открытыя столкновенія между язычниками и христіанами. Во время одной демонстраціи Ипатія была убита. Нѣкоторые историки (Шреккъ, Толандъ, Арнольдъ и др.), на основаніи свидѣтельствъ древняго языческаго писателя Дамасція, считаютъ самого Кирилла ал. непосредственнымъ вдохновителемъ убій-

ства Ипатіи, но другіе болѣе безпристрастные ученые (Коппалікъ; см. подробности въ его сочиненія: *Cyrellus von Alexandrien: eine Biographie nach den Quellen gearbeitet*, 1881) совершенно оправдываютъ Кирилла ал. въ непосредственномъ и даже косвенномъ участіи въ убійствѣ Ипатіи, считая это злодѣяніе дѣломъ такъ называемыхъ *параволановъ*, —этихъ членовъ погребальн. общины, которые на ряду съ выполненіемъ погребальн. профессіи отличались крайнею разнузданностію своихъ нравовъ и являлись постоянными участниками всевозможныхъ возмущеній. Замѣчательно, что историкъ Сокрытъ (въ Церк. Ист.), при своемъ враждебномъ отношеніи къ Кириллу ал., оправдываетъ его въ убійствѣ Ипатіи. Ни разу не возводили на него вину въ этомъ злодѣяніи и всѣ его многочисленныя несторіанскіе оппоненты, старавшіеся отыскать темныя стороны въ его жизни и дѣятельности. Кириллѣ ал. дѣйствовалъ въ борьбѣ съ язычествомъ, а равно — съ іудействомъ и новаціанствомъ исключительно мирными средствами нравственнаго воздѣйствія путемъ слова и убѣжденій. Уже въ донесторіанскій (до 428 г.) періодъ Кириллѣ ал. написалъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ немъ недожаные литературныя таланты и глубокую богословскую эрудицію. Главное вниманіе Кирилла ал. за этотъ періодъ было обращено на изученіе Свящ. Писанія. *Кассидоръ* (Lib. de inst. div. lit. t. II, p. 508 г.) и *Никифоръ Каллистъ* (Hist. eccles. кн. XIV, гл. 14) свидѣлствуютъ, что Кириллѣ ал. объяснялъ въ своихъ трудахъ все Свящ. Писаніе. Если объединить всю экзегетическую литературную производительность св. отца, то она сводится къ слѣдующимъ результатамъ: 1) „О поклоненіи Богу духомъ и истиною“—трактатъ въ 17 книгахъ (Migne gr. t. LXVIII), въ которомъ раскрыта главная мысль, что Христосъ отглагольствовалъ законъ Моисея только въ буквѣ, а не по духу; характерна въ послѣдствіи изложеніи таинственный духовный смыслъ всѣхъ постановленій Моисеева обрядоваго закона, св. отецъ представляетъ связную исторію божественнаго домостроительства нашего спасенія. 2) „Изыщія изреченія“ (*Улафоръ* у Migne gr. t. LXIX, col. 1—678)—сочиненіе (въ 13 книгахъ), составляющее продолженіе предыдущаго трактата; въ немъ,

на основаніи Пятоквижія Моисея, дѣлается попытка представить связную исторію ветхозавѣтной церкви отъ Адама до Иисуса Навина, съ отбѣненіемъ выдающихся фактовъ ветхозавѣтной исторіи, характеризующихъ христіанскую идею божественнаго домостроительства о спасеніи людей. Эту же идею проводитъ онъ и въ дальнѣйшихъ истолковательныхъ трудахъ. 3) „Толкованіяхъ на книги пророка Исаіи“ (Migne gr. t. LXX), 4) „Толкованіяхъ на 12 малыхъ пророковъ“ (на Захарію и Малахію у Migne gr. t. LXXII, col. 9 — 364, а на остальныхъ 10-ти въ LXXI-мъ томѣ) и 5) „Толкованіяхъ на Псалмы“ (Migne gr. t. LXIX, col. 699—1247), по 19-й Пс. включительно. Всѣ эти толкованія сохранились въ полномъ видѣ. Извѣстны также отрывки его толкованій и на другія ветхозавѣтныя книги—на пророка Іезекіиля, книги Царствъ, Пѣснь Пѣсней, пророка Іереміи, Варуха и Даниила (Migne gr. t. LXIX, col. 679—1294; t. LXX, col. 1451—1462). Изъ новозавѣтныхъ книгъ сохранились толкованія на Евангелія Луки и Іоанна (изъ 12-ти книгъ послѣдняго имѣются цѣлы только 7-я и 8-я *) Migne gr. t. LXXIII—LXXIV, col. 9—756), а въ незначительныхъ отрывкахъ также толкованія на Евангеліе Матвея, на Дѣянія Апостольскія, на посланія Ап. Павла къ Коринѳеямъ (первое и второе), къ Евреямъ и Римлянамъ, на соборныя посланія Ап. Іакова, Петра (первое и второе), Іоанна (первое) и Іуды (Migne gr. t. LXXIV, col. 758—1024). Во всѣхъ своихъ толкованіяхъ Кирилль ал. придерживается александрійскаго метода: усматриваетъ не только историческій, но и духовно-таинственный смыслъ. Въ новозавѣтныхъ толкованіяхъ особое вниманіе обращаетъ на выясненіе ученія о лицѣ Сына Божія, что вызывалось, конечно, потребностями противоарианской борьбы.

Этими же потребностями было вызвано написаніе имъ и специальныхъ догматико-полемическихъ трактатовъ, изъ которыхъ теперь извѣстны слѣдующіе три: 1) „Сокровище ученія о Святой и Единосушной Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 9—656), 2) „Семь

собесѣдованій о Святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 657 — 1124) и 3) „Книга о святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1124 — 1146). Въ этихъ произведеніяхъ главнымъ темою служить раскрытіе ученія о Божествѣ Сына Божія и Св. Духа противъ лжеученія Евномія и духоборцевъ. Особенно цѣнны его разсужденія по вопросу о Св. Духѣ. Къ нимъ обращаются очень часто католики для доказательства своего ученія о Filioque, хотя самое обоснованіе филокви-стическихъ тенденцій не выдерживаетъ строго научной критики (см. объ этомъ въ сочиненіи † проф. А. Ѳ. Гусева, Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы во вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903 стр. 77 сл., гдѣ можно найти и католическое, а также старокатолическое, толкованіе мѣстъ изъ сочиненій св. Кирилла ал., по вопросу о Filioque). Первое и третье изъ указанныхъ сочиненій по преимуществу положительнаго характера: они посвящены выясненію основъ положительнаго христіанскаго ученія о Сынѣ и Св. Духѣ. Третье же сочиненіе—полемическаго содержанія и посвящено критикѣ евноміанскихъ положеній. Между прочимъ, „Сокровище ученія...“ замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что въ немъ проглядываютъ первые проблески позднѣйшаго схоластицизма: здѣсь цѣлый рядъ подраздѣленій—вопросовъ и отвѣтовъ, мельчайшихъ доказательствъ и обоснованій.

Съ момента распространенія въ обществѣ несторіанскихъ заблужденій (съ 428 г.) начинается второй и послѣдній періодъ жизни и дѣятельности св. Кирилла ал. Борьба съ несторіанствомъ и его заблужденіями съ этихъ поръ поглощаетъ все вниманіе св. отца до самаго конца его жизни. Св. Кирилль началъ борьбу съ Несторіемъ—лишь только прошла первая молва объ его заблужденіи, лишь только его злополучныя рѣчи, пропавшія въ Константинополь въ порицаніе германа „Вогородилы“ (Θεοτόκος), проникли въ Египетъ, въ различные египетскіе монастыри и произвели здѣсь среди монаховъ сильную смуту. Александрійскій пастырь, блиставшій своимъ богословскимъ образованіемъ, умомъ и начитанностію и въ то же время отличавшійся неусыпною пастырскою дѣятельностію и энергіей, сразу замѣтилъ своимъ тонкимъ умомъ, что въ основѣ на-

*) По *Mahé* (La date du commentaire de s. Cyrille sur s. Jean въ „Bulletin de littérature ecclésiastique“ 1907, 2. p. 41—45), толкованіе на Евангеліе Іоанна составлено св. Кирилломъ до 428 года.—Н. Н. Г.

падокъ Несторія на терминъ „Богородица“ лежать вовсе не простое недомысліе, а цѣлая доктрина, послѣдкія которой заключаютъ въ себѣ положенія, противныя общему духу христіанскаго міросозерцанія. И вотъ, желая предостеречь отъ лжеученія Несторія весь христіанскій міръ и, въ частности, монаховъ подчиненныхъ ему египетскихъ монастырей, онъ посылаетъ одно за другимъ свои первыя противонесторіанскія сочиненія во всѣ концы римской имперіи. Прежде всего онъ предостерегаетъ отъ ереси *особымъ окружнымъ посланіемъ*, которое прямо предназначалось монахамъ нитрійскихъ монастырей. Далѣе такъ называемое *пасхальное посланіе*, которое ежегодно разсылалось александрійскимъ епископомъ въ силу постановленія никейскаго собора (325 г.), съ извѣщеніемъ о днѣ празднованія Пасхи, точно также содержало въ себѣ подобное предостереженіе. А послѣ того какъ св. Кириллу ал. сдѣлалось извѣстно, что Несторій не только не прекращалъ своей пропаганды, а, напротивъ, сдѣлалъ даже порученіе пресвитеру Фотію написать особое опроверженіе на указанная выше посланія, получившія въ это время широкое распространеніе, — тогда св. Кирилль ал. нашелъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе уже самому Несторію и съ этою цѣлью написалъ ему дружественное письмо съ указаніемъ на его неправомысліе.

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ, — какъ показываетъ самый тонъ указанныхъ посланій, — александрійскій пастырь руководился благими цѣлями: онъ желалъ предостеречь отъ вновь нарождающагося заблужденія, въ смыслъ котораго, можетъ быть, — особенно на первыхъ порахъ — проникали очень немногіе. Нельзя думать, что оппозиція Кирилла въ данномъ случаѣ носила личный характеръ. До выступленія Несторія съ своимъ заблужденіемъ Кирилль ал. находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и когда получилъ извѣстіе объ избраніи (въ 428 г.) Несторія на кафедру Константинополя, то выразилъ письменно свое чувство восторга по поводу такого избранія. Словомъ, ясно, что Кирилль ал. дѣйствовалъ безкорыстно. Но въ Константинополѣ при дворѣ на дѣло взглянули иначе. Тамъ на внутренніе мотивы дѣятельности Кирилла ал. обратили менѣе всего внима-

нія и выказали недовольство по поводу того, что Кирилль своими посланіями производилъ въ церкви новыя смуты. Были недовольны главнымъ образомъ тѣмъ, что только что установившееся въ церкви спокойствіе — послѣ упорныхъ арианскихъ споровъ — снова нарушается. Конечно, подобное недовольство двора было произведено не безъ участія Несторія, который въ виду надвигающейся на него бури прежде всего долженъ былъ и, конечно, счелъ нужнымъ заручиться симпатіями двора по отношенію къ себѣ и антипатіями — по отношенію къ Кириллу ал. Пущены были въ дѣло и обычныя въ данномъ случаѣ наговоры. Нашлись и какія-то обвинители св. Кирилла ал. изъ числа лицъ, проживавшихъ въ Константинополѣ и недовольныхъ его распоряженіями, какъ патріарха, въ сферѣ компетенціи александрійской церкви. Кратко сказать, началась все та же интрига, невинною жертвой которой былъ одно время и Аванасій в.

Когда св. Кирилль ал. получилъ извѣстіе изъ Константинополя о подобномъ положеніи дѣла, то счелъ необходимымъ снова заявить себя защитникомъ истины и противникомъ заблужденія. Въ данномъ случаѣ онъ снова написалъ Несторію *второе письмо*; въ очень сдержанномъ широколюбовномъ тонѣ, авторъ убѣждалъ здѣсь своего противника оставить соблазнъ и отказаться отъ своихъ заблужденій. При этомъ Кирилль ал. въ очень подробныхъ чертахъ излагаетъ свои положительныя воззрѣнія по затронутому Несторіемъ вопросу и подтверждаетъ ихъ ссылаками на Свящ. Писаніе и на произведенія христіанской письменности. Несторій съ своей стороны обвинилъ св. Кирилла ал. главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самъ-де является еретикомъ и проводить по затронутому вопросу взгляды Аполлинарія. Но менѣе Несторія, Кирилль ал. говоря объ *ἐνωσις καὶ ὁμοουσιον* яко бы утверждаетъ тѣснѣйшее — до безразличія — соединеніе и слияніе двухъ природъ во Христѣ. Въ виду этого Кирилль ал. въ данномъ письмѣ и старается, между прочимъ, показать несправедливость такого обвиненія со стороны Несторія. Кирилль ал. ясно показалъ своему противнику, что онъ говоритъ объ *ἐνωσις* не въ смыслъ *κρῆσις*, не въ смыслѣ поглощенія въ единой личности

Христа особеностей какъ божеской, такъ и человеческой природы, а лишь въ томъ смыслѣ, что эти природы нельзя представлять себѣ раздѣленными до полного разобщенія, при которомъ только и можно говорить о чисто вышнемъ миханически-правственномъ сочетаніи природы, какъ это выходитъ съ точки зрѣнія ученія Несторія.

Св. Кириллу ал. въ то же время необходимо было такъ или иначе оправдаться и передъ дворомъ и раскѣять все предубѣжденія его, навѣяныя по поводу несторіанскаго движенія; посему онъ счелъ за лучшее обратиться и къ представителямъ державной власти съ особыми посланіями. И вотъ, одновременно съ вышеуказаннымъ письмомъ (вторымъ) къ Несторію, онъ написалъ свои *три книги о вѣрѣ* (Migne gr. t. LXXVI, col. 1133—1420),—это свое первое болѣе или менѣе обширное произведение по поводу несторіанскаго лжеученія. Данное сочиненіе, представляющее подробное изложеніе собственно вѣрочительной стороны несторіанскихъ споровъ, съ приведеніемъ доводовъ „за“ и „противъ“, и было отослано (въ 430 г.) въ Константинополь императору Феодосію II, при чемъ *первая книга* предназначалась специально для самого императора, а *двѣ послѣднія*—его супругѣ Евдокіи и тремъ сестрамъ—царевнамъ: Пульхеріи, Аркадіи и Маринѣ. Однако Кирилль ал. не только не достигъ цѣли этимъ своимъ сочиненіемъ, но даже возбудилъ въ императорѣ еще новое неудовольствіе, между тѣмъ женская половина двора была болѣе отзывчивою на призывъ истины и приняла явно сторону св. Кирилла ал. Тою порою Несторій продолжалъ сѣять свои сѣмена и приобрѣлъ себѣ довольно многочисленную партію приверженцевъ, которые, если и не вполне раздѣляли его собственныя воззрѣнія, то, по крайней мѣрѣ, были рьяными противниками положеній св. Кирилла ал. Особенно Дороеѣ, митрополитъ мизійскій, дошелъ въ своемъ протаворствѣ Кириллу ал. до крайнихъ предѣловъ и даже предалъ анаемѣ всѣхъ, держащихъ исповѣдывать св. Дѣву Богородицу. Такой дерзкій поступокъ послѣдователя Несторія произвелъ удручающее впечатлѣніе на православную партію, и многіе епископы константинопольскаго діоцеза прямо и рѣши-

тельно отложились отъ Несторія, покровительствовавшаго Дороею. Так. обр. обстоятельства борьбы Кирилла ал. и Несторія еще болѣе осложнились. Къ этому времени, можно думать, и относится еще новое произведеніе Кирилла, подъ заглавіемъ: „Пять книгъ противъ Несторія“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 9—248), въ которомъ онъ поставляетъ свою цѣлю еще разъ опровергнуть все тѣ заблужденія, которыя были высказаны Несторіемъ въ его собственныхъ рѣчахъ. Въ этомъ сочиненіи св. Кирилль ал. особенно подробно касается какъ опроверженія положеній несторіанскихъ доктринъ, такъ—равнымъ образомъ—и изложенія и выясненія своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя онъ попрежнему обстоятельно обосновываетъ на свидѣтельствахъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы.

Благодаря всемъ этимъ произведеніямъ св. Кирилла ал.—съ одной стороны—и рѣчамъ Несторія—съ другой стороны—уже и Востокъ и Западъ познакомились, наконецъ, съ характеромъ споровъ и съ сущностію затронутыхъ вопросовъ. Словомъ, теперь каждый уже могъ разобраться въ истинѣ и сообразно со своими убѣжденіями примкнуть къ той или другой партіи. И, дѣйствительно, въ данный моментъ весь христіанскій міръ, какъ и во времена аріанскихъ споровъ, явно былъ раздѣленъ на два противоположные лагеря. Во главѣ православныхъ дѣйствовалъ св. Кирилль ал., а во главѣ противной партіи—Несторій съ цѣлымъ сонмомъ іерарховъ, все больше представителей антиохійскаго школьнаго богословія; среди послѣднихъ особенно выдавался бл. Феодоритъ, еп. киррскій, знаменитый богословъ той эпохи, бывшій нѣкоторое время для несторіанцевъ ученымъ оплотомъ.

Когда, такимъ образомъ, для самого Кирилла ал. и для всѣхъ его оппонентовъ стало ясно, что соглашеніе между враждебными партіями не можетъ быть достигнуто путемъ одной только переписки и литературной полемики,—вся эта борьба переносится уже на почву административныхъ мѣропріятій, къ которымъ литературная полемика между сторонами является лишь простой иллюстраціей и добавленіемъ.

Прежде всего, св. Кирилль ал. завелъ сношенія по спорнымъ вопросамъ съ римскимъ папой Целестиномъ, которому онъ

вмѣстѣ со своимъ письмомъ, подробно излагающимъ суть дѣла, представилъ строго обоснованныя положенія своихъ собственныхъ взглядовъ по затронутому вопросу. Обратился къ Целестину и Несторію. Но римская церковь, по разсмотрѣніи дѣла, рѣшительно встала на сторону взглядовъ Кирилла ал. и осудила Несторія, пославши ему увѣщаніе оставить свои заблужденія въ десятидневный срокъ. Вслѣдъ за римскимъ соборомъ составилъ помѣстный соборъ въ александрійской церкви, на которомъ дѣло было рѣшено точно также не въ пользу Несторія. По представлеію Кирилла ал., а равно и Целестина римскаго, такіе же соборы должны были составиться въ Антиохіи и Іерусалимѣ. Состоявшійся антиохійскій соборъ подъ предѣлательствомъ Іоанна антиохійскаго, хотя и не высказался „за“ Кирилла ал., но все-таки нашелъ нужнымъ слѣдовать предостереженію Несторію относительно крайностей его ученія.

Однако Несторію, не смотря на всѣ эти заявленія со стороны соборовъ римскаго, александрійскаго и антиохійскаго, продолжалъ упорствовать и своими рѣчами разжигалъ страсти константинопольскаго населенія. При такихъ обстоятельствахъ св. Кирилл ал., вслѣдъ за рѣшеніемъ александрійскаго собора, и послалъ своему упорному противнику *третье письмо*, уже не отъ своего лица, а отъ лица александрійскаго собора, и съ своей стороны присоединилъ къ письму *двѣнадцать анафематизмовъ*, т. е. двѣнадцать положеній, къ которымъ сводились всѣ заблужденія Несторія, съ опроверженіемъ самыхъ положеній. Эти *анафематизмы* такъ же, какъ и всѣ предшествующія сочиненія св. Кирилла ал. только еще болѣе разожгли страсти и самого Несторія и его послѣдователей. По порученію Несторія явились даже опроверженія на эти анафематизмы, написанныя Андреемъ самосатскимъ и Теодоритомъ кирскимъ; въ нихъ особенно послѣдній выступилъ рьянымъ противникомъ положеній св. Кирилла ал. Самъ Несторію, между прочимъ, выступилъ предъ лицомъ константинопольскаго населенія съ обличительною рѣчью, направленною точно также противъ Кирилла ал. И замѣчательно, что всѣ эти противники александрійскаго богослова одинаково ставили ему въ упрекъ средство его уче-

нія съ воззрѣніями Аполлинарія. Вотъ почему св. Кирилл ал. со своей стороны нашелъ умѣстнымъ снова выступить противъ своихъ оппонентовъ со словомъ обличенія и защиты, и на этотъ разъ написалъ въ защиту своихъ анафематизмовъ и въ опроверженіе упрека въ аполлинаризмъ одно за другимъ три сочиненія, изъ которыхъ *одно* было направлено противъ Андрея самосатскаго (*Ἀπολογητικὸς τῶν δώδεκα κεφαλαίων*), *другое* предназначалось въ опроверженіе доводовъ Теодорита кирскаго (*Ἐπιστολὴ πρὸς Εὐδοκίαν πρὸς τὴν παρὰ Θεοδορίτου κατὰ τῶν δώδεκα κεφαλαίων ἀντίρρητον*), а *третье* было послано уже впоследствии къ отцамъ ефесскаго вселенскаго собора (*Ἐπίλογος τῶν δώδεκα κεφαλαίων*; Migne gr., t. LXXVI col. 293—312; 315—386; 386—452), въ качествѣ разъясненія къ вышеуказаннымъ анафематизмамъ.

Так. обр. представители двухъ противоположныхъ богословскихъ направлений не достигли соглашенія ни путемъ литературно-полемиическихъ сношеній, ни путемъ помѣстно-соборныхъ административныхъ рѣшеній. Въ виду этого та и другая партія одинаково обратились къ мысли о созваніи вселенскаго собора, который и былъ составленъ 431 года въ Ефесѣ. Съ 431 года, именно съ момента собранія третьяго вселенскаго собора, противонесторіанскій споръ вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Теперь рѣшеніе спорныхъ вопросовъ отдается уже на компетенцію вселенскаго голоса церкви. Казалось бы, что такая, по видимому, рѣшительная, исключительная мѣра должна была бы разомъ закончить дѣло и подавить несторіанское волненіе. Но въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ иначе. Исторія дѣяній ефесскаго вселенскаго собора и затѣмъ исторія послѣдующихъ богословскихъ споровъ представляютъ изъ себя позорище самой ожесточенной борьбы между двумя враждебными богословскими партіями. Только уже къ концу тридцатыхъ годовъ церковный миръ былъ, наконецъ, восстановленъ. Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями противонесторіанской борьбы, за всѣми фазисами ея развитія, а скажемъ только, что св. Кирилл ал. во всей этой борьбѣ былъ строгимъ охранителемъ началъ православнаго ученія и, подобно св. Аванасію в., для тор-

жества истины не останавливался на полумбрахъ въ предъ какою личною опасностію. Ему, какъ и св. Аванасію в., пришлось выдержать сильную оппозицію со стороны самого императора, перетерпѣть даже заключеніе подѣ стражу вмѣстѣ съ другими представителями православія (Мемнономъ ефесскимъ), но все-же въ концѣ концовъ выйти побѣдителемъ изъ продолжительной и часто неравной распри. И эта побѣда была въ значительной степени результатомъ его литературныхъ произведеній, которыя онъ попрежнему продолжалъ писать для разъясненія истины. Когда Кирилль ал. ѣхалъ еще въ Ефесъ въ сопровожденіи пятидесяти іерарховъ подчиненнаго ему Египта, то онъ изъ города Родоса писалъ къ своему александрійскому клиру два письма, въ которыхъ онъ просилъ у него молитвъ, могущихъ подкрѣпить его силы въ предстоящей борьбѣ съ врагами истины. Подобныя, сильно дѣйствующія, посланія св. Кирилль ал. писалъ и въ послѣдующее время и при томъ не только въ Александрію, но и въ Константинополь. А въ Ефесѣ онъ уже самъ лично—съ живымъ словомъ—выступалъ предъ лицомъ ефесскихъ гражданъ и предъ лицомъ цѣлаго сонма іерарховъ, собравшихся на вселенскій соборъ, съ цѣлю разъяснять тѣ спорные вопросы, которые были предметами занятій ефесскаго собора и которые, вообще, составляли предметъ спора въ давній моментъ. Такихъ ефесскихъ рѣчей въ настоящее время известно *семь*. Въ онѣ частію догматическаго содержанія и стремятся, съ одной стороны, къ опроверженію несторіанскихъ положеній, а съ другой—къ защитѣ православнаго ученія. Такъ какъ его противники попрежнему продолжаютъ обвинять его въ прикосновенности къ заблужденію Аполлиарія, то онъ не разъ направляется въ этихъ рѣчахъ и противъ указанныхъ обвиненій, высказывая опроверженіе и осужденіе аполлиаріанской ереси. Такъ, обр. всеми этими рѣчами св. Кирилль ал. ясно давалъ понять, что его собственныя воззрѣнія по затронутому вопросу не вѣютъ ничего общаго какъ со взглядами Несторія, такъ и со взглядами Аполлиарія. Несомнѣнно, что результатомъ этой богословской борьбы св. Кирилла ал. было то, что на его сторону склонилось большинство представителей ефесскаго собора (чис-

ломъ около 200), его взгляды были признаны православными, а воззрѣнія Несторія объявлены еретическими и достойными осужденія. Но захѣтательно, что представители несторіанской партіи, не смотря на все это довольно ясныя осужденія св. Кирилломъ ал. аполлиаріанства, еще долгое время продолжали разглашать объ его еретичествѣ. Главнымъ предметомъ нападокъ съ ихъ стороны въ данномъ отношеніи попрежнему продолжали служить его пресловутыя „анаоматизмы“, въ которыхъ онъ, по ихъ мнѣнію, явно допускалъ неясность мыслей, граничащую, по ихъ убѣжденію, съ мнѣніями ереси Аполлиарія. Вотъ почему и св. Кирилль ал. не умолкалъ и уже послѣ окончанія засѣданій ефесскаго собора, въ отвѣдъ своимъ литературнымъ противникамъ, написалъ въ разное время еще цѣлый рядъ полемиическихъ произведеній; изъ нихъ въ настоящее время извѣстны слѣдующія: „О воплощеніи Бога Слова“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1413—1420),—очень коротенькое, но въ то же время очень выразительное сочиненіе, въ которомъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ онъ рѣшаетъ вопросъ о тайнѣ воплощенія; далѣе, сочиненіе подѣ заглавіемъ: „О единствѣ Христа“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1253—1362), въ которомъ св. Кирилль ал.,—на томъ основаніи, что Христосъ есть Сынъ Божій и Сынъ Давидовъ,—признаетъ общеніе свойствъ человѣческаго и божественнаго естества въ единой божественно-человѣческой личности Христа; потомъ—сочиненіе подѣ заглавіемъ: „Разсужденіе съ Несторіемъ“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 249—256),—это маленькое произведеніе, специально посвященное рѣшенію того вопроса, что Марія есть не челоѣкородница, а Богородица. Къ этому послѣднему сочиненію прямо примыкаетъ еще трактатъ, подѣ заглавіемъ: „Противъ тѣхъ, которые не желаютъ признавать святую Дѣву Богородицею“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 256—292). А въ своемъ специальномъ трудѣ подѣ заглавіемъ „О воплощеніи Единороднаго“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1369—1412), св. Кирилль ал. обращаетъ свое вниманіе на раскрытіе общихъ библейскихъ названій, которыя прилагаются къ личности Христа и такъ или иначе освѣщаютъ вопросъ объ Его воплощеніи.

Не смотря на то, что св. отецъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ высказался съ достаточною ясностію, — для предубѣжденнаго противъ него Θεодосія виновность Кирилла ал. въ произведенныхъ смутахъ и даже приверженность къ ереси Аполлинарія продолжали казаться фактомъ несомнѣннымъ. Вотъ почему св. отецъ въ то время, когда императоръ освободилъ его изъ заключенія и далъ ему возможность отправиться къ своей паствѣ, напелъ благовременнымъ еще разъ попытаться раскрыть истину предъ очами самого императора и оправдать свои собственныя убѣжденія, а также отгвѣтить заблужденія Несторія. Съ этою цѣлію онъ написалъ лично къ самому императору свое второе апологетико-полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Апологетическая рѣчь къ благочестивѣйшему царю Θεодосію“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 453—488). Какое было въ частности результатъ даннаго сочиненія, — неизвѣстно; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что къ концу 30-хъ годовъ отношенія императора къ св. Кириллу ал. явно измѣнились, и самъ „Александріецъ“ предсталъ предъ его очами въ своемъ истинномъ видѣ. Θεодосій теперь уже замѣтно склоняется на сторону Кирилла ал. и принимаетъ цѣлый рядъ административно-дипломатическихъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы привлечь къ его воззрѣніямъ всѣхъ враждующихъ съ нимъ представителей антиохійской партіи. Да и сами антиохійцы (Теодоритъ кирскій, Іоаннъ антиохійскій), утомленные въ долгой борьбѣ съ признаками неправоверія св. Кирилла ал., къ концу 30-хъ годовъ, видимо, перемѣняютъ свои взгляды на своего противника. Итакъ, всеисцѣляющее время произвело, наконецъ, свое благотѣльное воздѣйствіе и обѣ противныя партіи подали другъ другу руку примиренія. И замѣчательно, что св. Кирилль ал. въ моментъ этого примиренія представлялъ изъ себя торжествующаго побѣдителя. Онъ, со своей стороны, согласился на признаніе антиохійскаго символа, составленнаго отцами антиохійской партіи, но только потому, что онъ былъ вполне православною исповѣданіемъ вѣры въ божественно-человѣческое лицо Искупителя міра, но въ то же время Кирилль ал. не отказался отъ своихъ сочиненій и въ частности отъ своихъ „анаематизмовъ“, а также и отъ осужденія Несторія, какъ еретика. Отцы же антиохійской партіи (Іоаннъ, Теодоритъ, Павелъ емесскій и др.) должны были признать не только самое исповѣданіе вѣры св. Кирилла ал., особо составленное имъ и посланное въ Антиохію, какъ образецъ истинно-православной вѣры, но еще подписаться подъ осужденіемъ и самой личности Несторія. Послѣдній, — какъ извѣстно, — въ 435 г., былъ единогласно и уже окончательно осужденъ всею христіанскою церковію и долженъ былъ въ полной безысходности закончить свою жизнь († въ 440 г.). Послѣ всѣхъ упорныхъ трудовъ св. Кирилль ал. долженъ былъ наконецъ, насладиться результатами достигнутаго имъ торжества истины и въ мирѣ и спокойствіи дожидать остатковъ дней своихъ. И въ этотъ предсмертный періодъ своей жизни онъ успѣлъ написать новое замѣчательное произведеніе, которое на этотъ разъ было посвящено общему опроверженію взглядовъ знаменитаго императора Юліана-богоотступника. Юліанъ умеръ еще въ 363 г. и плодомъ своей богоотступнической, направленной противъ христіанства, литературной дѣятельности, оставилъ обширное произведеніе подъ заглавіемъ: „Рѣчи противъ христіанъ“. Теперь это сочиненіе почти все утрачено (за исключеніемъ незначительныхъ отрывковъ, изданныхъ Neumann'омъ), но тогда — во времена самого Юліана — имѣло большое распространеніе среди общества и заключало въ себѣ очень обстоятельное и рѣзкое опроверженіе христіанства, при томъ главнымъ образомъ на основаніи источниковъ самого же христіанскаго вѣроученія. Несомнѣнно, оно производило очень много соблазновъ не только среди язычниковъ, но и среди самихъ христіанъ, однако до времени св. Кирилла ал. оно не было опровергнуто представителями христіанской вѣры. Только св. Кирилль ал., — спустя цѣлое полустолѣтіе со времени его выхода въ свѣтъ, — написалъ на него (вѣроятно, въ 433 г., а по мнѣнію Баронія — въ 439 г.) обширное, обстоятельное и сильное опроверженіе въ двадцати книгахъ, подъ заглавіемъ: „Объ истинной религіи христіанъ противъ Юліана“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 557—1064). Изъ числа двадцати книгъ этого сочиненія до нашего времени сохранились въ полномъ видѣ только первыя десять книгъ, посвя-

ценныя опроверженію первой части (изъ 3) | указанного сочиненія Юліана. Этотъ про- | тивникъ христіанства, главнымъ образомъ | упрекая христіанъ въ томъ, что они не | слѣдуютъ ни закону Моисееву, ни ученію | философовъ, при этомъ старается доказать | превосходство философскаго языческаго | ученія какъ предъ ветхозавѣтнымъ, такъ и | предъ новозавѣтнымъ ученіемъ. По его | мнѣнію, несостоятельность христіанства | явствуетъ еще и изъ того, что между осно- | вами его ученія—именно между Вѣтхимъ и | Новымъ завѣтомъ—существуетъ полное про- | тиворѣчіе. Для доказательства этого поло- | женія Юліанъ приводитъ цѣлый рядъ вы- | держекъ изъ текста Свящ. Писанія Н. и В. | завѣтовъ, при чемъ выказываетъ чисто | вѣщное буквальное пониманіе этого тек- | ста, которымъ онъ пользуется болѣею | частію въ формѣ отрывочныхъ безсистем- | ныхъ положеній. Въ виду этого и св. Ки- | рилль ал. значительную долю своего сочи- | ненія отводитъ выясненію подлиннаго смы- | сла приводимыхъ Юліаномъ мѣстъ Свящ. | Писанія, и на основаніи внутренняго зна- | ченія ихъ доказываетъ возвышенность хри- | стическаго изроченія и превосходство его | предъ языческою философій.—Сочиненіе | это было посвящено самому императору | Феодосію и за свои внутреннія и вѣшнія | качества заслужило похвалу современниковъ. | Даже бл. Теодоритъ—его антагонистъ—пре- | возносилъ это сочиненіе своими похвалами, | и, между прочимъ, частію на немъ осно- | вавъ свое примиреніе съ знаменитымъ алек- | сандрійцемъ.—Кромѣ означеннаго аполо- | гетическаго сочиненія, св. Кирилль ал. въ | послѣдніе годы своей жизни написалъ еще | полемическое произведеніе направленное про- | тивъ заблужденія антропоморфитовъ, этихъ | жеучителей, которые имѣли ложное пред- | ставленіе о существѣ Божіемъ, не лишен- | номъ, будто бы, нѣкоторой тѣлесности, и | не вѣрили въ то же время въ освяща- | ющую силу божественныхъ даровъ, оста- | вляемыхъ до слѣдующаго дня. Противъ этихъ | жеучителей, распространившихъ свое уче- | ніе главнымъ образомъ среди монаховъ | горы Каломонской, св. Кирилль ал. и на- | писалъ свое произведеніе подъ заглавіемъ: | „Проявъ антропоморфитовъ“ (Migne gr. t. | LXXVI, col. 1065—1132). Фесслеръ | (Institut. patr. II, 563 sq.) считаетъ это

сочиненіе неподлиннымъ, но безъ достаточ- | ныхъ оснований.—Значительная доля лите- | ратурной производительности отпала въ | Кирилла также въ форму обычныхъ *цер- | ковныхъ бесѣдъ и писемъ*. Изъ множе- | ства рѣчей, о которыхъ упоминаютъ его | современники, до нашего времени сохрани- | лось 46. Изъ нихъ 29 такъ называемыхъ | *пасхальныхъ посланій* или пасхальныхъ | рѣчей (Migne gr. t. LXXVII, col. 391—396) | были написаны имъ въ качествѣ обычныхъ | пастырскихъ посланій, обычно разсѣланныхъ | александрійскими пастырями предъ празд- | никомъ Пасхи. Большинство другихъ рѣчей | посвящено рѣшенію различныхъ догматиче- | скихъ вопросовъ и, между прочимъ, вопросу | объ отношеніи естества въ личности Хри- | ста и о названіи Маріи Дѣвы Богородицею. | Такимъ образомъ, многія изъ рѣчей св. Ки- | рилла ал. (особенно семь вышеупомянутыхъ | ефесскихъ бесѣдъ) прямо и непосредствен- | но примыкаютъ къ его противонесторіан- | ской полемико-догматической дѣятельности. | Что касается писемъ св. Кирилла, то ихъ | всего сохранилось до нашего времени 68. | Изъ нихъ нѣкоторыя только въ отрывкахъ; | болѣшая часть на греч. яз., а незначи- | тельная часть въ переводѣ на лат. яз. (Migne | gr. t. LXXVII col. 9—390). Всѣ письма | главнымъ образомъ составляютъ отзывъ | полемической противонесторіанской дѣятель- | ности Кирилла ал. и имѣютъ весьма важ- | ное значеніе, какъ историческіе документы, | могущіе пролить значительную долю свѣта | на противонесторіанскую эпоху христіанской | жизни. Многія изъ нихъ не лишены значе- | нія и въ догматическомъ отношеніи, въ | особенности тѣ три письма, которыя были | написаны св. Кирилломъ ал. къ Несторію, а | также и тѣ, которыя составляютъ результатъ | его переписки съ Іоанномъ антиохійскимъ, | Теодоритомъ и другими антиохійскими отцами. | Среди такой многотрудной дѣятельности и | протекла жизнь св. Кирилла ал., этого глав- | наго дѣятеля бурной противонесторіанской | эпохи. Св. александрійскій пастырь, одинъ | изъ достойныхъ преемниковъ св. Афанасія в., | умеръ по однимъ даннымъ въ 444 году | (вѣроятно, 9 іюня), а по другимъ—въ 445 г. | (28 января). *Латинская церковь чтитъ | его память 28 января, а православ- | ная 8 іюня и 18 января* (Acta sanct. | Bolland. in 28 Jan).

Св. Кирилль ал. при всемъ обиліи своей литературной производительности, имѣть главное и выдающееся значеніе, какъ литературный противникъ еретика Несторія. Его противонесторіанскія сочиненія, посвященныя детальному выясненію догматическаго вопроса объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ единой личности Богочеловѣка Христа, составляютъ цѣлую эпоху въ исторіи христіанской мысли, при чемъ въ рѣшеніи даннаго вопроса св. Кирилль ал. имѣеть для христіанскаго самосознанія особый авторитетъ. Высокое уваженіе къ нему древней церкви, какъ учителю вѣры по данному вопросу, засвидѣтельствовали сами вселенскіе соборы. 3-й—ефесскій и 4-й—халкидонскій—всел. соборы два посланія св. отца къ Несторію и одно (4-е) къ Іоанну антиохійскому признали правиломъ вѣры для всѣхъ временъ.

Спрашивается: если богословская дѣятельность св. Кирилла по суду послѣдующаго общаго христіанскаго самосознанія была признаваема православною, то почему же она встрѣтила такую сильную оппозицію въ самый моментъ разгара несторіанской борьбы, при томъ со стороны такихъ представителей христіанской мысли, какимъ былъ особенно ученѣйшій Феодоритъ кирскій? Почему потребовалась столь упорная борьба двухъ довольно многочисленныхъ партій—партіи александрійцевъ и партіи антиохійцевъ,—прежде чѣмъ восторжествовала истина Кирилловыхъ воззрѣній? Да ужели и самые враги Кирилла были безусловно ослѣплены и выказали полную несправедливость по отношенію къ этому св. отцу, когда обвиняли его въ аполинаріанскихъ заблужденійхъ?

Разгадка несторіанской распри двухъ враждующихъ лагерей—александрійцевъ и антиохійцевъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтъ на все вышепоставленные вопросы скрывается прежде всего въ самомъ характерѣ и направленіи этихъ двухъ богословскихъ школъ. Школа александрійская,—къ составу которой принадлежали Кирилль ал. и цѣлый рядъ его послѣдователей, развивала свои воззрѣнія, главнымъ образомъ, на почвѣ платоновскаго идеализма, а школа антиохійская,—къ составу которой принадлежали Іоаннъ антиохійскій, Феодоритъ кирскій, самъ Несторій и пр.,—наоборотъ, особенно пыталась реализмомъ Аристотеля. Отсюда вполне естественно, что главнымъ опредѣ-

ляющимъ началомъ богословствованія александрійцевъ была абсолютная идея божества, антиохійцы же, наоборотъ, на первый планъ выдвигали отношенія божества къ міру, такъ сказать, реально-внѣшнюю сторону божественной жизни. Въ частности, въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи естества въ личности Христа Спасителя, александрійская школа всегда особенно рельефно отбѣляла божественную сторону и при этомъ выдвигала мысль о строгомъ единствѣ двухъ объединенныхъ природъ Христа, *éνωσις καθ' ὑπόστασιν*, какъ выражается св. Кирилль ал., а антиохійская школа, наоборотъ, всегда преимущественное вниманіе сосредоточивала на человѣческой природѣ Христа и выдвигала на первый планъ идею строгого различія (*διαίρεσις*) между Его природами. При одностороннемъ развитіи указаннаго принципа, александрійская школа естественно предрасполагала, а, въ случаѣ перехода въ крайность, и дѣйствительно приводила своихъ послѣдователей къ такимъ мистическимъ воззрѣніямъ на взаимное отношеніе и соединеніе двухъ естествъ во Христѣ, при которыхъ человѣческое естество понималось далеко не во всей полнотѣ и истиннѣ атрибутовъ дѣйствительной Его человечности:—человѣческое естество Христа при крайнемъ развитіи основнаго принципа александрійскаго богословія, дѣйствительно, представлялось имъ умаленнымъ въ существенныхъ своихъ свойствахъ и униженнымъ въ своей субстанціальности, или же и существенно намѣненнымъ и преобразеннымъ въ какой-то иной высшей видъ бытія. Какъ бы то ни было, но еретическія воззрѣнія Аполинарія, а затѣмъ Евтихія были именно такими крайностями, которыя развились на почвѣ александрійскаго богословія. Въ понятіи и ученіи Кирилла ал. о взаимномъ отношеніи и соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, конечно, не было подобныхъ крайностей. Но при неустановившейся еще точной богословской терминологіи и въ пылу полемики противъ несторіанства, стремившагося возвести человѣческое естество Христа на степень самостоятельной и отдѣльной отъ Его божества личности, и у Кирилла ал. не разъ срывались съ языка такіе фразы, въ которыхъ критика словъ и разсудочная диалектика, присущая богословамъ антиохійской школы, могла усмотрѣть своего рода крайности, приближающія богословіе Ки-

рилла ал. къ заблужденію Аполлинарія. Такъ, напр., св. Кирилле ал. не рѣдко употреблялъ такія выраженія, какъ: „два естества въ Иисусѣ Христѣ составляютъ одно“, или: „божеское и человѣческое существо само по себѣ, до соединенія своего въ Иисусѣ Христѣ, существенно различны, но въ соединеніи и въ соединеніи своемъ составляютъ одно существо“. Конечно, для подозрительныхъ антиохійцевъ, всегда ревниво и подозрительно относившихся къ превысненнымъ созерцаніямъ александрійской школы, всѣ эти и подобныя выраженія св. Кирилла ал. легко могли показаться выраженіемъ ученія о *сортвореніи* и *слиянніи* естествъ до уничтоженія ихъ особенностей. И мы знаемъ, что такія не совсемъ точныя фразы Кирилла ал. въ послѣдствіи времени, дѣйствительно, послужили для монофизита Евтихія походнымъ пунктомъ и опорой монофизитскихъ его мечтаній. Да и въ „анаематизмахъ“ св. Кирилла ал., которыя были направлены имъ прямо и непосредственно противъ крайнихъ мнѣній и выраженій Несторія, и которыя, вслѣдствіе этого, были составлены, большею частію, въ формѣ противоположенія двухъ, одно другому противныхъ предложеній, — висли естественнo (уже въ силу односторонняго направленія ихъ, особенно при крайней сжатости мысли) встрѣчались и такія положенія (напр., во 2 и 3 анаематизмахъ), гдѣ богословами Востока, принадлежащими къ антиохійской школѣ, предчувствовался страшный и ненавидный призракъ монофизитства. Отсюда и возникли тѣ бурные споры, которые составляютъ душу несторіанскихъ движеній. И св. Кириллу ал. нужно было много и долго объясняться, чтобы успокоить встревоженное воображеніе ученыхъ богослововъ Востока и довести ихъ до сознанія, что его воззрѣнія не заключаютъ въ себѣ ереси, а что ересью является ученіе Несторія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и самое ученіе Несторія, а, слѣдовательно, и міровоззрѣніе Θεодора мопсуестійскаго, послужившее для него основою, не были лишены нѣкоторой доли истины. Хорошую и здравую сторону несторіанства составляла именно идея *несліянности* естествъ во Христѣ, — та идея, которая и была такъ дорога антиохійскимъ богословамъ и изъ-за которой они вели столь упорную борьбу съ призраками монофизитства у Кирилла ал. Антиохійцы были настолько на-

электризованы идеєю несліяннаго отношенія духъ и природа въ личности Христа, что за нею не видѣли — и не видѣли очень долго — того крайняго развитія, какое получала эта идея въ доктринахъ Несторія. Словомъ, обѣ враждующія партіи долго боролись взаимно съ призраками: съ одной стороны — съ призраками несторіанства, а съ другой стороны — съ призраками аполлинаризма и монофизитства. Но какъ св. Кирилле ал. былъ менѣе всего аполлинарианномъ, такъ и антиохійцы — особенно Θεодоритъ, Андрей самосат., Іоаннъ антиохійскій, — не были несторіанцами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а боролись только за идею несліянности естествъ, — за ту именно идею, носительнъ и защитницою которой въ ся частомъ и нетронутомъ видѣ — представлялась имъ и самая личность Несторія. Что, дѣйствительно, антиохійцы (Теодоритъ, Іоаннъ антиох.) были чужды крайнихъ взглядовъ Несторія, за исключеніемъ одной только его идеи о несліянности естествъ, — показываетъ уже самый символъ этихъ антиохійскихъ отцовъ, составленный въ 435 г., — тотъ символъ, съ которымъ согласился и св. Кирилле ал., и который, такимъ образомъ, послужилъ соединительнымъ мостомъ къ примиренію александрійцевъ и антиохійцевъ.

Впрочемъ, немаловажное вліяніе на подержаніе споровъ оказала также и самая личность св. Кирилла ал. Кирилле былъ племянникомъ Θεофила александрійскаго, — этого честолюбиваго, гордаго іерарха, стѣжавшаго себѣ печальную память осужденіемъ св. Іоанна Златоуста. Самъ Кирилле, вмѣстѣ со своимъ дядей, тоже принималъ очень дѣятельное участіе въ дѣлѣ осужденія этой уважаемой антиохійцами личности. Естественно, что антиохійцы, къ которымъ принадлежали Іоаннъ антиох., Андрей самосатскій и Θεодоритъ, — не могли не относиться къ личности св. Кирилла ал. съ значительною долей предубѣжденія и не видѣть въ немъ дѣятельнаго продолжателя ненависти и стѣваго имъ Θεофила. Конечно, подобное предубѣжденіе по отношенію къ личности Кирилла ал., — честнаго, гуманнаго, самоотверженнаго, стойкаго защитника истины ради самой же истины, — было неосновательнo. Но, какъ бы то ни было, нужно было время, чтобы изгладить тѣ непріятныя впечатлѣнія, которыя соединялись для антиохій-

цевъ съ мнѣніемъ объ Іоаннѣ Златоустѣ этого знаменитаго борца истины.

Наконѣцъ, нельзя не отмѣтить и того факта, что св. Кирилль ал. ужь слишкомъ энергично и рѣшно взялся за дѣло искорененія ереси Несторія. А эта энергичность его дѣятельности—особенно при существованіи двухъ вышеуказанныхъ главныхъ причинъ—точно также не могла не возбуждать значительной доли неудовольствія въ подозрительныхъ антиохійцахъ.

Значеніе Кирилля ал. въ догматическомъ отношеніи главнымъ образомъ сосредоточивается въ ученіи о боговоплощеніи,—въ ученіи объ отношеніи и способѣ соединенія въ единой личности Христа божеской и человѣческой природы. Раскрытіе даннаго ученія обуславливалось въ его твореніяхъ противоположною точкой зрѣнія Несторія.

Несторій объективную и реальную сторону въ личности Христа усматриваетъ въ раздѣльномъ существованіи самыхъ природъ Его; при чемъ единство ихъ онъ допускалъ только въ мысли и представленіи. Св. Кирилль ал., наоборотъ, считалъ реальнымъ самое единство природъ, а различіе ихъ представлялъ чѣмъ-то идеальнымъ, мыслимымъ. Отсюда стремленіе выставить какъ можно рельефнѣе и отчетливѣе единство личности Христа при различіи природъ въ ея объективной реальности—и составляетъ центръ тяжести всѣхъ его богословскихъ изысканій по данному вопросу. Въ этомъ отношеніи его значеніе въ исторіи христіанскаго вѣроученія можно приравнять къ значенію Аполлинарія, только съ тѣмъ различіемъ, что у послѣдняго стремленіе выяснять истину единства личности Христа, при существованіи двухъ природъ, разрѣшилось ересью: Аполлинарій въ концѣ концовъ—въ погонѣ за идеєю единства лишилъ человѣческую природу Христа дѣлости и полноты, и призналъ въ ней только тѣло человѣческое и душу, а духъ, или разумъ заимѣлъ въ ней Божественнымъ Словомъ. Св. Кирилль ал. избѣгъ этой крайности Аполлинарія и установилъ такую точку зрѣнія на вопросъ, при которой истина единства личности Христа не идетъ въ разрѣзъ съ признаніемъ дѣлости и полноты какъ божественной, такъ и человѣческой природъ. Слѣдовательно, онъ устанавливалъ такую точку зрѣнія, которая исключала также и крайность ученія Несторія. Послѣдній, увлекаясь

идеєю различія природъ во Христѣ, настолько разобщилъ ихъ, что въ концѣ концовъ превратилъ ихъ въ два самостоятельныя лица,—и Христось, такимъ образомъ, оказался у него двуаприроднымъ и въ тоже время двуличнымъ существомъ. Кирилль же ал.,—повторяемъ,—наоборотъ, мыслилъ двѣ природы во Христѣ въ такомъ тѣсномъ, нераздѣльномъ, строго гармоническомъ сочетаніи и единствѣ, что имѣлъ полное право говорить только о единой личности Христа Искупителя. Но его собственнымъ словамъ, чрезъ непостижимое соединеніе и объединеніе двухъ разнородныхъ и неподобныхъ природъ образовалась единая личность. Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—только единого Христа и Господа Іисуса, Сына Божія, который въ одно и тоже время есть и *Богъ и человекъ*. Единство Бога и челоѣка въ личности Христа настолько совершенно и неразрывно, что въ Немъ Единородный и Перворожденный является однимъ и тѣмъ же; Единородный такъ же, какъ и Логось, рожденный изъ существа Бога Отца, соединились настолько тѣсно, что мы должны повѣдывать Христа не только „*Богомъ по существу*, но и *человѣкомъ по плоти*“. При этомъ нельзя мыслить ни о какомъ разобщеніи этихъ природъ; такъ что Еммануила (—это любимое наименованіе св. Кирилля ал. употребляетъ для обозначенія единой богочеловѣческой личности Христа—) нельзя уже болѣе представлять себѣ въ отдѣльности ни Богомъ, ни челоѣкомъ, а только Богочеловѣкомъ. Правда, для обыкновеннаго сознанія челоѣка и послѣ своего соединенія природы Христа кажутся еще двумя различными сущностями, но уже настолько тѣсно связанными одна съ другой, что должны представляться въ то же время единымъ цѣлымъ, сохраняющимъ только особенности той и другой. Слѣдовательно, это единство природъ должно понимать не въ томъ смыслѣ, что между ними произошло полное смѣшеніе, полное слияніе и поглощеніе одной природы другою,—какъ это допускалъ въ приложеніи къ теоріи Кирилля ал. его противникъ Несторій. Подобнаго слиянія и смѣшенія природъ въ единой личности Христа св. Кирилль ал. совершенно не допускалъ. Что это дѣйствительно такъ,—доказываетъ въ значительной степени его ученіе о неизмѣнности божественнаго существа. Богъ не-

измѣняемъ по природѣ, слѣдовательно, и Сынъ Божій, Божественное Слово, соединившись съ человѣкомъ,—Христомъ, не могъ слиться съ человѣческой природой послѣдняго до степени полного смѣшенія, полного поглощенія божеской природы человѣческой природой. Что Богъ, даже въ томъ случаѣ, когда свизошелъ до человѣческой природы и сдѣлался так. обр. плотію, не пересталъ быть Богомъ; что онъ, сдѣлавшись человѣкомъ, все равно остается самъ по себѣ Богомъ, при томъ Богомъ абсолютнымъ, вѣчно и неизмѣнно тождественнымъ,—это положеніе составляетъ, можно сказать, главный и существенный пунктъ во всей теоріи св. Кирилла ал.,—такой пунктъ, къ которому онъ возвращается и который защищаетъ всякій разъ, когда его противники упрекаютъ его въ допущеніи мысли о сліяніи и смѣшеніи природъ.

Если же, такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. былъ чуждъ идеи сорастворенія божества съ человѣчествомъ, т. е. идеи поглощенія божества человѣчествомъ Христа, то онъ былъ чуждъ и какъ разъ обратной крайности, именно идеи поглощенія человѣчества Христа божествомъ Божественнаго Слова,—какъ это выходило съ точки зрѣнія умозрѣній Аполлинарія. По ученію св. Кирилла ал., человѣкъ Христосъ, сдѣлавшись Богомъ, не пересталъ быть въ то же время и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ полномъ составѣ его природы. Если мы допустимъ и признаемъ справедливымъ противоположное мнѣніе, граничащее съ заблужденіемъ Аполлинарія, то тогда, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно будетъ признать призрачнымъ и самое воплощеніе Бога Слова, тогда потеряетъ истинный смыслъ и самое дѣло искупленія; слѣд., тогда нужно встать на докетическую точку зрѣнія. Такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. одинаково твердо держался какъ того положенія, что Христосъ есть истинный и совершенный Богъ, такъ и того положенія, что онъ есть столь же истинный и совершенный человекъ.

Правда, аполлинаристы, при такомъ пониманіи общаго состава единой личности Христа, могли поставить св. Кирилла ал. въ упрекъ то, что въ данномъ случаѣ признание дѣлостности двухъ природъ во Христѣ должно повести къ мысли о двуличности,

о двухълипостности Христа; словомъ, они могли изболчить его въ крайности несторіанства. Но св. Кириллъ ал., постоянно имѣя въ виду подобное возраженіе и съ цѣлію опровергнуть и отвергнуть крайность несторіанскаго представленія о двуличности Христа, открыто и ясно заявлялъ въ своихъ сочиненіяхъ, что *двойственность* полныхъ и совершенныхъ природъ должно представлять себѣ тѣсно объединенною въ единой личности Христа. Такое объединеніе,—по его мнѣнію,—нужно представлять не только въ мысли, въ идеѣ,—какъ этого хотѣлъ Несторій и какъ это выходило съ точки зрѣнія его обихихъ посылокъ, — но именно *объединеніемъ и единеніемъ реальнымъ*, при которомъ съ личностію Христа нельзя соединять представленія о двухъ, но только объ одномъ Христѣ. Христосъ составляетъ единое лицо и именно единое лицо Богочеловѣка; при чемъ и двойственность природъ и единство лица во Христѣ, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно мыслить совершенно реально.

Признавши, так. обр., положеніе о реальномъ объединеніи въ личности Христа двухъ реально существующихъ природъ—божеской и человѣческой, св. Кириллъ ал., вполне естественно, долженъ былъ провести также мысль о реальномъ общеніи свойствъ этихъ двухъ присущихъ Христу природъ.

Но, однако, въ данномъ случаѣ мы встречаемся уже съ такимъ пунктомъ ученія св. Кирилла ал., при которомъ онъ чувствовалъ большое затрудненіе и, видимо, самъ опасался, какъ бы ему при своемъ ученіи о единствѣ личности Христа, не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если Богъ родился, какъ человѣкъ, то не можетъ ли показаться въ то же время, что, въ виду тѣснаго общенія человѣка съ Богомъ, и родился-то точно также *самъ Богъ*, т. е. Богъ по Своему божеству? Вѣдь, если единство, какъ такое, можетъ быть истинно реальнымъ и существеннымъ только тогда, когда все, прилагаемое къ Богу, мы должны относить въ то же время и къ человѣку,—то не слѣдуетъ ли отсюда прямо и естественно заключеніе, что все, чѣмъ обладаетъ человѣкъ и что свойственно ему по природѣ, должно съ такимъ же правомъ быть отнесено и къ Богу? Но св. Кириллъ ал., насколько рѣшительно допускаетъ вы-

раженіе „Богородица“ въ его полномъ догматическомъ значеніи въ приложеніи къ личности св. Дѣвы Маріи, насколько рѣшительно полагаетъ это выраженіе въ основу всѣхъ своихъ догматическихъ построеній, — настолько же осторожно онъ умалчиваетъ о томъ, чтобы признать рожденіе Бога по существу при посредствѣ св. Дѣвы. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ прямо и рѣшительно возражаетъ противъ той мысли, что Сынъ Божій, будто бы, только при посредствѣ Маріи въ первый разъ родился. Рожденіе Бога Слова по божественному естеству нельзя мыслить въ актѣ рожденія Христа Дѣвою Маріей уже по одному тому, что признаніе такого рожденія прямо противорѣчиво бы вѣчности и неизмѣнимости божественнаго существа. Такъ обр., какъ въ приложеніи къ Сыну Божію нельзя говорить, что Богъ родился по божественному существу, точно такъ же нельзя говорить въ приложеніи къ нему и того, что Богъ страдалъ, умеръ, возрасталъ, былъ обрѣзанъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ св. Кирилль ал. выражается, что Богъ страдалъ, былъ человѣкъ; Богъ умеръ, возрасталъ, былъ обрѣзанъ и т. д., какъ человѣкъ.

Но, — спрашивается, — если Богу нельзя приписывать того, что свойственно Христу, какъ человѣку, то не значить ли это уничтожать единство и общеніе свойствъ двухъ присущихъ Христу природъ? Не значить ли это уничтожить жизненность основного принципа всей христологіи св. Кирилла ал.? Св. отецъ устраняетъ силу этого возраженія указаніемъ самаго момента, когда Сынъ Божій соединился съ человѣкомъ Иисусомъ. По его общему положенію, таинство воплощенія имѣетъ двѣ стороны: идеальную и реальную. До момента зачатія Дѣвою Сына Христа Божественный Логосъ еще только въ видѣ, въ представленіи Божественнаго разума имѣлъ совершить воплощеніе; тогда, — стало быть, — и самое соединеніе Логоса со Христомъ было еще только идеальнымъ, умопредставляемымъ, промыслительнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, *οἰκονομικός*, какъ онъ выражается. Послѣ же зачатія св. Дѣвою человѣка-Христа совершилось уже реальное соединеніе Логоса со Христомъ; только съ этого момента Сынъ Божій вступилъ въ тѣсное существенное общеніе съ рожденнымъ сыномъ Маріи и составилъ съ

нимъ единую личность Богочеловѣка. Следовательно, только съ этого момента существенно-реального объединенія двухъ природъ — божественной и человѣческой въ единой личности Христа — наступило и самое общеніе свойствъ той и другой природы.

Утверждая положеніе о богочеловѣчествѣ Христа, св. Кирилль ал. долженъ былъ рѣшить также и специальный вопросъ о *способѣ ипостаснаго* соединенія божества и человѣчества. Разрѣшить вполне эту непостижимую тайну, — по его мнѣнію, — невозможно, но приблизить, хотя нѣсколько, къ человѣческому сознанію можно. Поэтому св. Кирилль ал. обращается къ нѣкоторымъ аналогіямъ в при помощи ихъ старается, насколько возможно, выяснить, какими именно образомъ Богъ и человѣкъ соединились между собою въ одну ипостась Сына Божія, не раздѣляя и не сливая при этомъ своихъ разныхъ природъ. Между прочимъ, онъ сравниваетъ ипостасное единеніе съ отношеніемъ огня къ горючимъ матеріаламъ. Огонь неразрывно соединяется съ горючимъ веществомъ, такъ что отдѣлить его совершенно невозможно; но, при этомъ единеніи огня и вещества, оба элемента все-таки остаются совершенно различными, такъ что ни огонь не есть вещество, ни вещество не есть огонь. Подобно этому неразрывному и неслиявшему единенію огня и вещества, св. Кирилль ал. и думалъ представить себѣ единеніе и сближеніе божества и человѣчества во Христѣ. Само собою понятно, что грубый примѣръ не могъ точно выяснитъ подлинной мысли церковнаго ученія. Огонь уничтожаетъ горючее вещество, между тѣмъ какъ божество Спасителя не уничтожаетъ Его человѣчества, а только соединилось съ нимъ въ такое же неразрывное единеніе, въ какомъ находятся между собою огонь и вещество горящаго свѣтильника. Чтобы точнѣе выразить свою мысль о возможности неизмѣннаго существованія соединенныхъ воедино природъ Спасителя, св. Кирилль ал. обращается еще къ другой аналогіи, — къ сравненію этой истинны съ истинною соединенія тѣла и души въ единствѣ личности человѣка. Душа и тѣло человѣка составляютъ въ немъ двѣ сущности, совершенно различныя, которыя, сохраняя всѣ свои особенности и свойства, въ то же время тѣсно соединены между собою, но при томъ

такъ, что взаимно не поглощаютъ другъ друга. Точно такъ же нужно мыслить и способъ сочетанія и единенія природъ въ лицѣ Спасителя. Онѣ составляютъ едино въ личности Христа, онѣ—*ἕνωσις καθ' ἑσθασιν*, но въ то же время онѣ нераздѣльно-неслѣяны между собою и, такъ обр., не претворяясь одна въ другую и не поглощаясь взаимно одна другою, составляютъ собственно двѣ природы, а не одно общее претворенное существо. Спаситель жилъ совершенно человѣческой жизнью; слѣдовательно, Его человѣческая природа отъ соединенія съ божествомъ не потеряла никакого измѣненія, не сдѣлалась какою-либо другою въ сравненіи съ общою человѣческою природою, такъ что все необходимыя человѣческія отправления нашей природы были въ той же мѣрѣ присущи человѣчеству Сына Божія, въ какой онѣ присущи и намъ. Въ Немъ не слились и не отождествились божество и человѣчество, а остались разными природами, каждая съ своими естественными свойствами, такъ что какъ свойство тѣла нельзя представить въ Слово, которое было въ началѣ, такъ, наоборотъ, — и свойство Божества нельзя мыслить въ природѣ плоти. Соединенныя во едино природы Христа существовали, хотя и неразрывно (*ἀδιακρίτως*) въ силу ипостаснаго единства божества и человѣчества (*ἕνωσις καθ' ἑσθασιν*), однако и *неслѣянно* (*ἀσυνήκτως*) въ силу ихъ совершеннаго различія по сущности и свойствамъ.

Такимъ образомъ, въ противоположность ученію своего противника Несторія, св. Кирилль ал. наставлялъ на той мысли, что Иисусъ Христосъ есть истинный и совершенный Богъ, а въ противоположность аполинаріанской точкѣ зрѣнія, въ которой его самого обвиняли антиохійцы, — онѣ утверждали, что въ лицѣ Иисуса Христа истинный и совершенный Богъ вступилъ въ единеніе съ истиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ.

Но противники св. отца усматривала въ такой постановкѣ и формулировкѣ ученія неразрѣшимыя противорѣчія; самый фактъ воплощенія — въ смыслѣ ученія св. Кирилла ал. — имъ представлялся невозможнымъ. Основанія этой невозможности сводились собственно къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: а) воплощеніе унижаетъ собою божество; б) оно подвергаетъ страданію Безстрастнаго и в)

оно ограничиваетъ вещественными формами плоти Безпредѣльнаго. — Св. Кирилль ал. разрѣшаетъ все эти возраженія. Касаясь перваго изъ нихъ, онъ совершенно законно ставитъ слѣдующій вопросъ: въ чемъ же собственно нужно усматривать это униженіе? Еслибы мы предложили этотъ вопросъ древнимъ гностикамъ, то они, конечно, убѣрили бы, что божество унижается отъ соприкосновенія съ принципомъ зла — матеріей, и потому вполне согласился бы дать Спасителю не матеріальное, а какое-нибудь другое, особенное тѣло. Св. Кирилль ал. эту гностическую точку зрѣнія, отъ-части присущую аполинаріанамъ, а отъ-части и Несторію, опровергъ указаніемъ полной безцѣльности такого рода воплощенія. По его мнѣнію, чтобы дѣйствительно исцѣлить больного, нужно, конечно, давать лекарство не здоровому, а самому больному; больнымъ же быть човѣкъ; слѣдовательно, и въ воплощеніи нужно было воспринять Бггу для врачеванія обыкновенную человѣческую природу. Въ противномъ случаѣ и самое дѣло искупленія потеряло бы свое реальное значеніе и само по себѣ было бы дѣломъ призваннымъ и не достигающимъ цѣли. И, наоборотъ, если бы дѣло искупленія было совершенно не самымъ воплотившимся Богомъ, а только човѣкомъ — носителемъ божества, — то тогда и самое искупленіе было бы невозможно, потому что оно представлялось бы только дѣломъ човѣческимъ, имѣющимъ лишь нравственную силу и принудительность.

Впрочемъ, противникамъ св. Кирилла ал. казалось униженнымъ не столько то, что Богъ воплотился, сколько то, что Онъ повиновался повелѣніямъ, подчинялся човѣческимъ законамъ и весь крестъ. Въ этомъ они видѣли крайнее униженіе божества и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіе къ Его воплощенію. Но св. Кирилль ал. замѣчаетъ, что въ фактѣ истиннаго и ипостаснаго соединенія Бога съ човѣкомъ проявилось вовсе не униженіе, а, напротивъ, необычайное дѣйствіе божественной силы, которое вполне справедливо составляетъ предметъ вѣчнаго удивленія для всехъ разумныхъ веществъ. Вотъ почему все проповѣдники христіанства указываютъ преимущественное чудо таинства воплощенія въ томъ, что Богъ явился во плоти, что Слово стало плотію, и явилось, такъ образомъ, прѣизбытокъ Своей боже-

ственной силы. Итакъ, воплощеніе не унижаетъ божества, потому что подъ кажущимся покровомъ униженія съ невыразимою силой сіяеть Его вѣчная слава.

Но если самый фактъ воплощенія не унижаетъ божества, то не унижается ли божество тѣмъ, что оно въ данномъ случаѣ, принявъ истинную плоть человѣка, должно жить измѣнчивою жизнію этой плоти и потому само должно какъ бы страдать и измѣниться? Въ такомъ видѣ противники св. Кирилла ал. выставляли второе возраженіе противъ его ученія о воплощеніи Слова.

Разбирая это второе возраженіе, св. Кирилль ал. прежде всего попытался установить точное понятіе страсти, страданія. По его мнѣнію, страстію нужно называть далеко не все то, что обыкновенно называется этимъ именемъ. Обыкновенно мы называемъ страстными всѣ измѣненія, какія происходятъ въ нашей жизни и природѣ: рожденіе, голодь, жажду, печаль, гнѣвъ, сонъ, смерть и т. д., между тѣмъ какъ всѣ эти дѣйствія природы не могутъ быть страстными. Съ этой точки зрѣнія св. отецъ и разсматриваетъ самые факты человѣческой жизни Спасителя, на которые указывали, какъ на унижающіе божество факты страсти. По мнѣнію св. Кирилла ал., въ рожденіи Бога Слова, а равнымъ образомъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, и проявленіяхъ усвоенной имъ человѣческой природы, какъ „дѣйствіяхъ природныхъ“, нѣтъ ничего унижающаго достоинство божественной сущности. Постыденъ только пороку, а не природа; слѣдовательно, только общеніе съ порокомъ было бы недостойно Божества. Вотъ почему, отвергая причастіе Слова Божія пороку, св. Кирилль ал. въ то же время не усматривалъ ничего невозможнаго и унижающаго для божественнаго Слова въ самомъ фактѣ Его воплощенія и въ самомъ обитаніи Его въ человѣческомъ тѣлѣ. Тѣмъ болѣе, что и самое рожденіе, по его мнѣнію, совершилось абсолютно безстрастно и непорочно. Слѣдовательно, всота божества вполне сохранилась и въ человѣческомъ рожденіи Спасителя.

Опровергнувши два указанныхъ возраженія, св. Кирилль ал. касается далѣе и третьяго возраженія, по которому воплощеніе Бога Слова, будто бы, должно вести къ ограниченію безпредѣльнаго Бога. Впрочемъ, св. Кирилль ал. опроверженіемъ этого

возраженія занимается очень мало въ виду его крайней нелѣпности въ самой его основѣ; да это возраженіе и вообще было неприменимо къ ученію св. отца. Послѣдній, проводя мысль объ ипостасности единенія въ личности Христа двухъ естествъ, и не думалъ даже говорить объ ограниченіи божественнаго естества. По нему, Богъ Слово какъ до воплощенія, такъ и по воплощеніи одинаково есть безпредѣльный и неограниченный Богъ. А чтобы прояснить возможность пребыванія въ конечномъ человѣкѣ безпредѣльнаго Бога, св. Отецъ снова обращается къ сравненію этого пребыванія съ отношеніемъ души къ тѣлу. Тѣло, противоположное духу по своей природѣ, строго ограничено своими матеріальными очертаніями и постоянно находится въ извѣстныхъ предѣлахъ; между тѣмъ духъ, свободный отъ всякихъ матеріальныхъ очертаній, хотя и связанъ неразрывно со своимъ матеріальнымъ тѣломъ, однако, имѣетъ полную возможность своею мыслию выступать за предѣлы своего ограниченаго бытія, возноситься до небесъ, погружаться въ бездны, проходить всю широту вселенной. Дѣйствительно, на основаніи этого примѣра можно сдѣлать вполне вѣрное предположеніе, что если ограниченная по своей природѣ душа, не смотря на свою связь съ опредѣленными очертаніями тѣла, все-таки до нѣкоторой степени представляется безразличною по своей мысли, то тѣмъ болѣе безгранично въ собственномъ смыслѣ божество, не смотря на свое соединеніе съ человѣчествомъ, должно быть безграничнымъ не только въ мысли, но и по природѣ.

Въ тѣсной логической связи съ христологіею св. Кирилла ал. находится его ученіе о таинствѣ евхаристіи, которое служило теперь предметомъ оживленнаго спора между старокатолическими и православными богословами (см. у проф. *П. П. Пономарева*, Ученіе св. Кирилла объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн.“ 1903 г., стр. 659—736). Какъ и въ христологіи, св. Кирилль ал. отгнѣняетъ по преимуществу духовную сторону таинства, но въ то же время ясно и очень опредѣленно учить о реальномъ присутствіи истиннаго тѣла и крови Христовыхъ въ евхаристическихъ дарахъ. Особенно важное мѣсто, гдѣ изображаются ученіе св. Кирилла ал. во всей полнотѣ и ясности, находится въ Толк.

на Ев. Матвѣя (Migne gr. t. LXXII, col. 452). „Господь ясно сказалъ: *sic est t̄glo Moe* и *sia est* кровь Моя, чтобы ты не съелъ того, что видишь, просто за образъ, но чтобы ты зналъ, что предлагаемое тебѣ несомнѣнно превращается (μετασχηματίζονται) въинымъ таинственнымъ образомъ въ тѣло и кровь Христа. Приобщаясь ихъ, мы принимаемъ въ себя животворящую и освящающую силу Христа. Ибо должно, чтобы Онъ чрезъ Св. Духа, какъ прилично Богу, сорастворился въ насъ дѣйствительно съ нашими тѣлами чрезъ святую Его плоть и драгоцѣнную кровь, что мы подлинно и получаемъ въ животворящемъ благословеніи какъ бы въ *глаголь* и *вмѣст* съ тою цѣлью, чтобы мы не смущались, видя предлагаемая плоть и кровь на святыхъ церковныхъ жертвенникахъ“. Такимъ образомъ ясно, что мысль о простой только консубстанціи (въ духѣ старокатолическаго ученія) совершенно не приложима къ ученію объ евхаристіи св. Кирилла ал.

Литература. Источники и пособия. 1) Изданія твореній св. Кирилла. Первое полное, до сихъ поръ счѣтающееся лучшимъ и относительно очень исправнымъ, изданіе твореній св. Кирилла было сдѣлано въ 1638 г. *J. Aubert*'омъ (Paris) въ 7 томахъ; оно же было переиздано заѣмъ и въ *Cursus patr. compl. Migne*'я (1843—1859 г.), гдѣ творенія св. К. отведены 68—77 томы греческой серіи. Существеннымъ дополненіемъ къ изданіямъ *Aubert*'а и *Migne*'я являются частичныя изданія отдѣльных произведеній св. Кирилла ал. Изъ нихъ особенно важное значеніе имѣютъ: изданія—а) *K. J. Neumann*'а (Lpzg 1880), который въ своемъ собраніи фрагментовъ изъ сочиненія Юліана Отступника (Juliani imperatoris librorum contra christianos quae supersunt) издалъ также и сочиненіе Кирилла: „Противъ Юліана“ (р. 42—63; 64—87); б) *Ph. Ed. Ryseu*'я, который въ отдѣльности издалъ: *Epistulae tres oecumenicae, Libri quinque contra Nestorium, XII Capitulum explanatio, XII Capitulum defensio utraque, Scholia de incarnatio Unigeniti* (Oxonii 1875), *De recta fide ad imperatorem, De incarnatione Unigeniti dialogus, De recta fide ad princessas, De recte fide ad augustas, Quod unus Christus dialogus, Apologeticus ad imperatorem* (Oxonii 1877), *Tractatus ad Tiberium diaconum duo* или *Contra antropomorphitas* (въ связи съ изданіемъ Комментарія на св. Іоанна, Oxford 1872: Vol. III, p. 476—607), въ XII prophetas (Oxonii 1868, 2 voll.), фрагменты изъ Комментар. на посл. къ Римл., 1 и 2 Кор. и Евр., Дьян. Ап., Іакова, 1 и 2 Петра, 1 Іоанна и Іуды (Oxonii 1872, p. 441—451, съ кри-

тическихъ замѣчаніямъ на изданіе Мипя), *Epistulae tres oecumenicae* (ibid.); в) *R. Smith*'а (цѣлый рядъ сирійскихъ фрагментовъ изъ Комментар. на Ев. Луки съ переводомъ ихъ на лат. яз.: *Commentarii in Lucae evangelium...*, Oxonii 1858; Oxford 1859, voll. 2); г) *W. Wright*'а (тоже сирійскіе фрагменты изъ Комментар. на Ев. Луки, London 1874), д) *Pitra* (сочиненіе *Liber thesaurorum de sancta et consubstantiali trinitate* въ *Analecta sacra et class.*, Paris 1888, pars I, p. 38—46).—Въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія св. Кирилла ал. издаются при московск. Дух. Акад. (выпущено 1—12 т., но изданіе еще не совсемъ закончено). 2) Важнѣйшія монографіи и статьи о св. Кириллѣ въ западной литературѣ: *J. Korpalik*, *Cyrrillis von Alexandrien: eine Biographie nach Quellen gearbeitet*, Mainz 1881 (исключительно биографія и обзоръ литературности; объ этой книгѣ см. обстоятельную рецензію проф. *А. И. Лебедева* въ „Приб. къ твор. св. Церкви“ 1882, ч. 30, стр. 546 сл. [а также † проф. *В. В. Болотова* въ „Христ. Чтеніи“ 1883 г., т. I]). *A. Largent*, *Etudes d'histoire ecclesiastique. St. Cyrille d'Alexandrie et le concile d'Epheze*, Paris 1892. *Hefele*, *Conciliengeschichte* (2 Aufl.), II, 141—288: „Die Dritte allgemeine Synode zu Ephesus in Jahre 431“. *E. Michaud*, *S. Basille de Cesarée et S. Cyrille d'Alexandrie sur la question trinitaire* („Revue internat. de theol.“ 1898, p. 354—371) (важна, какъ извлеченіе свидѣтельствъ о Св. Троицѣ въ интересахъ католическаго и старокат. ученія о Filioque). *Schäfer*, *D. Christologie d. h. Cyrillus von Alexandrien in d. rom. Kirche* 432—534. („Theol. Quartalschrift“ 1895, 3, S. 421—447). *Behrmann*, *Die Christologie d. h. Cyrill. o. Alexandrien*, Heidesheim 1902. *Ν. Παρίδας, Κύριλλος ὁ Ἀλεξανδρινός ἀρχιεπίσκοπος*, Lipsiae 1884. (Dr. *Eduard Weigl*, *Die Heilslehre des heiligen Kyrill von Alexandrien* въ „Forschungen zur christlichen Literatur und Dogmengeschichte herausg. von A. Ehrhard und J. P. Kirsch V, 2—3 Mainz 1905,—(ср. „Theologische Rundschau“ X, 1: Januar 1907, S. 23—26). *W. Smith* and *H. Wace*, *A Dictionary of Christian—Biography* I, p. 763—773. *Herzog-Hauck*, *RB.* IV³, S. 377—381. *J. Mahé*, *Les anathématismes de Saint Cyrille d'Alexandrie et les évêques orientaux du patriarcat d'Antioche* въ „Revue d'histoire ecclesiastique“ VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 305—442; *то же*. *T'encharistie d'après saint Cyrille d'Alexandrie* ibid. VIII, 4 (15 Octobre 1907), p. 677—696. *F. C. Conybeare*, *The Armenian Version of Revelation and Cyril of Alexandria's Scholia on the incarnation and Epistle on Easter*, London 1907. *J. Mahé*, *S. J.* La date du commentaire de saint Cyrille d'Alexandrie sur l'Évangile selon saint Jean въ „Bulletin de littérature ecclésiastique“ 1907, p. 40—45. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, *Dictionnaire de théologie catholique* III, Paris 1908, col. 2476—

2527. Prof. J. Sickenberger, Fragmente—der Homilien der Cyrill von Alexandrien zum Lukasevangelium в „Texte und Untersuchungen“ III Reihe, IV Band, Heft I, Lpzg. 1908. The Catholic Encyclopedia IV, p. 392—395]. 3) Статьи о св. Кирилл ал. въ русской литературѣ: †иером. *Порфирій*, св. Кирилл, архіепископъ alexandрійскій, въ „Приб. къ твор. св. отц.“ 1854, ч. XIII (биографія и обзоръ сочиненій). *Св. Кирилл alexandрійскій* и Целестинъ папа въ борьбѣ съ несторіанствомъ („Духовн. Вѣсѣда“ 1872 г.). *Жизнь св. Кирилла alexandрійскаго въ „Христ. Чтен.“* 1840 г., II, 356.—*Св. Кирилл alexandрійскій*, какъ проповѣдникъ („Руков. для сельск. част.“ 1877 г.). Проф. *П. П. Пономаревъ*, Ученіе св. Кирилла, архіепископа alexandрійскаго, объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн.“ 1903 г., май, стр. 659—694; июнь, стр. 695—736 (статья написана по поводу этюда проф. Мипо: St. Cyrille d'Alex. et l'Eucharistie въ „Revue intern. de theol.“ 1902, p. 599—614; 675—692). † Проф. *А. Θ. Гусевъ*, Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903. (Здѣсь приводится, между прочимъ, апологетическій анализъ ученія св. Кирилла ал. о св. Духѣ и евхаристіи, стр. 77 сл.). *Филаретъ*, арх. черниговскій, Историческое ученіе объ отцахъ церкви II (1859), стр. 91—115. *Я. Алфіоновъ*, Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству, Казань 1877 (въ связи съ антихристіанскою дѣятельностью Юліана разсматривается отъчасти и апологетическая дѣятельность св. Кирилла ал. противъ Юліана). Проф. *А. П. Лебедевъ*, Вселенскіе соборы IV и V вв.: обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ Собр. сочиненій, изд. 2, Сергіевскій Посадъ 1896, (въ 3 т. характеризуется догмат. дѣятельность 3-го вселенскаго собора и въ связи съ этимъ дѣятельность св. Кирилла ал.).—Проф. *П. Н. Глубоковский*, Блаж. Теодоритъ епископъ кирскій: его жизнь и литерат. дѣятельность, I—II т., Москва 1890. Здѣсь можно пайти много цѣнныхъ историч. указаній, характеризующихъ церковно-общественную и литературную дѣятельность Кирилла alexc. [а равно переводъ писемъ блаж. Теодорита—со введеніемъ и примѣчаніями—того же проф. *П. Н. Глубоковского* (Св.—Тр. Сергіева Лавра 1908) и ср. его статью „Юаннъ, архіед. антиохійскій“, въ „Энци.“ VI, 987—995].

Проф. *М. Писаревъ*.

Кирилл Синеопольскій—выдающійся греческій агиографъ VI вѣка. Во многихъ житіяхъ святыхъ, составленныхъ Кирилломъ, содержатся и автобиографическія свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что Кириллъ родился въ галилейскомъ (въ Палестинѣ) городѣ Синеополѣ въ 514 году и еще въ моло-

дыхъ годахъ, живя въ домѣ родителей, почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни, подь влияніемъ палестинскихъ подвижниковъ, приходившихъ въ Синеополь. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Савва Освященный, предвидя значеніе Кирилла, назвалъ его „своимъ ученикомъ, сыномъ пустынныхъ отцовъ“ и обратилъ на него вниманіе синеопольскаго митрополита. Подь руководствомъ послѣдняго Кириллъ и посвятилъ себя монашеской жизни. Его постриженіе состоялось въ одномъ изъ монастырей Синеополя, гдѣ юный подвижникъ и прожилъ до 543 года, а потомъ,—съ разрѣшенія духовнаго своего отца, аввы Григорія,—отправился въ Иерусалимъ. Здѣсь онъ,—по совету своей матери,—сдѣлался на нѣкоторое время ученикомъ подвижника Великой лавры Іоанна Молчальника [см. „Энци.“ VI, 883—884], подь руководствомъ котораго не только усовершенался въ аскетизмѣ, но и противостоялъ заблужденіямъ послѣдователей Оригена, имѣвшихъ успѣхъ среди современнаго палестинскаго монашества. Затѣмъ Іоаннъ Молчальникъ направилъ Кирилла въ лавру св. Еввѣмія (въ Іудейской пустынѣ, близъ Иерусалима), которая была,—по его мнѣнію,—наиболѣе удобною для подвиговъ. Но Кириллъ,—по юности и суетности,—преслушалъ волю своего руководителя и направился къ Іордану въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей. Это непослушаніе юнаго подвижника было наказано шестимѣсячною болѣзнію, перенесши которую, Кириллъ рѣшился водвориться въ лаврѣ св. Еввѣмія. Прибывъ туда (въ концѣ 543 или въ началѣ 544 г.), Кириллъ со всемо пыломъ юности предался аскетическимъ подвигамъ. Онъ часто посѣщалъ и своего духовнаго отца—Іоанна Молчальника, предъ которымъ раскрывалъ свою душу, пользуясь его пастырскими врачеваніями и назиданіями. Здѣсь Кириллъ прожилъ около десяти лѣтъ. Когда пятый вселенскій соборъ осудилъ заблужденія оригенистовъ, часть коихъ была изгнана и изъ палестинской Новой лавры, то въ число тѣхъ 120 иноковъ, которые должны были водвориться въ этой лаврѣ вмѣсто удаленныхъ оригенистовъ, былъ включенъ и Кириллъ. Здѣсь онъ пробылъ два года (554—555), а потомъ перешелъ въ Великую лавру Саввы Освященнаго (въ Іудейской пустынѣ), устроивъ

здѣсь себѣ келлію, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей около 557 года. Такимъ образомъ, Кириллъ почти цѣлую жизнь провелъ среди палестинскихъ монаховъ. Любовь къ подвижничеству и глубокое уваженіе къ выдающимся его представителямъ побудили Кирилла, вскорѣ послѣ принятія монашества, посвятить свои силы и труды описанію подвиговъ и дѣятельности великихъ аскетовъ и устроителей иночества въ Святой Землѣ. Къ этому поощрялъ Кирилла и его духовный отецъ Іоаннъ Молчальникъ, который, высоко цѣняя аскетическіе подвиги свв. Евонмія и Саввы, совѣтовалъ своему ученику составить полезныя о нихъ сказанія. Кириллъ былъ вполне подготовленъ къ труду агиографа. Онъ обладалъ достаточнымъ образованіемъ и способностію къ литературной дѣятельности, а главное—находился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для всесторонняго ознакомленія съ состояніемъ палестинскаго монашества въ V—VI вѣкахъ и съ дѣятельностію выдающихся его представителей, для собранія необходимаго матеріала и критики его. Онъ былъ близокъ къ Іоанну Молчальнику и другимъ ученикамъ Саввы Освященнаго, жилъ въ Великой лаврѣ и киновіи св. Евонмія, имѣлъ возможность бесѣдовать съ свидѣтелями подвиговъ и жизни палестинскихъ аскетовъ, непосредственно многое изучать и проверять. Въ прологѣ къ житію Саввы Освященнаго монахъ Кириллъ умоляетъ читателей вѣрить всему, что онъ уже сказалъ или скажетъ о палестинскихъ подвижникахъ, такъ какъ писатель старался съ точностію упомянуть о времени, мѣстахъ, лицахъ и именахъ и вообще съ полнотой усердіемъ изслѣдовалъ истину своего повѣствованія. И на такое довѣріе со стороны читателей Кириллъ имѣетъ полное право, потому что онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все возможное для успешнаго выполненія сложной и важной задачи агиографа. Первымъ его трудомъ было житіе Евонмія Великаго († 473 г.). Къ составленію этого житія Кириллъ приступилъ тотчасъ же послѣ водворенія въ монастырѣ св. Евонмія. Со времени кончины этого подвижника минуло уже около 80 лѣтъ, но въ обители хранились и преемственно передавались многія сказанія о жизни и трудахъ его, причемъ,—наряду съ рассказами достовѣрны-

ми,—поддерживались и распространялись сказанія легендарныя. Писателю предстояло „выбрать изъ многого немногое“. Съ цѣлію собрать вполне достовѣрныя свѣдѣнія, Кириллъ отыскивалъ въ разныхъ мѣстахъ Иудейской пустыни ближайшихъ къ св. Евонмію подвижниковъ и обращался къ нимъ за душевнорасширительными и достовѣрными сказаніями о великомъ аскетѣ. Большую часть рассказовъ о жизни св. Евонмія Кириллъ получалъ отъ отшельника Кириака, постриженника этого св. аввы, долгое время жившаго съ его учениками, отъ которыхъ онъ и слышалъ достовѣрныя и точныя свѣдѣнія о его жизни и подвигахъ. Затѣмъ, не мало свѣдѣній Кириллу сообщили Іоаннъ Молчальникъ и пресвитерь Фалладей, на основаніи рассказовъ Саввы Освященнаго. „Житіе иже во святыхъ отца нашего Евонмія Великаго“ оказалось трудомъ вполне удачнымъ какъ по содержанію, достовѣрному и правдивому, такъ и по изложенію, чуждому риторическихъ украшеній, простому и ясному. Вторымъ произведеніемъ Кирилла было „Житіе преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго“ († 531 г.), стоившее автору сравнительно меньшаго труда, такъ какъ во время его составленія въ памяти современниковъ еще были живы подвиги преподобнаго и его заслуги для палестинскаго монашества. Ученики и сподвижники св. Саввы сообщили Кириллу достовѣрные и обширные рассказы о немъ, почему это житіе содержитъ больше упоминаній о мѣстахъ, лицахъ, именахъ и времени, а также имѣетъ большой объемъ. Кромѣ того, Кириллъ составилъ житія — Іоанна Молчальника, епископа колонійскаго, преподобнаго Кириака Отшельника († 556 г.), Феогнія, епископа вятийскаго, раньше—палестинскаго монаха, Аврамія, ученика св. Саввы и епископа кратійскаго и аввы Феодосія Киновіарха († 529 г.). Составленныя Кирилломъ житія палестинскихъ подвижниковъ имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи монашества во Святой Землѣ. Сообщая весьма обстоятельныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ палестинскаго монашества, эти житія изображаютъ и общій строй монашеской жизни во Святой Землѣ, сообщаютъ историческія данныя о мѣстныхъ монастыряхъ, ихъ возникновеніи и

устройствѣ, объ общемъ ходѣ развитія иночества, его идеалахъ, задачахъ и способахъ ихъ осуществленія, о значеніи монашества въ церковной жизни и о благотворномъ его влияніи на мірское общество и т. п. Не безъ основанія ученый Узенеръ называлъ литературное наследіе Кирилла „исторіею палестинскаго монашества“. Но житія, написанныя Кирилломъ, имѣютъ значеніе и вообще для церковной исторіи Востока, такъ какъ въ нихъ содержатся цѣнные свѣдѣнія объ іерусалимскихъ епископахъ V и VI вѣковъ, объ оригенистскихъ волненіяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ восточныхъ патріарховъ и ихъ представителей въ эпоху монофизитскихъ споровъ, имѣются важныя данныя и для церковной хронологіи V—VI столѣтій. Къ формальнымъ достоинствамъ житій слѣдуетъ отнести отсутствіе риторическихъ украшеній, простоту рѣчи и безыскусственность изложенія. Въ житіяхъ св. Евонмія (гл. 84) Кирилль прямо называетъ себя „невѣдущимъ словъ и оборотовъ“ и говорить, что онъ хотѣлъ совсѣмъ „оставить харти“ и отказаться отъ литературнаго труда, но былъ подвигнутъ къ этому дѣлу особою помощью святыхъ Евонмія и Саввы.

Въ виду высокаго значенія житій монаха Кирилла, богатства и цѣнности церковно-историческаго ихъ содержанія, ученый Узенеръ склоненъ былъ предполагать, что сохранившіяся житія составляютъ часть обширнаго агиографическаго труда, выполненіе котораго было предпринято Кирилломъ по заранѣе намѣченному плану. Такой же взглядъ на дѣятельность Кирилла высказанъ и въ „Исторіи византійской литературы“ Крумбахера. Его реальное обоснованіе можно усматривать въ томъ, что всѣ житія изображаютъ цвѣтущій періодъ монашеской жизни въ Палестинѣ, а—съ другой стороны—по идейному значенію и внутренней взаимной связи, ихъ можно раздѣлить на двѣ части, взявъ концы первую составляютъ житія свв. Евонмія, Саввы и Θεοδοσία, а вторую—остальныя. Но, повидимому, преждевременная смерть помѣшала Кириллу исполнить свою задачу. Однако и сохранившееся литературное наследіе Кирилла, отличающееся достоверностію разсказовъ, точностію хронологическихъ указаній, историческою предусмотрительностію, правильностію и широтою аскетическихъ понятій

и простотою изложенія, даетъ этому писателю почетное мѣсто среди византійскихъ агиографовъ.

Литература. Цѣльнаго изданія житій, написанныхъ Кирилломъ, еще нѣтъ, хотя оно совершенно необходимо. Въ частности, *Житіе св. Евонмія* издалъ *M. J. Fanson*, *Analecta graeca I* (Paris 1688), 1—99; русскій переводъ его съдѣлалъ проф. *И. В. Помяловскій* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 2 (Изданіе „Имп. Правосл. Палест. Общества“), съ добавленіемъ изъ Метафраста и славянской рукописи Соловецкой библиотеки № 648 (214). *Житіе св. Саввы* опубликовано *Cotelerius*, *Ecclesiae graecae monumenta III* (Paris 1636), 220—376; русскій переводъ—въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1823, ч. XII, стр. 95—284 и въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 1. (ср. *Κλεόπας Κοινοκλίτης*, *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σάββα*, Иерусалимъ 1905 г. и въ журналѣ „*Νέα Σόφω*“ за 1904—1905 г.). *Житіе Иоанна Молчальника* издано въ *Acta Sancto-rum* (Болландистовъ), Mai III; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 3. *Житіе Кирилла Отшельника* издано въ *Acta Sancto-rum*, Septembris t. VIII; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Пал. Патерикѣ“, вып. 7. *Житіе препод. Θεοδοσία* опубликовалъ проф. *Hermann Usener*, *Der heilige Theodosios: Schriften des Theodoros und Kyrillos*, Lpzg 1890; исправленія и дополненія къ этому изданію предложилъ *Karl Krumbacher*, *Studien zu den Legenden des hl. Theodosios*, München 1892; русскій переводъ проф. *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ“, вып. 8. *Житіе препод. Θεομίа* издала *P. J. van den Gheyn* въ *Analecta Bollandiana X* (1891 г.) и *А. И. Пападопуло-Герасимъ* въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, вып. XXXII, Сиб. 1891, съ русскимъ переводомъ проф. *Г. С. Дестуниса*. *Житіе Аврамія Кратійскаго* опубликовалъ архим. *Клеона Киклидизъ* въ журналѣ „*Νέα Σόφω*“ за 1906 г. (Иерусалимъ) по кодексу № 494 Синайской библиотеки, дополненію древнимъ арабскимъ переводомъ житія, который издалъ д-ръ *G. Graf* въ іезуитскомъ бейрутскомъ журналѣ „*L'Orient*“ (1905, мартъ). *Древне-салажское житіе Саввы Освященнаго* издалъ проф. *И. В. Помяловскій* (Сиб. 1890) съ греческимъ оригиналомъ и введеніемъ. Пособіямъ и, кромѣ указанныхъ трудовъ *Узенера*, *Крумбахера* и *Gheyn'a*, могутъ также служить: *Fr. Loofs*, *Leontius von Byzanz*, Lpzg 1887, S. 274—297 (здѣсь рѣчь идетъ о хронологіи Евонмія и Саввы и объ оригениствѣ Леонтія), *A. Ehrhard*, *Das griechische Kloster Mär Sabba* (въ „*Römische Quartalschrift*“ VII (1893)), *K. Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, München 1897; іеромонахъ (нынѣ епископъ) *Θεοδοσίη* (Олтаржевскій), Палестина-

ское монашество съ IV до VI вѣка. Спб. 1896 [2-е изд. Кіевъ 1899]. Κληροδοσία Κοινοῦ λήθης, Βιβλιογραφικὸν ἑλετήριον въ „Νέα Σιών“, 1906, ὀκτώβριος, 362—365; *H. Gregoire, La vie anonyme de s. Gerasime* въ „Byzantinische Zeitschrift“ XIII, 1904, S. 114—135; по поводу Βίος τοῦ ἁγίου Γερασίου въ изданіи *A. H. Παπαδόπουλο-Κεραμεῶσα Ἀνάλεκτα τῆς ἱεραπολιτικῆς σταυρολογίας*, т. IV, с. 175—174. Петрополь; 1897. [A. Vacant et E. Mangenot, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2531—2582].

И. И. Соколовъ.

Св. Кирилль философъ (до привятія, за 50 дней до смерти, иночества носившій имя *Константина*), первоучитель славянскій, родился въ 827 г. въ главномъ городѣ македонской области византійской имперіи, Фессалоникѣ (Солуни). Отець его, Левъ, занималъ въ родномъ городѣ должность друнгарія (δρουγγάριος), т. е. помощника областного военнаго начальника. Въ многочисленной семьѣ Льва одинъ изъ старшихъ сыновей былъ Меодій, а самый младшій Константинъ. Древніе источники не говорятъ опредѣлительно о томъ, кто были по происхожденію отецъ и мать Константина, греки или славяне,—и вопросъ этотъ рѣшается учеными различно. Большинство ученыхъ считаетъ ихъ (—по нашему мнѣнію, совершенно основательно—) греками. Но были голоса и за славянское происхожденіе родителей Константина какъ въ древнее время („Успеніе св. Кирилла философа“), такъ и въ новое (*М. П. Погодинъ* — въ Кирилло-Меодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 96—105). Аѳонское преданіе, записанное Арсеніемъ Сухановымъ въ XVII в., называетъ славянскія первоучителей славянами по отцу и греками по матери (такъ же, 269, подстрочное примѣчаніе *Григоровича*). По мнѣнію проф. *А. С. Будиловича*, они не были ни греками, ни славянами въ тѣсномъ смыслѣ, а греко-славянами въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и духовномъ („Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меодія“, Варшава 1885 г., 1—5). Акад. *А. И. Соболевскій* отвергаетъ мысль о существованіи въ VIII—IX в. особаго греко-славянскаго типа и говоритъ, что „въ святыхъ братьяхъ мы должны признать представителей того космополитическаго христіанства, для котораго нѣтъ варваровъ и іудеевъ и которое во всѣхъ людяхъ видитъ

служителями Христа“ („Кирилло-Меодіевскіе вопросы“—въ „Кіев. универ. Извѣст.“ 1885 г., сент., 298). По характеру братья Константинъ и Меодій довольно отличались одинъ отъ другого. Старшій, Меодій, довольно долгое время былъ начальникомъ славянской области („княженія“). Природа же Константина была по преимуществу созерцательная: онъ не чувствовалъ охоты къ свѣтской жизни. „Константинъ, человекъ исключительный по своей натурѣ, говоритъ акад. *Е. Е. Голубинскій*,—съ самаго дѣтства давалъ ожидать въ себѣ не чиновника и не человека отъ міра сего, а учителя христіанской мудрости созерцательной и дѣятельной“ (Ист. рус. и., I: 2, изд. 2-ое, М. 1904 г., 335). Когда онъ достигъ семилѣтняго возраста и сталъ уже учиться грамотѣ, то—по сказанію его жптія т. и. паннонскаго (сл. 3)—видѣлъ, какъ рассказывалъ самъ отцу съ матерью, замѣчательный сонъ, будто бы стратегъ (главный областной начальникъ), собравъ предъ нимъ дѣвницъ со всего города, сказалъ ему: выбирай себѣ подругу, и онъ, посмотрѣвъ, выбралъ одну, блиставшую красотой и дорогими одеждами; ее звали Софія, мудрость. Надѣленный отъ природы исключительно блестящими талантами, Константинъ весьма рано началъ проявлять ихъ; въ школьной скамьѣ первоначальнаго училища грамотности онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей успѣхами, памятью, острою мыслью, такъ что всѣ удивлялись ему. Въ одно время отрокъ вышелъ было съ своимъ ястребомъ на охоту, но вѣтеръ занесъ его птицу, и огорченный Константинъ оставилъ навсегда эту забаву, привязавшись еще усерднѣе къ ученію. Его особенно плѣняло изученіе твореній св. Григорія Богослова, и онъ еще въ юности написалъ у себя на стѣнѣ, подъ знаменіемъ креста, похвалу св. Григорію въ слѣдующихъ словахъ: „о Григоріе, тѣломъ человекѣ, а душою Ангелѣ! ты бо тѣломъ человекѣ еси, и Ангелъ явися. Уста бо твоя, яко единъ отъ Серафимъ, Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ правая вѣры наказаніемъ. Тѣмъ же и мене, припадающа къ тебѣ любовію и вѣрою, приними и буди ми просвѣтитель и учитель“ (Жит. гл. 3). Уносись за Григоріемъ Богословомъ въ его богословскія созерцанія, юный Константинъ не всегда могъ постигать глубину ихъ и вла-

далъ въ великое увыніе. Просилъ онъ и умолялъ случившагося въ Солуни странствующаго ученаго книжника поделиться съ нимъ своимъ знаніемъ, предлагая ему за это всю долю своего наслѣдства послѣ отца († 841 г.), но учевый грамотѣй не могъ или не хотѣлъ исполнять просьбу юности. Опечаленный,—весь онъ предается молитвѣ, чтобы Богъ помогъ исполниться желанію его сердца, и молитва его скоро была услышана.

Въ 842 г. скончался императоръ Теофиль, оставивъ престолъ 3-лѣтнему сыну Михаилу III подъ опекою матери Теодоры и савонниковъ: логовета Теокиста и кесаря Варды, брата императрицы. Теокистъ, видимо, хорошо звалъ семью Константина, а можетъ быть состоялъ съ нею и въ родствѣ. Зная о страстномъ желаніи Константина учиться, Теокистъ вызвалъ его ко двору, чтобы дать ему возможность продолжить образование, а впоследствии воспользоваться имъ въ дѣлѣ воспитанія царя. Въ константиновской высшей придворной школѣ, незадолго предъ тѣмъ основанной Вардою, Константинъ изучилъ въ первые три мѣсяца грамматику, а потомъ принялся за другіе предметы, изучалъ ариметику, геометрію, астрономію, музыку, Гомера, т. е. вообще древнюю поэзію, діалектику и философію, которая тогда раздѣлялась на вѣдѣнную, обнимающую вообще мірскія науки и особенно эллинскую философію, и внутреннюю, т. е. христіанское богословіе. Въ числѣ своихъ учителей онъ имѣлъ знаменитаго ученаго Льва, бывшаго ранѣе митрополитомъ солунскимъ, и еще болѣе знаменитаго Фотія, впоследствии патріарха константинопольскаго. Даровитый и прилежный ученикъ дѣлалъ быстрые успѣхи во всѣхъ наукахъ, и въ частности въ грамматикѣ и философіи, превосходя всѣхъ своихъ сверстниковъ: еще во время ученія усвоено ему было названіе „философа“. вмѣстѣ съ успѣхами въ философіи Константинъ приобрѣлъ и искреннюю дружбу ея знаменитаго профессора, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ навианскій бібліотекаръ Анастасій, выражаясь, что „Константинъ философъ, великой святости мужъ, былъ fortissimus amicus Фотія“. (Предисловіе къ описанію константинопольскаго собора 869 г.). Сильно полюбилъ его и логоветъ Теокистъ, у котораго въ домѣ онъ и жилъ во время ученія. Не имѣя собственныхъ дѣтей и же-

лая какъ бы усыновить Константина, онъ задумалъ женить его на своей крестницѣ и создать ему блестящую карьеру. Но Константинъ рѣшительно отказался отъ предложенія Теокиста, разсчитывая, по окончаніи ученія, поселиться гдѣ-нибудь въ уединеніи, чтобы вести образъ жизни, свойственный своимъ вѣковностямъ, и предаться своимъ любимымъ занятіямъ съ полной свободой. Чтобы удержать его въ столицѣ, поставили его въ священники (холостого) и назвали патріаршимъ хартофилаксомъ и бібліотекаремъ въ Св. Софій. Однако, не долго пробылъ онъ на своей должности, тайно оставилъ столицу и укрылся въ одномъ изъ монастырей на берегу Мраморнаго моря. Нашли его едва чрезъ шесть мѣсяцевъ, и такъ какъ онъ, не смотря на всѣ настоянія, не хотѣлъ принимать прежней должности, то (по выраженію его житія) „умолил“ его принять должность учителя въ той же высшей придворной школѣ и учить философію вѣдѣнной и внутренней, т. е. эллинской и христіанской,—чрезъ что еще болѣе упрочилось за нимъ названіе „философа“.

Въ бытность Константина профессоромъ философіи, на него возлагаемы были правительствомъ два порученія, требовавшія особой діалектической способности. Это—два богословскіе диспута, одинъ—домашній, другой—международный. Первый диспутъ—съ представителемъ иконоборства, низложеннымъ константинопольскимъ патріархомъ Иоанномъ или Ливніемъ. Гордый своею ученостію и своимъ прошлымъ, низложенный патріархъ, въ поддержаніе своей чести, разглашалъ, что онъ побѣжденъ только насвѣемъ, а не силою доказательствъ, и что „пресрѣтъ“ его никто не можетъ. Такими рѣчами вѣкогда сильный патріархъ производилъ соблазнъ, тѣмъ болѣе опасный, что, не смотря на послѣдовавшее возстановленіе иконопочитанія, противникомъ его было не мало. Чтобы пресрѣчь соблазнъ, Константинъ призванъ былъ держать преніе съ иконоборствующимъ бывшимъ патріархомъ въ особомъ назначенномъ для сего собраніи. Упорный патріархъ и молодой философъ состязались, и первый должнъ былъ замолчать. Второй диспутъ Константина—съ магистранами относится, по житію, къ 851 г. (когда исполнилось Константину 24 года). Въ этомъ году прибыло въ Константинополь посольство отъ сарацинъ съ вызовомъ

Святые первоучители славянскіе Кирилль и Методій.
Православное авторизованное изображеніе, изданія С.-Петербур-
бургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

для пренія о божественности Св. Троицы и съ приглашеніемъ для этого челоуѣка, ко-
торый могъ бы состязаться съ ними о сѣмъ догматѣ, не допускаемомъ магометанскою
вѣроу. Выборъ палъ опять на Константина | съ присоединеніемъ къ нему въ помощь про-
свѣщенныхъ мужей асикрита (секретара) и Георгія Полаши. Въмѣстѣ съ своими спутни-
ками Константинъ предпринялъ далекое и опасное путешествіе въ тогдашнюю столицу

арабской имперіи Багдадъ къ калифу Джафаръ Мутаваккілю (847—861 г.). Житіе довольно подробно излагаетъ пренія Константина съ учеными представителями магометанства (ученою „чадью“ и книжною, учившеюся и геометріи, и астрономіи, и прочимъ наукамъ) о предметахъ, касающихся различія въ вѣрѣ и обычаяхъ. Константинъ вышелъ и здѣсь побѣдителемъ, избавился и отъ смертной опасности, когда сарацины, въ чувствѣ досады за неудавшійся споръ, хотѣли было погубить его отравою, и здравымъ возвратился въ свою страну.

По возвращеніи изъ сарацинской миссіи, Константинъ нѣкоторое время продолжалъ преподавать философію, а потомъ, такъ какъ жизнь при дворѣ и близъ двора была не по его настроенію, снова оставилъ столицу, и прожилъ нѣкоторое время гдѣ-то въ уединенномъ мѣстѣ, при чемъ, по житію, показалъ себя въ своемъ поведеніи не только философомъ, но и великимъ вичелюбцемъ и подвижникомъ, а потомъ отправился къ своему брату Меодію въ его олихійскій монастырь (около 852 г.). Гдѣ находился этотъ монастырь? Извѣстны два Олимпа — оессалійскій и малоазійскій. Прежде думали, что Олимпъ панаонскихъ житій — Олимпъ оессалійскій. Это мнѣніе защищаетъ акад. *А. И. Соболевскій* (Кирилло-Меодіевскіе вопросы, 298—299). Но другіе ученые высказались за Олимпъ малоазійскій, находившійся на берегу Мраморнаго моря, въ Витоніи (акад. *Е. Е. Голубинскій*, Ист. рус. ц. 1: 2, изд. 2-е, 335; *А. С. Будиловичъ*, Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. свв. К. и М., 14—15; проф. *И. И. Мальшевскій*, Свв. Кирилль и Меодій, первоучители славянскіе, Кіевъ 1886 — приложение въ концѣ книги: „Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меодій“, 441—479). Было пушено въ ходъ также мнѣніе (несновательное), будто подъ Олимпомъ житій панаонскихъ слѣдуетъ разумѣть не Олимпъ, а Афонъ. Мнѣніе это высказано впервые *Шигулевскимъ* въ его сочиненіи: „Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меодія среди вракійскихъ, македонскихъ и болгарскихъ славянъ, Кіевъ 1862“, повторено въ томъ же году о. *Лебединцевымъ* въ „Кіевскихъ Вѣдомостяхъ“ № 16, и усвоено *В. А. Билба-совымъ* въ его изданіи: „Кирилль и Ме-

одій“, ч. 2, Спб. 1871, 161.—Въ Олимпѣ прожили братья нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ молитвы и въ книжныхъ занятіяхъ, пока не вызваны были въ Константинополь для отправленія въ миссію хозарскую.

Миссіонерская дѣятельность Константина въ первую доморавскую пору его жизни — можетъ быть потому, что сосредоточивалась въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ цивилизованнаго міра, бѣдна источниками для своей исторіи, мало разработана и представляеть много спорныхъ вопросовъ. Достаточно сказать, что раздавались сомнѣнія даже въ дѣятельности путешествій Константина на Востокъ (а также и диспута Константина съ патріархомъ Іоанномъ). Высказавъ мысль, что „книги“ Константина, содержавшія подробное изложеніе его бесѣдъ или преній, переведенныя братомъ его Меодіемъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣленныя на 8 словъ (о чемъ — въ 10 гл. житія К.), были не отчетъ или донесеніе о хозарской миссіи, а нарочитое полемическое сочиненіе Константина противъ иконоборства, іудейства и магометанства, составленное имъ, какъ опытнымъ полемистомъ, въ защиту вѣры и въ интересахъ константинопольской церкви, покойный проф. *А. Д. Вороновъ* поставилъ вопросъ: „насколько исторической правды въ этихъ преніяхъ, даже болѣе: насколько достовѣрны споръ св. Константина съ патріархомъ Явнѣемъ и насколько достовѣрны различныя его миссіи? Не потому ли и возникли извѣстія о нѣкоторыхъ изъ этихъ дальнихъ миссіи, что были извѣстны пренія св. Константина, т. е. не сочиненіе ли его дало поводъ къ легендѣ объ этихъ миссіонерскихъ преніяхъ?“ (Кирилль и Меодій; Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меодія, Кіевъ 1877, 60—61, примѣч. 3-е). Сомнѣнія проф. Воронова, правда, не раздѣляются большинствомъ ученыхъ, но во всякомъ случаѣ они доказываютъ настоятельную необходимость спеціальныхъ изслѣдованій по вопросу о миссіонерской дѣятельности Константина на Востокъ. Новыя и любопытныя данныя по вопросамъ о сарацинской и хозарской миссіяхъ Константина находимъ въ недавно обнародованномъ изслѣдованіи акад. *В. И. Ламанскаго*: Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведе-

деніе в какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (Памяти Девровскаго)—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., апрѣль, май, іюнь, декабрь; 1904 г., январь, апрѣль, май и слѣд. По изслѣдованіямъ почтеннаго ученаго, византійское посольство къ сарацинамъ дѣйствительно состоялось, но не въ 851 г., едва ли было въ Багдадѣ, и во всякомъ случаѣ не для объясненія халифу догмата о Св. Троицѣ. Были въ этомъ посольствѣ и аскриту Фотій, впоследствии знаменитый патриархъ, и Георгій, и Константинъ философъ. Арабскіе историки *Табари* (839—923 г.) и *Масуди* († 956—958 г.) сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ арабовъ и Византіи въ правленіе Мутаваккіля съ 851 по 861 г. Кромѣ извѣстій военныхъ попадаютъ свѣдѣнія о перемиріяхъ и посольствахъ по случаю обмѣна плѣнныхъ. Табари и Масуди сохранили извѣстія о перемиріи и обмѣнѣ плѣнныхъ въ 845 г. Передъ тѣмъ обмѣна плѣнныхъ не было съ 809—811 г., а слѣдующее за перемиріемъ 845 г. происходило, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, въ концѣ 855—въ началѣ 856 г. Такъ называемая сарацинская миссія Константина была ни что иное, какъ посольство византійское, отправленное къ сарацинамъ для заключенія перемирія и для обмѣна плѣнныхъ. Въ 851—853 г. не могло быть посольства изъ Византіи къ арабамъ и предметомъ посольства не могло быть преніе о Св. Троицѣ, потому что тогда происходили военныя дѣйствія между Византіей и арабами. Въ 855—856 г. дѣйствительно состоялось отправленіе посольства, при чемъ Константинъ философъ былъ взятъ въ эту поѣздку къ арабамъ какъ знатокъ языка славянъ, игравши ихъ немаловажную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ арабовъ съ византійцами. И византійскіе и арабскіе писатели говорятъ о поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи, начиная съ VII в. Славяне состояли въ военной службѣ у арабовъ. По догадкѣ акад. Ламанскаго, Константинъ философъ уговоренъ былъ ѣхать съ посольствомъ въ 855 г. не потому лишь, что онъ былъ близокъ къ одному изъ главныхъ участниковъ его, аскриту Фотию, и къ вліятельному при дворѣ логовету Теокисту. Правительство византійское желало попытать счастья, не удастся ли состоя-

вшихъ на службѣ у арабовъ славянъ и такъ или иначе помусульманенныхъ обратить въ христіанство. Что касается приводимыхъ въ житіи Константина бесѣдъ его съ сарацинами, то рѣчи эти — по Ламанскому — внесены были въ первоначальный текстъ житія гораздо позже его написанія, въ XII—XIII в., изъ разныхъ обличительныхъ статей противъ мусульманства, весьма распространенныхъ въ старой славянской письменности („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., апрѣль, 352—359) ¹⁾.

Хозарская миссія отмѣчена въ итальянской легендѣ и въ т. н. паннонскомъ житіи Константина. Но первая касается хозарской миссії только слегка, такъ какъ прямое содержаніе ея составляетъ исторія открытія и перенесенія въ Римъ мощей св. Климента, папы римскаго. Въ паннонскомъ же житіи Константина исторія хозарской миссії излагается подробно и обстоятельно. Сказаніе о посольствѣ къ хозарамъ начинается здѣсь съ повѣствованія о томъ, какъ въ Константинополѣ пришли послы отъ хозарскаго кагана и объявили императору, что хотя народъ ихъ и вѣдаетъ единого вышняго Бога и поклоняется Ему, но держится нѣкоторыхъ постыдныхъ обычаевъ, при чемъ, съ одной стороны, евреи убѣждаютъ ихъ принять ихъ вѣру и правила, а, съ другой стороны, сарацины, общая имѣть съ ними миръ и даже общая имъ подарки, неотступно твердятъ, что ихъ вѣра лучше всѣхъ, — и что вслѣдствіе этого каганъ, держась существовавшей доселѣ между греками и хозарами дружбы и уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, испрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого либо княжнаго человека, для пренія съ евреями и сарацинами, общая, въ случаѣ пораженія ихъ, принять вѣру греческую... Хозары, народъ собственно туранскаго племени, представляли изъ себя къ VIII—IX в. смѣсь племенъ тюркскихъ, финскихъ и славяно-русскихъ. Не удовлетворяясь болѣе

1) [Сображенія противъ В. И. Ламанскаго см. у проф. *Е. Е. Голубинскаго*: По поводу перестрой В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянскаго, въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности“, XII (1907), 2, стр. 368—380].

язычествомъ, хозары въ VIII в. приняли государственною религіею иудейство, можетъ быть по политическимъ разсчетамъ — какъ нейтральную между христіанствомъ и мусульманствомъ. Но къ иудейской религіи принадлежали только каганъ и его приближенные. Прочіе были или мусульмане, или язычники. Иудейство не получило въ Хозаріи значенія единой вѣры, духовно объединяющей и скрѣпляющей политическій союзъ разноплеменныхъ народовъ, не приобрѣло прочнаго положенія въ хозарскомъ государствѣ, и отсюда обыкновенно объясняютъ тотъ религиозный кризисъ, который былъ причиною появленія хозарскихъ пословъ въ Византии. Просьба хозаръ о присылкѣ учителя шла, какъ видно, отъ хозаръ-язычниковъ, вызванная тѣмъ, что еврей и мусульмане, хвали, тѣ свою вѣру, а эти — свою, старались привлечь ихъ каждый въ свою вѣру, чѣмъ поставляли ихъ въ затруднительное положеніе по вопросу о религіи. Но жили въ Хозаріи и христіане, которые также могли подать мысль о посольствѣ въ Константинополь. Императоръ Михаилъ III вызвалъ Константина изъ Олимпа, передалъ ему рѣчь хозарскую и предложилъ идти къ хозарамъ для объясненія имъ существа христіанской вѣры и для защиты догмата о Св. Троицѣ. Константинъ выразилъ полную готовность на такой апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Съ Константиномъ пожелалъ идти и братъ его Меодій. Снабженные отъ царя всѣмъ необходимымъ для пути, братья отправились Чернымъ моремъ и прибыли въ Херсонъ. Тутъ они остановились на нѣкоторое время, желая, — по выраженію итальянской легенды (гл. 2), — обучиться языку хозарскому. Здѣсь, — по сказанію панновскаго житія, — научился Константинъ еврейскому языку и еврейскимъ книгамъ, а также самарянскому языку и самарянскимъ книгамъ, при чемъ обратилъ въ христіанство и крестилъ двухъ самарянъ: отца, приносившаго ему самарянскія книги, и его сына. Здѣсь же — по сказанію того же житія (гл. 8) — „нашелъ онъ евангеліе и псалтарь, писанныя рускими письменами, нашелъ и человѣка, говорящаго рускою рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ, воспринялъ отъ него силу русской рѣчи и примѣняя къ своей рѣчи письмена русской, гласныя и соглас-

ныя, трудясь надъ этимъ съ молитвою къ Богу въ сердцѣ своемъ, скоро сталъ читать и объяснять русское евангеліе, такъ что многіе удивлялись этому и хвалили Бога“. Это загадочное мѣсто житія служило и служить предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ (см. ниже). Пребываніе въ Херсонѣ ознаменовано было также еще однимъ важнымъ въ исторіи церкви событіемъ. По сказанію панновскаго житія и итальянской легенды, Константинъ, услышавъ, что мощи св. Климента, папы римскаго (сосланнаго въ Херсонъ и утопленнаго здѣсь по приказанію Траяна), все еще находятся въ морѣ, — съ помощію херсонскаго архієпископа Георгія и клира предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ. Упомянувъ о семъ событіи, панновскій жизнеописатель ссылается на сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, говоря: „якоже пишеть (т. е. — должно думать Константинъ), въ обрѣтеніи его“ (о семъ словѣ скажемъ ниже, въ обзорѣ литературной дѣятельности св. Кирилла). Вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей, когда братья собирались уже въ дальнѣйшій путь, хозарскій воевода осадилъ христіанскій городъ, соседній ли съ Херсономъ, или можетъ быть самый Херсонъ. Узнавъ объ этомъ Константинъ отправился къ этому воеводѣ и успѣлъ расположить его къ христіанству и освободить городъ. На пути братья подверглись нападенію со стороны кочевавшихъ здѣсь племенъ Угровъ, которые, впрочемъ, не причинили имъ никакого вреда. Достигнувъ Азовскаго моря, сѣли они на корабль и отправились въ Хозарію къ Каспійскимъ воротамъ кавказскихъ горъ (Каспійскія ворота — portae Caspiae древнихъ — полагаютъ между Кизляромъ и Дербентомъ). Прибывъ ко двору кагана, какъ надобно думать, въ г. Итилѣ (нынѣшней Астрахани), братья были приняты тамъ съ подобающею честію. Вскорѣ по прибытіи начались пренія о вѣрѣ. Константину пришлось состязаться и съ хозарями, и съ иудеями, и съ сарацинами. Пренія продолжались нѣсколько дней, въ присутствіи кагана. Прежде всего былъ споръ съ „мужемъ хитрымъ и лукавымъ“ изъ хозаръ — по выраженію панновскаго житія (гл. 9), — Константинъ объяснилъ хозарамъ догматы о Богѣ единомъ по существу, по триничномъ въ лицахъ. Коснувшись затѣмъ иудейской религіи

и ея отношенія къ христіанству, указавъ превосходство Новаго Завѣта предъ Вѣтхимъ. Препираясь съ евреями, Константинъ въ одномъ мѣстѣ указалъ на слова Акилы, котораго переводъ Вѣтхаго Завѣта съ еврейскаго на греческій языкъ былъ въ особенномъ уваженіи у евреевъ (паннонскаго житія глава 9 въ концѣ). Побѣдносно отразивъ нападенія іудейскихъ ученыхъ, Константинъ также побѣдносно отразилъ возраженія мусульманъ, которымъ онъ въ истинномъ свѣтѣ изобразилъ пророческую роль Магомета. Каковы были послѣдствія этихъ религиозныхъ преній? По итальянской легендѣ, весь хозарскій народъ былъ обращенъ въ христіанство (гл. 6). По свидѣтельству же паннонскаго житія (гл. 11), дано позволеніе всѣмъ, кто хочетъ, креститься, и крестилось до 200 человекъ, а обращающимися изъ грековъ въ вѣру хозарскую, или іудейскую, или магометанскую объявлена смертная казнь. Каганъ написалъ императору греческому грамоту, въ которой весьма благодарилъ за Константина и извѣщаль, что дозволялъ всѣмъ желающимъ изъ своего народа креститься, присвокупивъ общаніе, что современемъ, быть можетъ, и самъ крестится. Провожая Константина, каганъ предлагалъ ему богатые дары, но вмѣсто нихъ философъ выпросилъ свободу плѣннымъ греческимъ христіанамъ, которыхъ найдено и отпущено до 20-ти. Религиозныя пренія Константина въ Хозаріи занимаютъ почти $\frac{1}{3}$ пространнаго или т. н. паннонскаго его житія (въ лучшемъ изданіи житія—*Fontes regni bohemicarum*, T. I: *Vitae Sanctorum*, Прага 1871, подъ редакцію *Фр. Палацкаго* съ чешскимъ переводомъ *Первольфа*,—изъ 38 страницъ всего житія на долю хозарскихъ преній приходится страницы 13—24), но на самомъ дѣлѣ они были еще обширнѣе и пространнѣе. Авторъ паннонскаго житія послѣ изложенія преній съ іудеями замѣчаетъ, что онъ передалъ лишь немногое изъ этихъ преній, которыя пространно изложены въ книгахъ Константина и переведены (съ греческаго) на славянскій языкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на восемь частей или словъ. До насъ однако не дошло ни греческаго подлинника, ни славянскаго перевода книгъ преній. Различныя толкованія и предположенія по поводу вышеозначенной замѣтки о книгахъ Константина изложены

въ книгѣ покойнаго проф. *И. И. Малышевскаго*: „Святые Кирилль и Меодій первоучители славянскіе, Кіевъ 1886“, стр. 60—63.

На возвратномъ пути изъ Хозаріи Константинъ, для утоленія нестерпимой жажды, молитвою преложилъ соленую воду въ сладкую. Въ Херсонѣ предрекъ близкую кончину тамошняго архіепископа. Въ окрестностяхъ г. Филлы (Фолла, „во Фульстѣ языкѣ“) пресѣкъ суевѣрное уваженіе къ одному великому дубу, срубивъ самое дерево (паннонскаго житія гл. 12). Возвратившись въ Константинополь, Константинъ жилъ здѣсь при церкви свв. Апостоловъ (служившей усыпальницей для императоровъ) до времени вызова его въ новую миссію, моравскую. Въ это время, по сказанію житія (гл. 13), Константинъ объяснилъ на одномъ потирѣ или чашѣ „Соломоны дѣла“ въ церкви св. Софіи надпись, которой до него никто не могъ понять. Рассказъ объ этомъ, не связанный ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ житія, обыкновенно пропускается въ біографіяхъ свв. Кирилла и Меодія. Въ Четы-Миней св. Димитрія Ростовскаго онъ совсѣмъ не упоминается. Въ самой подробной біографіи славянскихъ первоучителей—въ вышеназванномъ трудѣ проф. *И. И. Малышевскаго*—имѣется только краткое упоминаніе на страницѣ 122-й въ примѣчаніи. Не лишне замѣтить, что въ древнерусскихъ сборникахъ рассказъ о чашѣ встрѣчается и отдѣльно отъ житія св. Кирилла, въ формѣ самостоятельнаго сказанія. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ апокрифа содержится и толкованіе пророческихъ соломоновыхъ стиховъ. Толкованіе одно и то же. Въ литературѣ извѣстны три списка, изданные акад. *И. И. Срезневскимъ* (Свѣдѣнія и замѣтки о малориз. и неврз. памятникахъ, № XL), проф. *И. Я. Порфирьевымъ* (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ въ „Сборникѣ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. XVII, № 1), и *Петровымъ* (Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, по списку XIII в.—въ „Памятникахъ древней письменности“, Сиб. 1894, № CIV).

Хозарская миссія славянскихъ первоучителей вызываетъ — въ цѣломъ и въ частяхъ — не мало вопросовъ и недоумѣній.

Одни считаютъ все сказаніе объ этой миссіи легендой. Такъ, по *Шлецеру*, „Кирилль не былъ въ Хозаріи. Въ его время хозары считались извѣстнѣйшимъ и важнѣйшимъ народомъ тамошнія страны. Византійскіе историки знаютъ ихъ очень коротко, самый даже дворъ имѣлъ съ ними частыя сношенія: но нигдѣ не видно ни малѣйшаго слѣда, чтобы сіи грубые азіяцы приняли христіанскую вѣру; они оставались тѣмъ, чѣмъ были, до самаго ихъ истребленія. Здѣсь доказательство молчанія сильно“ (*Несторъ*, Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ, II; перевелъ съ нѣмецкаго Д. Языковъ, Спб. 1816, 556). Другіе выбираютъ только то, что подходитъ къ ихъ теоріямъ (напр., *Д. П. Иловайскій* въ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“, М. 1876, 132—155; акад. *Вл. И. Ламанскій* въ вышеупомянутыхъ критическихъ статьяхъ его: „Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источник“. О взглядѣ Ламанскаго скажемъ ниже). Третьи ученые—и ихъ большинство—признаютъ дѣйствительность главныхъ фактовъ, передаваемыхъ житіемъ Кирилла и итальянскаго легендой о хозарской миссіи. Сторонникомъ этого „прямого“ взгляда на дѣло заявилъ себя док. проф. *И. И. Малышевскій* въ статьѣ: „Еврей въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ“ („Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1878 г., т. II, 595) и потомъ въ самой біографіи первоучителей славянскихъ (Кіевъ 1886). Къ числу самыхъ спорныхъ вопросовъ въ біографіи св. Кирилла принадлежить, безъ сомнѣнія, сказаніе стот. и панновскаго житія о найденныхъ въ Херсонѣ „русскомъ“ евангеліи и „русской“ псалтыри. Это—по выраженію акад. *И. В. Ягича*—истинный „*сигн. interpretum*“ („Archiv für slavische Philologie“ IV, 1880, 314). „Вотъ мѣсто—восклицаетъ *Платоновъ*,—составлявшее и составляющее истинную пытку, „для изыскателя славянской древности и письменности!“ (Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія въ „Дух. Вѣстникѣ“ 1862 г., т. II, Харьковъ, 328). Даемъ краткій перечень мнѣній по этому вопросу. Открывшій панновскія житія прот. *А. В. Горскій* подозрѣвалъ здѣсь вставку или дополненіе русское („Москвитяинѣ“ 1843 г., ч. III,

№ 6, 409, тоже и въ „Кирилло-Меод. Сборникѣ“, стр. 9). Проф. *О. М. Бодлянский* также склонялся „считать извѣстіе о русскихъ письменахъ скорѣе позднѣйшей вставкой въ житіе Кирилла, чѣмъ существенной частью онаго“ (О времени происх. слав. письм., 101). По *Ягичу*, интерполяція эта могла быть очень древнею, и вѣроятно уже въ XI или XII в. внесена была въ текстъ житія („Archiv für slav. Philol.“ 1876, V, I, 143—144, примѣч. 7-е). *Шафарикъ* въ предисловіи къ изданію житія св. Константина, допуская позднѣйшія пововленія и вставки въ житіи, не относитъ, однако, къ такимъ вставкамъ извѣстіе о русскомъ евангеліи и псалтыри, потому что—говорить онъ—здѣсь слово „русскій“ указываетъ не на славяно-русовъ, а на варяго-русовъ въ Тавридѣ, преемниковъ готскаго богослуженія. Здѣсь русскія письмена—готскія“ (Památky drevního písemnictví Jihošlovanských. U Praze 1851 IV и 2-е изд. 1873 г.). Мнѣніе Шафарика, какъ увидимъ, особенно прочно укоренилось въ наукѣ. Но и противъ него высказались нѣкоторые ученые, видѣвшіе въ „русскихъ“ письменахъ не готскія, а славяно-русскія, какъ акад. *И. И. Срезневскій* („Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. русс. яз. и слов.“ 1853 г., I, 296 и „Труды I-го археолог. съѣзда“, т. I, стр. CXV), *Гильфбердингъ* (Собр. соч. I, Спб. 1868, 309), *Будиловичъ* (Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. евъ. Кир. и Меод., 27—29), или болгаро-славянскія, какъ *Иловайскій* (Розыск. о началѣ Руси, 138—141). Акад. *А. И. Соболевскій* въ разборѣ вышеприведенной статьи Будиловича приходитъ къ тому заключенію, что въ „русскихъ письменахъ“, найденныхъ Кирилломъ въ Херсонѣ, нельзя видѣть ни азбуки славянской, ни алфавита Ульфицы, т. е. готскаго („Кіев. Унив. Изв.“ 1885 г., сент., 300—301). *Григоровичъ* полагалъ, что св. Кирилль нашелъ въ Херсонѣ глаголицу (Статья, касающіяся древняго славянскаго языка, Казань 1852, 67—69). Такъ и по словамъ епископа *Порфирія*, Константинъ досталъ въ Херсонѣ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими буквами, т. е. глаголитскими (Отрывокъ изъ путешествія еп. Порфирія Успенскаго въ Афонскіе монастыри и скиты въ 1856 году. О св. Кириллѣ

просвѣтителѣ славянъ моравскихъ и въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1877 г., октябрь, 95). *Гедеоновъ* предполагалъ, что Кирилль нашель въ Херсонѣ переводъ евангелія и псалтыри, описанный славянскими рунами (Варяги и Русь II, Сиб. 1876, стр. СХІ, примѣч. 292). Къ этому мнѣнію склоняется проф. *А. С. Архангельскій* (Свв. Кирилль и Меѳодій и совершенный ими переводъ Св. Писанія, Казань 1885, 8—9 и приложение, 26). Большинство же ученыхъ приняло и защищаютъ мнѣніе *Шафарика*, что найденныя въ Херсонѣ „русскія“ письменна суть готскія, именно: *Миклошичъ*, *Рачки* (*Fontes rerum bohemicarum* I, 1, стр. 12, примѣч. 1), *Лезже*

Голубинскаго и Васильевскаго, пришель къ слѣдующему заключенію: нѣтъ достаточныхъ данныхъ къ тому, чтобы отождествлять готовъ съ руссами. „Готы и скандинавы IX вѣка не только въ этнографическомъ отношеніи, но и въ отношеніи языка, при всей своей единоплеменности, должны были быть настолько далеки другъ отъ друга, что не только двадцати, тридцати, но можетъ и ста лѣтъ было бы мало,

чтобы слиться въ одинъ народъ“.

„Русское и готское никогда синонимами не были. Слѣдовательно, слова житія Кириллова объ евангеліи

Святые Кирилль и Меѳодій.
(Католическое изображеніе съ видомъ на Велеградъ).

(Cyrille et Méthode, Paris 1868, 67—68), *Платоновъ* (Жизнь и подвиги первоуч. слав. въ „Дух. Вѣстникъ“ 1862, II, 330), *К. И. Невоструевъ* (Кир.-Меѳ. Сборникъ, 224), *Е. Е. Голубинскій* (Ист. рус. церкви, I: 1, 2 изд., М. 1901, 49 и I: 2, 2 изд., М. 1904, 336, примѣч. 3), *И. И. Мальшевскій* (Свв. Кирилль и Меѳодій, 46—51), *В. Г. Васильевскій* („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апр., — въ статьѣ Ламанскаго, стр. 376—379), *Pastrnek*, *Dějiny slovanských apostoļu Cyrilla a Methoda*, Praha 1902, 52—53, — у Ламанскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апрѣль, 363). Акад. *Ламанскій*, подвергнувъ критическому разбору мнѣніе

и псалтыри, писанныхъ русскими письменами, никоимъ образомъ не могутъ быть объясняемы — готскими письменами“. Просьба изъ Хозаріи въ Византію о присылкѣ духовнаго лица и о готовности принять христіанство шла, по Ламанскому, не отъ кагана и правительства хозарскаго (еврейскаго и мусульманскаго), а отъ страны и народа. Кромѣ собственныхъ хозаръ, турковъ, евреевъ, Хозарія заключала въ себѣ цѣлый рядъ славянскихъ племенъ — язычниковъ, изъ коихъ къ половинѣ IX в. многие приняли христіанство. Посольство въ Византію было отъ Аскольдовой руси, и вскорѣ послѣ нападенія на Константинополь, въ концѣ 860 — въ началѣ 861 г. Варяги

Аскольдовы были натравлены и подкулены азиатскими мусульманами для нападенія на Константинополь. Постигшія русь бѣдствія подъ Константинополемъ такъ сильно на нихъ подѣйствовали, что они разувѣрились и въ помощи своихъ родныхъ боговъ и въ помощи великаго Аллаха, и подъ вліаніемъ свѣтлаго сильнаго впечатлѣнія поспѣшили обратиться къ Византіи съ изъявленіемъ готовности покориться христіанскому Богу. Принимая показаніе черноризца Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ писемъ и начальномъ переводѣ священныхъ книгъ Константиномъ философомъ въ 855 г., Ламанскій утверждаетъ, что славянскіе первоучители отправились въ Хозарію уже со списками изготовленныхъ переводовъ. Имѣя при себѣ евангеліе и псалтырь своего перевода, писанныя „словенскими письмами“, Константинъ философъ не искалъ, не случайно обрѣлъ человека, а имѣя своими спутниками посланцевъ Аскольда, одному или нѣсколькимъ изъ нихъ (руси) читалъ свой славянскій переводъ. Позднѣйшій редакторъ житія Кириллова вставлялъ въ первоначальныя его текстъ вымышленную моравскимъ или паннонскимъ патриотизмомъ басню объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода евангелія въ 863 г. передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію, и значить, совершенныхъ Константиномъ философомъ исключительно для моравянъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., ч. 346, стр. 382; ч. 347, стр. 156, 350, 358—360). Здѣсь не лишне замѣтить, что мысль о началѣ просвѣтительной дѣятельности Константина философа у славянъ ранѣе моравской миссіи раздѣляли, кромѣ Ламанскаго, и другіе ученые, именно: *Гильбердингъ* (Собр. соч. I, 299 — 303 и Кпр.-Мев. Сборникъ, 146—153), *Срезневскій* (Славянско-русская палеографія XI—XIV в., Спб. 1885, 60, 68—69), *Архангельскій* (вышеупом. соч., стр. 7—8). Проф. *П. А. Лавровъ* въ обширной бібліографической статьѣ о сочиненіи аяад. Ягича „Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“, (Wien 1900), сказавъ, что, до обнародованія пространныхъ житій Кирилла и Меѳодія, начало дѣятельности ихъ относили къ Болгаріи, въ примѣчаніи говоритъ слѣдующее: „Нужно замѣтить, что при такомъ представленіи дѣла выигрываетъ много вопросъ

объ обращеніи Ростислава въ Константинополь даже съ точки зрѣнія паннонскаго житія. Въ самомъ дѣлѣ, для чего обращается Ростиславъ къ Византіи? Чтобы видѣть непонятной для народа проповѣди на чужомъ нѣмецкомъ языкѣ получить такія учителя, которые бы могли вести дѣло проповѣди на родномъ языкѣ. Когда теперь полагаютъ, что Кирилль и Меѳодій ранѣе этого призыва для славянъ византійской имперіи и Болгаріи ничего не сдѣлали, священнаго писанія не переподпили и литургіи на славянскомъ языкѣ не установляли, является страннымъ, на чемъ же основывались надежды Ростислава? При настоящемъ взглядѣ на ходъ дѣла приходится отвергать точную дату Храбра о изобрѣтеніи алфавита въ 855 г. Не мало затрудненій возникаетъ и при рѣшеніи вопроса, когда было установлено славянское богослуженіе у болгаръ, о чемъ нигдѣ вѣтъ упоминанія. Невольно рождается сомнѣніе, не придется ли въ данномъ случаѣ вѣрнѣе разсказу житія Кирилла больше, чѣмъ бы это слѣдовало“ (см. „Извѣстія Отд. рус. яз. слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI, :1, 245—246).

Отправленіе Константина и Меѳодія въ Моравію произошло по слѣдующему поводу. Въ 862 г. моравскій князь Ростиславъ, посоветовавшись съ своими родичами и боярами, прислалъ посольство къ царю Михаилу съ такою рѣчью: „люди наши отверглись погавства и держимъ мы теперь законъ христіанскій, но не имѣемъ учителя, который бы сказалъ намъ истинную вѣру христіанскую на нашемъ языкѣ, чтобы и другія страны, взирая на насъ, подобились намъ. Итакъ пришли къ намъ, царь, такого учителя и епископа, ибо отъ васъ добрый законъ исходитъ на всѣ страны“. Такъ въ пространномъ или паннонскомъ житіи Кирилла. Въ житіи Меѳодія прибавляется слѣдующее: „прибыли къ намъ многіе учителя христіанскіе изъ волоховъ (итальянцевъ), грековъ и нѣмцевъ и учать насъ различно. А мы, славяне—люди простые и не имѣемъ никого, кто бы насъ наставлялъ на истину и понятво научилъ насъ“. Императоръ Михаилъ III созвалъ соборъ или совѣтъ, и, пригласивъ на него Константина, далъ ему выслушать рѣчь пословъ и сказалъ: „слышалъ, философъ, эту рѣчь; знаю, ты не

такъ здоровъ, но этого дѣла никто другой не можетъ совершить такъ, какъ ты; дамъ тебѣ многіе дары; возьми брата твоего игумена Меодія, и идите; ибо вы солуняне, а солуняне все чисто говорятъ пославински“. Константинъ отвѣчалъ: „я слабъ тѣломъ и боленъ, но радъ идти туда, если они (моравскіе славяне) имѣютъ буквы (т. е. книги) на своемъ языкѣ“. Царь, продолжаетъ житіе Кирилла, — сказалъ на это: „дѣдъ мой и отецъ мой и иные многіе, искавши этого, не обрѣли; какъ я могу обрѣсть?“ Философъ сказалъ: „кто же можетъ писать бесѣду на водѣ или навлечь на себя еретическое имя?“ Смысль этихъ словъ: опасно проповѣдывать безъ письменной подкладки, потому что изъ одной устной передачи догматовъ вѣры могутъ выдти еретическія заблужденія, и тогда вина падеть на проповѣдника. Царь съ Вардою сказали: „если ты восхочешь (изобрѣсть буквы славянскія), то можетъ дать тебѣ это Богъ, дающій все, что просимое съ вѣрою и отвергающій толкующимъ“. Философъ согласился идти. По обычаю, онъ уединился на молитву съ братомъ Меодіемъ и съ другими способниками, которые были одного духа съ ними. И вскорѣ Богъ, слышавшій молитвы рабовъ Своихъ, явилъ просимое, далъ Константину составить славянскія письмена, и онъ началъ писать евангельскія слова: „Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая“. Царь возрадовался и прославилъ Бога съ своими совѣтниками. Константинъ и Меодій, съ вопреведенными священными книгами, отравились въ Моравію, неся съ собою царскіе дары и грамоту къ князю Ростиславу. Такъ излагается дѣло это въ наанонскихъ житіяхъ, но, по изысканіямъ авторитетныхъ ученыхъ, не такъ происходило въ дѣйствительности. Моравы, — говоритъ акад. Е. Е. Голубинскій, — незадолго передъ тѣмъ принявшіе христіанство, никакъ не могли возмѣть желаніе слушать богослуженіе на своемъ славянскомъ языкѣ, т. е. востать противъ порядковъ римской церкви. Съ другой стороны и греки IX в. совершенно такъ же, какъ латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то, чтобы у всехъ народовъ ихъ греческой церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ моравы не могли обращаться къ грекамъ съ просьбой перевести для нихъ

греческія богослужебныя книги на ихъ славянскій языкъ. На самомъ дѣлѣ причиной моравскаго посольства въ Византію была возгорѣвшаяся тогда ожесточенная борьба моравовъ съ вѣмцами за независимость, а цѣлюю — заключеніе желательнаго для моравовъ въ интересахъ ихъ борьбы политическаго и церковнаго союза съ греками. Отправленный во главѣ церковной миссіи въ Моравію, принятую подъ власть константинопольскаго патріарха, Константинъ по собственной инициативѣ рѣшилъ дать моравамъ богослуженіе въ переводѣ на ихъ народный языкъ (*Голубинскій*, *Ист. рус. церкви*, I: 2, изд. 2-е, М. 1904, 326—328).

По прибытіи въ Моравію, Константинъ и Меодій были съ честью приняты княземъ Ростиславомъ въ его столицѣ. Ростиславъ собралъ учениковъ и далъ въ обученіе св. братьямъ и ихъ способникамъ. Подъ учениками должно разумѣть не только малолѣтнихъ, но и людей взрослыхъ, которые, немедленно послѣ обученія славянской азбукѣ и грамотѣ, могли бы быть поставлены въ священники и прочія церковныя должности. Продолжая начатый раньше переводъ, Константинъ съ Меодіемъ перевелъ кругъ богослужебныхъ книгъ и службъ, утрени, часовъ, вечерни, литургіи и обучалъ ими моравскихъ учениковъ. И отвергался, — говорить житіе Кирилла, — уши глухихъ къ слушанію книжныхъ словъ и службъ, и у вѣмцахъ сталъ являть языкъ. Вместе съ тѣмъ, посѣдая города и села, Константинъ и Меодій лично проповѣдывали св. ученіе. „И ради своихъ словъ, яко слышаша величїя Божїя своимъ языкомъ“, — замѣчаетъ русскій лѣтописецъ Несторъ. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ прибытія Константина и Меодія въ Моравію, моравы снова вынуждены были возвратиться подъ власть папы, отъ котораго они отделились было къ патріарху константинопольскому. Св. братья, однако, и послѣ сего не возвратились въ Константинополь, а остались въ Моравіи, чтобы въ качествѣ частныхъ лицъ-миссіонеровъ, продолжать дѣло просвѣщенія славянъ западныхъ. За свое нововведеніе пришлось вынести имъ тяжелую борьбу съ латинско-вѣмецкимъ духовенствомъ, борьбу, начавшуюся тотчасъ по вступленіи ихъ на моравскую почву, тянувшуюся всю ихъ жизнь, не окончившуюся и послѣ ихъ смерти. Латинско-вѣмецкіе епископы и патеры враждо-

вали противъ дѣла Константина и Меодія, и какъ представители нѣмецкаго королевства Людовика, имѣвшаго притязаніе на верховенство надъ славянскими княжествами, грозившее быть устраненнымъ чрезъ усиленіе чувства національной самостоятельности у славянъ при богослуженіи на родномъ языкѣ и чрезъ имѣвшее явиться народное духовенство, — враждовали изъ боязни за свою власть и доходы. Князь Ростиславъ не могъ оказать поддержки св. братьямъ, такъ какъ въ 864 г., осиленный королемъ Людовикомъ нѣмецкимъ, принужденъ былъ дать обязательство покорности и вѣрности, тяготѣвшее надъ нимъ два года. Боролся Константинъ съ своими врагами, какъ Давидъ съ иноземниками — по выраженію житія, поражая ихъ словами Писанія, и назвалъ ихъ трезычпниками. Въ то же время обличалъ различныя суевѣрія и дурныя языческіе обычаи, еще жившіе въ народѣ, отъ какихъ не только не умѣли отучить его латинско-нѣмецкіе пастыри, заботливые болѣе о своей власти и доходахъ, чѣмъ о духовномъ благѣ чуждаго имъ по племени народа, на которымъ и сами потворствовали, какъ люди своего вѣка и чуждые высшего духовнаго просвѣщенія. Черезъ 40 мѣсяцевъ Константинъ и Меодій отправились съ учениками для ихъ поставленія въ церковныя степени къ латинскому митрополиту, которому принадлежала въ то время церковная власть надъ Моравіей, именно къ митрополиту венеціанскому, при чемъ на пути имѣли довольно продолжительную остановку въ Панковіи у одного подручнаго нѣмцамъ славянскаго князя, Коцела блатенскаго, имѣвшаго столицу въ городѣ Мосбургѣ при озерѣ Влатиѣ. Коцель съ честью принималъ св. братьевъ и удержалъ у себя, полюбоществовалъ видѣть и полюбилъ славянскія книги, самъ научился имъ, далъ св. братьямъ 50 учениковъ для обученія этимъ книгамъ, и, много почтивъ, съ почетомъ проводилъ въ дальнѣйшій путь. Ни отъ Ростислава, ни отъ Коцела не взяли они ни золота, ни серебра, ни другой какой вещи, а только испросили у обоихъ князей свободу 900 плѣннымъ. Венеціанскій митрополитъ-патріархъ Виталисъ Партиципаццо († 873 г.), вмѣсто посвященія учениковъ Константина, собралъ на него многочисленный соборъ изъ епископовъ митрополіи, священниковъ и монаховъ, который потребовалъ

у него отвѣта: какъ онъ дерзнулъ перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, когда ничего подобнаго не сдѣлали ни Апостолы, ни папы римскіе, ни великіе святые отцы и когда надлежитъ славить Бога только тремя языками: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ? Константинъ отвѣчалъ своимъ судьямъ горячимъ обличительнымъ словомъ: указавъ на то, что предъ Богомъ одинаково равны всѣ люди и всѣ народы, сославшись на исторію и современную дѣйствительность въ доказательство того, что на самомъ дѣлѣ христіанское богослуженіе совершалось и совершается вовсе не на трехъ только языкахъ, и приведши мѣста изъ Свящ. Писанія о томъ, что Евангеліе должно быть проповѣдано всемъ народамъ на понятныхъ для нихъ языкахъ (о чемъ особенно въ 1 Кор. 14), онъ прямо назвалъ своихъ судей книжничками и фарисеями-лицемѣрами, затворяющими передъ людьми царство небесное. О посвященіи учениковъ въ церковныя должности не могло быть и рѣчи. Св. братьямъ не оставалось другого выхода, какъ искать защиты своему дѣлу въ Римѣ, гдѣ между тѣмъ папа Николай уже услышалъ о нихъ и куда онъ и позвалъ ихъ. Это было до ноября 867 г. Братья, однако, прибыли въ Римъ уже при преемникѣ Николая († 13 ноября 867 г.) Адрианѣ II, вступившемъ на папскій престолъ 14 декабря того же 867 г. Услышавъ, что св. братья несутъ мощи св. Климента, папа вышелъ имъ навстрѣчу за городъ съ римскимъ клиромъ и народомъ, съ крестомъ и свѣчами. Торжественное вношеніе мощей въ городъ ознаменовано, по житію Константина (гл. 17), разными чудесами. Благосклонно принявъ папа отъ св. братьевъ и славянскія книги, освятилъ ихъ и положилъ въ церквн св. Маріи, называемой *Фанни* (φάννη, ясли), т. е. S. Mariae ad praesepe, и по этимъ книгамъ пѣли литургію. Потомъ папа повелѣлъ епископамъ Формозу и Гавдеріку посвятить славянскихъ учениковъ, приведенныхъ св. братьями, и были посвящены три священника и два анагносты (чтецы). Тогда же посвященъ во священники и братъ Константина плуменъ Меодій, оставшійся дотолѣ простымъ монахомъ (ибо въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставпы были игуменами монастырей и простые монахи). По посвященіи, въ первый день пѣли славян-

скую литургію въ церкви св. Петра, гдѣ на алтарѣ положено было славянское евангеліе, въ другой—въ церкви св. Петрониллы, въ третій—въ церкви св. Андрея; затѣмъ пѣли еще ночью литургію въ церкви учителя народовъ св. ап. Павла надъ его гробомъ, при чемъ участвовали въ служеніи епископъ Арсеній, одинъ изъ семи кардиналовъ, и Анастасій — бібліотекаръ. Не смотря, однако, на все эти знаки чествованія св. братьевъ и ихъ славянскихъ книгъ, нашлись въ римскомъ духовенствѣ и противники ихъ, болѣвшіе трезязычною ересью, будто богослуженіе можетъ быть отправляемо только на трехъ языкахъ Пилатовой надписи. Папа предложилъ тогда вопросъ на обсужденіе въ собраніи, куда призваны и св. братья для защиты своего дѣла. Константинъ въ своей защитѣ повторилъ то, что уже говорилъ въ Венеціи. Папа—по житію Меодія (гл. 6)—осудилъ платиниковъ и трезязычниковъ, даже проклялъ. Нѣмецкіе ученые *Фридрихъ и Гетцъ* въ послѣднее время отвергаютъ достоверность этихъ фактовъ (о почестяхъ, оказанныхъ св. братьямъ въ Римѣ, и о призваніи папою Адрианомъ II славянской литургіи), считая ихъ позднѣйшими прикрасами, но безъ достаточныхъ основаній, какъ это показалъ акад. *Яучъ (Friedrich, Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gandericus von Velletri über die Abfassung der „Vita cum translatione Clementis Papae“: eine Quelle zur Cyrillus und Methodius Frage, München 1892 г.; Goetz, Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius, Gotha 1897 г. 148—152; Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 г. См. „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI: 1, библиогр. статью проф. П. А. Лаврова, стр. 250—251)*. Конечно, весьма трудно предполагать, что благосклонность папы Адриана II была искренней. Поэтому,—говоритъ акад. *Голубинскій*,—необходимо думать, что въ умѣ его знаменитаго предшественника, который по звалъ Константина въ Римъ, явились по отношенію къ послѣднему и его славянскимъ книгамъ особые планы, которые требовали показать благосклонность къ одному и къ другимъ, и что Адрианъ II, являя эту благосклонность, дѣйствовалъ по мыслямъ Николы. Такимъ планомъ для Николы могло

быть то, чтобы руками Константина устроить миссію для обращенія славянскихъ народовъ въ католическое христіанство и чтобы при этомъ славянскія книги (которыя въслѣдствіи можно было запретить во всякое время) употребить, какъ средство для успѣшнѣйшаго привлеченія народовъ къ христіанству и католичеству (Ист. рус. ц., I, 2, 2-е изд. М. 1904 г. 338).

Изнуренный подвижническими и книжными трудами и далекими путешествіями, Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, и, послѣ годичнаго пребыванія въ немъ, скончался 42 лѣтъ отъ роду 14 февраля 869 г., принявъ за 50 дней до смерти монашеское постриженіе съ именемъ Кирилль. Меодій хотѣлъ было отнести останки усопшаго, согласно волѣ матери относительно мѣста погребенія обонихъ братьевъ, въ свой монастырь въ Солуни, но римскіе епископы обратились къ папѣ съ представленіемъ, что если ему—Константину послѣ его путешествій по многимъ землямъ суждено было Богомъ умереть въ Римѣ, то и надлежитъ ему быть погребену въ немъ, какъ знаменитому мужу. Папа согласился съ представленіемъ епископовъ и въ свидѣтельство своего особеннаго къ нему уваженія приказалъ было, отступая отъ существовавшаго обычая, положить его въ церкви св. Петра, въ усыпальницѣ самыхъ папъ. Но когда Меодій обратился съ просьбою къ папѣ, что если уже хотятъ погребсти его въ Римѣ, то пусть погребутъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго овъ пришелъ въ него; въ этой церкви и положили его по правую сторону алтаря, при чемъ погребеніе совершено съ такою торжественностію, съ какою погребались только сами папы. При гробѣ его начали твориться многія чудеса съ самой минуты погребенія, и римляне, видя это, стали еще болѣе почитать почившаго праведника, написали икону его надъ гробомъ и засвѣтили надъ нимъ неугаснющую лампаду.

Передъ смертію св. Кирилль крѣпко завѣщалъ своему брату Меодію не возвращаться на родину, а оставаться у славянъ и продолжать начатое сообще дѣло учительства и просвѣщенія славянъ. „Мы съ тобою, — говорилъ онъ, — были, какъ параволовъ, ведущихъ одну борозду! И я падаю на своей чертѣ,—день мой кончился. А ты, я знаю, сильно любишь гору (гдѣ

въ монастырѣ жилъ Меодій); но, ради своей горы, не оставяя трудовъ ученія своего: этимъ ты можешь еще лучше спастиcя“ (Житіе Меодія, гл. 7). Меодій свято исполнилъ завѣтъ своего брата.

Литературная дѣятельность св. Кирилла. Пространное или т. н. паннонское житіе св. Кирилла, упоминая объ обрѣтеніи въ Херсонѣ мощей св. Климента, ссылается на особое сказаніе о семь событіи, говоря: „якоже пишетъ въ обрѣтеніи его“. Извѣстное „Слово на пренесеніе мощей преславнаго Климента, историческую имущее бесѣду“, пропозеванное въ день памяти обрѣтенія 30 января, съ большою вѣроятностію можетъ быть усвоено св. Кириллу. Недавно открыто и въ 1892 г. обнаруженное мюнхенскимъ профессоромъ Фридрихомъ письмо Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдерву свидѣтельствуеъ, что св. Кирилль написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ св. Клименту: историческую повѣсть, торжественное слово и стихотворную похвалу. Первые два сочиненія, — можно думать, — и лежатъ нѣ основаніи вышепоименованнаго „Слова“, какъ показываетъ его заглавіе: „Слово... историческую имущее бесѣду“. Раньше этого открытія данное „Слово“ усвоили св. Кириллу *Шафарикъ*, *Бодянский* и особенно *Викторовъ*, противъ доводовъ котораго возражалъ *Вороновъ* (см. „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ 1893 г., т. 54, прилож. № 3, статью акад. Ягича, стр. 14 — 16). Напечатано впервые въ Кирилло-Меодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 319—326, изъ Макарьевскихъ Четвухъ-Миней по спаску московской Синодальной бібліотеки, мѣсяць январь, подъ 23 числомъ. Въ рукописи московской Духовной Академіи № 91 (фундам.) помѣщено на дл. 677 — 683 подъ 30 января тоже слово въ болѣе древнемъ текетѣ (напр., въ акад. спискѣ: янтанія егера, к' кафеликни цѣркы, преласкан, а въ спвод.: лнчѣа нѣкаж, кѣ северноуцѣ цѣркѣ, преласкоуцини...). По этой рукописи Слово издаво *Ив. Франкомъ* въ „Запискахъ товарищества имени Шевченка“, кн. 60.

По свидѣтельству того же паннонскаго житія, св. Кирилль описалъ свои пренія, въ Хозари съ іудеями и магометанами въ особомъ сочиненіи, которое потомъ, пе-

слѣ его смерти, архіепископъ Меодій перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣлилъ на восемь словъ. Это сочиненіе въ настоящее время неизвѣстно.

Величайшая заслуга св. Кирилла для славянъ въ томъ, что онъ—по выраженію акад. Голубинскаго—„возымѣлъ мысль и ревность и нашель въ себѣ мужество составить славянскую азбуку и перенести греческія богослужебныя книги на славянскій языкъ—въ то время, когда никто объ нихъ не думалъ, когда никто не находилъ ихъ нужными, когда всѣ были противъ нихъ“ („Приб. къ твор. св. отц.“, М. 1885, ч. 36, стр. 203—204). Литературная дѣятельность славянскихъ первоучителей направлена была главнымъ образомъ на переводъ Свяш. Писанія и богослужебныхъ книгъ. При семь паннонскія житія и другіе памятники отдѣляютъ ранніе труды св. Кирилла отъ позднѣйшаго труда Меодія. По свидѣтельству паннонскаго житія, св. Кирилль, какъ только изобрѣлъ письменна, началъ „бесѣду писати евангельскую: Пискои бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая“, т. е. началъ переводить евангеліе недѣльное или апракосъ (отъ греч. *ἄπρακτος*), раздѣленное на чтенія по недѣлямъ на цѣлый годъ, начиная съ пасхи. Пришедши въ Моравію, вскорѣ весь церковный чинъ преложи и научи (учениковъ) утрени, и годинамъ обѣднѣи и вечернеи, повечерію и тайнѣи службѣ“ (литургіи). Паннонское житіе св. Меодія, повѣствуя объ окончаніи перевода библейскихъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, въ слѣдъ за симъ прибавляетъ: „Псалтирь бо бѣ токмо и евангеліе съ аостолюмъ и избранными службами церковными съ философомъ преложили первѣ“. Іоаннъ экзархъ болгарскій, жившій во время болгарскаго царя Симеона (888 — 927 г.), слѣд. когда жили ученики славянскихъ первоучителей, удалившіяся изъ Моравіи, свидѣтельствуеъ, что „святій человекъ Божій Константинъ, философъ нарицаемый, много трудовъ понесъ, стряя письмена славянскихъ книгъ и отъ Евангелія и Апостола прелагая изборъ“ (Прологъ или предисловіе къ переводу богословія Іоанна Дамаскина). Папа Адріанъ II, по смерти св. Кирилла (869 г.), въ особомъ посланіи къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Свято-

полку и Ёцелу говорить, что папа посылаетъ къ нимъ Меодія, „да онъ научитъ ихъ, сказавъ книгою на ихъ языкѣ, по всему церковному чину исполвъ, и съ святою мшею (missa), рекше съ службою и съ крещеніемъ“ (посланіе сохранилось на славянскомъ языкѣ въ паннонскомъ житіи Меодія). Такимъ образомъ результатомъ трудовъ св. Кирилла былъ переводъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, псалтири и избранныхъ всеневныхъ службъ: утрени, часовъ, литургій, повечерія и послѣдованія таинствъ. Этотъ вачальный трудъ перевода библейскихъ и богослужебныхъ книгъ продолжалъ, по смерти св. Кирилла, братъ его Меодій въ течение шестнадцатилѣтней епископской дѣятельности своей въ Моравіи.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ, въ древней славяно-русской письменности, отъ-части и въ новой наукѣ усвоены св. Кириллу не мало литературныхъ произведеній, каковы: Слова историческаго и правоучительнаго содержания (въ числѣ ихъ т. н. содусская легенда и „прогласъ святаго евангелія“), „Написаніе о правой вѣрѣ“, апологи и притчи. Но всѣ эти произведенія—одни съ несомнѣнностію, другіе съ наибольшою вѣроятностію—должны быть считаемы непринадлежащими св. Кириллу, славянскому первоучителю.

См. критическій обзоръ ихъ у проф. А. Д. Воронова, Кирилль и Меодій, стр. 222—265. Здѣсь и литература по данному вопросу. Укажемъ нѣкоторые труды, вышедшіе послѣ изданія книги Воронова (Кіевъ 1877): акад. А. Н. Веселовскій, Замѣтки по литературѣ и народной словесности, Спб. 1883. Къ вопросу объ апологахъ св. Кирилла; проф. Е. Пнтуховъ, Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ, Спб. 1887, въ Сборн. Огд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, т. 42, № 3; М. В. Безобразова, Изреченія св. Кирилла въ „Изв. Огд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ III: 4, Спб. 1898; А. И. Соболевскій, Шестодневъ Кирилла философа въ „Изв. Огд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, VI: 2, Спб. 1901.

Источники. Въ исторіи христіанскаго просвѣщенія славянскаго племени и въ частности въ той отрасли научныхъ изысканій, которая именуется славянскою филологіей или славистикой, біографія св. Кирилла и Меодія занимаетъ самое видное,—можно сказать,—центральное мѣсто,

такъ какъ съ нею связаны многіе первоначальные вопросы, какъ-то: о характерѣ первоначальнаго христіанскаго просвѣщенія и богослуженія у славянъ, о началѣ славянскаго письменности, о происхожденія и взаимномъ отношенія двухъ славянскихъ азбукъ—кирилловской и глаголической, о родинѣ или народности употребленнаго ими для письменности языка и т. п. Но строго научное изложеніе жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меодія представляетъ много существенныхъ трудностей. Нельзя сказать, чтобы мало было источниковъ для ихъ біографія: ихъ довольно—официальныхъ и неофициальныхъ, на латинскомъ, славянскомъ и греческомъ языкахъ. Нельзя сказать и того, чтобы источники эти мало были разрабатываемы наукою. Нѣтъ,—кирилло-меодіевская литература, особенно за послѣднее время, послѣ юбилеевъ 1862, 1869 и 1885 гг. чрезвычайно разрослась. Но именно источники біографіи св. Кирилла и Меодія и представляютъ существенныя затрудненія для изслѣдователя, благодаря крайнему разнорѣчію своихъ показаній. „Жизнь и подвиги содусскихъ братьевъ,—справедливо замѣчаетъ *Лавровскій*,—принадлежать къ разряду тѣхъ историческихъ явленій, которыя наиболее богаты позднѣйшими прибавленіями, смѣшеніями и извращеніями, согласно съ народными преданіями, съ далеко не всегда твердымъ знаніемъ дѣла переписчиками и сократителями и, наконецъ, съ личными взглядами и интересами составителей позднихъ памятниковъ“ (Св. Кирилль и Меодій, какъ православные проповѣданки и учителя у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, Харьковъ 1863, т. V, 119). А. Викторовъ такъ очерчиваетъ это взаимное противорѣчіе источниковъ. „По однимъ источникамъ,—говоритъ онъ,—Кирилль и Меодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меодій, по соображенію съ другими Кирилль; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ хазарамъ, по другимъ оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меодію, третьи обимъ, и при томъ самыя свидѣтельства объ этомъ,

при своей неопредѣленности, даютъ возможность подѣ именемъ славянскихъ писемъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ— азбуку кирилловскую, другимъ— глаголитскую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники называютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кирилль нашелъ уже готовые письма. Временемъ изобрѣтенія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ— 855, по третьимъ— 858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ— 865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ, апостолы славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгаріею. Точно такія же противорѣчающія свидетельства существуютъ о самѣ Кириллѣ и о времени посвященія его и Меодія въ епископы, о мѣстѣ епископской кathedры послѣдняго, о времени кончины Кирилла, о мѣстѣ и времени кончины Меодія, о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчій, на которое сдѣланъ былъ переводъ, и проч. и проч.“ (Кир.-Меод. Сборникъ, 351—352). Въ виду этого существенно необходимо является критика источниковъ. Только предварительно предпосланная должная критическая оцѣнка источниковъ можетъ предложить изслѣдователю вѣрный путь добраться до истины среди огромной массы показаній различившихъ.

Критикѣ источниковъ посвящены слѣдующіе труды: *И. Добровскій*, Кирилль и Меодій, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе; переводъ съ пѣмецкаго, М. 1825 (оригиналъ вышелъ въ Прагѣ, въ 1823 г.); проф. *О. М. Бодянский*, О времени происхожденія славянскихъ писемъ, М. 1855, стр. 1—170; *Лавровскій*, Св. Кирилль и Меодій, какъ православные проповѣдники и учителя у западныхъ славянъ—въ „Дух. Вѣстникѣ“, Харьковъ 1863, т. V, стр. 83—120; *Викторовъ*, Кирилль и Меодій: новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ въ „Кир.-Меод. Сборникѣ“, стр. 343—440; *Вильбасовъ*, Кирилль и Меодія по документальнымъ источникамъ и по западнымъ легендамъ, ч. 1—2, Спб. 1868—1871;

Вороновъ, Кирилль и Меодій: главнѣйшіе источники для ихъ исторіи, Кіевъ 1877; *Ягичъ*: вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ св. Кирилла (письмо ватиканскаго бібліотекаря Анастасія къ епископу веллетрійскому Гавдеріку) въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ т. 54, № 3, Спб. 1893, и *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Wien 1900, въ „Denkschriften der K. Akad. der Wiss. in Wien; Philos.-histor. Classe, V. XLVII (содержаніе этого труда Ягича изложено и разобрано въ статьѣ проф. *Лаврова* въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI: 1, 242—324; см. и статью акад. *Ламакскаго*, тамъ же VI: 4, 312—339); *Ламакскаго*, Славянское житіе св. Кирилла, какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (памяти Добровскаго) въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апрѣль, май, іюнь, декабрь и 1904, январь, апрѣль, май и слѣд.

Изъ *официальныхъ* документовъ о дѣятельности св. Кирилла вмѣстѣ съ Меодіемъ по переводу библейскихъ и богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянской языкъ упоминаютъ:

а) *Посланіе папы Адріана II (867—872 г.) къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу.*

Посланіе дошло до насъ въ славянскомъ переводѣ, въ паннонскомъ житіи Меодія. Какъ вполнѣ достовѣрный источникъ, оно, въ латинскомъ переводѣ Миклошича, издаво *Дюммлеромъ* (*Die rannische Legende vom heiligen Methodius* въ „Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen“, Wien 1854, V. XII) и *Эрбеномъ* (*Regesta Bohemiae et Moraviae, pars I-na, Pragae 1855*). Возраженія пѣмецко-католическихъ писателей: *Гитцеля*, *Фридриха* и *Гётца*, а также чеха *Вондрака* противъ подлинности этого посланія (какъ и посланія папы Іоанна VIII отъ 880 г.) разобраны—перваго—учеными *Рачки* („*Arhiv za jugoslav. povjestnicu*“, Zagreb 1857, кн. IV, 281—298) и *Лавровскимъ* (Св. Кир. и Меод., какъ правосл. пропов. и учителя у зап. славянъ, 109—118), остальныхъ трехъ—проф. *Лавровымъ* („*Визант. Временникъ*“, Спб. 1900, т. VII, 116—120, 132—134) и акад. *Ягичемъ* (*Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache*).

б) *Посланіе папы Іоанна VIII къ Святополку отъ іюня 880 г.*

Изданія: *Восчек*, *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, Olomucii 1836, t. I;*

Erben, Regesta diplomatica nec non epistolaria Boh. et Moraviae, Praga 1855, pars I; *Ginzel*, Geschichte d. Sloven. apostel Cyrill und Method., Leitmeritz 1857, въ приложении, 59—62. Папа здѣсь между прочимъ одобряетъ писмена, изобрѣтенныя Константиномъ философомъ и соглашается на славянское богослуженіе съ тѣмъ, чтобы евангеліе читалось сначала по-латыни. Посланіе это призналъ было подложнымъ *Блумбергъ* въ 1824 г. въ разборѣ сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меодіѣ (въ рус. переводѣ книги Добровскаго см. стр. 134—140), но самъ Блумбергъ отказался отъ своихъ возраженій послѣ того, какъ старавіями Палацкаго найдено было въ 1837 г. въ библиотекѣ монтекассинскаго монастыря въ числѣ другихъ и это посланіе въ древнѣйшемъ пергаментномъ экземплярѣ конца X или начала XI вѣка (напечатано отсюда въ книгѣ *Рачки, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovenskih apostolov, u Zagrebu 1857, 337—339*). Посланіе это содержится и въ знаменитомъ Британскомъ сборникѣ датскихъ писемъ начала XII в., каковой сборникъ открытъ былъ въ 1879 г. англійскимъ ученымъ Бишопомъ и обследованъ *Эвальдомъ* въ „*Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*“, В. V, 1880. См. ст. *Воронова*, Научное движеніе по вопросу о св. Кириллѣ и Меодіи въ „Труд. кiev. Дух. Акад.“ 1881, № 8, 391—416).

Официальный отъ-части характеръ имѣютъ три свидѣтельства ватиканскаго бібліотекаря Анастасія, аббата римской церкви, современника и большого почитателя св. Кирилла.

Первое—въ предисловіи къ его описанію константинопольскаго собора 869 г., *второе*—въ письмѣ къ Карлу Лысому, 875 г., по поводу пересылки ему сочиненій Діонисія Ареопагита, и *третье*—въ письмѣ къ епископу велетрійскому Гавдерику, 875—879 г. Первые два свидѣтельства напечатаны у Гинцеля въ прилож., 43—44; письмо къ епископу Гавдерику издано и обследовано проф. *Фридрихемъ и Личемъ* (см. „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наук“, т. 54, № 3). О немъ еще ст. *А. Л. Цетрова*, Письмо Анастасія бібліотекаря, новый источникъ по Кирилло-Меодіевскому вопросу („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1893 г. № 1). Въ своихъ отзывкахъ о Константиновѣ философѣ, какъ о мужѣ великой святости (*magnae sanctitatis vir*), о мужѣ великомъ и апостольской жизни (*vir magnus et apostolicae vitae*—въ письмѣ къ Карлу Лысому, *vir apostolicae vitae*—въ письмѣ къ еп. Гавдерику), Анастасій бібліотекаръ выражалъ, — можно

думать—общее представленіе о св. Кириллѣ, сложившееся о немъ въ средѣ людей ближе знавшихъ его тогда въ Римѣ.

Изъ *неофициальныхъ* источниковъ первое мѣсто по важности и исторической достовѣрности занимаютъ:

а) Паннонскія житія Кирилла и Меодія: „*Мѣсяца февруарія въ ѿ, житіе и жизнь и подвижи оже въ святыхъ отца нашего Константина философа, пръваго наставника и учителя словѣнску языку*“ (рукопись фундаментальной бібліотеки моск. Дух. Акад. XV в. № 19, л. 365) и „*Мѣсяца апріля въ ѿ день память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меодія, архієпископа моравьска* (рукоп. моск. Дух. Акад. XVI в. № 63, л. 120). Обѣ рукописи, №№ 19 и 63,—съ замѣтками на поляхъ и ссылками на другія рукописи бывшаго ректора моск. Дух. Академіи прот. А. В. Горскаго, которому принадлежить честь открытія этихъ житій и указави на ихъ глубокую важность, какъ историческаго источника (извѣстная статья Горскаго въ „Москвитиниѣ“ 1848, № 6 и въ „Кир.-Меод. Сборникѣ“).

Въ древне-русской письменности они, впрочемъ, были извѣстны уже давно и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о славянскихъ первоучителяхъ. О житіи св. Кирилла философа упоминается въ извѣстномъ Сборникѣ 1076 г. въ статьѣ, содержащей похвалу чтенію книжному. Лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ изобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ свещ. книгъ и проч. заимствовалъ изъ паннонскихъ житій. Следующіе лѣтописцы, составители и дополнители славянскихъ хронографовъ также пользовались этими житіями. Они вошли, какъ составная часть, во всѣ редакціи русскихъ Четвѣхъ-Миней и во многіе сборники, бывшіе въ столь большомъ употребленіи въ старинной русской письменности. Въ концѣ XVII в. болѣе ученымъ образомъ воспользовался паннонскими житіями св. *Димитрій Ростовскій*, составившій на основаніи ихъ свое жизнеописаніе славянскихъ первоучителей для изданныхъ имъ Четъ-Миней, гдѣ и помѣщено оно подъ 11 мая: „Въ тойже день житіѣ и труды преподобныхъ отцевъ нашихъ, Меодія и Константина, наречѣннаго Кирілла, епископовъ Моравскихъ, оучителей Славѣнскихъ“; на полѣ: Отъ различныхъ харатейныхъ Четвѣй сокращеніѣ“ (Книга житій святыхъ за май, въ изд. 1837, Мо-

скава, лл. 150—167; лл. 167 об.—169 о ко-
зърѣхъ, — на полѣ: Козары что бяху, и
что о нихъ; л. 169 об. о Мееддіи; л.
169—170 о Кириллѣ философѣ). — Оба жи-
тія въ первый разъ были изданы *Шафарикъ*
въ его *Průběh drevního písemnictví*
Jihoslovanpu, v Praze 1851 (2-е изд. 1873
г.); потомъ—*Бодянскимъ* въ „Чтеніяхъ Моск.
Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1863 : II; 1864 :
II; 1865 : I и 1871 : I (16 списковъ житія
Кирилла и 8 списковъ—Мееодія, — всего
же списковъ житія св. Кирилла извѣстно
17 [сводное изданіе житій св. Кирилла
подготовляется профессоромъ спб. универ-
ситета *П. А. Лавровымъ*] см. у Воронова,
Главн. источники для исторіи свв. Кирил-
ла и Мееодія, стр. 65, примѣч. 1); *Палау-
кимъ* въ *Fontes rerum bohemicarum*, t. I:
Vitae sanctorum, Fasc. I, Praha 1871 и
Пастрикомъ въ *Dějiny slovanských apo-
stolu Cyrilla a Methoda*, v Praze, 1902 (оба
житія въ восстановленномъ древне-славян-
скомъ текстѣ съ латинскимъ переводомъ).

Результатъ изслѣдованія прот. Горскаго
относительно важнаго историческаго значе-
нія паннонскихъ житій на первыхъ порахъ
согласно приняли какъ русскіе ученые
(преосв. Филаретъ и Макарій, Шевыревъ),
такъ и западные (Дюмлеръ, Шафарикъ).
Но искорѣ рядомъ съ многочисленными
представителями положительнаго направле-
нія по вопросу о паннонскихъ житіяхъ,
развивавшими воззрѣвія Горскаго, явились
сторонники и противоположнаго направле-
нія, отрицавшіе въ большей или меньшей
степени историческое значеніе обоихъ житій
и главнымъ образомъ житія Кирилла.
Таковы:

Муральтъ (*Essai de Chronographie Byzantine*,
St. Pétersbourg 1853), *Гинцель* (*Geschichte der Slavenapostel Cyr. und Method.*,
1857), *Вильбасовъ* (Кир. и Мее., ч. 2, 1871,
14), о. *Мартыновъ* (въ журналѣ „Revue des
questions historiques“, 71-е livraison, Paris
1884, p. 124 — въ статьѣ объ итальянской
легендѣ), *Фридрихъ* (*Ein Brief des Anastasius
Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von
Velletri*, München 1892), *Гетцъ*
(*Geschichte der Slavenapostel Konst. und
Methodius*, Gotha 1897), *Брюкнеръ* (Со за-
дѣю о „Zywotach Cyryla i Metodego“ въ
„Kwartalnik Historyczny“, XXII). Въ новѣй-
шее время акад. *Дамаскскій* призналъ важ-
ность житія Константинова вообще, а не
во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ
(„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, ч. 346,
стр. 346).

Высокую важность паннонскихъ житій
признавали и отстаивали *Ундольскій*,

Шафарикъ, *Лавровскій*, *Викторовъ*,
Голубинскій, *Вороновъ*, *Мальшевскій*,
Лавровъ, *Ягичъ* и др. *Ундольскій* и
Шафарикъ („Чтен. въ Общ. ист. и древн.
рос.“ 1848, № 7) и въ новѣйшее время
проф. *Лавровъ* склоняются къ мысли, что
авторомъ Кириллова житія былъ св. Кли-
ментъ епископъ Величскій († 916 г. Лав-
ровъ въ предисловіи къ изданію Поученій
Климента Словенскаго, М. 1895 и въ „Ви-
занти. Временникъ“ 1900 г., VII 129—
131). По словамъ Викторова, „не подле-
жить ни малѣйшему сомнѣнію глубокая
древность и высочайшая степень историче-
ской достовѣрности этихъ памятниковъ, и
вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для
исторіи Кирилла и Мееодія“ (Кир.-Мее.
Сборн., 404—405). *Голубинскій* назы-
ваетъ паннонскія житія Константина и Ме-
еодія „единственно первоначальными и до-
стовѣрными“ (Ист. рус. ц. I: 2, 2-е изд.,
М. 1904, стр. 333).

б) Самая важная изъ латинскихъ легендъ—
*Итальянская: Vita SS. Cyrilli et Metho-
dii cum translatione S. Clementis*. Со-
держитъ сказаніе о перенесеніи мощей св.
Климента, папы римскаго, изъ Херсона въ
Римъ и нѣсколько извѣстій о жизни и дѣя-
тельности обрѣтателя мощей—Константина
философа, отъ-части и Мееодія.

Изданія: *Acta Sanctorum Bolland.* Martii
Tom. II, Antverpiae 1668, *Ginzel*, Geschichte
d. Slavenapostel Cyr. und Method, въ прилож.
1—11; Кир.-Мееод. Сборникъ, 327—342 (съ
русскимъ переводомъ); *Вильбасовъ*, Кир. и
Мее. II, 220—227 и 314—320 (съ русскимъ
переводомъ); *Fontes rerum bohemic.*, T. I,
93—99 (съ чешскимъ переводомъ); *Goetz*,
Geschichte d. Slavenapostel Konst. und Metho-
dus, 247—254. Со времени изданія въ *Acta
Sanctorum* и до открытія паннонскихъ
житій (1843 г.) итальянская легенда счита-
лась главнымъ и основнымъ источникомъ
для исторіи Кирилла и Мееодія и усво-
илась епископу велегрійскому Гавдерику
(† 898 г.). Съ пятидесятихъ годовъ XIX в.
значеніе ея было поколеблено русскими
учеными. *Викторовъ* въ 1858 г. пространнымъ
и убѣдительно доказывалъ, что она основана
на славянскомъ паннонскомъ житіи св. Ки-
рилла (Кир.-Мее. Сборникъ, 414—440). *о-
лубинскій* приписалъ ее не Гавдерику, а
Льву Марсиканскому, епископу остійскому,
жившему въ концѣ XI, въ нач. XII в. (Ист.
рус. ц. I: 2, 2-е изд., 333). *Вороновъ* пошелъ
дальше и доказывалъ (Главн. источн. ист.
свв. К. и М., 316—331), что авторъ итальян-
ской легенды пользовался сочиненіемъ до

минианца Иакова де-Ворагине [род. около 1230 г., епископа генуэзскаго (1292—†1298 или 1299 г.)] и писалъ въ первой четверти XIV в. [см. „Энци.“ VI, 159—160]. *Давровскій* также относилъ итальянскую легенду къ XIII—XIV в. (Итальянская легенда: критическій обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней; значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, июль и авг., стр. 17—59 и 234—275). Напротивъ, нѣмецко-католическіе ученые: Гинцель, Фридрихъ, Гейцъ, а также Вильбасовъ, о. Мартыновъ, Ягичъ (въ указанныхъ выше сочиненіяхъ) призывали и призываютъ итальянскую легенду первоначальнымъ, вполне достовернымъ и надежнымъ источникомъ. На основаніи недавно найденнаго письма Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдеріку Ягичъ устанавливаетъ связь легенды съ жизнеописаніемъ св. Климента, составленнымъ по порученію еп. Гавдеріка, а что касается отношенія ея къ славянскому житію Кирилла, то, по Ягичу, „итальянская легенда и кирилловская не стоятъ въ какой-либо зависимости другъ отъ друга, а, напротивъ, та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію“ („Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. 54, стр. 24). Новый трудъ объ отношеніяхъ итальянской легенды къ житію Кирилла это—*Ив. Франко* „Cyrillo-Methodiana“ („Arch. für slav. Philol.“ XXVIII, 1906 г.).

Позднѣе итальянской легенды и на основаніи ея составлены латинскія легенды: *моравская* (Legenda Sanctorum Cyrilli et Methodii patronorum Moraviae) и *чешская* (первая глава легенды о св. Людмилѣ, супругѣ чешскаго герцога Боривоя).

По мнѣнію Добровскаго, первая составлена въ концѣ XIV в., а вторая въ концѣ XIII в. Обѣ легенды изданы въ Acta Sanctorum (мартъ, т. II, р. 22—23 и подъ 16 сентября); другія изданія: *Dobrowsky*, Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von spätern Erdichtungen zu reinigen, I: Borivoj's Taufe, Prag 1803, 70—73, и Mährische Legende von Cyrill und Method, Prag 1826; *Ginzel* въ Прилож. 12—20; *Вильбасовъ*, II, 328—337, 247—248 и русскій переводъ—320—326, 329—330; Fontes rerum bohem., I, 100—107 (Моравская легенда).

в) Греческія житія св. Климента, епископа велическаго, ученика Кирилла и Методія,—

пространное, приписываемое въ заглавіи архіепископу Теофилакту: „Жизнь и дѣянія, исповѣданіе и отъ-части повѣствованіе о чу-

десахъ иже во святыхъ отца нашего Климента, архіепископа болгарскаго, сочиненіе, написанное святымъ и славнымъ Теофилактомъ, архіепископомъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи, и магистромъ риторовъ въ Константинополь“ (издано по тексту, обнаруженному въ 1847 г., въ Вѣнѣ, Миклошичемъ, съ переводомъ на русскій языкъ, въ юбилейномъ изданіи московскаго Университета: „Матеріалы для исторіи письменъ“, М. 1855), и *краткое*: „Память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента епископа Болгаріи въ Охридѣ“ (найдено *Григоровичемъ* въ 1847 г.—въ Охридѣ и тогда же издано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ ч. LIII, 1847 г., I, 1—28). Оба житія изданы также у Вильбасова—съ русскимъ переводомъ; въ Fontes rer. bohem., издавы 14 главъ (всѣхъ же главъ 29). Краткое житіе—т.-н. *охридская* легенда—найдено *Григоровичемъ* въ греческой рукописи XIII в. и стоитъ въ тѣсной связи съ пространнымъ (это—*болгарская* легенда). Пространное житіе св. Климента въ первой части содержитъ съ большею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обоихъ славянскихъ первоучителей (въ частности о св. Кириллѣ главы 1—3). *Вороновъ*, разобравъ мнѣнія предшествовавшихъ ученыхъ, полагающихъ, что житіе это составлено въ X в. болгарининомъ—на славянскомъ языкѣ, относитъ его къ произведеніямъ архіепископа Теофилакта конца XI—нач. XII в. (стр. 109—139), съ чѣмъ совершенно не согласенъ акад. *Голубицкій*, по мнѣнію котораго это житіе написано много позднѣе Теофилакта, въ Болгаріи, во время господства въ ней грековъ (Ист. рус. ц., 1:2, 2-е изд., М. 1904, 333—334).

г) Отрывочныя свидѣтельства славянскихъ писателей:

Иоанна экзарха болгарскаго (Калайдовичъ, Иоаннъ экз. болг. М. 1824), черноризца *Храбра* (тамъ же), лѣтописца *Нестора*, славянскія *проложскія житія* Кирилла и Методія, XIII—XVI в. (нѣкоторыя изъ этихъ житій изданы *Погодимымъ* въ приложеніи къ русскому переводу книги Добровскаго: Кирилль и Методій, М. 1825, 103—107, и въ Fontes rer. bohem. 69—75; одно изъ нихъ „Успение св. Кирилла философа“, найденное Гильфердингомъ въ еп. XV—XVI в. южно-славянскаго извода издано имъ же въ „Извѣстіяхъ II Отд. Имп. Акад. Наукъ“ 1858 г., т. VI, л. 24, стр. 381—386), болгарскій синодикъ XIV в. († проф. *Дриновъ*, Новый дерк.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ въ „И. М. Нар. Пр.“ 1885), древнеславянскіе *каноны и службы* въ честь свв. Кирилла и Методія, *послания* имъ (изданы въ Кур.-Мет. Сборн., 235—318, въ Font. rer. bohem. 53—68, въ свѣдѣніяхъ и Замяткахъ о малозвѣстныхъ

и невѣстныхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго—„Записки Имп. Акад. Наукъ“, т. IX, въ „Русск. Филол. Вѣсти“. 1893 г., № 2, въ „Памятникахъ Древней Письменности“ № СУП, въ „Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. Имп. Ак. Наукъ“ 1907 г., кн. 3, см. въ „Христ. Чтеніи“ 1893 г., № 5—6 статью *Андр. Петрова*, „Чествованіе свв. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія въ древне-русской цркви (по служебнымъ мнѣніямъ и мѣсяцесловамъ, до 1682 года).

Исторія жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меодія имѣетъ *обширную литературу*. Надъ нею, какъ видно изъ предшестующаго, трудялись многие русскіе и иностранные ученые, именно: Архангельскій, Безобразова, Вильбасовъ, Бодянский, Будиловичъ, Васильевскій, Веселовскій, Викторовъ, Вороновъ, Геденонъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Горскій, Григоровичъ, Иловайскій, Калайдовичъ, Лавровскій, Лавровъ, Ламанскій, Лебединцевъ, Малышевскій, Невоструевъ, Петровъ, Пягулевскій, Платоновъ, Погодинъ, епископъ Порфирій, Порфирьевъ, Пѣтуховъ, Соболевскій, Срезневскій, Ундольскій; Blumberger, Boczek, Dobrovsky, Dummler, Erben, Ewald, Ginzler, Goetz, Jagic, Leger, Martinoff, Miklosich, Palacky, Pastrnek, Racki, Szafarik, Schlözer, Friedrich, Vondrak. Укажемъ еще слѣдующіе труды: — *Фишеръ*, еп. рижскій (впослѣдствіи архіеп. черниговскій), Кирилль и Меодій, славянскіе просвѣтители, М. 1846 (перепечатано въ „Кир.-Меод. Сборникъ“, 1865 г.); *Макарій*, архим. (впослѣдствіи митрополитъ московскій), Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви, Спб. 1846, стр. 188—259; *С. Соболевскій*, Притчи святаго Кирилла философа, учителя славянскаго въ „Кир.-Меод. Сборникъ“; *Сухомлиновъ*, О псевдонимахъ въ древней русской словесности въ „Изв. Ак. Наукъ“, т. IV [Исслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомлинова (1828—1901), Спб. 1908, стр. 177—81]; *Виноградскій*, О фрескахъ готвеной базилики св. Климента въ Римѣ—въ „Сборникъ Общества древне-русскаго искусства“, 1866 г.; *И. Платоновъ*: Исслѣдованіе объ аподогахъ или притчахъ св. Кирилла въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868 г., май и Анти-энциклика или братское слово православнонаго славянина къ славянамъ-католикамъ, по поводу изданія папою Львовомъ XIII буллы о празднованіи памяти свв. Кирилла и Меодія, Харьковъ 1882; *И. С. Пальмовъ*: Памятники кирилло-меоидевскія старины въ Чехіи и Моравіи (Сборникъ статей, изд. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883), — Кирилло-меоидевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда („Христ. Чт.“ 1885, май—июнь) и подробный отавъ о сочиненіи Малышевскаго: Святые Кирилль и Меодій, первоучители

славянскіе, Кіевъ 1886 („Христ. Чт.“ 1888, июль—августъ); *Н. О. Брасноселскій*, Перковъ св. Климента въ Римѣ и соединенная съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ („Правосл. Собесѣдникъ“, 1885 г. кн. 4); акад. *В. И. Успенскій*, На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей, Одесса 1885; *Меоидевскій юбилейный сборникъ*, изданный Импер. варшавскимъ Университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г. подъ редакціею орд. проф. *А. С. Будиловича*, Варшава 1885 г. (содержитъ статьи Лавровскаго, Будиловича, Первольфа, Кулаковскаго, К. Грота и Зигеля); *Серебренниковъ*, Отношенія свв. Кирилла и Меодія къ западной церкви въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв.“, М. 1885, мартъ и слѣд. кв.; *М. Г. Попруженко*, Замѣтки по кирилло-меоидевскому вопросу въ „Лѣтописи историко-филолог. Общества при Импер. новороссійскомъ Унив. II: Визант. Отд.“ 1, Одесса 1892; здѣсь между прочимъ о сочиненіяхъ кардинала Бартолини, патера Пресутти и др., вызванныхъ ипапною въ 1880 г. энцикликкой папы Льва XIII „Grande Munus“; *Лукоскій*, Хазарская миссія свв. Кирилла и Меодія („Вѣра и Разумъ“ 1893 г., т. 2, отд. церковный, стр. 49—66); *А. Петровъ*, Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на Востокѣ, Одесса 1894, и—Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для биографіи Кирилла и Меодія (1843—1893): посвящается памяти А. В. Горскаго, М. 1894. *W. Wattenbach*, Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, Wien 1849; *W. Stule*, Zivot swatych Cyrilla a Methodia apostolov slowanskych, W. Brne 1857; *J. Bily*, Dejiny sv. apostolu slovanskych Cyrilla a Methodia, V Prage 1863; *Tisuenica slovjenskih apostelah sv. Cirila i Metoda*, V Zagrebu 1863 (статьи: Fr. Racki, Knjizevan rad sv. Cirila i Methoda; V. Jagic, Evangjelije u slovenskom prievodu. Historicko-Filologicki naert; M. Mesic, Sluzba sv. Cirila i Metoda); *J. Hergewöther*, Photius, Patriarch von Constantinopel: sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma, Regensburg 1867; *B. Dudik*, Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der heil. Apostel Cirill und Method in Rom, Wien 1869; *Csell-Fels*, Römische Ausgrabungen: die Unterkirche von s. Clemente, Hildburghausen 1870; *Zakrzewski* Malwidla w podziemnej bazylice sw. Klementa w Rzymie („Kozprawu“), историко-философск. отдѣл. краковск. Ак. Наукъ, сентябрь II, т. 20, 1903 г.; *G. Wälpert*, Le pitture della basilica primitiva di San Clemente („Mélanges d'Archéologie et d'histoire publiés par l'Ecole Française de Rome“ т. 26) *T. Gromnicki*, Swięci Cyryll i Metody, W Krakowie 1880; еп. *Никодимъ Миланъ*, Славенскіи апостоли Кирил и Методіе и иети на православья, поводомъ римскогъ покрета у 1880—1881 противу православне церкви,

Задар 1881; *Ягичъ*, Вопросъ о Кириллѣ и Меодіѣ въ славянской филологіи (Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Второго Отдѣл. Импер. Ак. Наукъ 5 апр. 1885 г.), Спб. 1885. Въ томъ же 1885 г. вышли два библиографическіе указателя литературы о свв. Кириллѣ и Меодіѣ:—*И. Токмакова* въ Москвѣ и *Н. Д. (исовскаго)* въ С.-Петербургѣ. Съ 1885 г. новыя книги и статьи о свв. Кириллѣ и Меодіѣ указываются въ журналѣ „Библиографъ“ и съ 1904 г. въ журн. Новости богословской литературы“. Новѣйшая библиографическая работа *М. Г. Попруженко*, Матеріалъ для библиографіи по Кур.-Мее. вопросу („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1905 г. № 5). [Для полноты библиографіи см. еще статью проф. *X. Bonnoetsch'a*—*Realencyklopädie von Herzog u. Neuck IV⁷*. Lpzg. 1898, S. 384—389; *The Catholic Encyclopedia IV*, p. 592].

Г. Воскресенскій.

КИРИЛЛЫ, патріархи константинопольскіе 1—7:

1) **Кирилл I Лукарисъ**, патріархъ константинопольскій (1612—1638 г.г. со многими перерывами), родился на о. Критѣ 1 ноября 1572 года отъ сѣдвыхъ родителей, но ведшихъ свое происхожденіе изъ благородной фамиліи. До принятія монашества носилъ имя Константина. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ одного клирика. Впослѣдствіи взялъ его на свое попеченіе родной его дядя, извѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пяга. Послѣдній озабочился дать ему европейское образованіе, для чего молодой человекъ былъ отправленъ въ Италію и другія просвѣщенныя страны (см. ниже стлб. 330—331). Эти путешествія онь совершалъ, будучи уже монахомъ, при чемъ получилъ новое имя Кирилла. Въ 1595 году Мелетій, по возвращеніи Кирилла изъ заграницы, посвятилъ его сначала во діакона, а потомъ во священника (іеромонаха). Вскорѣ Кириллъ возводится въ санъ архимандрита и посылается съ цѣлію укрѣпленія православія и его прѣверженцевъ въ тогдашнее польское королевство. Повидному, это происходило въ томъ же году. Въ качествѣ посланника съ христіанскаго Востока, Кириллъ титууетъ себя такъ: *Ego Cyrillus Lucari, magnus (?) archimandrita Alexandriae ecclesiae et exarchus (?) V. V. (очевидно, блаженѣйшихъ) patriarcharum Matthaei Constantinopolicos, et Meletii Alexandriae sedium, delegatus in regnum Poloniae nuncius (?) et deputatus*, при этомъ

онъ прибавляетъ: *obedientiae mea senioribus meis, non autem ulla levitate, aut curiositate incitatus in has partes veni* [ср. у Крыловскаго стр. 15—16 приложений: „Посланіе (отъ 26 мая 1601 г.) Кирилла, великаго архимандрита и экзарха Александрійскаго, къ Львовскому Стравропигіальному братству съ убѣжденіемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ и съ епископомъ Гедесономъ Валабаномъ имѣть любовь и миръ“]. Въ Польшѣ, имѣя своимъ назначеніемъ охранять православіе, Кириллъ велъ борьбу какъ съ увѣянцами, такъ и съ иезуитами, вообще вооружался противъ началъ пализма. Въ александрійскомъ патріархатѣ онъ считался іерокириксомъ [см. „Энци.“ VI, 323—324], а въ Вильнѣ былъ преподавателемъ. Въ 1603 году умеръ Мелетій Пяга и на его мѣсто избранъ въ патріархи Александріи Кириллъ. Въ 1612 году тотъ же Кириллъ призванъ былъ къ управленію церковію константинопольскою и получилъ уже султанскій берать; но, по интригамъ нѣкоторыхъ митрополитовъ константинопольской патріархіи, долженъ былъ покинуть столицу и возвратиться въ Капръ (тогдашнюю резиденцію александрійскаго патріарха), гдѣ и продолжалъ оставаться патріархомъ. Въ 1621 году онъ снова избранъ былъ въ патріархи Константинополя и занялъ кафедру здѣсь. Патріаршествованіе его въ Константинополѣ было исполнено превратностей: онъ пять разъ возводился на патріаршую кафедру и четыре раза низводился. Такимъ образомъ, его патріаршествованіе происходило съ большими или меньшими перерывами, въ теченіе коихъ кафедру занимали другія лица. Кириллъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ патріарховъ XVII вѣка. Онъ заботливо относился къ такъ называемой патріаршей школѣ въ столицѣ. Его стараніями учителемъ въ этой школѣ сдѣлался очень образованный грекъ Теофілъ Коридаллей. Правда, этотъ Коридаллей, какъ и самъ Лукарисъ, своими свѣдѣніями склонялся въ пользу протестантства, но не видно, чтобы онъ въ этомъ отношеніи злоупотреблялъ своимъ положеніемъ преподавателя и увлекалъ своихъ учениковъ на сторону протестантства. Кириллъ извѣстенъ тѣмъ, что ему удалось открыть въ Константинополѣ греческую типографію для печатанія православныхъ греческихъ книгъ. Управленіе типографіею онъ поручилъ монаху

изъ Корфу Григорію Метаксѣ и началъ издавать книги для опроверженія тѣхъ многочисленныхъ сочиненій, которыя распространялись іезуитами во вредъ православія. Іезуиты исподлохотились и оклеветали его предъ турецкимъ правительствомъ, какъ худителя магометанской религіи; въ доказательство же осылались на катехизическое сочиненіе самаго Кирилла, въ которомъ онъ дѣйствительно опровергалъ магометанское ученіе, но это сочиненіе не было печатано въ Константинополѣ, а было издано въ Лондонѣ,—гораздо раньше. Судьба греческой типографіи была печальна. Турки, разгнѣвавшись на Кирилла, послали своихъ солдатъ, которые до основанія разрушили типографію и уничтожили всѣ типографскія принадлежности, а управитель ея Метакса долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Кирилль самъ не пострадалъ только потому, что за него заступился бельгійскій посланникъ: какъ извѣстно, Кирилль въ минуту жизни трудную всегда искалъ защиты у иностранныхъ посланниковъ въ Константинополѣ, и рѣдко обманывался въ ихъ услугахъ,—въ особенности со стороны посланниковъ протестантскихъ государей. Въ заслугу Кириллу слѣдуетъ почитать то, что онъ первый ввелъ въ константинопольской греческой церкви лѣтосчисленіе отъ года рождества Христова, такъ какъ здѣсь еще оставалось устарѣлое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Это произошло въ 1628 году. Вообще же мы должны сказать, что правленіе Кирилла константинопольскою церковію очень не богато выдающимися событіями. Нравственное состояніе константинопольскаго духовенства не только не поднялось, но даже значительно понизилось. Кирилла иногда прямо называютъ (—такъ поступаетъ, напр., Доисей, патр. іерусалимскій—) „сокрушителемъ добрыхъ нравовъ“, ибо онъ и себѣ и прочимъ клирикамъ позволялъ носить шелковыя и другія не принятыя одежды; кромѣ того, онъ будто бы сквозъ пальцы смотрѣлъ на то, что въ корне клирики (безбрачные) завели себѣ женщинъ сожителствующимъ (τὰς συνεσώχτους), т. е. такихъ, которыя являлись подозрительными съ точки зрѣнія скромности и цѣломудрія. Кирилль умеръ къ 1638 году насильственною смертію. Онъ былъ оклеветанъ предъ султаномъ Муратомъ IV, какъ опасный и достойный казни измѣнникъ. По

приказанію султана, онъ сначала былъ заточенъ въ одну крѣпость близъ Константинополя, а потомъ задушенъ и тѣло его брошено было въ море. Кончина его въ одномъ греческомъ сказаніи (о немъ см. въ слѣд. статьѣ стлб. 343—345) осынена многими чудесами, но сказаніе это—плодъ досужей фантазіи одного слѣплого приверженца Кириллава.

Γεδών, Πατριαρχειοὶ πίναξ, Константинополь 1890, стр. 547—550. 565. Μαθῆ, Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει, Аѳины 1884 (изд. 2-е), стр. 120—121. 123. Историческія списки патріарховъ Константинопольской церкви (не безошибочный переводъ сойчасъ названнаго сочиненія по первому его изданію), Спб. 1862, стр. 114 сл. † Проф. *Н. И. Малышевскій*, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасть и его участіе въ дѣлахъ русской церкви II (Кіевъ 1872), приложеніе 1, стр. 60. 63. 159. † Проф. *А. П. Лебедевъ*, Исторія греко-вост. церкви подъ властью турокъ, Спб. 1904, стр. 231. 311. 402 (см. и ниже при слѣдующей статьѣ стлб. 346—348. Акад. *В. В. Латышевъ*, Матеріалы для исторіи архіепископіи Синайской горы: Православный Палестинскій Сборникъ* вып. LVIII, 2-я пол. (Спб. 1909), стр. 23—25. 27. 30. 31. 34. 42—44. 51. 54. 211. 213. 250. 265. 290. 326. 402 (и соотвѣтствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска). *Р. Н. Meyer* въ Realencyklopädie von Herzog u. Hauck XI³, Lpzg. 1902, S. 682—690. *А. Браничевъ*, Патріархъ Кирилль Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, Спб. 1870. Проф. *П. Н. Жуковичъ*, Семейная борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 г.), Спб. 1901, стр. 181. 187. 222. 224. 296. 316. 439. 440. 592. *Е. В. Харламовичъ*, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ внославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви, Казань 1893, стр. 109. 211. 212. 222. 251. 253. 254. 255. 258. 264. 265. 266. 267. 274. 309. 310. 323. 324. 343. 352. 353. 359. 367. 387. 388. 391. 394. 407. 408. 470. *А. С. Крыловскій*, Львовское Ставронигальное братство: опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (Кіевъ 1904), особенно въ „приложеніяхъ“ на стр. 15—16. 41—44. 67—71. 99—101. **Archiv. Christentums Papasdiopolos, Historikai metatai. Ev Terasslouas* 1906, гдѣ на стр. 207—233 трактатъ: *Kirillos o Loukaris kai ē ev Rōmē, ellinikē scholē tou agiou Adanasiou. Eto же Kirillos Loukaris. Ev Terastē* 1907. Γεζωνιηλ Βελαντιποδης, Ο πολυετης και πολυωφως Kirillos o Loukaris aikoumenikos patriarxos (съ изображеніемъ его), Ev Aθηνais 1907 (см. въ *Р. Н. Meyer* въ Theol. Literaturzeitung 1908, 23, Sp. 653—654).

А. П. Лебедевъ

Кирилль Лукарисъ и вопросъ о его православіи.—Сношенія греческой церкви съ протестантами, достигшія значительнаго развитія въ XVI-мъ вѣкѣ при константинопольскомъ патріархѣ Іереміи II-мъ, не только не ослабѣваютъ въ дальнѣйшемъ XVII вѣкѣ, но еще расширяются, усложняются и вызываютъ знаменательныя движенія въ греческой церкви. Начало XVII-го вѣка было особенно благоприятно для сношенія грековъ съ протестантами. Въ это время усиливается вліяніе на Порту правительствъ западныхъ протестантскихъ народовъ — англичанъ, голландцевъ, шведовъ. Послы этихъ протестантскихъ правительствъ получили большой вѣсъ въ глазахъ главнѣйшихъ представителей Порты. Это преимущественно должно сказать о посольствахъ англійскомъ и голландскомъ. Порта и вообще благосклонно относилась къ протестантскимъ державамъ, а въ свою очередь послы этихъ державъ, находясь въ Константинополѣ, покровительствовали греческой церкви, видя ее неприязненно настроенною противъ папства, что было пріятно представителямъ протестантскихъ государей. Между протестантскими послами и греческою церковію устанавливались вообще добрыя отношенія, а это располагало грековъ къ болѣе обстоятельному и близкому ознакомленію съ протестантскимъ строемъ мысли и съ ученіемъ протестантскихъ религіозныхъ обществъ. Наиболѣе важнымъ средствомъ къ такому ознакомленію служили путешествія на Западъ жаждущихъ просвѣщенія грековъ. Примѣры такихъ путешествій умножились къ концу XVI-го вѣка и возросли въ началѣ XVII-го. Путешествовавшіе съ научною цѣлію греки избирали мѣстомъ своего пребыванія чаще всего протестантскія страны, въ которыхъ, какъ и естественно, они находили ученія учрежденія и ученыхъ профессоровъ протестантскаго направленія. Выборъ этихъ именно странъ опредѣлялся прежде всего тѣмъ, что греки, если пускались въ ученое путешествіе съ ясно созванными наміреніями, избѣгали такихъ западныхъ центровъ просвѣщенія, въ которыхъ господствовала папская ферула. Не рѣдко, при томъ же, путешествующіе по Западу, греки предпринимали это трудное дѣло съ прямымъ наміреніемъ отыскать для себя орудія, наиболѣе пригодныя въ борьбѣ съ притязательнымъ и неугомоннымъ римско-католицизмомъ. Въ виду всего этого греки, желавшіе изучать науки, больше всего устремлялись въ Англію, Германію, Швейцарію, Голландію. Такъ было и съ Кирилломъ Лукарисомъ. Рождественякъ его извѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, заботившійся о послѣднемъ, — по достиженіи имъ двѣнадцатилѣтняго возраста — отправилъ юношу на Западъ, гдѣ только и можно было тогдашнему греку получить основательное научное образованіе. Сначала Кирилль учился въ Венеціи: здѣсь имъ пріобрѣтено было образованіе, подготавливавшее его къ прохожденію высшаго курса наукъ, для чего онъ переправляется въ Падую ради занятій въ тамошнемъ университетѣ. Этотъ городъ принадлежалъ венеціанской республикѣ, а потому здѣсь наука мало была стѣснена по отношенію къ свободѣ преподаванія: папскій гнетъ, котораго такъ опасались и боялись греки того времени, тутъ отсутствовалъ. У кого же и чему учился Кирилль въ Падуѣ? Насколько правительство здѣсь обнаруживало заботливость о нравственности поведенія учащихся, насколько же оно оставило безъ вниманія характеръ и направленіе учащихся. Уже объ Яковѣ Забореллѣ, падуанскомъ профессорѣ, у котораго раньше учился Мелетій Пига, извѣстно, что это былъ скептикъ, и о немъ говорили даже, что онъ не вѣрилъ въ безсмертіе души. А о Цезарѣ КрEMONИНИ, считавшемся первымъ философомъ своего времени, привлекавшимъ къ себѣ сердца своихъ учениковъ, врагъ вновь возникшаго ордена іезуитовъ, ходатайствовавшемъ предъ правительствомъ страны о закрытіи іезуитскихъ школъ въ венеціанской республикѣ — о немъ сами ученики утверждали, что онъ не паталъ вѣры въ безсмертіе души и держался превратныхъ мыслей о промышлѣ Божіемъ и происхожденіи міра. Другой знаменитый падуанскій профессоръ того времени ПИКОЛОМИНИ представлялъ собою обратную крайность, ибо былъ жаркимъ приверженцемъ папизма. Изъ двухъ этихъ преподавателей Кирилль, цовидимому, отдавалъ предпочтеніе КрEMONИНИ. Но, конечно, вліяніе этого послѣдняго не могло быть благотворнымъ на умы слушающихъ у него уроки. Кирилль оставался въ Падуѣ до 23-лѣтняго возраста.

Его занятія главнымъ образомъ сосредоточивались на тѣхъ сторонахъ философской науки, на которыя въ то время принято было обращать особенное вниманіе,—на діалектикѣ, метафизикѣ и этикѣ въ духѣ аристотелизма. Кроме того, онъ изучилъ здѣсь древнегреческій, латинскій и итальянскій языки. Что касается богословскихъ знаній, то сомнительно, чтобы онъ могъ въ это время освоиться съ этою отраслю науки ¹⁾. Черезъ нѣсколько времени, въ санѣ уже архимандрита, Кирилль,—кажется, по собственной инициативѣ,—предпринялъ вторичное путешествіе на Западъ, именно въ страны протестантскія. Въ началѣ XVII-го вѣка Кирилль Лукарисъ отправляется въ Женеву и Виттенбергъ,—два извѣстнѣйшіе центра протестантизма, при чемъ въроитѣе, что уже изъ Виттенберга онъ перебрался въ Женеву. Виттенбергъ въ это время еще твердо хранилъ преданія главы протестантизма и считался Дельфами лютеранской Германіи. Безъ сомнѣнія, Кирилль проживалъ въ названномъ городѣ у кого-либо изъ профессоровъ университета, такъ какъ тогда было въ обычаѣ, что профессора брали себѣ по возможности больше нахлѣбниковъ изъ числа студентовъ. Философское образованіе въ Виттенбергѣ въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось исключительно учебниками Меланхтона и вообще было очень недостаточнымъ. Еще въ XVI вѣкѣ раздавались жалобы на то, что въ лютеранскихъ университетахъ изгонялась почти всякая философія. Въ богословіи здѣсь господствовали принципы лютеранства, все же, что носило печать кальвинизма, подвергалось преслѣдованію. Нужно думать, что Кирилль не долго оставался въ Виттенбергѣ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ принять былъ здѣсь очень предупредительно; ему оказывалась была и помощь матеріальная и при томъ значительная (по сообщенію Льва Алляція). Изъ этого города Кирилль отправляется въ Женеву. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Женева въ концѣ XVI го вѣка стала кальвинистическимъ Римомъ, а его теологи священной коллегіей кальвинизма. Такимъ процвѣтаніемъ рассматриваемый го-

родъ обязанъ къ особенности талантамъ таинниаго профессора Деодати. И здѣсь Кирилль Лукарисъ пыталъ возможность расширить и обогатить кругъ своихъ богословскихъ познаній, равно какъ приобрести вполнѣ достаточное знакомство съ религиозными доктринами, составлявшими характеристическую особенность реформатской церкви ¹⁾.

Вся западная наука, какъ римско-католическая, такъ и протестантская допускала и допускаетъ, что Кирилль Лукарисъ, ставшій потомъ константинопольскимъ патріархомъ, является въ исторіи греческой церкви сторонникомъ протестантскихъ воззрѣній. Основаніемъ для такого научнаго отношенія къ Кириллу Лукарису служатъ многочисленные письма его къ нѣкоторымъ представителямъ протестантизма того времени, письма—своимъ содержаніемъ, а также существующее подъ его именемъ „Исповѣданіе вѣры“, какъ извѣстно, протестантскаго или точнѣе кальвинистическаго характера. Впрочемъ, указанное воззрѣніе можно находить у значительнаго числа греческихъ и русскихъ писателей и ученыхъ.

Вотъ прежде всего слова Досисея, патріарха іерусалимскаго (XVII в.): „Кирилль Лукарисъ былъ тайный еретикъ, какъ это открылось изъ многочисленной его корреспонденціи,—конечно, скрытной и веденой воровски“ ²⁾; еще въ „молодости Кирилль оказалъ пользу католической церкви въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности тогда, когда, будучи отправленъ въ Россію александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ, много и сильно ратовалъ за православіе; но подъ конецъ своей жизни умолкъ и не вступилъ въ надлежащую борьбу противъ кальвинистовъ, а потому показалъ себя зломудрымъ и недостойнымъ престола и сана; онъ, какъ разрушитель нравовъ и какъ злоумышлявшій противъ православія, не можетъ получить никакой пользы отъ того, что его гробъ находится въ церкви“; при этомъ Досисей прибавляетъ, что одинъ изъ почитателей Кирилла, пресвитеръ Евгеній изъ Этоліи, человекъ пропитанный кальвинизмомъ, со-

¹⁾ Pichler, Geschichte des Protestantismus in d. orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert. (München 1862), S. 45—47. 50.

¹⁾ Pichler. *ibid.*, S. 61—64.

²⁾ Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱερουσόλειμῳ πατρι-
αρχευόντων..., стр. 1171 (кн. 11, гл. 10),

чинилъ канонъ и вообще цѣлую службу въ честь Кирилла, какъ святаго, однако былъ отлученъ за это отъ церкви¹⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1694 г., тотъ же Досноей помѣщаетъ имя Кирилла Лукариса между именами Лютера, Кальвина и другими, пользовавшимися дурной репутацией²⁾. Греческій писатель Александръ Элладій (кон. XVII и нач. XVIII в.) пишетъ: „люди ученые не станутъ отрицать, что Кирилль былъ пропитанъ мѣвѣіями Іоанна Кальвина“; „Кирилль былъ ученикъ Кальвина, а не сынъ церкви греческой“, подтверждая такое свое сужденіе выдержками изъ писемъ Кирилловыхъ къ нѣкоторымъ протестантамъ³⁾. Ученый греческій архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872 г.) не находилъ оснований обличать Кирилла, когда ему пришлось выразить свое мнѣніе о послѣднемъ, и не усматриваетъ возможности приписывать составленіе извѣстнаго „Исповѣданія“ злонамѣреннымъ людямъ, желавшимъ повредить названному константинопольскому патріарху⁴⁾. Греческій ученый нашего времени Маркъ Реніерисъ, касаясь личности Лукариса, тоже не сомнѣвается, что тяготящее надъ нимъ обвиненіе принадлежитъ къ области историческихъ фактовъ, а для характеристика его овъ влагаетъ отъ себя слѣдующія слова въ уста Кирилла Лукариса (слова, которыхъ послѣдній, можетъ быть, никогда и не произносилъ): „теперь должно рѣшиться будущее христіанскаго міра: изъ гигантской борьбы долженъ выйти побѣдителемъ или наизвѣстнѣе или протестанство; Нотара (извѣстное историческое лицо) нѣкогда говорилъ: „лучше видѣть въ Кон-

стантинополь турецкую чалму, чѣмъ латинскую тиару, я же (Кирилль) скажу: лучше видѣть здѣсь протестантскомуудрствующаго патріарха, чѣмъ жалкаго іезуита“, въ другомъ мѣстѣ М. Реніерисъ замѣчаетъ: „издавъ извѣстное Исповѣданіе, Кирилль тѣмъ самымъ явно протянулъ руку кальвинизму“¹⁾. Что касается русскихъ ученыхъ, то и между ними можно находить такихъ, которые не становятся на сторонѣ защитниковъ православія Кирилла Лукариса. Такъ, † проф. И. Е. Троицкій присоединяется къ возрѣніямъ приведеннымъ выше о Димитракопулѣ²⁾. Не стремится сколько-нибудь защитить Кирилла, хотя къ этому былъ очень прямой поводъ, и извѣстный нашъ ученый пресвящ. Порфирій (Успенскій)³⁾.

Однако, другіе изъ ученыхъ и писателей безо всякаго колебанія становятся на сторону апологетовъ Кирилла Лукариса и стараются очистить его отъ всякихъ обвиненій въ неправославіи. Такъ поступаетъ большинство современныхъ намъ греческихъ историковъ. Константинъ Сава, принимая во вниманіе отзывъ о Кириллѣ іерусалимскаго патріарха Теофана (нач. XVII в.), именуетъ его „мудрѣйшимъ патріархомъ“ и замѣчаетъ, что Кирилль „былъ настолько далекъ отъ сinesi, что это во истину такой архіерей, котораго, согласно слову Ап. Павла (Евр. 7, 26), можно называть преподобнымъ, незлобивымъ“ и проч. Этотъ писатель отрицаетъ принадлежность Лукарису, — изданаго съ именемъ послѣдняго, — Исповѣданія, считая его подлогомъ. А на возможное возраженіе, почему въ такомъ случаѣ патріархъ не заявилъ публично объ этомъ подлогѣ, Сава говоритъ, что для Кирилла было не безопасно рѣшиться на такой шагъ, вмѣшавъ разгнѣвать протестантское посольство въ Константи-

¹⁾ Παπαδόπουλος Κεραμέως Ἀνάλεκτα βεροιατικῆς σταυρολογίας, т. I (Спб. 1891), стр. 278; въ этомъ томѣ напечатаны, между прочимъ, отрывки изъ Досноевой „Истории іерусалимскихъ патріарховъ“, въ свое время почему-то въ нее не вошедшіе; у насъ приводятся изъ 12-й главы II книги.

²⁾ Legrand, Bibliographie hellénique III (Paris 1895), p. 35 (здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ сочиненія Досноея: Ἐγγυφίον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρροφύλλου).

³⁾ Helladii Status praesens ecclesiae Graecae (Спб. 1714), p. 242. 246.

⁴⁾ Проф. И. Е. Троицкаго, Учено-литературные труды архимандр. Андроника Димитракопула („Христ. Чтен.“ 1873, III, 622).

¹⁾ Реніерисъ, Μητροφάνης Κριστόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ (Аены 1893), стр. 100. 104.

²⁾ „Христ. Чтен.“ 1873, III, 622—623.

³⁾ Вл. Порфирія Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри II, отд. 2 (Москва 1880), стр. 229—231 (здѣсь приведено у автора очень интимное письмо Кирилла къ архіепископу кантербурійскому, не чуждое похвалѣ по адресу того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежалъ послѣдній).

пополѣ, на которое онъ опирался въ борьбѣ съ иезуитами, всячески вредившими этому патриарху, но что онъ намѣревался сдѣлать заявленіе о такомъ подлогѣ вносимости, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ¹⁾. Изъ числа греческихъ ученыхъ нашего времени приведемъ сужденіе профессора церковной исторіи въ афинскомъ университетѣ Діомеда Кириака; это сужденіе, при всей его краткости, можетъ однако служить типическимъ образчикомъ возрѣвній греческой богословской науки. „Въ 1629 году,—пишетъ онъ,—появилось въ Женевѣ кальвинистическаго характера «Исповѣданіе восточной церкви» съ именемъ Кирилла. Невѣдомо, — заявляетъ Кириакъ,—кто написалъ это Иисовѣданіе. Вѣроятно же всего, его издали иезуиты, чтобы возбудить къ патриарху непримиримую вражду. Кирилль, впрочемъ, не преиницувъ объявить на словахъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», да и проповѣди, которыя онъ произносилъ до этого случая и послѣ него, свидѣтельствовали, что онъ не держался ложнаго ученія²⁾. При томъ невѣроятно, чтобы столь благоразумный человѣкъ, какъ Кирилль, могъ разсчитывать, что путемъ такого легкомысленнаго обмана (т. е. путемъ обнародованія «Исповѣданія» протестантскаго характера съ именемъ патриарха) возможно было въ самомъ дѣлѣ обратить восточную церковь въ протестантство. А если же Кирилль письменно не заявилъ о томъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», то такъ поступилъ онъ изъ деликатности предъ своими многочисленными протестантскими друзьями и изъ чувства признательности къ посольствамъ протестантскихъ державъ въ Константинополь, расположеніемъ какъ-то въ посольствѣхъ онъ дорожилъ въ тяжелой борьбѣ съ иезуитами и папизмомъ“. Кириака, впрочемъ, не молчать о той бли-

зости къ протестантамъ, какая отличала этого патриарха; онъ замѣчаетъ: „его отношенія къ теологамъ — кальвинистамъ были извѣстны, поскольку онъ не тайлъ ихъ, и въ столицѣ“ (Константинополь); но въ чемъ заключались эти отношенія, какъ смотрѣть на переписку его съ подобными теологами, историкъ не объясняетъ¹⁾.— Нѣкоторые русскіе богословы съ своей стороны присоединяются къ голосу сейчасъ указанныхъ греческихъ ученыхъ. Авторъ монографіи о Кириллѣ Лукарисѣ, архимандритъ (архiep.) Арсеній (Брянцевъ) пишетъ: „протестанты, какъ оказалось, вели значимость съ этимъ патриархомъ между прочимъ и съ тою дѣлю, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія этому. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, Кирилль, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ представителями на Востоку... Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его съ церковной кафедрѣ слышались постоянно святая истины вѣры и обличеніе неправомыслящихъ“²⁾. Авторъ отвергаетъ принадлежность Кириллу какъ извѣстнаго «Исповѣданія вѣры», такъ и всѣхъ писемъ его къ протестантамъ, наиболѣе компрометирующихъ этого патриарха. Съ такою же рѣшительностію принимаетъ подъ свою защиту Лукариса и ꙗ проф. И. И. Малышевскій. Вотъ его слова: „Подозрѣнія въ протестантствѣ касательно Лукариса были такъ серьезны, что перенесены были съ его лица и на всю восточную церковь, причинили немало соблазновъ и смутъ. Дѣйствительно, Кирилль выражался, что желаетъ такого единенія съ протестантами, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ Исусѣ Христѣ. Однако онъ не становился на протестантскую точку зрѣнія, твердо стоялъ за догматы и существенныя установленія православной церкви. Что

1) Σάθσ, Νεοελληνική φιλολογία (Афины 1868), стр. 246—247.

2) По поводу проповѣдей Кирилла будутъ умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе извѣстнаго ученаго ректора моск. Дух. Академіи протоіерея А. В. Горского: „Церковныя поученія (Кирилла Лукариса) не представляли удобства для проповѣданія новыхъ (т. е. протестантскихъ) мнѣній“, см. „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, т. 24 (1871 г.), стр. 603.

1) Κυριακός 'Εκκλησιαστική ιστορία III, (Афины 1893), стр. 93—94.

2) Арх. Арсеній, Патр. К. Лукарисъ и его заслуги для церкви; изд. 2-ое (Симферополь 1881), стр. 204—206. Ср. о немъ „Энци.“ I, 1068.

касается до пресловутаго «Исповѣданія вѣры», явившагося за подписью Кирилла въ 1631 г. (?) и проникнутаго протестантскими мнѣніями, то въ подложности его не можетъ быть сомнѣнія. Есть мнѣніе, что его выпустили іезуиты, чтобы, выставивъ Кирилла еретикомъ, найти между греками пособниковъ своей влобы противъ него. Мы однако склоняемся, пишетъ авторъ, къ другому мнѣнію, что это «Исповѣданіе» сочинено кѣмъ-либо изъ протестантовъ или грековъ (?), единомышленныхъ съ ними, и оглашено подъ именемъ Кирилла и что оно, быть можетъ (?), не сразу получило окончательную редакцію¹⁾. Оно же утверждаетъ, что въ массѣ изданныхъ писемъ Кирилла нашли себѣ мѣсто и подложныя письма, выражая сожалѣніе, что подлинныя письма его далеко не всѣ изданы¹⁾.

Къ какому же изъ приведенныхъ двухъ противоположныхъ мнѣній слѣдуетъ присоединиться? Дѣло, повидимому, крайне трудное, но изслѣдователя исторіи Кирилла Лукариса выводить изъ затрудненій и ставить на торную дорогу очень извѣстный французскій ученый Эмиль Легравъ, выпустившій въ свѣтъ (на франц. языкѣ) пяти-томное изданіе подъ заглавіемъ: „Эллинская бібліографія или систематическое описаніе сочиненій, обнародованныхъ греками въ XVII-мъ вѣкѣ“ (Парижъ 1894—1903 г.), гдѣ находимъ документы и свѣдѣнія, проливающие обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Оказывается, что въ воззрѣніяхъ на Кирилла права западная наука, а вмѣстѣ съ нею и тѣ изъ восточныхъ писателей, которые соглашались съ нею въ давномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ, не считали справедливымъ отстаивать обратныхъ воззрѣній. Новое даетъ Легравъ прежде всего по вопросу о такъ называемомъ „Исповѣданіи вѣры“ Кирилла, — Исповѣданіи явно протестантскаго характера. Нужно сказать, что это произведеніе Кирилла издано было двукратно при его жизни: разъ на латинскомъ языкѣ и разъ на греческомъ. Первое появилось въ 1629 г. въ Женевѣ, не только отъ имени Кирилла,

но и отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Французскій ученый имѣлъ подъ руками это самое первое изданіе (вѣроятно въ издѣлкѣ „Исповѣданіе“ это не разъ было перепечатано) и въ немъ на послѣдней страницѣ нашелъ слѣдующую замѣтку, сдѣланную тоже на лат. языкѣ: „эта копія списана съ автографа, написаннаго собственною рукой патріарха Кирилла, которую я очень хорошо знаю, оригиналъ остается у меня, при чемъ я удостовѣряю, что копія буквально сходна съ оригиналомъ, какъ показываетъ сдѣланное мною сличеніе; затѣмъ слѣдуетъ подпись имени Корнелія Гагена, голландскаго протестанта, находившагося въ это время при посольствѣ въ Константинополь (I, стр. 267—268). Конечно, можно бы думать, что замѣтка эта по ея содержанію есть плодъ фантазіи и злонамѣренности. Но такое предположеніе оказывается не основательнымъ при ознакомленіи съ документами и свѣдѣніями касательно греческаго изданія Кирилла „Исповѣданія“. Греческая редакція этого послѣдняго (съ латинскимъ переводомъ) появилась въ 1633 году и оная въ Женевѣ. Произведеніе это напечатано было, повидимому, послѣ продолжительнаго обсужденія этого дѣла. До насъ сохранилось что-то въ родѣ настоящихъ протоколовъ, въ которыхъ записывались различныя стадіи предпринятаго печатанія. Эмиль Легравъ пишетъ: „въ архивахъ женевской консисторіи находится нѣсколько документовъ, касающихся опубликованія этого изданія *Исповѣданія вѣры*. Они помѣщены въ регистрѣ Общества пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и школы“. Затѣмъ ученый французъ приводитъ цѣлымъ нѣкоторыя изъ протокольныхъ записей, которыя велись указаннымъ Обществомъ. Вотъ, напримѣръ, одна, помѣченная: „пятница, 2 декабря, 1631 года. Господинъ Деодати (профессоръ женевскаго университета), нашъ братъ, доложилъ, что онъ получилъ письмо г-на Лежера (протестантскаго пастора при голландскомъ посольствѣ въ Константинополь) и полное *Исповѣданіе* константинопольскаго патріарха и что названный патріархъ добровольно сдѣлалъ надписаніе на немъ и посвященіе женевскому Обществу. Разсуждали о тщательномъ напечатаніи этого Исповѣ-

¹⁾ Александрийскій патріархъ Мелетій Пигасъ (Кіевъ 1872), стр. 569—571; впрочемъ, не видно, чтобы авторъ имѣлъ случай близко изучать исторію Кирилла Лукариса.

давія. Такъ какъ оно написано на греческомъ языкѣ, то опредѣлено было перевести его на латинскій и французскій языки и для этой цѣли назначались профессоръ теологіи и г-ль Лоренсъ. Что же касается посвященія его Обществу, то оно найдено было излишнимъ“. Другая запись изъ тѣхъ же протоколовъ. „Пятница, 22 марта 1633 года. Заявлено, что печатаніе *Исповѣданія* патриарха окончено. Въ Обществѣ шло разсужденіе о томъ, нужно ли присоединить къ нему какое-либо предисловіе; Общество нашло это нужнымъ и поручило составить предисловіе Деодати и Леклерку. Признали за благо, чтобы изданіе *Исповѣданія* помѣчено было именемъ города Женевы“. Приведа эти и еще нѣкоторые отрывки изъ протокольныхъ записей Общества, Легранъ пишетъ: „большинство грековъ, писавшихъ о Кириллѣ Лукарисѣ, не соглашались принимать, чтобы авторомъ *Исповѣданія* было то лицо, чье имя оно носитъ. Съ ихъ точки зрѣнія невозможно, чтобы патриархъ константинопольскій позволялъ себѣ измѣнять православію! Но этотъ вопросъ (если только это еще вопросъ),—замѣчаетъ Легранъ,—очень ветрудно распутать. Женевская публичная бібліотека владѣетъ греческимъ оригиналомъ *Исповѣданія вѣры*, написаннымъ рукою самого Кирилла Лукариса. Мы думаемъ, что fac-simile первой страницы этого драгоценнаго документа будетъ въ состояніи разсвѣтъ все сомнѣніе на этотъ счетъ (здѣсь же французскій ученый печатаетъ fac-simile первыхъ восемнадцати строкъ оригинала, на греческомъ языкѣ). И пусть лица, отрицающія подлинность *Исповѣданія*,—продолжаетъ Легранъ,—въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ Константинополѣ, возьмутъ на себя трудъ сравнить этотъ очень хорошо извѣстный почеркъ съ автографами Кирилла, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, напримеръ съ манускриптами (№ 263) въ бібліотекѣ святогробскаго мезоха (въ Константинополѣ). Мы увѣрены, что послѣ мнутаго сличенія тождество этихъ двухъ почерковъ откроется для нихъ во всей ясности“. Затѣмъ тотъ же ученый пишетъ: „оригиналъ *Исповѣданія вѣры* Кирилла Лукариса находится въ Женевѣ между греческими рукописями“ [при этомъ онъ

дѣлаетъ такое описаніе рукописи, какое принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ] и обращаетъ вниманіе на слѣдующую замѣтку, имѣющуюся на 24 страницѣ этого оригинала: „Ἀπόγραφον. Confessio Cyrilli patriarchae gr. sine locis scripturae ¹⁾ manu propria auctoris ex Musaeo D. Deodati in Bibl. publ. translata auctoritate publica“. Изъ этой приписки видно, что издатели старались и на будущее время предохранять себя отъ естественнаго подозрѣнія въ подлогѣ напечатаннаго ими *Исповѣданія* ²⁾. Заканчивая передачу свѣдѣній о манускриптѣ этого послѣдняго, Легранъ говорить: „къ этому оригиналу приложена копія съ него, а въ концѣ ея читаются слѣдующія слова (на греческомъ языкѣ), написанная рукою Кирилла: «вѣстойщій списокъ согласенъ съ оригиналомъ, начертаннымъ нашею рукою. Въ списокѣ такимъ образомъ буквально воспроизведено вышесказанное. И пусть никто въ этомъ не сомнѣвается». Слѣдуетъ собственноручная же подпись патриарха: „Кирилль патриархъ константинопольскій“ (Legrand I, 315—319).

Въ 1873 году † проф. И. Е. Троицкій при одномъ случаѣ говорилъ: „къ сожалѣнію, въ извѣстномъ кружкѣ греческихъ ученыхъ обвиненіе католиковъ и протестантовъ въ поддѣлкѣ сочиненій разныхъ греческихъ богослововъ сдѣлалось своего рода конькомъ, на которомъ они слишкомъ часто и весьма неосторожно выѣзжаютъ. Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ и объ *Исповѣданіи* Кирилла Лукариса. Обыкновенно къ нему обращаются всякій разъ, когда не оказывается другихъ средствъ опровергнуть то или другое, почему-либо не нравящееся автору (т. е. греку), мнѣніе объ извѣстномъ богословѣ, тотъ или другой взглядъ на него, основанный на томъ или другомъ его произведеніи. Безъ дальнихъ околичностей они спѣшатъ обозвать это

¹⁾ Sine locis scripturae, т. е. безъ ссылокъ на Свящ. Писаніе, относящихся къ тому или другому пункту разсматриваемаго исповѣданія,—ссылкъ, которыя помѣщены въ печатномъ изданіи его, но не находятся въ оригиналѣ.

²⁾ Тоже стремленіе ясно видно въ предисловіи къ 1-му изданію *Исповѣданія* (Legrand I, 316).

произведевіе подложныя и дѣлу конецъ“. „А что, если отыщется,—замѣчаетъ этотъ ученый, — автографъ и несчастнаго *Исповѣданія* Кириллова, какъ отыскался [въ 60-хъ годахъ XIX в. оправдавшій его отъ подозрѣній въ преданности къ протестантству] автографъ (александрійскаго патріарха, современника Лукарисова) «Исповѣданія» Митрофана Кривопула?»¹⁾ И вотъ предчувствіе автора вышеприведенныхъ строкъ исполнилось! Кажется, въ настоящее время вопросъ о подлинности *Исповѣданія* Кирилла вышель — и при томъ навсегда — изъ области тягостныхъ сомнѣній и мучительнаго недоумѣнія...

Греческіе писатели, писавшіе о Кириллѣ Лукарисѣ и не признававшіе подлинности „Исповѣданія“ этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно, безъ дальнихъ разсужденій отвергали и подлинность издаваемой на Западѣ „переписка“ этого патріарха съ его протестантскими друзьями. Они, конечно, поступали правильно со своей точки зрѣнія: если „Исповѣданіе“ Кириллово подложно, то, въ значительной мѣрѣ служащая иллюстраціей къ этому Исповѣданію, переписка его съ протестантами, свидѣнія о которой шли съ Запада, должна была раздѣлять общую участь съ первымъ документомъ. Значитъ, когда теперь разъяснено современное научное положеніе вопроса объ „Исповѣданіи“, и намъ можно было бы и не входить въ какія-либо подробности касательно указанной переписки Кирилла съ западными иновѣрцами: если должно быть признано подлиннымъ „Исповѣданіе“, то нѣтъ причинъ относиться скептически и отвергать подлинность и переписки. Но есть сему и фактическія подтвержденія. Легранъ снова издалъ почти всю переписку Кирилла съ представителями протестантства и притомъ на основаніи лучшихъ источниковъ. Такъ, 14 писемъ Кирилла къ Давиду де-Вильгельму, писанныя частью на латинскомъ, а частью на итальянскомъ языкахъ, переведены Леграномъ, по его словамъ (IV, 313), „на основаніи ихъ оригиналовъ, сохранившихся въ университетской бібліотекѣ въ Лейденѣ“, то есть, какъ нужно думать, на основаніи автографовъ патріарха константинопольскаго. Одно изъ ла-

тинскихъ писемъ Кирилла къ голландскому теологу Юntenбогаарту (Uytenbogaert) переиздано Леграномъ, какъ онъ говоритъ, съ автографъ, принадлежащаго вышеназванной бібліотекѣ, а другое такое же письмо переиздано по копіи, сохранившейся въ женевской публичной бібліотекѣ (ibid. IV, 291—292). Въ припискѣ къ одному письму Кирилла, сохранившемуся въ копіи, читаются, по сообщенію Леграна, слѣдующія любопытныя слова: „это есть копія письма Кирилла, патріарха константинопольскаго, писаннаго его собственною рукою къ достопочтеннѣйшимъ сенаторамъ (швейцарской) республликѣ и уважаемому Обществу пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и университета; копія буквально сходна съ оригиналомъ. Въ этомъ удостовѣряемъ мы нажеподписавшіеся отъ имени цѣлаго вышеназваннаго Общества“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Превость, Деодати, Суангеймъ и стоитъ дата: Женева, 3 апрѣля, 1637 (ibid. IV, 456). Нѣкоторыя письма Кирилла, измѣющія интересъ въ нашемъ вопросѣ, изданы французскими учеными еще въ первый разъ, и опять таки, по словамъ его, „на основаніи оригинала или по крайней мѣрѣ, — прибавляетъ осторожный издатель, — съ копіи, сдѣланной самимъ Кирилломъ Лукарисомъ“ (ibid. IV, 329). Такимъ образомъ во вновь изданныхъ письмахъ Кирилла мы находимъ не иное что, какъ документы высокой важности для исторіи этого патріарха константинопольскаго¹⁾.

¹⁾ Греческіе писатели и вообще защитники Кирилла Лукариса, заявляющіе стремленіе снять съ него обвиненіе въ приверженности къ протестантизму (каковы, напр., церк. историкъ Мелегій митр. аѳонскій, и проф. Малышевскій) указываютъ на одно мѣсто изъ писемъ Кирилла къ Юntenбогаарту, писаннаго въ 1612 году, въ которомъ находятъ ясно выраженное осужденіе протестантскихъ нововведеній. Вотъ это мѣсто: „восточную церковь упрекають въ невѣжество (ἀγνοία), находя, что знанія и философія перешли въ другія мѣста. Но Востокъ теперь тѣмъ и счастливъ, что неученъ: влѣдствіе этого онъ не знаетъ тѣхъ губительныхъ вопросовъ, которые поражаютъ слухъ въ настоящее время: ему остаются неизвѣстны новыя чудовищныя вымыслы (αἱ χαινοτάται), которыхъ скорѣе нужно бояться, а не принимать ихъ“ (Аутон, р. 128). Но намъ удалось

¹⁾ См. „Христ. Чтен.“ 1873, III, 623—627.

Защитники православія Кирилла взирають на насильственную смерть этого патріарха, какъ на святое мученичество, которое будто бы сопровождалось чудесами. Но нужно знать, кто оставилъ намъ описаніе смерти Кирилла и съ какими намѣреніемъ оно сдѣлано. Описателемъ кончины Кирилла былъ грекъ Наоанаилъ Канопій. Уроженецъ острова Кипра, онъ состоялъ протосинкелломъ при патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ. Подобно этому послѣднему, Канопій показывалъ себя приверженцемъ протестантизма. Посѣщалъ Англію и Голландію, и въ послѣдней, прельстившись дарами и лестными общашьями, принялъ на себя трудъ перевода на греческій языкъ богословскихъ наставленій (т. е. Institutiones) Іоанна Кальвина¹⁾ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потомъ распространить это сочиненіе между греками. Отъ этого-то Канопія и дошло до насъ любопытное описаніе смерти Кирилла Лукариса, находящееся въ греческомъ письмѣ его къ кальвинскому пастору Автову Лежеру. „Письмо это, — по увѣренію Нихлера, — почитается кальвинистами, какъ своего рода апостольское посланіе“. Содержаніе письма Канопія таково. „Страшавшее несчастіе постигло насъ, такъ какъ Кирилль Контарисъ (сдѣлавшійся преемникомъ Лукариса по смерти его), это орудіе дьявольское, еще разъ разбойнически низвергъ съ патріаршей кафедры святѣйшаго и православнѣйшаго патріарха и — ужаснись солнцу, подвигнись земля, возрыдай учитель [такъ наименованъ

уяснить, что на языкѣ Кирилла „новшество“ въ религиозномъ смыслѣ, означало не новыя вѣрованія протестантовъ, а нововведенія, допущенныя въ папской церкви. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія слова Кирилла, находящіяся въ письмѣ его, писанномъ нѣсколько позже: „Съ давняго времени ова (папская церковь) начала помогать приматства..., выдумала многія новшества (innovations), какъ изъ источниковъ забяли новые догматы (nova dogmata), которые подтверждались указами, декретами, буллами“ (Legrand IV, 337). Что же касается протестантскихъ новшествъ, то Кирилль съ тѣхъ поръ, какъ сталъ сближаться съ протестантами, не обнаруживаетъ никакого страха предъ этимъ явленіемъ.

¹⁾ Ζαβίρα, Νέα Έλλάς; (Авини 1872), стр. 476. По словамъ Саэы (стр. 403), Канопію поручали перевести „наставленія“ Лютера, но это, очевидно, ошибка.

здѣсь кальвинистъ — пасторъ Лежеръ], смѣшай свои слезы съ нашими! — убилъ праведника, мужа благочестиваго, который столь долго времени былъ убѣжденъ благочестія (т. е. конечно, кальвинизма); увы, кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, чтобы я могъ непрестанно оплакивать этого мужа, котораго погубилъ нечестивые папсты [самъ Кирилль тоже любилъ выставлять папство крайними интриганами]; увы, увы исчезли мои тѣлесныя силы и моя душа не въ тѣлѣ моемъ“. Затѣмъ повѣствуется, при какихъ обстоятельствахъ Кирилль Контарисъ возвелъ обвиненіе на патріарха въ политическомъ преступленіи, и султанъ далъ приказаніе умертвить его. Послѣ этого Канопій продолжалъ такъ: „Пятеро палачей съ Ахметомъ Агою во главѣ неожиданно схватили престарѣлаго патріарха и повели его въ укрѣпленный замокъ на западномъ берегу Босфора. Я посѣтилъ его здѣсь и выпросилъ у него позволеніе спастись бѣгствомъ въ Англію [симпатіи Лукариса всегда склонялись въ пользу протестантской Англіи, сюда же онъ склоняется и у его протосинкелла]; но такъ какъ изъ боязни предъ стражей онъ не рѣшился писать письмо, то отправилъ меня къ английскому посланнику. Едва я счастливо избѣжалъ стражи, какъ около девяти часовъ пришли къ нему 15 янычаровъ, два судьи и палачъ, и такъ какъ Варавва (т. е., конечно, Кирилль Контарисъ) получилъ свободу, то Иисуса (!) повели на смерть [авторъ очевидно дерзаетъ проводить параллель между Господомъ Христомъ и Лукарисомъ!]. Подъ тѣмъ предлогомъ, что у семибашеннаго замка, въ Санъ-Стефано, приготоуленъ корабль, на которомъ его отправятъ въ ссылку, они посадили патріарха на лодку. Блаженный патріархъ не вѣрилъ ихъ словамъ, а потому палъ на колѣни и со слезами вознесъ молитву Богу. Когда на заходѣ солнца прибыли они въ назначенное мѣсто, сдѣланъ былъ роздыхъ, а съ наступленіемъ ночи патріархъ былъ удавленъ рукою палача. Одежды они сняли съ него и раздѣлили между собою [опять уподобленіе Христу] и продали ихъ на слѣдующее утро на городскомъ рынкѣ, говоря, что это одежды патріарха. Но какъ скоро народъ, турки (!), иудеи (!), христіане и армяне (!) услыхали объ этомъ, поднялся плачь и воз-

ставіе противъ новаго узурпатора (т. е. Кирилла Контариса), который, не довольствуясь тѣмъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ кафедру, погубилъ еще законнаго патріарха. Многіе христіане пошли къ убійцѣ и взывали: Пилать, отдай намъ мертваго для погребенія [ония припоровленіе къ евангельскому разсказу]. Но преступникъ дѣлалъ видъ, что онъ ничего не знаетъ о случившемся; напрасно они просили также и каймакана (турецкій сановникъ), благорасположеніемъ котораго пользовался убійца. Въ слѣдующую же ночь приказано было бросить тѣло убитаго въ море. Однакожь чудесная тѣнь, которая вздымалась надъ святымъ тѣломъ, указала его христіанамъ, и они тайно извлекли его изъ моря и погребли въ монастырѣ св. Андрея, пока, по изгнаніи Контариса, преемникъ послѣдняго (Паревій I) не отдалъ ему торжественно погребальныхъ почестей. Такъ исповѣдникъ истины—заканчиваетъ Кавоній—воспріялъ вѣнецъ мученичества 26 іюня, 1638 года“ (см. Pichler, S. 175—177 и ср. у архим. Арсенія стр. 180—182).—Въ устахъ протестантскаго богослова описаніе страданій Кирилла за истину и его исповѣдничества имѣеть одинъ смыслъ и очень ясный.

Въ 1905 г. іерусалимскій архимандритъ *Хризостомъ Панадопуло* въ іерусалимскомъ журналѣ „Новый Сіонъ“, а затѣмъ отдѣльною брошюрой издалъ,—какъ думаетъ издатель,—очень важный документъ, долженствующій служить къ оправданію Кирилла Лукариса въ приверженности къ протестантизму, именно—„Апологию“ его, съ которою онъ обратился въ 1634 году къ „братству св. Дѣвы“ въ Леоптополѣ (но Львовѣ) въ Малороссіи (?) и „ко всѣмъ православнымъ“. Документъ этотъ намъ лично извѣстенъ лишь во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ архимандритомъ Панадопуло и помѣщенномъ въ „Revue internationale de théologie“ (1906 г., кв. апрѣль—іюнь, стр. 327—330). Какъ смотрѣтъ на этотъ документъ? Онъ столь блѣднаго содержанія, что не можетъ послужить въ пользу Кирилла. Кирилль Лукарисъ въ этой своей „Апологіи“ говоритъ о „джеаностолахъ“ его времени, но подъ такими джеаностолами разумѣтъ только римско-католиковъ, а отнюдь не протестантовъ; не указываетъ тѣхъ протестантскихъ заблужденій,

въ которыхъ онъ обвинялся, и не выражаетъ несогласія съ ними; ни словомъ не говоритъ о приписываемомъ ему кальвинистическомъ *Исповѣданіи вѣры*, не смотря на то, что оно сдѣлалось извѣстно съ 1629 года. Свое православіе Кирилль Л. высказываетъ здѣсь болѣе, чѣмъ нерѣшительно. Онъ говоритъ: „мы всегда сохраняли догматы православной церкви“, но ничѣмъ этого не доказываетъ. Кирилль Л. утверждаетъ, что онъ исповѣдуетъ „символъ вѣры и принимаетъ семь вселенскихъ соборовъ“, но вѣдь ни символъ, ни эти соборы не имѣли въ виду протестантизма (кальвинизма) и его заблужденій. А затѣмъ о своемъ православіи Кирилль Л. говоритъ только общими фразами. Вотъ примѣры. „По милости Божіей, мы всегда напали на нашу паству сладкою и чистою водою, ученіемъ истиннымъ и евангельскимъ“ (а не церковнымъ?). „Всесвятой духъ, Іисусъ Христосъ, вся наша паства и въ особенности св. соборъ (?)—свидѣтели за меня“. „Кто возвѣщаетъ вамъ иное Евангеліе въ сравненіи съ тѣмъ, какое возвѣщали мы вамъ, будемъ ли это мы сами или Ангелъ съ небеси, тому — анаѡема [ср. Гал. 1, 8]. Извѣстно, что находятся люди чуждые намъ,—это тѣ, кои, принявъ видъ Ангела свѣтлаго (ср. 2 Кор. 11, 24), проповѣдуютъ не Евангеліе, а разрушеніе и распаденіе“ (la ruine et la destruction). Нужно сказать, что переводъ Панадопуло очень плохъ. По нашему сужденію, эта „Апология“ есть пустой звукъ. Такихъ писаній Кирилла Л., вѣроятно, откроется еще немало. Но всѣ они,—послѣ обнародованныхъ Леграномъ документовъ высской цѣны и непререкаемой подлинности,—будутъ свидѣтельствовать лишь о двуличности Кирилла Лукариса, разъ онъ столь уклончиво говоритъ о своемъ православіи въ то время, когда его стали рѣшительно обвинять въ измѣнѣ этому послѣднему.

Литература. Важнѣйшими источниками при изученіи вопроса служатъ слѣдующія изданія: 1) *Aumon*, *Monuments authentiques de la religion des Grecs* (la Haye 1708), гдѣ напечатана серия писемъ Кирилла къ разнымъ протестантамъ.—2) *Legrand*, *Bibliographie hellénique*; особенно: томъ IV-й (Paris 1896). Здѣсь многіе изъ тѣхъ документовъ, которые ранѣе были напечатаны у *Aumon*’а, перепечатаны въ болѣе исправ-

номъ видѣ и къ нимъ прибавлено много новыхъ. Книга Леграна сдѣлалась необходимѣйшимъ и лучшимъ источникомъ свѣдѣній о Кириллѣ. Самъ этотъ ученый придаетъ большое значеніе своему изданію въ этомъ отношеніи, и съ нимъ нужно считаться. Жаль только, что Легранъ не сдѣлалъ очерка жизни Кирилла Лукариса, на что читатели въ правѣ были бы разсчитывать. Сколько знаемъ, не смотря на важность разсматриваемаго тома Легранова изданія, онъ еще никѣмъ прежде насъ не былъ использованъ въ интересахъ изученія греческой церкви; аеинскій профессор церковной исторіи Кирикъ въ изданной имъ въ 1898 году „*Κερκοβννη Ιστορίη*“ (о немъ мы упоминали выше) не показываеъ знакомства съ изданіемъ Леграна, даже съ первымъ томомъ его, явившимся еще въ 1894 году, очень немаловажнымъ въ вопросѣ о Кириллѣ Лукарисѣ.— Изъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ изученію Кирилла, упомянемъ три. *Pichler, Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit* (München 1862). Сочиненіе Пихлера представляетъ собою типъ западныхъ воззрѣній на Кирилла, въ силу которыхъ онъ изображается человѣкомъ, наклоннымъ къ протестантизму и, въ частности, къ кальвинизму. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и не потеряло своей цѣны, не смотря на то, что оно появилось больше 40 лѣтъ тому назадъ. Вредитъ книгѣ главнымъ образомъ суровый и несправедливый тонъ, въ какомъ католическій изслѣдователь говоритъ о греко-восточномъ патриархѣ. Многія сужденія, выраженные въ книгѣ и имѣвшія проблематическій характеръ, послѣ появленія изданія Леграна получаютъ болѣе определенности и становятся болѣе надежными. Вообще же оба эти произведенія въ значительной степени подкрѣпляютъ и проясняютъ одно другое. Изучать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ связи. Архим. *Арсенія* (Брянцевъ, нынѣ архіеп. харьковскій), Патр. Кирилль Лукарисъ и его заслуги для православной церкви (изд. 2-е. Симферополь 1881); первое изд. подъ именемъ свящ. А. Брянцева въ Спб. 1870. Это сочиненіе представляетъ собой типъ воззрѣній, усвоенныхъ большинствомъ греческихъ (восточныхъ) ученыхъ, въ силу которыхъ Кирилль признается неповиннымъ въ симпатіяхъ къ протестантизму. Авторъ начитанъ и пишетъ съ одушевленіемъ. Въ особенности хорошо изложены биографическія извѣстія. Послѣ Леграна на многое приходится смотрѣть иными глазами, чѣмъ какъ смотритъ авторъ, но въ этомъ послѣдній не виноватъ: наука идетъ впередъ—и въ этомъ ея задача.— *Евграфъ Матв. Овсянниковъ* [нынѣ протоіерей, ректоръ витебской Духовной Семинаріи],

Патр. Кирилль Лук. и его борьба съ римско-католическою пропагандой на Востокѣ, части 1 и 2 (Новочеркасскъ 1903). Сочиненіе это написано во вкусѣ архим. Арсенія и кievскаго профессора Малышевскаго и, если не ошибаемся, начато авторомъ подъ руководствомъ послѣдняго, давненько уже скопчавшагося, но изъяснившаго въ свое время одобреніе труду о. Овсянникова. Даже снисходительная критика (накоза критика „*Церк. Вѣдомостей*“, см. 1903 г., № 32) признала эту книгу не имѣющую „характера оригинальности“ и представляющую собою „панегрику Кириллу“. Должна появиться въ свѣтъ 3-ья часть сочиненія о. Овсянникова, но появленіе ея, судя по первымъ частямъ, будетъ анахронизмомъ. О Кириллѣ находится свѣдѣнію † проф. А. П. Лебедева, *Исторія грековосточной церкви подъ властію турокъ* (Спб. 1904, изд. 2-е), стр. 624—627, 633—673 и друг. [† О. Θ. А. Павловичъ, Патр. Кирилль Лукарисъ въ борьбѣ съ Іезуитами въ „Духовной Бесѣдѣ“ за 1859 г. *Δημ. Σίμων Μπαλάου* и *ὁμολογία Κυρίλλου τοῦ Λουκάρου*, Ἐν Ἀθήναις 1906, стр. 32; этотъ молодой греческій ученый пришелъ по разсматриваемому вопросу къ тѣмъ же выводамъ, что и проф. Ал. П. Лебедевъ, достигши своихъ результатовъ прежде и независимо отъ работы Дм. Валанова. См. еще *Ἐκ ἐκίη λ Βε λ α ν τ ῖ ο τ ο ς*: Ὁ ἀθρομαρτος πατριάρχης Κυρίλλος ὁ Λουκάρης, Ἐν Ἀθήναις 1906; Ὁ κατὰ Κυρίλλου τοῦ Λουκάρου Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου ἀδικος ἀναθεματισμός (ibid. 1906). Вышеупомянутый *Хриз. Παναδοπουλος* помѣстивъ еще обширную апологію Кирилла Лукариса, съ обзоромъ его жизни, въ триестской греческой газетѣ „*Νέα Ἡμέρα*“ 1907 г., №№ 1701—1709. P. *Avvelio Palmieri* O. S. A; *Dositoe patriarcha greco di Gerusalemme* (1641—1707), Fvonce 1909, глава 2. Ср. также въ сочиненіи еп. ромскаго *Мелхиседеха*, О православной церкви въ борьбѣ съ протестантизмомъ и въ особенности съ кальвинизмомъ въ XVII вѣкѣ и о двухъ соборахъ въ Молдавіи противъ кальвинистовъ, о чемъ см. у еп. *Арсенія*, Исслѣдованія и монографія по исторіи Молдавской церкви, Спб. 1904, стр. 500—501].

Ал. Лебедевъ.

Кирилль Лукарисъ и приписываемая ему „Наука о противной уніи“. Кирилль Лукарисъ извѣстенъ между прочимъ своими близкими отношеніями къ православной юго-западной Руси [см. выше стлб. 325—326]. Онъ былъ первымъ ректоромъ Острожскаго училища послѣ преобразованія его въ академію въ 1580—81 г., явивъ себя защитникомъ православія на Врестскомъ соборѣ“, гдѣ участвовалъ въ качес-

ствѣ „экзарха“ александрійскаго патріарха, въ 1600 г. снова былъ посланъ александрійскимъ патріархомъ (Мелетіемъ Пига) въ западную Россію, которую вскорѣ (въ январѣ 1601 г.) онъ долженъ былъ оставить въ виду безуспѣшности миссіи и въ виду возможной опасности со стороны латиноуніатъ. Сдѣлавшій патріархомъ, Кирилль Лукарисъ продолжалъ принимать нѣкоторое участіе въ дѣлахъ западно-русской церкви, о чемъ свидѣлствуютъ его отвѣты (отъ 25 марта 1614 г.) Львовскому братству о гармоничномъ пѣніи псалмовъ въ церкви, грамота (отъ 29 мая 1620 г.) съ увѣщаніемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ, отгонять отъ себя вераскаившихся преступниковъ и заступаться за бѣдныхъ, требующихъ помощи, посланіе (отъ іюля 1629 г.) о лишеніи имъ архіерейства Мелетія Смотрицкаго и отлученія отъ церкви [см. *А. С. Крыловскій*, Львовское Ставропигиальное братство, Кіевъ 1904, стр. 42—44. 67—71. 99—101], а также упоминаемое въ книгѣ Захарія Коныстенскаго „О вѣрѣ“ Кириллово посланіе 1614 г. Этому архипастырю, всю свою жизнь боровшемуся противъ католицизма и въ особенности противъ іезуитовъ, приписывается и еще одинъ написанный на русскомъ языкѣ любопытный памятникъ, дошедшій до насъ въ сборникѣ Румянцевскаго музея № 376 (изданъ въ VI книгѣ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“) и озаглавленный такъ: „Святаго Кирилла, экзарха Александрійскаго, игумена, Наука о противной уніи, противъ благочестивыхъ священниковъ православныхъ ясное указаніе“. „Наука о противной уніи“ состоитъ изъ 4-хъ главъ. Первая глава надписывается вышеуказаннымъ заглавіемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ относится и ко всей книгѣ. Содержаніе ея слѣдующее. Авторъ книги, опредѣляя унію, какъ соединеніе двухъ исповѣданій—греческаго и латинскаго, и указывая на ея недавнее происхожденіе, подробнѣе останавливается на личности и дѣятельности Поцѣя; послѣдняго онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ введенія уніи въ Западной Россіи и старается выставить въ самомъ неблагоприятномъ освѣщеніи, конечно, не удерживаясь на высотѣ безпристрастія и справедливости. Унія въ глазахъ автора „Науки“ является дѣломъ нечестивымъ, о

которомъ пророчествовалъ пророкъ Даниилъ, дѣломъ самаго антихриста, при чемъ свою мысль, что унія не угодна Богу, авторъ подтверждаетъ ссылкой на бывшія въ Врестѣ, Владимирѣ-Волынскомъ и Слонимѣ чудеса (послѣднее—слонимское—чудо въ сентябрѣ 1617 г.). При спутанности и ошибочности многихъ сообщаемыхъ въ первой главѣ историческихъ свѣдѣній, обращаетъ на себя вниманіе обстоятельное изложеніе львовскаго событія 1604 г. (пріѣздъ Поцѣя во Львовъ и его столкновеніе съ Гедеономъ Валабаномъ), въ общемъ подтверждаемое другими источниками и дополняющее ихъ. Во второй главѣ, озаглавленной: „Реляція о скрытыхъ штукахъ Езуитскихъ“, авторъ переходитъ къ порицанію и къ посрамленію іезуитовъ, въ которыхъ видитъ творцовъ уніи. Въ числѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о порокахъ іезуитовъ и папскаго двора находятъ себѣ мѣсто во второй главѣ „Науки“ и такія нелѣпности, какъ изгнаніе іезуитовъ изъ Париза за то, что „въ носѣ великому выхалися“,—что въ „сажавкѣ“ при ихъ монастырѣ найдено вмѣсто рыбы 40.000 дѣтскихъ головъ,—что праздникъ Богоявленія Господня замѣненъ въ католической церкви праздникомъ трехъ королей по той причинѣ, что миаотская папсеа Іоанна [ср. „Энци.“ VI, 738—741] родила ребенка во время богоявленческаго крестнаго хода и что тѣмъ же обстоятельствомъ объясняется и установленіе въ римской церкви поста въ субботу. Самое происхожденіе іезуитскаго ордена авторъ понимаетъ такимъ образомъ, что іезуиты образовались изъ остатковъ крестоносцевъ, разбитыхъ королемъ польскимъ Ягелломъ въ 1410 году 7 іюля. Содержаніе третьей главы достаточно указывается уже однимъ ея надписаніемъ: „О говеніи на церковь Божію отъ апостатовъ многомятежнаго міра сего и о спасеніи православныхъ христіанъ... и состоитъ главнымъ образомъ изъ разсужденій о разныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, волновавшихъ церковь; здѣсь авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ церковной исторіей. Наконецъ, четвертая глава „О разности костелной зъ святою апостолскою церковію“ занята совершенно бессистемнымъ и бездоказательнымъ перечнемъ разностей, существующихъ между церковію православной и римско-католической,

каковыхъ разностей авторъ насчитываетъ 47, перечисляя маловажныя отличія и иногда упуская существенныя (напр., главенство папы). Краткаго знакомства съ содержаниемъ „Науки“, которая является сочиненіемъ болѣе полемическимъ, чѣмъ учебнымъ, уже достаточно, чтобы сильно заподозрить ея принадлежность патриарху Кириллу Лукарьсу. Прежде всего, въ самомъ заглавіи книги Кирилль Лукарьсѣ называется не архимандритомъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ до вступленія на патриаршую кафедру, а игуменомъ, — называется далѣе, святымъ, чего бы самъ о себѣ онъ никакъ не могъ сказать. Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на титулъ, усвоенный въ надписаніи книги Кириллу Лукарьсу („экаархъ Александрійскій“), который могъ бы принадлежать ему во время отъ Врестскаго собора до того молебна, когда онъ окончательно оставилъ Россію (именно, въ январѣ 1601 г.) и уже болѣе не возвращался въ нее, то мы должны написаніе „Науки“ отнести къ промежутку между Врестскимъ соборомъ и годомъ отъѣзда его изъ Россіи. Во всякомъ случаѣ написанъ „Науку“ Кирилль Лукарьсѣ могъ никакъ не позже 1603 г., когда онъ сдѣлался патриархомъ александрійскимъ, ибо утверждать, что Кирилль Лукарьсѣ, будучи патриархомъ, именуетъ себя въ названіи книги игуменомъ и „экаархомъ“ патриаршимъ, значить допускать явную и безцѣльную нелѣпость. Но здѣсь-то и ждетъ насъ главное затрудненіе: какъ же образомъ могла быть книга написана до 1603 г., когда въ ней разсказывается о пребываніи во Львовѣ Пацѣя въ 1604 г., усюиннается преслѣдованіе православныхъ со стороны фанатика Крупецкаго, который только въ 1611 г. вступилъ въ Перемышль въ качествѣ перемышльскаго епископа, и передается слонимское „чудо“, бывшее въ 1617 г.? Но такое доказательство непринадлежности разсматриваемой книги Кириллу Лукарьсу не будеть имѣть никакого значенія при малѣйшемъ сомнѣніи въ подлинности одного лишь заглавія, на составленіи котораго съ содержаніемъ книги и построена вся вышеизложенная аргументація. Поэтому, обратимся къ разсмотрѣнію другихъ характерныхъ чертъ „Науки“. Замѣчательно, что Львовское событіе 1604 г., очевидцемъ котораго Кирилль Лукарьсѣ не былъ, пере-

дается авторомъ „Науки“ съ поразительною вѣрностію и подробностями, между тѣмъ были Кирилль Лукарьсѣ, или замалчиваются (напр., Врестскій соборъ), или же передаются авторомъ въ извращенномъ видѣ (напр., онъ преемникомъ митрополита Онисифора называетъ Пацѣя, а не Рагозу, какъ бы слѣдовало). Далѣе, авторъ „Науки“ допускаетъ не рѣдко такіе анахронизмы, такіе ошибки въ области исторіи, которыя не могли выйти изъ-подъ пера Кирилла Лукарьса, получившаго высшее образованіе въ падуанскомъ университетѣ и бывшаго ректоромъ и учителемъ Острожскаго училища съ обширнымъ сравнительно курсомъ ученія (см. „Тр. Кіев. Дух. Акад.“ 1867 г. февраль, стр. 183—184). Мы уже имѣли случай упомянуть про эти наивныя мнѣнія автора „Науки“ о происхожденіи ордена іезуитовъ, объ установленіи субботаго поста въ римской церкви, объ изгнаніи іезуитовъ изъ Нарва за то, что „въ постѣ великомъ кохался“ и т. д. Не обладавшій достаточною эрудиціей и критическимъ талантомъ, авторъ „Науки“ былъ все-же довольно начитанный человѣкъ и церковно-религіознымъ направленіемъ своего образованія напоминалъ московскаго начегчика; употребляемая въ „Наукѣ“ тысячныя русскія народныя выраженія и сравненія (напр., названіе иезуитовъ съ цыганами, „гуляющими“ въ ярмарочный день на хромыхъ лошадахъ и т. д.) прямо изобличаютъ въ ея авторѣ русскаго человѣка. Можно пойти даже далѣе и установить съ нѣкоторою вѣроятностію на основаніи содержанія книги мѣсто (вблизи Львова) и время (около 1622 г.¹⁾ написанія книги. Ясно, что „Наука“ не могла принадлежать Кириллу Лукарьсу и только приписана ему съ цѣлію придать книгѣ болѣе авторитетъ, подобно тому какъ, напр., Зизаній свою полемику противъ римской церкви издалъ подъ заглавіемъ: „Казаніе св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Такой подлогъ вообще не былъ рѣдкостію въ то время и объ враждующія

¹⁾ Ибо авторъ существованіе уніи опредѣляетъ 30-ю годами, а началомъ ея, по видимому, считаетъ 1592 г.

стороны одинаково прибѣгали къ подобнымъ средствамъ.

См. подробности у В. В. Перенсчона, „Наука“ св. Кирилла Лукариса о противной униі, Минскъ 1894.

А. В. П.—сѣ.

2) **Кирилль II Контарисъ** трижды занималъ вселенскій патриаршій престолъ (въ октябрѣ 1634 г., 1635—1636 и 1638—1639 г.г.). Онъ оставилъ дурную о себѣ память, такъ какъ служилъ орудіемъ іезуитской пропаганды въ церкви константинопольской и былъ выдвинутъ іезуитами въ качествѣ противника извѣстному вселенскому патриарху Кириллу I Лукарису. Кирилль Контарисъ получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи въ Галатѣ, былъ человѣкъ довольно свѣдущій въ богословіи, но дерзкій и надменный, не пренебрегавшій никакими средствами въ достиженіи своихъ цѣлей. До патриаршества онъ занималъ митрополичью кафедру въ Веріи. Когда, по интригамъ іезуитовъ, Кирилль Лукарисъ оставилъ патриаршью кафедру въ четвертый разъ, то его врагамъ удалось, — при помощи подкупа турецкихъ властей, — возвести на вселенскій престолъ своего сторонника Кирилла Контариса, но онъ числился патриархомъ только нѣсколько дней (5—11 октября 1634 г.), ибо духовенство и народъ не хотѣли признавать его предстоятелемъ константинопольской церкви. А затѣмъ Кирилль Лукарисъ доказалъ предъ турецкимъ правительствомъ несправедливость его обвиненія іезуитами въ дружбѣ съ „франками“ и въ посягательствѣ на права Порты и снова занялъ патриаршій престолъ. Кирилль Контарисъ, по распоряженію Порты, былъ сосланъ, — вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, амасійскимъ митрополитомъ Захаріею, — на островъ Тенедосъ. Захарія вскорѣ здѣсь и скончался, а Кириллу Контарису, при помощи іезуитовъ, удалось получить свободу и снова занять митрополичью кафедру въ Веріи. Однако онъ по-прежнему остался самымъ упорнымъ и горячимъ противникомъ Кирилла Лукариса и не переставалъ интриговать противъ него предъ турецкимъ правительствомъ, пользуясь поддержкой со стороны всемогущихъ тогда въ Турціи іезуитовъ. Послѣ пятого взысканія Кирилла Лукариса, Кирилль Контарисъ во второй разъ занялъ вселенскій патриар-

шій престолъ и оставался на немъ 16 мѣсяцевъ (съ марта 1635 до іюля 1635 г.). Онъ жестоко преслѣдовалъ сторонниковъ своего предшественника и сдѣлался, вслѣдствіе этого, виновникомъ большихъ востроеній въ церкви константинопольской. Между прочимъ, Кирилль Контарисъ, вопреки обычаю, не подписывался „Кирилль, Божіею милостію архіеп. Константинополя, Новаго Рима и вселенскій патриархъ“ но или — „Кирилль изъ Веріи, Божіею милостію“... и пр., или — „Архіеп. Константинополя Божіею милостію Кирилль изъ Веріи“. Изъ дѣяній второго патриаршества Кирилла Контариса извѣстны: сигилліи о возведеніи въ ставропигиальное достоинство монастырей Богородицы Хрисоподаріотиссы въ епархіи Древнихъ Патръ (въ октябрѣ 1635 г.) и Вулкана въ мейямской епархіи, объ одномъ метохѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (17 іюня 1635 г.) и о Бачковскомъ монастырѣ близъ Филиппополя. Положеніе константинопольской церкви при Кириллѣ Контарисѣ было весьма печально, какъ это хорошо видно изъ постановленія мѣстнаго священнаго синода въ маѣ 1635 г. объ учрежденіи при патриархіи „экономической епитропіи“. Архіереи, члены синода, свидѣтельствуютъ здѣсь, что вся православная церковь была обременена долгами, при чемъ кредиторы въ высшей степени дерзко и жестоко обращались со своими должниками — митрополитами и клириками, многіе изъ которыхъ, не вынося оскорбленій, вынуждены были скрываться въ горахъ и пропастьяхъ, а народъ невыносимо страдалъ подъ бременемъ всякаго рода налоговъ и поборовъ, — епископія оставались безъ обитателей, храмы Божіи опустошались и разорялись, всюду были плачъ и стenanія. Съ цѣлію избавить греческое духовенство и народъ отъ смерти, синодъ рѣшилъ образовать при патриархіи особую епитропію — въ составѣ семи членовъ, въ томъ числѣ четырехъ архіереевъ и трехъ клириковъ. Эта епитропія или коммисія должна была собирать всѣ поступавшіе въ казну патриархіи взносы, за исключеніемъ назначенныхъ специально для патриарха Кирилла Контариса. расходовать деньги на нужды церкви, уплачивать долги и вести самую точную и полную запись всѣхъ своихъ денежныхъ операций. Далѣе, одинъ патриархъ, силою своей власти, не долженъ былъ лишать митрополита, священника и клирика